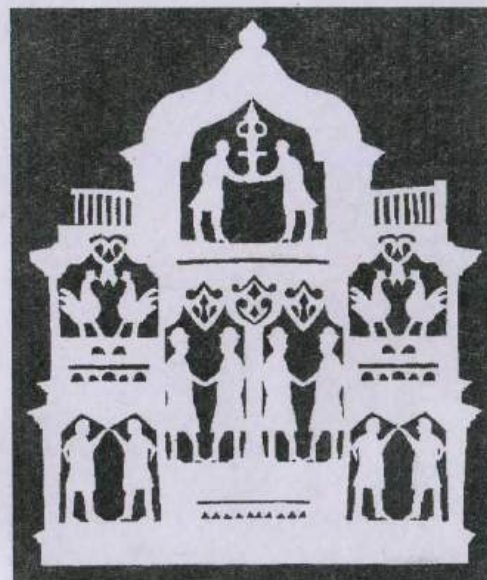

Анекдот - короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае; байка, баутка.

(В. Даль)

Провинциальный анекдот

Выпуск V

Шуя, 2005

Федеральное агентство по образованию РФ
Российский гуманитарный научный фонд
ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет»
Шуйский историко-художественный и мемориальный музей

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Чтения по региональной казуальной истории
(Шуя, 24-25 октября 2005 г.)

Выпуск пятый

Шуя 2005

В сборнике представлены материалы VII (2005 г.) Чтений по региональной казуальной истории, проводимые ШГПУ с 1999 г.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX – начале XX вв., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом.

Раздел сборника «Записки провинциалов: век XX» содержит свидетельства шуйян о прошедшем XX веке.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Научные редакторы:

доктор исторических наук В. А. Евсеев

доктор исторических наук Ю. А. Иванов

Печатается по решению редакционно-издательского совета

Шуйского государственного педагогического университета

При поддержке РГНФ (проект № 05-01-14009 г)

В оформлении обложки использован фрагмент вырезки

Капитона Воробьева – уроженца д. Тепляково Шуйского уезда.

ISBN 5-86229-094-X

© Шуйский государственный педагогический университет, 2005

© Шуйский историко-художественный и мемориальный музей, 2005

© Коллектив авторов, 2005

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

*К 350-летию чудотворной иконы
Шуйской-Смоленской Божией Матери*

Б. Л. МАКАРЬЯНЦ
(г. Иваново)

ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИИ ШУЙСКОЙ-СМОЛЕНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Важнейшей святыней земли Шуйской по праву считается икона Божией Матери Шуйской-Смоленской. К заступничеству Пресвятой Богородицы русский народ всегда прибегал во всех скорбях и напастях, как в личных, так и в общенародных, и в XVII-ом веке и в XX-ом. История русской церкви и история русского народа неразрывны уже тысячу лет. А история нашего края вот уже 350 лет тесно связана с историей этого чудотворного образа.

Обретение святыни произошло во время морового поветрия (чумы), свирепствовавшего на Руси в 1654-1655 годах. В Шуче эта эпидемия чумы продолжалась 42 дня и унесла жизни половины населения города. Шуйские граждане, видя в постигшем их бедствии гнев Божий, в знак покаяния давали многие благочестивые обеты, а прихожане посадской Воскресенской церкви решили написать для своего храма новую икону Божией Матери, Одигитрию – Смоленскую. Заказ поручили исполнить потомственному шуйскому иконописцу Герасиму Тихонову. Написание образа сопровождалось чудом. Прорись (подготовительный рисунок) иконы была дважды исправлена невидимой рукой и значительно отличалась от первоначальной. Иконописец счёл это явным действием Промысла Божия и по благословению духовенства написал образ так, как он сам собою изобразился. По принесении образа в Церковь от него просиял необыкновенный свет. Моровая язва вскоре прекратилась сначала в Воскресенском приходе, а затем и во всём городе. И, как сказано в старинной рукописи: «Оттоле убо начаша людие Пресвятей Владычице Богородице велию веру держати, и к чудотворному и пречудному ея образу притекати, и от различных бед и скорбей помощи и избавления просити» [11].

Интересно, что, по мнению искусствоведов, истоки этой иконографии предположительно относятся к византийскому искусству времён династии Палеологов (1259-1453гг.). Важными смысловыми акцентами в понимании образного языка иконы являются необычные жесты Богоматери и Младенца: правой рукой со свитком Младенец опирается локтем на высоко поднятую, согнутую в колене и поддерживаемую левой рукой за пятку правую ногу, опирающуюся на колено Его левой ноги. Богоматерь же правой рукой поддерживает (прикрывает) подошву левой ноги Младенца.

Рассмотрение такой композиции фигур на иконе Богоматери Шуйской-Смоленской даёт основание считать, что подобный вариант Одигитрии является иконописным выражением глубокого богословского

смысла 15-ого стиха третьей главы Книги Бытия: «И вражду положу между тобою, и между женою, между семенем твоим и между семенем той: той твою содрёт главу, и ты жалить будешь его пяту». Многие отцы церкви относят данное пророчество к той великой Жене (Богородице), которая больше всех других жен олицетворяла в себе «вражду» к царству сатаны, послужив тайне Боговоплощения. Под семенем змия подразумеваются чада дьявола по духу и «сын погибели» – антихрист. Под семенем Жены подразумеваются благочестивые люди и противник антихриста – Христос Спаситель. В этой борьбе двух враждующих сторон для одной стороны будет смертельный исход, точнее вечная погибель (поражение в главу), для другой – сравнительно незначительный урон (ужаление в пяту). Под ужалением в пяту подразумевается смерть, которая явилась следствием греха для рода человеческого (Кор. 15, 55-56), но смерть временная, с надеждой на воскресение, поскольку она была побеждена воплотившимся, претерпевшим расятие и воскресшим Христом (Ис. 25, 8; Ос. 13, 14; Деян. 2, 24-28). Свёрнутый свиток в руке Младенца – символ тайных пророчеств Ветхого Завета, оправдавшихся на Иисусе Христе, в том числе и самого первого пророчества, записанного в Книге Бытия.

Не будет преувеличением сказать, что это своего рода Страстной образ. Появление такой исключительно сильной проповеди, запечатленной на иконе, связывается с кризисными периодами в истории христианских государств [17], а возможно, и всего человечества. Если учесть, что благодатная сила новонаписанного в Шуе образа в наибольшей степени проявилась во время двух эпидемий чумы 1654-1655 и 1771-1772 годов [1, 24] и во время эпидемии холеры 1831 года [2], то нельзя не вспомнить в этой связи об опустошительной пандемии чумы XIV века, когда обезлюдели практически все города и крепости Европы, Византии, Средней Азии и Руси. По оценкам специалистов только в Европе погибло от 15 до 25 млн. человек, или от 1/3 до 1/5 населения [51]. Можно предположить, что возникновение протографа шуйского извода было связано с этой общечеловеческой трагедией.

На сохранившейся литографии (XIX века) иконы Божией Матери из Шуи (как и на иконе такого же извода из ГИМа XVI века) Богородица и Спаситель изображены в необычных одеждах. Мафорий Богородицы ниспадает с правого плеча двумя рядами складок, грудь пересекает лента, за отворотом которой на правом плече виден фрагмент другой ленты. У Христа на плече лентовидная ткань, причём передний конец ткани, пересекая наискось грудь, завернут за спину, а задний свободно развевается.

Необычные детали одеяния Богородицы могут быть правильно истолкованы, если обратиться к тексту греческого канониста XIV века Матвея Властария о поставлении в диаконисы, где говорится о том, что её приводили пред епископа в короткой мантии (фелони), которая покрывала её шею и плечи. Ставленница преклоняла голову, святитель, благословив её и возложив на голову её омофор и руку, произносил молитву, потом архиерей

возлагал на неё орарь». Диаконисы поставляемы были в алтаре пред престолом, в то время литургии, в которое приемлют рукоположение диаконы. Очевидно, на иконе Богородица изображена в одеждах диаконисы: второй ряд складок мафория является короткой фелонью, а фрагмент ленты на правом плече – орарем. Орарь является одеждой, знаменующей служение и славословие Богу, по подобию служебных духов – святых Ангелов пред престолом Вседержителя на небесах.

Немаловажной деталью является то, что орарь, возлагаемый на левое плечо диакона, у Богородицы покоится на правом плече. Орарь диакону возлагают на левое плечо потому, что он занимает низшую степень священного сана и имеет обязанности служителя. А когда он посвящается во пресвитера, тогда орарь с левого плеча простирается и на правое, так как пресвитер принимает сугубую (удвоенную) благодать – и служить и совершать таинства. Изображая орарь на правом плече Богородицы, автор иконы тем самым как бы подчёркивает более высокое, чем ангельское, служение «Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим». Одежды Богородицы указывают на Её сослужение Христу – Великому Архиерею, ибо никто более Её не послужил Богу в деле спасения рода человеческого.

Христос облачен в хитон и гиматий. Очевидно, что лентовидная деталь одежды на правом плече Спасителя, которая упоминалась выше, является омофором, составляющим неотъемлемую часть архиерейского облачения. Духовно «омофор изображает заблудшее овца, которое Спаситель взял на рамена Свои (т.е. естество наше), и Сам, будучи назван Агнцем, был заклан за нас». Таким образом, омофор есть знамение искупительного служения Христа – Великому Архиерею, взявшего на Себя грехи мира. *(Изложено по работам Г. В. Сидоренко и Е. Н. Тарасовой [17, 18]).

Удивительно, насколько полно сохранён богословский смысл композиции на иконе Божией Матери из Шуйского Воскресенского собора, чудесно сохранившейся в 1654 году. Сравнение иконы из Шуи с рядом икон подобного извода, сохранившихся в музеях Москвы, Муроме и Иваново, позволяет предположить, что уже в XVI-м веке, за сто лет до обретения чудотворного образа в Шуе, суть изобразительного богословия этой композиции была частично утрачена. Только на иконе из ГИМа (опубликована в журнале «Светильник», № 2, 2002 г.) присутствуют все описанные выше особенности этого иконографического извода, включая и детали облачений Богородицы и Спасителя.

На этой иконе XVI века, как уже было сказано, Пресвятая Богородица изображена в облачении диаконисы. По предположению Е. Н. Тарасовой, такое название мог иметь и сам древний протограф [18]. Это раннехристианское служение заключалось в подвиге милосердия (или, по старославянскому, сердоболния). К этому званию принадлежали святые жены-диаконисы Татиана, Фива и Фиосевия, Олимпиада и Макрина, Павла и Нина.

Первые христианские больницы при церквях и монастырях назывались «диаконии». Уходу за больными в этих заведениях посвящали себя почти все члены общины, но, в основном, женщины и диаконисы. В начале XX века этот древний институт пробовала возродить у нас в России Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Такой вариант служения Богу и ближнему, по сути, был возложен и на сестёр милосердия, а наибольшая потребность в этом возникала во время войн и массовых эпидемий, которыми так богата история средних веков [52].

Теперь, если с учётом сказанного вернуться в Шую, страждущую от моровой язвы, то «самоначертание в прориси» именно такого извода Одигитрии уже не вызывает недоумённых вопросов. В ответ на усердные молитвы, Первая Диакониса предстала перед изнемогающими от смертоносной язвы шуянами в Своей самой необходимой в тот момент ипостаси. Сохраняющаяся чёрно-белая литография чудотворной иконы (риза здесь в точности повторяет жесты и основные детали одежд Богоматери и Спасителя на скрытом под нею изображении), как бы возвращает наше внимание к самоначертанной прориси, и показывает те же особенности облачения диаконисы, что и на иконе из ГИМа. (Видны и короткая фелонь и часть ораря на правом плече Пресвятой Богородицы.) Иными словами, появление в Шуе такого далеко не случайного и достаточно редкого извода Одигитрии нельзя приписать единственно воле иконописца. Не стоит забывать также и то, что Герасим Тихонов исполнял не свой личный обет, а просьбу неискушенных в богословии простых прихожан маленькой посадской церкви.

Жители Шуи, вероятно, не пытались постичь Промысл Божий, проявившийся на новонаписанной чудотворной иконе, оградившей их от пагубы. По мере своих сил, они показали пример истинного покаяния и искреннего почитания новой святыни. С особой торжественностью звучали в Воскресенской церкви слова кондака: «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице...». А через 12 лет, по милости Заступницы рода христианского, в том же храме произошли другие исключительные события, о которых было донесено царю Алексею Михайловичу. По его указу в Шуйской Воскресенской церкви 28 июля 1667 года в честь праздника Божией Матери Одигитрии была соборно совершена служба во главе с Суздальским архиереем, при участии 5 архимандритов, 2 игуменов, нескольких протоиереев и всего шуйского духовенства и жителей города. С этого момента икона получила титул Шуйской-Смоленской и началось её общецерковное почитание.

Предлагаемая ниже хронологическая таблица представляет попытку обращения к забытому отечеству за советом – как жить? Очень хотелось бы обратиться с просьбой о помощи и к самому чудотворному образу, но такой чести мы лишены уже 70 лет. Но всё же попробуем вспомнить, как начиналось почитание знаменитой Шуйской святыни и какие события местной и московской истории были связаны с нею на протяжении 350 лет.

«Во дни Благодетельнейшаго Государя Царя и Великаго Князя Алексия Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, при великом Святейшем Патриархе Никоне бысть смертоносная язва в городе Шуе от 1-го сентября по 12-й день октября. В течение сего времени померло 560 человек, а осталось 610 человек.»

(Из настенной надписи при входе в часовню, стоявшую возле Спасского храма города Шуи).

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

МОСКВА 1652 июль 25

Вступление на патриарший престол Новгородского митрополита Никона. С целью поднять значение патриаршей власти в сознании русского общества, Никон только тогда согласился сделаться патриархом, когда царь, бояре, духовенство и весь народ дали ему клятву во всём его слушаться и позволить ему устроить церковь, не вмешиваясь в его распоряжения. *Энергичный Патриарх из простых крестьян вызывал искренние народные симпатии, особенно в первые годы его предстоятельства* [4, 13, 14].

1654 февраль 27 – май 2

Первый церковный собор «о исправлении церковных книг», проходивший в царских палатах. Собор начался речью патриарха Никона, в которой он указал на неисправность русских богослужебных книг и обрядов и доказывал необходимость их исправления. Собор постановил, что книги надо исправить, сверяясь с древними и греческими книгами. В числе высшего духовенства (5 митрополитов, 5 архиепископов и епископов, 11 архимандритов и игуменов и 13 протопопов) в работе собора принимал участие Суздальский архиепископ Софроний. (Рукоположен в архиепископа 29 января 1654г. Скончался 13 сентября 1654г., *вероятно, от «моровой язвы»*). Канонизирован в 1982 г., в числе Собора Владимирских святых) [4, 12, 14].

1654 май 18

Отъезд царя Алексия Михайловича на «польский фронт». В царском войске находилась икона Божией Матери Иверская, написанная на Афоне «по мере и подобию» древней афонской святыни. Возвращение царя в Вязьму 21 октября 1654 года (после взятия Смоленска), в Москву – только в январе 1655 года (по прекращении моровой язвы) [4, 22].

1654 июль 7 (по другим сведениям – 16 октября 1653)

Сретение древней константинопольской святыни, иконы Божией Матери Влахернской, на Лобном месте патриархом Никоном. Икона перенесена с Афона и поставлена в Успенском соборе Кремля. Две грамоты подтверждают подлинность этой древней святыни (рельеф, VI век). Первая дана в марте 1653 года Цареградским патриархом Паисием. Вторая подписана протосингелом Иерусалимского престола Гавриилом 10 декабря 1654 года (то есть 1653 года, если декабрь считать двенадцатым месяцем года, а не четвёртым, как было до реформы календаря в 1700 году). С этой иконой царь Алексей Михайлович 11 марта 1655 года повторно отбыл на войну против Польши [4, 5, 43].

1654 июль

Начало эпидемии моровой язвы в Москве и в Казани [4, 23].

1654 август 2 (среда)

Солнечное затмение (полное) [15].

1654 август 25

Бунт против Никона во время чумы. Одним из обвинений в адрес патриарха было «иконоборчество» Никона против икон латинского письма, изъятых по его приказу из многих знатных московских домов. Властью патриарха, со свойственной ему энергичностью, Никон добивался почитания только греческих образцов иконографии [4, 13].

1654 сентябрь

(по допетровскому календарю, это уже начало 1655-го года)

Усиление эпидемии в Москве («после дня преподобного Симеона Столпника и матери его Марфы»; то есть после 1-го сентября) [23].

ШУЯ

1654 сентябрь 1 – октябрь 12

Моровая язва в Шуе. Возвращение (бегство) Герасима Тиханова из Москвы в родной город Шую. Предположение о работе Герасима в столице под началом царских иконописцев, связано с масштабным строительством в то время новых храмов и палат, где для художественных работ требовались лучшие мастера из провинций. Известна челобитная шуян к царю 1676 г., где сказано так: «а которые у нас иконописцы и были, и те, Государь, не многие, сидят у Государевых дел...» [2, 5, 6, 21, 25, 28].

1654 конец сентября

Написание Герасимом Тихановым нового образа Божией Матери Одигитрии Смоленской, впоследствии наречённого «Шуйским». Первое чудо от иконы: прорись, нанесённая иконописцем, наутро была обнаружена им со значительными изменениями. Сочтя это

своей погрешностью, он восстановил первоначальное изображение, но утром следующего дня вновь увидел на левкасе те же изменения рисунка. По благословению шуйского духовенства он заканчивал работу над иконой по изменённой, самоначертавшейся прориси. Из его дома новонаписанная икона была с крестным ходом перенесена в посадскую Воскресенскую церковь. Здесь произошло второе чудо: по принесении иконы в церковь «просиял от нея необыкновенный свет» [2, 11].

1654 начало октября

Кончина Герасима, его родителей и двух братьев («из дому их пятерица»), с принятием перед смертью иноческого чина и великой схимы. Занесение имён членов семьи Герасима в синодик Троицкой Шуйской пустыни, а возможно, и Николо-Шартомского монастыря. По усиленным молитвам перед обетной иконой Божией Матери, – «от пречудных тоя иконы Богоматере содеяся чудо преславно и дивно: ... zde, в приходе у церкви Воскресения Христова смертоносие преста прежде всех, потом же и во всем граде Шуе всеконечно преста» [3, 9, 11].

1654 октябрь

Братская могила «за рекой Тезой на Шуйском поле», где вскоре была построена обетная часовня в честь Божией Матери Грузинской. Известен приказ по Москве Ивана Грозного во время моровой язвы 1571 года, запрещающий хоронить умерших от язвы при городских церквях, но выносить их за 6 вёрст от города. Вероятно, эта противоэпидемическая мера была знакома шуйскому воеводе Петру Овцыну и земскому старосте Ивану Поникову. Иван Герасимов Посник трижды избирался на эту «безпокойную» должность (редкое доверие сограждан), пережил эпидемию чумы, и упоминается среди составителей челобитной к царю «о чудесах новонаписанной иконы Смоленския Одигитрии» (от июля 1667 года) [6, 23, 25].

1654 – 1655 (?)

Строительство часовни при Спасском храме, где был установлен обетный Крест Господень, «по мере и подобию» Ново-Иерусалимского, и сделана надпись на внешней стене у входа «в написание потомству» о последствиях морового поветрия [2, 28]. Предположительно, такой Крест (послуживший образцом для шуян) мог быть подарен в 1649 году будущему патриарху Никону Иерусалимским патриархом Паисием вместе с моделью Воскресенского собора, что в Иерусалиме, а его размеры соответствовали Голгофскому Кресту [21].

МОСКВА 1658 май 2

Рукоположение Стефана (архимандрита Новоиерусалимского монастыря) во архиепископа Суздальского и Тарусского. Он сменил на этой кафедре архиепископа Филарета, по определению собора (1656г.) назначенного на заново сформированную, освобождённую от католического владычества Смоленскую кафедру. *Вероятно, что некоторое время (1656 – 1658 гг.) архиепископ Филарет занимал две кафедры, до уточнения границ новой епархии в условиях военного времени [4].*

1658 июль 10

Оставление патриархом Никоном первосвятительского престола, что поставило в трудное положение всё русское общество и привело к углублению раскола в нашей церкви. Никон считал, что власть патриарха чрезвычайно высока и она даже выше верховной светской власти. Он требовал полного невмешательства светской власти в духовные дела и вместе с тем оставлял за патриархом право на широкое участие и влияние в политических делах. Но влияние Никона основывалось во многом на личном расположении к нему царя Алексея Михайловича. Бояре не принимали такого порядка. Под их влиянием происходило охлаждение между царём и патриархом, в резкой форме проявившееся в июле 1658 года [4, 12].

ШУЯ 1659

«Сказка» шуян, данная в съезжей избе Ивану Шетневу с точными цифрами погибших во время эпидемии чумы (574 человека; 91 двор). Расхождение с надписью на стенах часовни при Спасском храме незначительное (560 погибших и 610 выживших). *Можно предположить, что надпись в часовне более ранняя, чем «сказка» 1659года [7].*

1659 май – июнь

Обмен грамотами между архимандритом Николо-Шартомского монастыря Павлом и архиепископом Суздальским и Тарусским Стефаном, из текста которых Н. Миловский (1893г.) уточнил некоторые сведения о Китовских (Шуйских) святых праведных: иерее Григории, его дочери Евфросинии и его духовных воспитанниках Димитрии и Артемии [27, 36, 50].

По дню их памяти (30 сентября) можно предположить, что причиной их смерти могла быть моровая язва 1654 года, а причиной долгой и доброй памяти в нескольких поколениях односельчан – подвиг милосердия во время народного бедствия.

1660

Возведение нового здания Воскресенского приходского храма. *Благословение на строительство, вероятно, давал ещё архиепископ Стефан, до удаления из Суздаля в Московский Архангельский собор (1660 – 1666 гг.)* Причина удаления архиепископа Стефана из Суздаля – конфликт в 1659-60 годах с Никитой Добрыниным (суздальским соборным попом), не принявшим нововведений в богослужении и ставшим позднее одним из главных расколоучителей (казнён в 1682 году). Дело архиепископа Стефана трижды рассматривалось специальной комиссией, по основным пунктам обвинения он был оправдан, но для снятия возникшей напряжённости в отношениях с паствой решено было на время переместить его в столицу [4, 31, 33].

МОСКВА 1666 весна

Русский церковный собор о расколе. Поднимались вопросы: православны ли греческие патриархи; праведны ли и достоверны ли греческие книги; праведен ли Московский собор 1654 года, решивший исправление книг и обрядов? На все эти вопросы собор ответил утвердительно и тем самым признал правильной реформу патриарха Никона. «Дело патриарха Никона» было рассмотрено осенью на церковном соборе с участием специально приглашенных Восточных патриархов [4, 12, 13].

ШУЯ 1666 апрель (к празднику Пасхи, в том году он был 15 апреля)

Изготовление прихожанами Воскресенской церкви серебропозлащённого венца с короной для чудотворной иконы Божией Матерью Одигитрии-Смоленской [3, 11].

1666 апрель 16 – октябрь 7

Множество чудотворений от иконы («103 чудеси»), с исцелением от глазных болезней (37), от беснования (15), от болезни ног (13), от болезни ушей (7), от внутренних болезней (7), от расслабления (7), от головной боли (5) и от различных других недугов. *Вероятно, в память о первом чуде на Пасхальной неделе позднее было установлено празднование в честь иконы Божией Матери Шуйской-Смоленской во Вторник Светлой седмицы [3, 5, 6, 11].*

1666 октябрь

Первая челобитная шуян в столицу о чудесных исцелениях от новонаписанной иконы Одигитрии Смоленской (воеводы Семёна Ушакова), представлена Преосвященному Павлу, Митрополиту Сарскому и Подонскому, который препроводил эту роспись в Патриарший разряд [3, 6, 10, 11].

МОСКВА 1666 ноябрь – 1667 февраль Собор с участием Восточных патриархов. 12 декабря 1666 г. окончательно низведён с патриаршества Никон и сослан в Ферапонтиев монастырь. (Всех собраний собора было восемь: 3 предварительных, 4 судебных и одно заключительное, с объявлением приговора. Кроме судебного приговора, был объявлен ещё гражданский манифест против Никона (от бояр), из-за народных симпатий к бывшему патриарху). Этот собор также подтвердил истинность нововведений в богослужении по греческому образцу и провозгласил анафему на раскольников-старообрядцев [4, 12].

1667 февраль 10

Возведён в Патриархи Иоасаф II (ранее архимандрит Троицкого Сергиева монастыря). *Возвращение архиепископа Стефана на Суздальскую кафедру* [4].

ШУЯ 1667 июль

Повторная челобитная Воскресенских священников и прочего духовенства и граждан о новой чудотворной иконе «напрямую» царю Алексею Михайловичу и патриарху Иоасафу II [3, 6, 10 11].

МОСКВА 1667 июль 21

Царский указ с Патриаршим благословением о направлении в Шую Стефана, Архиепископа Суздальского и Тарусского во главе особой комиссии из духовенства для праздничного богослужения перед чудотворным образом, а также для составления «свидетельствованных книг» к подтверждению истинности «чудесной росписи», приложенной к шуйским челобитным [3, 6, 11].

ШУЯ 1667 июль 28 (праздник иконы Божией Матери Одигитрии)

Особая комиссия закончила исследование истинности чудес, названных в росписи, допросив под присягой всех свидетелей и их духовных отцов. В знак признания особой святости нового образа Божией Матери перед ним было совершено архиерейское богослужение. Вместе с архиепископом Стефаном в нём приняли участие архимандриты Кирилл из Костромского Ипатьевского монастыря, Павел из Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря, Феодосий из Суздальского Васильевского монастыря, Савватий из Николо-Шартомского монастыря близ Шуи и архимандрит Шуйской Троицкой пустыни. Им сослужили игумены Варлаам из Московского Данилова монастыря и Феохтист из Золотниковской пустыни, Суздальский соборный протопоп Симеон, Шуйский соборный поп Иван и другие шуйские священники [3, 10, 11, 26].

Установление общецерковного почитания чудотворного образа Божией Матери Шуйской-Смоленской.

1690

На месте деревянной приходской церкви воздвигнут каменный пятиглавый Воскресенский храм и переименован в Собор [26]. Архипастырским престолом в это время управлял Иларион, митрополит Суздальский и Юрьевский (1682-1707). По его же благословению в Шуе, на месте обветшавших деревянных церквей (упоминаются с 1629 г.), были сооружены каменные храмы: Троицкий (1692), Крестовоздвиженский (1693), Спасский (1696) и Николаевский (1690?).

Иларион, Митрополит Суздальский, канонизирован в 1982 г., в числе Собора Владимирских святых [2, 4].

ШУЯ 1722

Император Пётр I, направляясь в Персидский поход, посетил город Шую. По местному преданию, «он заехал в Шую для того единственно, чтобы исполнить своё обещание – поклониться чудотворной иконе Шуйской Смоленской Божией Матери, некогда исцелившей царя от тяжкой болезни». Пётр I хотел забрать икону с собой, но шуяне всем миром опустили на колени и умолили царя оставить икону в соборе. *С большой долей вероятности можно объяснить царское внимание к именно этой святыне – знакомством и близостью Петра I со святителем Митрофаном Воронежским.* До пострижения в иночество (4 июня 1663 г.) он «проходил должность» приходского священника в церкви Иоанна Предтечи села Сидоровского, в 17 верстах от Шуи, и не понаслышке знал благодатную силу новонаписанного образа Божией Матери [2, 33].

1729

«Дщерь Преобразователя России, Великая Княжна Елизавета Петровна, во дни кратковременного своего пребывания в Шуе, как это доказывает один письменный акт, неоднократно обращалась в своих молитвах к заступлению Богоматери» [8].

1765

Упразднение Троицкой Шуйской пустыни в числе других бедных монастырей по Указу Екатерины II «Об учреждении монастырских штатов» (1764 г.) [2, 41].

1765

Составление первой рукописи «Сказания о пречудней и чудотворней иконе, и о преславных чудесах, пресвятыя Владычицы наша Богородицы Смоленския, иже бе во граде Шуе...». По сохранившимся «Указам из Консистории» соборным протопопом в

этом году был назначен Матвей Васильев (упоминается до 1777 г.) [2, 11, 44].

1768 - 1770

Возобновление протопопом Матвеем росписи чудес от иконы Божией Матери Шуйской Смоленской (от 86-ого исцеления до 109-ого) [3, 11].

МОСКВА 1770 (осень) – 1772 гг.

Эпидемия чумы, с особой силой проявившаяся осенью 1771 года. Несмотря на строгие карантинные меры, эпидемия распространилась по окрестностям Москвы и проникла в губернии: Смоленскую, Казанскую, Воронежскую, Курскую и Нижегородскую. Известен список с иконы Божией Матери Шуйской, почитаемый в селе Павлово Нижегородской губернии, после написания которого в 1771-м году чума здесь прекратилась. *(Сохранилось предание, что иконописец Андрей Минеев, выполнивший просьбу односельчан, был убеждённым старообрядцем; но совершившееся чудесное избавление села Павлова от моровой язвы обратило его самого и всех здешних старообрядцев к единоверию.)* [1, 23, 24].

1771 октябрь 6

Учреждение особой комиссии «для предохранения и врачевания от моровой заразительной язвы» по приказанию специально посланного в Москву графа Григория Григорьевича Орлова. В результате принятых мер заболеваемость резко пошла на спад. К февралю 1772 года эпидемия в столице почти прекратилась, но единичные случаи отмечались до ноября [23].

1772 ноябрь 25

По Указу Екатерины II (от 9 ноября) и Святейшего Синода, после воскресной литургии, со звоном, отправлено «благодарственное молебствие за пресечение смертоносной язвы» во всех монастырях, соборах и церквях Москвы, а затем и во всех соборных храмах Российской Империи (где была эпидемия чумы) [44].

ШУЯ 1772 декабрь 23

«Репорт» протопопа Матвея Васильева об исполнении царского Указа. *Нетрудно представить, с каким умилением и усердием о. Матвей совершал этот молебен: едва оправившаяся от пожара 1770 года, на этот раз Шуя была по Божией милости почти полностью ограждена от моровой язвы. Кроме того, посланцы из села Павлова сообщили ему о новом чуде от недавно изготовленного списка и просили помощи в составлении книги об истории написания древней Шуйской святыни* [24, 44].

1776 октябрь 22

Алексей Никитич Никитский по окончании Московской славяно-греко-латинской академии «обращён с аттестатом в Суздальскую епархию и произведён во священника» к Воскресенскому собору города Шуи. *Время его учёбы в Москве (1771? – 1776 гг.) совпадает со сроками эпидемии чумы, которая произвела сильное впечатление на молодого академика* [29, 46].

1778 декабрь 24

Отец Алексей Никитский возведён в сан протоиерея. *В таком серьёзном назначении молодого (26 лет) священника, вероятно, сказались и московское образование, и его молитвенное усердие во время моровой язвы* [46].

1792 – 1798

Строительство ныне существующего здания Воскресенского собора, освящённого Виктором, епископом Владимирским и Суздальским 19 сентября 1798 года. *Необходимо добавить, что в 1913 – 1915 гг. Воскресенский собор был расширен: его трапезная сделана двусветной; устроены боковые приделы и высокая трёхсветная паперть – придел в западной части* [20, 46].

1800

Соборный протоиерей Алексей Никитский составляет вторую редакцию «Сказания...». В ней указано число (5) членов семьи Герасима и отмечен факт принятия ими иноческого чина во время болезни и великой схимы – перед кончиной. Текст «Сказания» завершает особая молитва к Божией Матери перед Её чудотворным образом Шуиско-Смоленским [2, 11].

1810 – 1832

Строительство знаменитой Шуйской колокольни, самой высокой в Европе (106 метров). Из-за неточности в расчётах её первого строителя итальянца Маричелли, постройка, доведённая до третьего яруса, неожиданно разрушилась в 1819 году. Крестьянин Владимирского уезда Михаил Саватеев заново начал и успешно закончил строительство колокольни под наблюдением губернского архитектора Петрова. При строении Шуйской соборной колокольни протоиерей Алексей Никитский «находился комиссионером с духовной стороны» [2, 11, 46].

МОСКВА 1830 сентябрь 29

Приезд императора Николая I в Москву, объятую эпидемией холеры. В этот же день митрополитом Филаретом (Дроздовым) на паперти Успенского собора Кремля было произнесено «Слово», обращённое к Государю. Слово святителя, напечатанное 4 октября в «Московских ведомостях», явилось одним из ключевых ис-

точников пушкинского стихотворения «Герой». «В этом стихотворении, – писал позже Погодин, – самая тонкая и великая похвала нашему славному царю». Соборное красноречие Филарета и его первопричина восхитили не одного Пушкина. Князь Вяземский отметил 6 октября в записной книжке: «Приезд Государя в Москву, есть точно прекраснейшая черта. Тут есть не только не боязнь смерти, но есть и вдохновение, и преданность и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу владыке» [42].

ШУЯ 1831 июнь 12 – август 1

Эпидемия холеры в Шуе. (Погибли более 418 человек.) [32]. *Соборный протоиерей Алексей Никитский и два соборных иерея Пётр Певницкий и Пётр Яковлевский наряду со всем духовенством города глубоко переживали народное бедствие, постоянно служили молебны в Воскресенском соборе перед чудотворным образом Божией Матери; как и Спасские священнослужители – перед обетным Крестом Господним.*

1831 (наиболее вероятно, что к 28 июля)

Изготовление драгоценной ризы для чудотворной иконы Божией Матери «уссрдием разных доброхотных дателей». По сведениям из книги о. Евлампия Правдина чудотворная икона имела две ризы: праздничную (жемчужную, украшенную бриллиантами и другими драгоценными камнями, вероятно, изображённую на литографии 1862 г.) и повседневную (сребро-позлащённую, с богато украшенными венцами). *Знаменательно, что последний случай холеры был отмечен 1 августа, то есть эпидемия прекратилась через три дня после праздника Смоленской иконы Божией Матери, именуемой «Одигитрия» (см. события 1667 года)* [2, 32, 45].

1833

В честь новопрославленного (6 августа 1832 г.) святителя Митрофана Воронежского устроен и освящён (31 декабря 1833 г.) Митрофановский придел к северной стороне Николаевского храма (второго храма соборного ансамбля). *Такое особое почитание Воронежского архипастыря объясняется тем, что по месту своего рождения (село Антилохово Ковровского уезда, ныне Савинский район Ивановской области) протоиерей Алексей Никитский и святитель Митрофан Воронежский были землякам.* [2, 30].

В 1836 году (15 июня) в возрасте 85 лет (по другим сведениям – 90 лет), на сороковой день после кончины матушки Феодосии

Матвеевны, скончался протоиерей Алексей Никитский, прослуживший при соборе 60 лет [2, 29].

1837 май 12

Во время пребывания в Шуе наследник русского престола Александр Николаевич «изволил прибыть в Воскресенский собор, прикладываясь к Чудотворной иконе и принял из рук протоиерея Василия Цветкова (внука протоиерея Алексея Никитского) малую копию с иконы Богородицы». В этом путешествии Александра Николаевича сопровождал славный русский поэт Василий Андреевич Жуковский. В 1834 году, к совершеннолетию своего воспитанника, он написал стихи, которые стали позднее русским государственным гимном: «Боже, Царя храни!» [2, 11, 29].

1851 (Москва)

Книга Владимира Борисова «Описание города Шуи и его окрестностей». В этой книге собраны и опубликованы 8 старинных актов о чудотворной иконе Шуйской Богоматери. Два из них (по свидетельству учёного-иеромонаха Иоасафа Галонова) бережно хранились в ризнице Воскресенского собора [6, 10].

МОСКВА 1855 февраль 20

Присяга Императору Александру II в Чудовом монастыре Московского Кремля. *Позднее в Шуе в честь этого Государя (в память о различных событиях из его жизни) именовались три заведения: земская богадельня, приют для малолетних сирот и женская гимназия* [2, 42].

ШУЯ 1855 ноябрь 2

Празднование 200-летия написания чудотворной иконы Божией Матери Шуйско-Смоленской. *(В рукописном «Сказании» редакции 1800 года время шуйской эпидемии датировано 1655-ым годом, но о. Алексей Никитский, вероятно, использовал древние акты тех лет, помеченные по допетровскому летоисчислению с новолетием от 1-го сентября.)* [8].

1859 (Владимир)

Книга иеромонаха Иоасафа (Галонова) «О святых иконах, особенно чтимых, находящихся во Владимирской епархии». (Фрагмент о чудотворном образе Божией Матери Шуйско-Смоленской опубликован в ВГВ, 1859 г.; № 39.) [10].

МОСКВА 1862

Книга П. И. Гундобина «Описание Шуйского Воскресенского собора» (Москва, издание соборного старосты купца Н. Г. Калужского). В этой книге впервые опубликована литография чу-

дотворной иконы и текст «Сказания» на церковно-славянском языке. Вероятно, это издание состоялось при содействии ректора МДА архимандрита Саввы, уроженца шуйского уезда (1819) и выпускника Шуйского духовного училища (1834). Кроме общей малой родины, их объединяло участие в работе Императорского Русского археологического общества, где в то время П. И. Гундобин состоял членом-сотрудником, а учёный архимандрит Савва — членом-корреспондентом. Впоследствии, осенью 1862 года, о. Савва был рукоположен во епископа и стал вторым викарием московской митрополии, т.е. одним из ближайших помощников митрополита Филарета (Дроздова) [11, 38].

ШУЯ

1884 и 1883 (две части под одной обложкой)

Книга о. Евлампия Правдина «Описание города Шуи и Шуйских церквей» (Шуя, издание соборного старосты купца И. М. Турушина и его сына И. И. Турушина). В приложении (1883 г.) опубликован русский перевод «Сказания», выполненный составителем книги [2, 3].

ШУЯ

1922 март

Снятие драгоценной ризы с чудотворного образа новыми властями под прикрытием лозунга о помощи голодающим Поволжья в рамках широкой провокационной акции по изъятию церковных ценностей. Главным инициатором акции был Троцкий, он же был создателем монопольного синдиката по продаже ценностей за границей. **15 марта**, при расстреле собравшихся на соборной площади прихожан, убиты Николай Малков, девица Анастасия, Авксентий Калашников и Сергей Мефодиев. Московское руководство признало действия шуйских властей «правильными, но недостаточно энергичными» [34, 37].

1922 март — май

«Шуйское дело» против священников и мирян, пытавшихся воспрепятствовать кощунственным действиям властей. **10 мая** 1922 года в 2 часа утра в Иваново-Вознесенске расстреляны протоиерей Павел Светозаров, иерей Иоанн Рождественский и мирянин Пётр Языко. [34, 35, 37].

МОСКВА 1922 — 1924

Составление Празднования Пресвятей Владычице нашей Богородице в честь чудотворных Ея иконы, нарицаемых «Шуйская». Службу составил настоятель Московской Ризоположенской церкви протоиерей Николай Миловский, уроженец г. Шуи, пи-

томец Шуйского духовного училища, сын Спасского протоиерея Михаила Миловского [1, 39].

1925 июль 31

В этот день служба, составленная о. Николаем Миловским, была благословлена к церковному употреблению Местоблюстителем Патриаршего престола Митрополитом Петром (канонизирован 23.02.1997 г.) [1].

ШУЯ

1930

В ночь с 1-го на 2-ое мая взорвана Спасская церковь. Запрещение колокольного звона в городе [39, 47].

1934

Снятие колоколов в шуйских церквях. Постановлением президиума Облисполкома от 10 июля 1934 г. ликвидирована Троицкая кладбищенская церковь (пресница Троицкой пустыни). Позднее, в октябре 1936 года, она была разобрана, а кирпич использован на строительство кинотеатра [47].

1935 октябрь 1

Так датирован последний документ (из Комитета охраны памятников при ВЦИК), подтверждающий сохранность чудотворной иконы Божией Матери Шуйской-Смоленской: «На Ваш № М-4 от 28.V-35 г. Комитет сообщает, что Шуйская Смоленская 1654 года письма Герасима Тихонова <...>, Шуйская Смоленская 1745 года, письма Б. И. Болотова взяты на учёт...» [48].

1936

Постановлением президиума ВЦИК от 20 апреля 1936 г. договор с «религиозным обществом Тихоновской ориентации» (1740 верующих) на пользование Воскресенской соборной церковью расторгнут и церковь передана в пользование «религиозной общине обновленческой ориентации» (36 чел.) [47].

1937 октябрь 2

Закрытие Шуйского Воскресенского собора постановлением Ивановского Облисполкома (вместе с Крестовоздвиженской, Покровской и Всехсвятской церквями). Здание передано Шуйскому Горсовету «для использования на местные нужды» [30, 47]. (Есть свидетельства, что в подземных помещениях собора сотрудники НКВД приводили в исполнение приговоры «тройки» по делам 1937-39 годов.)

1943 — 1949

Открытие нескольких сельских храмов (7) в Шуйском районе [49].

1990 (на Пасху)

Возобновление богослужений в Воскресенском соборе [30].

С осени 1991 года – это подворье Свято-Никола-Шартомского монастыря. *Одним из первых богослужений в соборе было заочное отпевание всех здесь убиенных в годину гонений.*

1993 август 20

Посещение Воскресенского собора патриархом Московским и Всея Руси Алексием II во время визита в Ивановскую епархию [40].

МОСКВА 2000 декабрь 7

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, отвечая на ходатайство Амвросия, архиепископа Ивановского и Кинешемского, дал благословение совершать празднование Собора Ивановских Святых 7/20 июня ежегодно [36].

ИВАНОВО 2001 июнь 7/20

Первое празднование Собору Ивановских Святых, среди которых и Шуйские новомученики, пострадавшие в 1922-м году [36].

1996 – 2002 (Москва, Иваново)

Публикация нескольких научных исследований, посвящённых особенностям иконографического извода Божией Матери Одигитрии Шуйской-Смоленской [16, 17, 18, 19].

2004 октябрь

350-летие обретения чудотворного образа Божией Матери Шуйской-Смоленской.

Празднество этому образу совершается несколько раз в год: **2/15 ноября** (в память написания иконы и прекращения моровой язвы 1654/55 года), во **Вторник Светлой седмицы** (вероятно, в память первого исцеления 1666 года), **28 июля/10 августа** (по примеру соборного богослужения в Шуе 1667 года и в память избавления от холеры 1831 года) и в **девятое воскресенье после Пасхи** (с самым многолюдным крестным ходом вокруг дореволюционной Шуи).

Список литературы и источников

1. Миния. Ноябрь. Часть I. – Издательство Московской Патриархии, 1980.
2. *Евлампий (Правдин), иерей*. Описание города Шуи и шуйских церквей. – Шуя, 1884. (Издание соборного старосты, купца И. М. Турушина).
3. Сказание о чудесах, бывших от Шуйско-Смоленской иконы Божией Матери, переведённое с церковно-славянского на русский язык священником Евлампием Правдиным. – Шуя, 1883. (Издание купеческого сына Ив. Ив. Турушина).
4. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский*. История Русской церкви. Кн. 7. – Москва, 1996.
5. Богоматерь: Полное иллюстрированное описание Ея земной жизни и посвящённых Ея имени чудотворных икон / Под ред. Е. Поселянина. – СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 6 г.
6. *Борисов В.* Описание города Шуи и его окрестностей. – М., 1851. Репринт (со вступит. статьёй, примечаниями и приложениями). – Иваново, 2002.
7. *Борисов В.* Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к Описанию города Шуи и его окрестностей. – М., 1853.
8. *Борисов В.* Празднество совершенное 2 ноября в г. Шуе, в воспоминание чудесного избавления города от моровой язвы в 1655 году // ВГВ. – 1855. – № 46.
9. *Борисов В.* Шуйская школа иконописи в XVII веке // ВГВ. – 1852. – № 15.
10. *Иосаф (Гапанов), иеромонах*. О святых иконах, особенно чтимых, находящихся во Владимирской епархии. – Владимир, 1859.
11. *Гундобин П. И.* Описание Воскресенского собора города Шуи. – М., 1862.
12. *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. – Петроград, 1917. Репринт. – СПб.: Кристалл, 2000.
13. *Иоани (Снычёв), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский*. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. – СПб, 1995.
14. *Шушерин И. К.* Извещение о рождении и воспитании и о житии Святейшего Патриарха Никона // Патриарх Никон – Протопоп Аввакум: Сборник / Сост. Десятников В. А. – М.: Новатор, 1997.
15. *Мальшев В. И.* Летопись жизни протопопа Аввакума // Патриарх Никон – Протопоп Аввакум: Сборник / Сост. Десятников В. А. – М.: Новатор, 1997.
16. *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. – СПб., 1910. Репринт 1999.: «Паломник».
17. *Сидоренко Г. В.* Пята Спасителя. Об иконографической особенности некоторых чудотворных икон // Чудотворная икона в Византии и древней Руси: Сборник / Ред.-сост. Лидов А. М. – М.: Мартис, 1996.
18. *Тарасова Е. Н.* Богословие иконографического извода Богоматери «Одигитрии» Шуйской-Смоленской // Светильник. – 2002. – № Ноябрь-Декабрь.
19. *Виноградова Л. П.* К вопросу об иконографии иконы Шуйско-Смоленской Богоматери // Краеведческие записки. – Иваново, 1998.
20. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Ивановская область, ч. 3. – М.: Наука, 2000.
21. *Ильин М. А.* Строительство патриарших монастырей // Ильин М. А. Каменная летопись Московской Руси. – М., 1966.
22. *Каттерёв Н. Ф.* Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович. – Сергиев Посад, 1909-1912, Репринт: М., 1996.
23. *Смирнов С.* Краткие исторические сведения о моровых язвах в России // ВГВ. – 1848. – № 36-39.
24. *Смирнов Н.* Павлово и Ворса – М., 1864.
25. *Лядов И.* О бывшей часовне на Шуйском поле за рекою Тезою, построенной в память избавления от морового поветрия в 1654 г. // ВГВ. – 1873. – № 22.
26. *Лядов И.* Историческая и современная записка о городе Шуе – М., 1863.
27. *Миловский Н.* Неканонизованные святые города Шуи – М., 1893.
28. *Миловский Н.* Часовня животворящего Креста Господня при Шуйской Спасской церкви // ВГВ. – 1891. – №№ 26-29.

29. *Евлампий (Правдин), иерей*. Протоиерей Алексей Никитич Никитский // ВЕВ. – 1877. – № 13.
30. Иереи Шуйского уезда Владимирской губернии (XIX в.-1918 г.): Ист.-генеал. справ. / Авт.-сост. О.И. Захарова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003.
31. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. – Владимир, 1906.
32. *Журов Ф.* Возникновение села Петропавловского близ г.Шуи // Памятная книжка Владимирской губернии. – Владимир, 1895.
33. *Воронов Ю. М.* и др. Митрофаний Воронежский и Ивановский край // Актуальные вопросы храмового строительства в современной России: Материалы международной научно-практической конференции – Иваново, 2003.
34. *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники, подвижники Русской церкви XX века: Книга 2. – Тверь, 1996.
35. *Федотов А.* Святые земли Ивановской // Свет православия. – Макариев-Репемская обитель. – 1997. – № 39.
36. Акафист собору Ивановских святых. – Иваново, 2003.
37. *Баделин В. И.* Золото Церкви. – Иваново, 1993.
38. *Ставровский Е.* История Шуйского духовного училища (1816–1918). – Иваново, 2000.
39. *Грамматин А. С.* Рукопись о Михаиле и Николае Милловских. – 2004.
40. *Полосина Т.* «Я вижу, что доброта не ушла из вашей жизни» // Раб. край. – 1993. – 21 авг.
41. *Тихомиров А. М.* Храмы Иваново-Вознесенска. – Иваново: Издательство МИК, 1996.
42. *Моров В. Г.* Митрополит Филарет и Император Николай Павлович во время эпидемии холеры в Москве // Русское возрождение: Свято-Серафимовский фонд. – 2002. – № 80.
43. *Гнутова С. В.* Покровительница Царьграда и Москвы // Купель. – 2003. – № 3(22).
44. Материалы ГАИО: Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 183, 250; Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 231-231 об.
45. Ф. 71. Оп. 2. Д. 74; Ф. 71. Оп. 1. Д. 4.
46. Ф. 865. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 об.-3 об.
47. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 847.
48. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 210.
49. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 190а, 230, 303, 304, 335, 373, 379.
50. Ф. 302. Оп. 1. Д. 10.
51. *Безденежных И.* История чумы // БМЭ. – М., 1964. – Т. 34. – С. 814.
52. *Романюк В. П.* и соавт. История сестричества и ухода за больными // Учебник для сестёр милосердия и пастырей, несущих служение в больницах. – СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2000. – С. 6-13, 94.

Составитель выражает искреннюю благодарность за ценные замечания и помощь в работе А. С. Грамматину, Е. С. Ставровскому, Л. П. Виноградовой, И. А. Кузменко и сотрудникам Государственного архива Ивановской области. *Курсивом* выделены комментарии составителя к приводимым историческим фактам.

Н. Б. ФЕДОТОВ
(г. Павлово Нижегородской обл.)

ПОЧИТАНИЕ ШУЙСКОЙ-СМОЛЕНСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ В с. ПАВЛОВЕ ГОРБАТОВСКОГО УЕЗДА И РУКОПИСЬ XVIII в.

История возникновения образа Шуйской-Смоленской иконы Божьей Матери хорошо известна любителям и исследователям истории шуйского края и неоднократно была предметом рассмотрения в краеведческой литературе. Гораздо меньше известен тот факт, что почитание чудотворной иконы не ограничивалось территорией Шуйского и др. близлежащих уездов (Суздальского, Юрьевецкого), ныне частично или полностью входящих в состав Ивановской области. Существует, по меньшей мере, один населенный пункт Центральной России значительно (более чем на 200 км) удаленный от шуйских пределов, где, начиная со второй половины XVIII столетия главной местной святыней считался чудотворный список Шуйской Одигитрии. Это село Павлово Горбатовского уезда Нижегородской губернии (ныне одноименный город и районный центр Нижегородской области), уже в XVII в. широко известное в стране производством всяких замков, ножей, весовых коромысел и др. сталелесарных изделий, а к середине XIX в. ставшее центром насчитывавшего около 200 сел и деревень кустарного района и с легкой руки публицистов того времени удостоившееся титулов «слесарной столицы» и «русско-го Шеффилда».

История появления в Павлове иконы Шуйской-Смоленской Богоматери сохранилась благодаря изданной в Москве в 1864 г. книге секретаря Нижегородского губернского статистического комитета А. Смирнова «Павлово и Ворсма, известные стально-слесарным производством села Нижегородской губернии». В свою очередь автор этой брошюры пользовался сведениями, полученными от местных любителей истории – священника Троицкой церкви с. Павлова о. Евграфа Андреевича Фаворского (1821-1875 гг.) и крестьянина, общественного деятеля Николая Петровича Сорокина (1824-1887 гг.). Как и сама шуйская чудотворная икона, ее Павловский список обязан своим возникновением моровому поветрию. В 1771 г. в Европейской России разразилась эпидемия чумы, занесенная в пределы империи годом раньше из Молдавии и ставшая причиной московского «чумного бунта». Распространение эпидемии в павловской округе и заставило его жителей искать спасения в создании копии чтимой шуянами иконы. Однако на этом пути перед обитателями кустарного села возникло серьезное препятствие. По мере усиления металлообрабатывающей специализации число ремесленников др. специальностей в Павлове падало, и количество проживавших в селе иконописцев с более чем полутора десятков в 40-х гг. XVII в.¹ сократилось к 1771 г. до всего лишь одного человека – Андрея Федотова сына Минеева. И этот единственный богомаз был по своей религиозной принадлежности закоренелым старо-

обрядцем и потому первоначально наотрез отказался выполнять заказ для никониан. Тем временем чумное поветрие усиливалось, искать другого мастера было некогда и после длительных уговоров А. Ф. Минеев сдался. Он отправился в Шую, сделал эскиз с чудотворного образа и дома перенес изображение на доску. Икона была написана за неделю, в течение которой и сам иконописец, и все население Павлова придерживались строгого поста. По окончании работы 1 ноября (по ст. стилю) 1771 г. икона была торжественно перенесена в древнейшую в Павлове (возведена в 1643 г. на средства местного помещика князя Я. К. Черкасского) Спасо-Преображенскую соборную церковь, а на следующий день, после литургии был совершен с новописанным образом крестный ход вокруг села. Согласно преданию, эпидемия тогда же потеряла силу и вскоре сошла на нет, а Андрей Минеев, пораженный чудесным действием созданной им иконы, перешел из старообрядчества в официальную православную церковь².

После завершения строительства в 1819 г. рядом со старым Спасо-Преображенским храмом летней Троицкой соборной церкви, чудотворный образ был перенесен в ее здание. Икона заботливо украшалась прихожанами, и в середине XIX в. ее серебряный оклад весил уже примерно 23,5 русских фунта³, т.е. около 9 кг 620 г в пересчете на современные единицы массы. Ежегодно в день св. Духа после заутрени священнослужители Троицкой церкви совершали со списком Шуйской Одигитрии крестный ход к часовне на близлежащей Троицкой горе. У часовни проходил молебен с водоосвящением, после которого образ носили по домам округи⁴.

В советское время следы павловской святыни теряются. Бывшие соборные храмы были снесены (в 1932 г. - Троицкий, а в 1936 г. - и Спасо-Преображенский), а хранившиеся в них ценности частью были изъяты властями, а частью просто растащены по домам горожанами. Ныне в Павлове вновь проводится крестный ход в честь иконы Смоленской Богоматери, но используется при этом именно Смоленская Одигитрия, а не более редкий шуйский извод.

Памятником былого почитания Шуйской-Смоленской иконы Божьей матери в Павлове осталась хранящаяся в фондах Павловского исторического музея рукописная книга «Чудо Пресвятой Богородицы Смоленской». Внешне это сравнительно небольшой том (формат 21x17 см), заключенный в обложку из деревянных досок. На обложке сохранились следы медных застежек, а на задней стороне - тисненая кожа. Корешок книги отсутствует, обрез выкрашен в темный цвет. Сохранились 132 листа, из них 129 - с текстом, написанным полууставом черными чернилами. Заголовки и инициалы выполнены киноварью. Все листы, из которых сброшюрована рукопись содержат фрагменты однотипных водяных знаков. В конце книги на чистом от текста листе имеется надпись скорописью: «Сия книга именуемая чудо Пресвятой Богородицы Смоленския принадлежит к павловской Соборной Спасопреображенской церкви подписано тоя церкви причетником 1817-го года Декабря 20-го дня».

Между двумя последними (6 и 7) строчками надписи более бледными чернилами вписано: «павлом гловым и калмыковым». На следующем, последнем в книге листе небрежной скорописью выполнена другая надпись - «села павлова спасопреображенской церкви». Упомянутая выше книга А. Смирнова «Павлова и Ворсма...» сообщает, что в библиотеке Троицкой церкви с. Павлова хранилась написанная полууставом книга, в которой излагалась история написания Шуйской иконы Смоленской Богородицы⁵. Очевидно, именно этой книгой и является рассматриваемый экспонат павловского исторического музея.

Текст рукописи состоит из трех частей. В первой, своеобразном введении, рассказывается история появления чудотворной иконы в Шую⁶. Речь идет о моровой язве в Московском государстве в 1654-1655 гг., обещании жителей Шуи строить новые церкви, обновлять старые, писать новые иконы и украшать храмы церковной утварью, а также щедро жертвовать деньги причту, нищим и странникам. Далее повествуется об идее некоего человека из прихода Воскресенской церкви написать новую икону Смоленской Богоматери и воплощении этой идеи в жизнь Герасимом Тихоновым, о последовавшем затем постепенном прекращении морового поветрия. Также во введении содержится упоминание о первом по времени исцелении чудотворной иконой в 1666 г. одержимого бесом шуйского отрока Якова Григорьева. Заканчивается первая часть книги похвалой Богородице. Икона именуется исключительно иконой Смоленской Богоматери, а не Смоленской и Шуйской. Нет в рассказе о создании иконы и легенды о самопроизвольном изменении положения ног Богомладенца.

Во второй части рукописи идет повествование о чудесных исцелениях, произведенных Шуйской Одигитрией в 1666 г.⁷ Первое из них - это все то же избавление от одержимости бесом Якова Григорьева, произошедшее 16 апреля, а последнее, 85-е по счету, датировано 23 сентября (чудо с девицей Параскевией из с. Шапкино). Причем большая часть исцелений пришлось на праздник иконы Смоленской Богоматери 28 июля (15 случаев) и на следующий день 29 июля 1666 г. (17 случаев). Можно предположить, что данный раздел «Чуда Пресвятой Богородицы Смоленской» восходит непосредственно к документам 1666-1667 гг. (т.е. челобитным и донесениям шуян центральной власти), связанным с признанием чудотворности новописанной иконы⁸.

Третья часть книги охватывает период с 16 мая 1765 г. по 5 апреля 1771 г.⁹ За это время среди жителей Шуи и близлежащих уездов был отмечен 31 случай чудесного исцеления (причем особенно много - 9 случаев исцеления связано с жителями Холуйской слободы). В отличие от двух первых частей даты в тексте даются хотя и по-славянски, в буквенном обозначении, но уже не от сотворения мира, а от Рождества Христова. Сама же икона именуется уже не просто Смоленской, а Смоленской и Шуйской.

Хронология третьей части «Чуда Пресвятой Богородицы Смоленской» позволяет предположить, когда и при каких обстоятельствах появилась эта

книга. Павловчанин Н. Ф. Артемьев выдвинул гипотезу о том, что рукопись была создана в Шуе в 1771 г. во время написания А. Ф. Минеевым копии чудотворной иконы. Книга написана, по меньшей мере, двумя разными почерками, в ней отсутствует заключение, а факты в третьей части изложены весьма кратко. Это и позволило краеведу сделать вывод о том, что параллельно созданию самого павловского списка шуйского образа в Шуе работала группа павловских писцов, торопившихся снять копию с описания чудес иконы Шуйской-Смоленской Богоматери, хранившегося вероятно в Воскресенском соборе Шуи, а затем привезти результат своего труда в Павлово к моменту окончания работы иконописцем Андреем Федотовичем Минеевым¹⁰. Книга должна была послужить не просто исторической справкой, а доказательством правильности выбора павловчанами образа небесной заступницы.

¹ Ротштейн О. В., Шилова Н. И. Павлово в XVII веке. – М., 1930. С. 39-46.

² Смирнов А. Павлово и Ворсма, известные стальнo-слесарным производством села Нижегородской губернии. – М., 1864. С. 16-17.

³ Архимандрит Макарий. Памятники церковных древностей. – Н.Новгород, 1999. С. 464.

⁴ Смирнов А. Указ. соч. С. 24-25.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Чудо Пресвятой Богородицы Смоленской (Инв. номер – ПКМ № 8510). Л. 1-16

⁷ ПКМ № 8510. ЛЛ. 17-115.

⁸ См. Борисов В. А. Собрание трудов (материалов) в 3-х тт. Т.1. - Иваново, 2002. С. 218-225.

⁹ ПКМ № 8510. Л. 115об.-129об.

¹⁰ Артемьев Н. О чем напомнила рукописная книга // Павловский металлист, 1997, 3 апреля.

ПЕРВЫЕ ИКОНЫ НОВОМУЧЕНИКОВ ШУЙСКИХ

Эпохой мучеников и исповедников стал для Русского Православия XX век. Вера Христова была засвидетельствована подвигами и мучениями огромного числа людей по всей России. В 2000 году Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял решение о прославлении 1154 новомучеников¹. «Прославление такого количества святых – событие выдающееся. По численности оно превышает Макарьевский собор, на котором была канонизирована чуть ли не половина святых, вошедших в русские святцы»². Данное обстоятельство имеет огромное значение для церковного искусства, перед которым теперь встал целый комплекс задач.

Постановления Собора, в частности, предусматривают создание как общей иконы «Собор святых новомучеников Российских», так иписание иконы каждому новопрославленному. В настоящее время эта задача постепенно решается, и «мы являемся свидетелями зарождения и развития иконографии многих образов. Фиксация этого процесса, несомненно, может быть продуктивна как для истории религиозного искусства, так и для конкретной практики современных художников»³.

В данной статье хотелось бы зафиксировать некоторые факты, а также обозначить основные проблемы формирования иконографии Новомучеников шуйских.

В 20-е годы XX века в «Богоспасаемом граде Шуе» прославились своим подвигом исповедания веры несколько человек – протоиерей Павел Светозаров, миряне Авксентий Калашников, Петр Языков, Николай Малков, Сергей Мефодиев и некая девица Анастасия. Их мученический подвиг связан с событиями 1922 года, произошедшими в Воскресенском соборе Шуи во время изъятия ценностей⁴.

Указанное происшествие отнюдь не стало сугубо «местным» эпизодом. В череде подобных столкновений, прокатившихся по стране, шуйский инцидент был первым самым бурным и многочисленным по количеству пострадавших. Впервые верующие оказали сопротивление разграблению церковью и святотатству под предлогом изъятия ценностей в пользу голодающих⁵. Именно «шуйский мятеж» послужил поводом для открытого выступления советской власти против духовенства и православных людей России. Начало этому террору положил В. И. Ленин, который в своем знаменитом письме открыто призывал «... дать самое решительное и беспощадное сражение ... духовенству ... с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение десятилетий. ... чем больше... духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»⁶.

К сожалению, вся значимость этого события не осознана до конца, как с точки зрения общероссийской истории, так и истории Русской Церкви.

В настоящее время данный эпизод совершенно не разработан в иконописи. Досадно и то, что ему не нашлось места даже в качестве клейма ни на одной из созданных икон изображающих «Собор новомучеников и исповедников Российских XX века»⁷.

Заметим, что названное событие само по себе вполне могло бы стать поводом для написания иконы, которая прославляла бы не только мучеников, но и соборный исповеднический⁸ подвиг всех православных людей Шуи, вставших на защиту святыни, чьи имена «дольше миру не явленные, но ведомые Богу»⁹. Безусловно, создание такой иконы требует от иконописца не только мастерства и опыта, но и напряженного духовного труда. Пока же иконопись начала разрабатывать только образы Новомучеников.

Икона «Собор Новомучеников шуйских» написана в 2005 году в мастерских Троице-Сергиевой лавры¹⁰. Она отличается простотой иконографического решения – на золотом фоне ростовые изображения семи святых. Фигуры komponуются в две группы. В центре изображение свмч. Павла и свмч. Иоанна, обращенные друг к другу. За ними написаны остальные мученики. Вся сцена венчается изображением иконы Шуйско-Смоленской Богоматери, поддерживаемой двумя ангелами.

В целом икону отличает достаточно высокий уровень художественного исполнения. Единственным «смущающим» моментом изображения является написанное в руках свмч. Иоанна Евангелие. Согласно канонической традиции с Евангелием в руках изображаются святители.

Следует сказать, что написанию иконы «Собор новомучеников шуйских» предшествовало создание «вербальной иконы» – составление службы этим святым. Составитель службы – иеромонах Нектарий (Соколов).

Работа над иконами новоканонизированных святых открывает перед художником широкие творческие возможности. В то же время на этом пути для иконописца уже существуют определенные ориентиры в виде канонических традиций. Они регламентируют некоторые особенности композиции, внешнего облика и прочие частности изображения. Канон не лишает иконописца права на творчество, но во многом облегчает его работу. Возможно, поэтому «персональные» иконы становятся самыми первыми иконографическими вариантами изображения новоканонизированных святых.

Новомученик Авксентий (Калашников) стал первым среди новопрославленных шуйских святых, которому была написана икона. Её создание было приурочено ко дню обретения честных мощей и установления их для поклонения в Петропавловском храме города Шуи¹¹.

Следует отметить, что сам по себе факт обретения мощей является удивительным, т. к. Авксентий Калашников оказался единственным участником тех событий, место погребения которого известно. Этот убиенный Новомученик был похоронен родными на Петропавловском кладбище. По словам родственников, Авксентий Калашников был прихожанином Петропавловского храма, недалеко от которого находился его дом. Свидетельства родствен-

ников, сохраненные в их семейной памяти, в будущем помогут составить житие этого святого.

Именно благодаря «родовой памяти» потомков Авксентия Калашникова сохранилась его фотография, на основе которой и была написана икона. Автор иконы – художник Ирина Токарева. Икона небольшого, т. н. «аналогового» размера. Святой мученик изображен по пояс, фронтально, с крестом в правой руке – символом его мученических страданий за Христа – и простертой левой дланью. В нижней части иконы находится мощевик, оформленный в виде звезды¹². Обращает на себя внимание, что в создании облика автор довольно точно следует фотографии¹³.

Одной из сложнейших задач для иконописца является «перевод» изображения конкретного лица с фотографии в лик. Согласно требованиям иконописного канона, при написании внешности святого иконописец должен ориентироваться на обобщенный, символический образ, в котором индивидуальные черты святого едва намечены, с тем, чтобы он выделялся из общего сонма. «Сегодня реалистический портрет, прижизненные фотографии, привычка к документальной фиксации настолько влияют на художника, что икона не всегда может избежать соблазна живоподобия»¹⁴. Редко кому из современных иконописцев удается создать такой образ, который бы сочетал в себе индивидуальное и символически-обобщенное. Для успешного решения этой задачи иконописцу необходимо не только мастерство, но и духовный труд – постижение глубинной сути иконописного канона. Следование лишь внешним каноническим установкам часто приводит к тому, что образы святых не несут в себе духовной наполненности, а становятся всего лишь простой стилизацией фотоизображения, осуществленной иконописными приемами.

Безусловно, фотодокумент является основой для написания лика святого, особенно при разработке иконографии новоканонизированных святых¹⁵. Но иконописцу все же следует помнить, что икона – это не изображение человека, а выявление образа Божия в человеке. Фотография передает земной облик человека до его прославления, тогда как на иконе святой должен быть изображен в преображенном состоянии.

Зависимость художника от сохранившейся прижизненной фотографии ощутима в иконе священномученика Павла (Светозарова), написанной палехскими мастерами¹⁶. Автор буквально повторяет с фотографии не только ракурс головы, но и направление взгляда. Если же легкий поворот лика влево вполне допустим, то взгляд отведенных в сторону глаз никак не согласуется с жестом благословения, которое преподносится молящемуся перед иконой. В данном случае это рассеивает и ослабляет у верующего чувство молитвенного контакта со святым.

Употребленный ракурс более оправдан в другом иконографическом варианте, где святой показывается в молитвенном предстоянии Господу, изображение которого обычно присутствует в одном из верхних углов иконы.

Лик священномученика Павла написан довольно реалистично – «живо-подобно», что также не совсем соотносится с плоскостным, по-палехски декоративным доличным письмом, весьма подробно передающим орнамент облачения и узор каймы и поручей. Хочется отметить красивый красный цвет фелони. Он не только символизирует пролитую мученическую кровь, но и свидетельствует о пасхальной радости, в которой пребывает ныне священномученик Павел, чей крестный путь на Голгофу, как подметил иеромонах Дамаскин, начался в Великий пост 1922 года¹⁷.

Рассмотренные иконы явились первыми иконографическими вариантами изображения Новоканонизированных святых г. Шуи. Но иконография никогда не останавливается в своем развитии. Этот длительный процесс будет продвигаться по мере роста популярности названных святых, а также по мере обнаружения новых свидетельств и фактов их биографии.

¹ Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века // Журнал Ивановской Епархии. № 1 (4), 2000. – С. 21.

² Кутейникова Н.С. Иконописание России второй половины XX века. Издание второе, дополненное и переработанное. – С-Пб.: Знаки, 2005. – С. 79.

³ Там же. С. 80.

⁴ Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2. – Тверь. 1996. – С. 37.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 459.

⁷ Имеется в виду икона «Собор Новомучеников и исповедников Российских XX века», создана иконописцами Свято-Тихоновского Богословского института г. Москвы в 2000 году; икона «Собор святых новомучеников Российских», автор – Архимандрит Киприан (Пыжов), США; икона «Образ новомучеников Российских, за Христа смерть принявших», автор – Н. Папков, США, 1981 год.

⁸ Исповедник – христианин, претерпевший преследования, а возможно, и мучения за веру, но скончавшийся мирно.

⁹ Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века // Журнал Ивановской Епархии. № 1 (4), 2000. – С. 22.

¹⁰ Икона установлена в Воскресенском соборе в день «зимнего» празднования иконы Шуйско-Смоленской Божией Матери 15 ноября 2005 года.

¹¹ Это событие произошло 16 февраля 2003 года. ПИХММ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 2938/2.

¹² Заметим, что икона Новомученика Авксентия написана на старой иконной доске, утратившей изображение, что противоречит церковным канонам.

¹³ Фотография была предоставлена родственниками для написания иконы. Влияние фотопортрета сказалось не только в характере внешности, но и в написании одежды: Авксентий Калашников изображен в военном кителе зеленого цвета с двойным рядом золотистых пуговиц. По словам родственников, этот китель остался у Авксентия Калашникова после его службы в армии.

¹⁴ История иконописи VI-XX века. – М.: Арт-БМБ, 2002. – С. 246.

¹⁵ Именно на основе сохранившихся фотографий написаны иконы священномученика Павла и новомученика Авксентия. Возможно, работа с закрытыми архивами ИКВД позволила обнаружить фотографию Сергея Мефодьева, осужденного и казненного с о. Павлом Светозаровым.

¹⁶ Икона установлена в Воскресенском соборе 3 мая 2005 г. в день престольного праздника в честь иконы Шуйско-Смоленской Богоматери (вторник Светлой седмицы).

¹⁷ Иеромонах Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 53.

«...ДАДЕ ИМ ГРАДЬ ШУЮ» (О ДОСТОВЕРНОСТИ СООБЩЕНИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА)

Одной из дат возникновения города Шуи называется 1394 год. Эта дата встречается в труде историка В. Н. Татищева. Излагая события в Суздальской земле, он, пользуясь сведениями какой-то летописи (несохранившейся до нашего времени), писал, что в 1394 году великий князь Василий I Дмитриевич, совершил поход на князей Василия и Семена Дмитриевичей, «и выведе я [их], даде им градь Шую»¹. Это сообщение Татищева более полутора столетий вызывает споры среди профессиональных историков и сохраняет надежды у краеведов на то, что однажды будет установлена истинная дата возникновения Шуи².

Закономерен вопрос о том, что же скрывается за сообщением Татищева и насколько достоверно оно отражает исторические события конца XIV века? Обратиться к этому вопросу заставляют последние работы, затрагивающие проблемы истории Суздальско-Нижегородского княжества³. Например, в книге С. А. Фетищева отмечается, что приведенное выше сообщение Татищева, не подкрепленное другими источниками, находится в противоречии со сведениями Троицкой летописи, в которой указывается, что московский князь гнал за Василием и Семеном Дмитриевичами «и не могоша постигнути» (не смог догнать)⁴. Следовательно, достоверность сообщения Татищева может быть подвергнута сомнению по двум основаниям: во-первых, не сохранился его первоисточник; во-вторых, оно расходится с иными летописными источниками.

Дискуссия вокруг подлинности многих известий, приводимых Татищевым, но не подтвержденных иными источниками, ведется с конца XVIII века. Защитниками Татищева выступили известные отечественные историки И. Н. Болтин, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, В. И. Корецкий, А. Г. Кузьмин. Но и противники у него были не менее именитые: Н. М. Карамзин, М. Н. Покровский, С. Н. Валк, С. Л. Пештич, А. Л. Монгайт, Я. С. Лурье, Е. М. Добрушин⁵. В поддержку научной честности русского историографа приводятся ряд аргументов. Так, А. Г. Кузьмин отмечает, что Татищев имел в своем распоряжении ряд не дошедших до нас рукописей, хранившихся в частных коллекциях, при этом, собственная коллекция историка была большей частью утрачена после его смерти, а сам автор «Истории Российской» «пользовался такими материалами, которые на протяжении веков сохранялись на периферии и содержали как бы неортодоксальные записи и известия»⁶.

Вопрос о достоверности интересующего нас сообщения Татищева находится в непосредственной связи с проблемами истории Суздальско-

Нижегородского княжества и его присоединения к Москве. Следовательно, имеет резон рассмотреть особенности складывания территории Суздальско-Нижегородского княжества и связанные с этим спорные вопросы принадлежности ряда земель Северо-Восточной Руси. Как известно, в 1328 году хан Узбек передал Кострому и Новгород Великий московскому князю Ивану Калите, а Владимир (с Нижним Новгородом) и Поволжье – Александру Васильевичу Суздальскому. После смерти Александра Васильевича в 1331 году Владимир и Поволжье отошли Ивану Калите, а Нижний Новгород достался Симеону Гордому.

Симеон владел Нижним Новгородом до 1340 года, когда по смерти Ивана Калиты Узбек перераспределил Нижний Новгород и Городец в пользу Константина Васильевича Суздальского. Под 1341 годом в летописи помещено сообщение о вокняжении Константина Васильевича в Нижнем Новгороде. Под 1343 годом летопись сообщает о споре между великим князем Симеоном Ивановичем и суздальским князем Константином Васильевичем о Нижегородском княжестве. После совместной поездки князей в Орду княжение было передано Константину Васильевичу.

Таким образом, в 1340–1341 годах возникает независимое Суздальско-Нижегородское княжество, территория которого к середине XIV века включала Нижний Новгород, Суздаль (возможно, с пригородом Шуйей), Городец на Волге, Бережец, Юрьевец, Унжу и Суздальское ополье. Перед смертью Константин Васильевич разделил свою вотчину между сыновьями: Андрей получил Нижний Новгород, Дмитрий – Суздаль, Борис – Городец, а Дмитрию Ногтю досталось Суздальское ополье. Константин Васильевич скончался в 1353 (по другим сведениям, в 1355) году, а незадолго до смерти он перенес престол из Суздаля в Нижний Новгород (в 1350 г.).

Преемником Константина Васильевича стал Андрей Константинович (ум. 1365 г.). Затем суздальско-нижегородским князем стал Дмитрий Константинович (1322–1383). В 1359 году он, пользуясь малолетством Дмитрия Ивановича Московского, получил ярлык на великое княжение, но был изгнан московским князем из Владимира. В 1364 году он вновь получил грамоту на великое княжение, привезенную сыном Василием, но отказался в пользу Дмитрия Ивановича. В благодарность за это Дмитрий Иванович поддержал Дмитрия Константиновича в борьбе за Нижний Новгород после смерти Андрея Константиновича. Этот союз был закреплен браком дочери Дмитрия Константиновича Евдокии с Дмитрием Московским. В дальнейшем нижегородский князь действовал в русле политики Москвы, оказывая московскому князю военную поддержку.

В 1383 году после смерти Дмитрия Константиновича Тохтамыш отдал ярлык на Нижний Новгород Борису Константиновичу, а Семену и Василию Дмитриевичам – Суздаль. Василий остался на некоторое время заложником в Орде, но в 1387 году он получил ярлык на Городец. В 1388 году Василий и Семен при поддержке Дмитрия Донского изгнали Бориса из Нижнего Новго-

рода и вернули ему Городец. Великим князем нижегородским стал Василий Кирдяпа, а Семен Дмитриевич сохранил Суздаль.

После смерти Дмитрия Донского (1389 г.) Борис Константинович, который с 1389 по 1391 год находился в Орде, вновь получил ярлык на Нижний Новгород (или подтвердил свое право на этот город) и в 1391 году занял его. Борьба за Нижний продолжалась и далее. В 1392 году Василий I Дмитриевич получил ярлык на Нижний Новгород (и, возможно, Городец), изгнал Бориса Константиновича и посадил в Нижнем Новгороде своего наместника⁷.

Известно, что Василий I имел права на Нижний Новгород, который первоначально являлся частью Владимирского великокняжеского домена. Кроме того, он был внуком Дмитрия Константиновича Нижегородского. По сообщениям московских и новгородских источников, Василий I получил Нижний Новгород «со всем княжением», включая Городец⁸. Однако известно, что до 1394 года в Суздале княжил Борис Константинович, а в Городце до 1403 года княжил Василий Кирдяпа (т.е. формально он сохранял права на этот город, пожалованный ему в 1387 г.).

Единственным князем, оставшимся без удела, был Семен Дмитриевич, брат Василия Кирдяпы. Следовательно, он был выведен из Суздаля, переданного Борису Константиновичу, и был вынужден бежать в Орду. Цель отъезда в Орду состояла, по-видимому, в возвращении собственной вотчины. Такое отношение Василия I к Семену Дмитриевичу можно объяснить лишь давней обидой, связанной с событиями 1382 года, когда войска хана Тохтамыша смогли захватить Москву благодаря клятве Семена Дмитриевича москвичам, что татары пощадят жителей города. В отсутствие Дмитрия Донского москвичи поверили клятве и заплатились за это⁹. Другой причиной лишения Семена Дмитриевича Суздаля можно назвать стремление московского князя ослабить сыновей Дмитрия Константиновича – главных претендентов на Нижний Новгород – и заставить их бороться с дядей Борисом Константиновичем за менее значимый Суздаль.

В 1394 году после смерти Бориса Константиновича (ум. 6 мая 1394 г.) Василий и Семен Дмитриевичи захватили Суздаль. На Суздаль имел законные права Семен Дмитриевич. Однако они не смогли удержать Суздаль в результате военного похода Василия I. В июне 1394 года братья бежали из Суздаля в Орду. Московское войско их пыталось задержать, но, по сообщению летописи, «и гонишася за ними и не могоша постигнути». Здесь и возникает указанное выше противоречие между сообщением Татищева и статьей Троицкой летописи.

Согласно сообщению Татищева, Василий I после похода на Суздаль, «выведе я [их, Василия и Семена Дмитриевичей], даде им градъ Шую». Сопоставление сообщений Татищева и Троицкой летописи показывает, что в них нет прямого противоречия. Реконструкция событий может выглядеть следующим образом. В мае-июне 1394 года князья Василий и Семен Дмитриевичи захватили Суздаль. Суздаль к этому времени мог считаться частью

московских территорий, а его князя – служилыми князьями московского князя. Княжение это не было выморочным (у Бориса Константиновича было два сына), а потому Василий I возвратил Суздаль законным наследникам. Василию и Семену Дмитриевичам могла быть предложена Шуя в качестве отступного. Не удовлетвовавшись таким решением вопроса, братья бежали в Орду, чтобы там найти поддержку своим территориальным притязаниям.

Следует отметить, что сообщение Татищева вполне логично ложится в контекст происходивших событий. Почему Василий I пожаловал братьям именно Шую? Возможно, это произошло по аналогии с тем, как московский князь передал бывшему нижегородскому князю Борису Константиновичу Суздаль – второй по значимости город в Нижегородском княжестве. Как известно, Шуя обычно рассматривалась в качестве пригорода Суздаля (наверняка, наиболее значимого пригорода). Следовательно, перераспределив Суздаль в пользу Даниила Борисовича, а Шую отдав братьям, московский князь решал для себя ряд проблем. Он добивался еще большего ослабления братьев-князей, выводил из-под удара Нижний Новгород, переводил Василия и Семена Дмитриевичей в разряд служилых князей.

О том, что Шуя входила в состав Нижегородских земель, первым упомянул Н. И. Храмцовский. Это сообщение использовал А. В. Экземплярский, отметивший, что Шуя входила в состав Суздальского княжества. Из работ Н. И. Храмцовского и А. В. Экземплярского упоминание о нахождении в составе Нижегородского княжества в 1350 году Шуи перешло в статью «Суздаль» в словаре Брокгауза и Ефрона¹⁰. Следует отметить, что многие историки с сомнением относились к сообщению Экземплярского. Между тем известно, что он пользовался рядом недошедших до нас летописей, в которых отражались интересные подробности истории Нижегородского княжества¹¹.

Интересна и другая сторона формулировки Татищева, сообщающего о том, что Шуя была передана обоим братьям. Почему обоим братьям, а не только Семену Дмитриевичу, ведь Василий Кирдяпа княжил в Городце? Между тем эта формулировка также довольно логична. Согласно промосковским источникам, ярлык на Городец принадлежал московскому князю. Возможно, что Василий Кирдяпа владел Городцом на правах наместника, ведь после его смерти Василий I передал Городец Владимиру Серпуховскому. Потомки же Василия Кирдяпы и его брата Семена, носившие фамилию Шуйских, продолжали бороться за возвращение Городца.

Кроме того, согласно ряду источников, братья чаще всего совместно владели теми или иными территориями. Например, они оба именовались великими князьями, т.е. совместно владели Нижним Новгородом. И Василий, и Семен именовались суздальскими князьями, т.е., возможно, и они оба имели права на Суздаль (об этом свидетельствуют чеканившиеся ими монеты¹²). В этой ситуации кажется вполне закономерным, что Шуя была пожалована обоим братьям.

Сохранились источники, которые, в зависимости от их трактовки, могут подкреплять или опровергать сообщение Татищева. Так, в одной из новгородских летописей, в известии о смерти Семена Дмитриевича, которому летописец явно сочувствовал, говорится, что суздальский князь, дабы «найти свое княжение и добиться своей отчины», много труда претерпел, «своего пристанища не имея». Фраза о том, что Семен Дмитриевич не имел своего княжества и пристанища, явно противоречит сообщению о пожаловании ему Шуи. С другой стороны, и Шуя не могла считаться собственным пристанищем князя Семена, поскольку была дана обоим братьям. Возможно, что Семен никогда и не бывал в пожалованном городе, т.к. восемь лет находился в Орде.

Другим историческим источником, в котором затрагиваются вопросы отношений между московскими и суздальскими князьями, является письмо игумена Белозерского монастыря Кирилла великому князю Василию I Дмитриевичу (датируется 1399–1402 гг.). В этом послании Кирилл Белозерский пишет о раздоре, который существует между великим князем и его родственниками – князьями суздальскими («а в том, господине, меж вас крестьяном кровопролитие велико чинится»)¹³. По мнению автора письма, это «великое смущение» произошло из-за того, что суздальские князья находятся «в нужде». Кирилл просил Василия I разобраться по справедливости, пожаловать суздальских князей «по их мере», дабы они не погибли «в заблуждении в татарских странах, да там бы не скончались».

Это письмо отражает один из этапов обострения отношений между Василием I и суздальскими князьями. Фраза о том, что Василий и Семен Дмитриевичи находились в нужде, вполне соответствует действительности. Бывшие великие князья фактически остались без уделов. Даже сохранение за Василием Кирдяпой Городца и возможное пожалование Шуи никак не могло удовлетворить их претензии. Однако предложения Кирилла Белозерского остались не услышанными великим князем. Ни о каких иных пожалованиях суздальским князьям источники не сообщают. Объяснение этому состоит в том, что московский князь понимал: любое укрепление Василия и Семена Дмитриевичей грозит новым обострением борьбы за власть в Суздальском княжестве.

В послании Кирилла Белозерского и летописном сообщении о смерти Василия Кирдяпы имеется интересная деталь. Василий и Семен Дмитриевичи называются в них «суздальскими князьями». Между тем в этот период Суздальем они не владели и, следовательно, не могли именоваться суздальскими князьями (даже имея определенные права на Суздаль)¹⁴. Именоваться «суздальскими» князьями они могли лишь в том случае, если имели значительные владения на территории Суздальского уезда. В распоряжении историков найдется лишь одно указание на территориальное пожалование братьям около Суздаля – город Шую.

О дальнейшей судьбе братьев известно не много. Семен Дмитриевич восемь лет жил в Орде. Он не смирился с потерей отцовской вотчины и в октябре 1399 года с отрядом татар захватил Нижний Новгород. Однако татары стали грабить местных жителей, а затем при известии о приближении московского войска оставили князя. Лишь в 1402 году Семен Дмитриевич (после захвата в 1401 году московскими войсками его жены) вернулся на Русь, примирился с Василием I и был отправлен в ссылку в Вятскую землю, где и умер. Василий Кирдяпа скончался в 1403 году и был похоронен в Нижнем Новгороде в княжеской усыпальнице¹⁵. После смерти Семена Дмитриевича (1402 г.) и Василия Кирдяпы (1403 г.) претендентов на Нижний Новгород не осталось, а их потомки, князья Шуйские, были вынуждены служить московским князьям.

Подтверждение достоверности известия Татищева следует искать также в цепочке косвенных фактов, свидетельствующих о существовании Шуи в различные периоды отечественной истории. Так, уже в источниках XV века имеются сведения, опосредованно свидетельствующие о существовании Шуи в этот период. Во-первых, исследователи М. Н. Тихомиров и В. П. Нерознак указывают на отрывок из текста Воскресенской летописи (XV век), в которой в списке русских городов XIV–XV веков названы «Суздаль, Шумский» (вариант «Шуйский»)¹⁶. Во-вторых, в XV веке в исторических источниках появляется фамилия князей Шуйских, которая, как и большинство княжеских фамилий, должна была происходить от названия родовой вотчины¹⁷.

Следует также отметить, что возраст большинства городов Ивановской области древнее официальных дат их основания, в подтверждение чему постоянно находятся все новые и новые факты. Подобная ситуация имеет отношение и к Шуе. Несмотря на то, что официальной датой основания города считается 1539 год, ряд источников начала XVI века указывают на существование Шуи в это время. Так, в купчей грамоте (9 апреля 1526 г.) митрополитского боярина Р. Ф. Фомина на деревни, починки и пустоши в Суздальском уезде, проданные митрополиту Даниилу Ю. Б. Перепечиным, упоминается, что межа и отвод проданным землям проходит до Шуйской дороги, а в духовной грамоте И. Перепечи Посульникова указывается, что межа их земель проходит по Шуйскому рубежу¹⁸.

Таким образом, имеющиеся исторические источники не позволяют нам полностью опровергнуть или подкрепить сообщение В.Н. Татищева. Возможно, более глубокий анализ косвенных данных позволит аргументировано доказать достоверность или несостоятельность сообщения, относящегося к ранней истории города Шуи.

¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965. С. 184.

² В. Н. Татищев одним из первых указал на то, что Шуя «в древнейшие времена» была «престольным городом Белой Руси» (Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 144, 356, 404, 439. См. также: Борисов В. А. Собр. тр. (материалов): В 3 т. Т. 1. Иваново, 2002. С. 259. Прим. 1.3). Согласно одной из версий, название «шуй» происходит от сарматского слова «столица» (Борисов В. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851. С. 2.). Эта точка зрения,

представленная историком И. Н. Болтиным и затем повторенная в общедоступном издании «Картина России» (М., 1807), очень сомнительна, поскольку ни лингвистам, ни историкам сарматский язык не известен. Территория нынешнего Ивановского края была заселена финно-угорскими племенами, которых частично вытеснило, частично ассимилировало расселившееся здесь славянское племя кривичей. Однако, в XVIII веке считалось, что кривичи являлись потомками покоренных славянами сарматов (См.: Екатерина II. Записки касательно российской истории // Она же. О величии России. М., 2003. С. 175-176, 224, 360-361).

³ Горский А. А. Москва и Орда. М., 2003; Фетищев С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М., 2003.

⁴ Фетищев С. А. Указ. соч. С. 111.

⁵ См. подробнее: Кузьмин А. Г. Татищев. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 338-342.

⁶ Там же. С. 138, 329-330, 342.

⁷ См.: Возилов В. В. Интеллигенция провинциального города в истории России: Научные очерки и учебные материалы по локальной истории. Иваново, 2003. С. 69-70.

⁸ Горский А. А. Указ. соч. С. 120, 123; Фетищев С. А. Указ. соч. С. 102-104.

⁹ Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 52-54.

¹⁰ Возилов В. В. Указ. соч. С. 25-27.

¹¹ Фетищев С. А. Указ. соч. С. 99.

¹² Фетищев С. А. Указ. соч. С. 98-99.

¹³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. 1334-1598. СПб., 1841. С. 22.

¹⁴ По некоторым данным, Суздаль мог сохраниться за потомками Бориса Константиновича (Фетищев С. А. Указ. соч. С. 109).

¹⁵ Горский А. А. Указ. соч. С. 124-126; Фетищев С. А. Указ. соч. С. 110-112.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Список русских городов // Исторические записки. Т. 40. С. 219; Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 195. См. также: ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 240-241.

¹⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1. М., 1952. С. 80; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 2. М., 1956. С. 18.

¹⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1. М., 1951. С. 143, 145-147. О «Шуйской дороге» как межевом рубеже см.: Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изд. Археографической комиссии. Т. 1. СПб., 1851. С. 130.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КАЗУСЫ

Известно, что основным источником генеалогической информации являются метрические книги (наряду с исповедными ведомостями и ревизскими сказками). А если учесть гораздо лучшую сохранность метрических книг в большинстве областных архивов, то метрические книги являются часто вообще единственным источником родословных сведений. Значительная часть церкви Шуйского уезда представлена в Государственном архиве Ивановской области существенным набором метрических книг за длительный временной период, часто с начала XIX века по 1918 год.

Что представляет собой метрическая книга? Это документ, который оформлялся приходским священником для каждого календарного года и состоял из трех частей. В первой из них указывались данные обо всех зарегистрированных в данной церкви крещениях (с указанием дат рождения и крещения, а также имен восприемников); во 2-й приводились сведения о венчаниях и их участниках (имена венчающихся и их поручителей); в последней части регистрировался факт смерти данного человека (указывались даты смерти и погребения, возраст умершего, причина смерти и место погребения).

За сухими цифрами, датами, приведенными в метрических книгах, часто скрываются судьбы не только крещенных или венчающихся здесь людей, но и принимавших участие в этих таинствах и обрядах священноцерковнослужителей.

Прежде чем перейти к описанию отдельных казусов, отметим некоторые особенности бракосочетания в нашем крае дореволюционной поры.

В Шуйском уезде предпочтительным возрастом для вступления в брак считалось: для парней – 18-20 лет, для девиц – 16-20 лет. Разница в годах не являлась препятствием для заключения брака, даже если невеста старше на несколько лет жениха (считалось, это к лучшему, ибо в таком случае она физически более развита). Очередность при выдаче замуж дочерей соблюдается – «через сноп не молотят». Родственные браки как по кровному, так и по духовному родству считались грехом¹.

Первый случай, о котором мы расскажем, известен из донесения священника села Дроздово Шуйского уезда Архипа Леонтьева. К нему неоднократно (в 1818 и 1819 гг.) обращалась вдовая крестьянка из д. Петрилово здешнего прихода Аграфена Петрова с просьбой обвенчать ее сына Семена Семенова с «крестьянскою девкою» из д. Матвейково (того же прихода) Авдотьей Ивановой. Но, как пишет священник, он знал их «сомнительное родство, а именно: Иван и Марфа родные, от Ивана Авдотья, от Марфы Аграфена, от Аграфены Семен» (то есть Семен Семенов приходился невесте двоюродным племянником), и поэтому этот брак о. Архип венчать отказался. И вот однажды, случилось это 28 июля 1819 года, когда Архип Леонтьев был в

отлучке, дроздовские диакон с дьячком «взявши с означенной вдовы 10 рублей, дали позволение об венчании в селе Китове, где и обвенчаны...»².

Состоялось это незаконное венчание или нет, из документа непонятно, во всяком случае китовский священник на допросе показал, что в июле того года к нему обращались указанные крестьяне, но «он священник от сего без согласия на то приходского их дроздовского священника отказался и никогда нигде ни с кем их не венчал».³

Что не дозволялось простым смертным, иногда разрешалось «благородному» сословию. 21 мая 1880 года в Шуе штабс-капитан 11 пехотного Псковского полка Виктор Александрович Аляев обвенчался с Марией Андреевны Аляевой. Совпадение фамилий не является случайным – отец Виктора, Александр Андреевич Аляев, приходится сводным братом Марии (у них один отец, но разные матери).

Другой интересный случай произошел в том же году и связан с той же деревней Петрилово. 9 июля 1819 года в дроздовской церкви состоялось венчание крестьянского сына из д. Петрилово Кондрата Васильева и крестьянской девицы из д. Пиколово Авдотьи Тихоновой. (Обе деревни принадлежали одному помещику – Петру Болотникову.) Все бы ничего, да как оказалось, венчающие «не имели к тому правильных лет».

По рапорту благочинного священника Владимирская Духовная консистория приняла решение:

«Василия Кондратьева и Авдотью Тихонову от супружеского сожития до решения сего дела разлучить и как их равно и родителей их в том, дабы они не только супружеского сожития, но и в одном доме житье не имели, обязать строжайшей подписью, а начальником селения подтвердить, дабы имели они затем неослабный надзор; по получении же их выслать в консисторию для допроса...». Священник о. Архип Леонтьев тоже был наказан: ему было запрещено священнослужение и отобрана ставленная грамота. Дроздовский приход надлежало временно передать кому-то из священников из ближайших сел, причем половину дохода этот замещающий священник должен был отдавать отцу Архипу⁴.

Сколько лет было венчающимся, в деле не сообщается. Из исповедных ведомостей более позднего времени можно с некоторой долей ошибки установить год их рождения: у жениха – 1803 г, у невесты – 1805 г., то есть в момент венчания им было соответственно 16 и 14 лет. Согласно же действовавшим тогда церковным канонам (правилам), запрещалось вступать в брак лицам мужского пола ранее 18 лет от рождения, а женского – ранее 16 лет. Лишь по разрешению архиерея можно было снизить этот предел, но не более, чем на полгода⁵. (Кстати, брак Кондрата Васильева и Авдотьи Тихоновой по достижении ими «правильных» лет разрешили; прожили они в браке свыше 50 лет и имели 11 детей, среди которых был и прапрадед автора.)

Согласно тем же канонам, запрещалось венчание лиц старше 80 лет.

Наиболее известный в этом смысле случай связан с помещиком села во П. П. Кишкиным. Петр Петрович Кишкин (1756-1828), представитель инного дворянского рода, чинов высоких не достиг, но зато был большим иналом. У себя в усадьбе он держал домашнего учителя, а на старости решил вступить в брак с вольноотпущенной (бывшей дворовой) девицей. вский священник С. С. Громов проявил принципиальность и отказался енчать «ввиду преклонного возраста». Не прошло и года, как П. П. Киш-мер.

Еще один примечательный случай произошел в Шуе в 1862 году. 5 но-того года в Васильевской больничной церкви венчался 72-летний над-ый советник Федор Алексеевич Ивановский и «мещанская девица» андра Константиновна. Избраннице его было 36 лет. Меньше чем через (Ф. А. Ивановский скончался «от слабости» (как написано в метриче-книге)⁶.

Изучение метрических книг дает не только бесценную информацию оставления родословных, но и часто позволяет открыть совершенно не-нные страницы жизни людей, живших в том далеком от нас времени.

еликорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя нишева. СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1993. - С. 243, 246.

Ф. 31. Оп. 1. Д. 323.

е. Ф. 862. Оп. 1. Д. 5.

енков Н. Практическое руководство при совершении приходских треб. - СПб.: САТИС, епринтное издание 1888 г.) - С. 148.

839-1-6. Л. 170 об-171.

К. Е. БАЛДИН, О. А. КУЗНЕЦОВА
(г. Иваново)

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ КУПЕЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Среди источников, к которым сравнительно редко обращаются иссле-дователи, особое место занимают такие письменные памятники, как надписи на могильных камнях, которых еще немало сохранилось на старинных клад-бищах, расположенных как в столицах, так и в провинции. Эти свидетельства о давно ушедших в иной мир людях, с одной стороны, можно квалифициро-вать как письменный источник, с другой – как факт материальной культуры, потому что со временем менялась и форма памятника, и материал, из которо-го он изготовлялся. В столицах дореволюционные некрополи сохранились лучше, достаточно упомянуть кладбища Новодевичьего, Донского и других московских монастырей, в Петербурге – некрополи Александро-Невской лав-ры, Волково кладбище и др. В провинциальных городах дела не всегда обстоя-ют благополучно. На Верхней Волге дореволюционные захоронения имеются на Князь-Владимирском кладбище во Владимире, Ивано-Воиновском – в Коврове, Троицком – в Шуе и др. В то же время в Иваново из нескольких досоветских некрополей не сохранился ни один! Большинство из них распо-лагались при церквях и погибли при разрушении храмов в 30-х гг. XX в.

Некрополи могут стать важным источником по «сословной истории» - для исследователей, занимающихся дореволюционным дворянством, духо-венством, купечеством, тем более, что на могильных надписях зачастую ука-зывалось «состояние», т. е. сословие, к которому принадлежал погребенный. Темой данной публикации, имеющей как исторический, так и источниковед-ческий характер, являются провинциальные купеческие некрополи XIX – на-чала XX вв. в губерниях Верхней Волги (Владимирской, Костромской, Яро-славской), а точнее – та информация, которую несет этот своеобразный ис-точник. При этом нужно оговориться, что термин «купеческий некрополь» условен, т. к. на практике не было кладбищ, специально предназначенных для этой группы населения, некрополи того времени являлись бессловными, хотя, конечно, были, как и сейчас, кладбища «престижные» и «непрестиж-ные».

К счастью, часть могильных надписей к настоящему времени опубли-кована, что облегчает работу историков и в известной степени избавляет их от полевого исследования провинциальных погостов. До революции вышла книга «Провинциальный некрополь», в том первый которой попала информа-ция, скопированная на кладбищах в целом ряде губерний центральной и северо-западной России, в том числе трех интересующих нас верхневолжских губерний. Издание это давно стало библиографической редкостью, но совсем недавно появился лазерный диск, на котором записана эта информация вме-сте с другим изданием – «Кавказский некрополь». В 2005 г. ковровские ис-

Наиболее известный в этом смысле случай связан с помещиком села Китово П. П. Кишкиным. Петр Петрович Кишкин (1756-1828), представитель старинного дворянского рода, чинов высоких не достиг, но зато был большим оригиналом. У себя в усадьбе он держал домашнего учителя, а на старости лет решил вступить в брак с вольноотпущенной (бывшей дворовой) девицей. Китовский священник С. С. Громов проявил принципиальность и отказался его венчать «ввиду преклонного возраста». Не прошло и года, как П. П. Кишкин умер.

Еще один примечательный случай произошел в Шуе в 1862 году. 5 ноября того года в Васильевской больничной церкви венчался 72-летний надворный советник Федор Алексеевич Ивановский и «мещанская девица» Александра Константиновна. Избраннице его было 36 лет. Меньше чем через месяц Ф. А. Ивановский скончался «от слабости» (как написано в метрической книге)⁶.

Изучение метрических книг дает не только бесценную информацию для составления родословных, но и часто позволяет открыть совершенно неожиданные страницы жизни людей, живших в том далеком от нас времени.

¹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1993. - С. 243, 246.

² ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 323.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. 862. Оп. 1. Д. 5.

⁵ Сильченков Н. Практическое руководство при совершении приходских треб. - СПб.: САТИС, 1994. (Репринтное издание 1888 г.) - С. 148.

⁶ ГАИО. 839-1-6. Л. 170 об-171.

К. Е. БАЛДИН, О. А. КУЗНЕЦОВА
(г. Иваново)

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ КУПЕЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Среди источников, к которым сравнительно редко обращаются исследователи, особое место занимают такие письменные памятники, как надписи на могильных камнях, которых еще немало сохранилось на старинных кладбищах, расположенных как в столицах, так и в провинции. Эти свидетельства о давно ушедших в иной мир людях, с одной стороны, можно квалифицировать как письменный источник, с другой – как факт материальной культуры, потому что со временем менялась и форма памятника, и материал, из которого он изготовлялся. В столицах дореволюционные некрополи сохранились лучше, достаточно упомянуть кладбища Новодевичьего, Донского и других московских монастырей, в Петербурге – некрополи Александро-Невской лавры, Волково кладбище и др. В провинциальных городах дела не всегда обстоят благополучно. На Верхней Волге дореволюционные захоронения имеются на Князь-Владимирском кладбище во Владимире, Ивано-Воиновском – в Коврове, Троицком – в Шуе и др. В то же время в Иваново из нескольких досоветских некрополей не сохранился ни один! Большинство из них располагались при церквях и погибли при разрушении храмов в основном в 30-х гг. XX в.

Некрополи могут стать важным источником по «сословной истории» - для исследователей, занимающихся дореволюционным дворянством, духовенством, купечеством, тем более, что на могильных надписях зачастую указывалось «состояние», т. е. сословие, к которому принадлежал погребенный. Темой данной публикации, имеющей как исторический, так и источниковедческий характер, являются провинциальные купеческие некрополи XIX – начала XX вв. в губерниях Верхней Волги (Владимирской, Костромской, Ярославской), а точнее – та информация, которую несет этот своеобразный источник. При этом нужно оговориться, что термин «купеческий некрополь» условен, т. к. на практике не было кладбищ, специально предназначенных для этой группы населения, некрополи того времени являлись бессловными, хотя, конечно, были, как и сейчас, кладбища «престижные» и «непрестижные».

К счастью, часть могильных надписей к настоящему времени опубликована, что облегчает работу историков и в известной степени избавляет их от полевого исследования провинциальных погостов. До революции вышла книга «Провинциальный некрополь», в том первый которой попала информация, скопированная на кладбищах в целом ряде губерний центральной и северо-западной России, в том числе трех интересующих нас верхневолжских губерний. Издание это давно стало библиографической редкостью, но совсем недавно появился лазерный диск, на котором записана эта информация вместе с другим изданием – «Кавказский некрополь». В 2005 г. ковровские ис-

следователи Н. В. Фролов и Э. В. Фролова выпустили очень полезное издание, содержащее надписи на камнях, сохранившихся на кладбищах бывших Ковровского и Судогодского уездов Владимирской губернии. Отсутствие дореволюционных некрополей в Иванове во многом компенсировано сведениями, собранными о них в начале XX в. известным меценатом фабрикантом Д. Г. Бурьлиным. В его личном фонде в Государственном архиве Ивановской области имеется дело, называемое «Некрополь» и содержащее сотни надписей на могильных камнях, стоявших на кладбищах дореволюционного Иваново-Вознесенска. Наконец, во Владимире в последние годы вышло несколько иллюстрированных выпусков «Владимирского некрополя», которые касаются Князь-Владимирского кладбища.

В Иваново-Вознесенске купеческие могилы составляли значительную, если не большую часть захоронений при Покровском соборе, Крестовоздвиженской церкви, много их было при Вознесенской, Ильинской, единоверческой церквях, меньше — на более «демократическом» Успенском кладбище. В Шуе купцов хоронили на Троицком кладбище, в Ярославле — на Леонтьевском и на Туговой горе, в Костроме — на Лазаревском.

Погребали купцов не только на обычных кладбищах, которые были расположены на окраинах городов, но и при церквях, многие из них находились в центре городов. Такого рода некрополи считались престижными, далеко не каждый смертный удаивался завершить свой земной путь именно здесь. В Иваново-Вознесенске на похороны при Покровском соборе требовалось разрешение не только соборного протоиерея, но и губернатора¹. Протоиерей Крестовоздвиженской церкви того же города сообщил полицмейстеру, что на погребение купца Е. Красковского в ограде этой церкви (там тоже было «престижное» кладбище) могут быть две причины. Во-первых, если здесь уже имеется родовое захоронение и, во-вторых, если он являлся почетным прихожанином храма и жертвовал на нее значительные средства².

Имелись довольно обширные кладбища и при крупных провинциальных монастырях. Здесь погребали не только монашествующих, но и именитых мирян. Так, в Ростове Ярославском в Петровском монастыре имелись захоронения семьи купцов Орешниковых, относившиеся к периоду с 20-х по 80-е гг. XIX в. Это были Алексей Васильевич, Семен Алексеевич, Анна Петровна и Евгения Никаноровна Орешниковы³. В том же Ростове возле Зачатьевской церкви Спасо-Яковлевского монастыря в 1911 г. был погребен Андрей Александрович Титов. Он был не только известным купцом, историкам того времени он хорошо известен как археограф, автор целого ряда трудов по краеведческой тематике⁴.

Для купеческих захоронений, как отмечалось выше, был характерен родовой характер. Для той или иной предпринимательской семьи определенное кладбище являлось семейным, и в других местах членов этого клана не хоронили. При Покровском соборе в Иваново-Вознесенске имелись могилы Гарелиных, в том числе известного историка-краеведа и мецената Якова Пет-

ровича. Здесь же хоронили своих родных Бакулины, Гандурины, Дербеневы, Дурденевские, Зубковы, Кокупкины, Коноваловы (не путать их с вичугскими фабрикантами Коноваловыми!), Куваевы, Маракушевы, Полушины, Щаповы. Иногда принадлежность к клану оказывалась даже сильнее, чем супружеские узы. Так, у Покровского собора была похоронена Ольга Харлампиевна Балина, урожденная Куваева. Хотя она вышла замуж в свое время за одного из фабрикантов Балиных, имевших фабрику в небольшом от Иваново-Вознесенска фабричном поселке Юже, но после смерти ее тело было перевезено на родину⁵.

Как правило, купеческие семьи строго соблюдали корпоративный принцип при формировании своих некрополей и чужаков в фамильные захоронения не допускали. Исключения из этого правила были редкими. Например, на Успенском кладбище в Иваново-Вознесенске в ограде купцов Бубновых (из их семьи происходил видный деятель большевистской партии, нарком просвещения 30-х гг. А. С. Бубнов) похоронен известный писатель-ивановец Василий Алексеевич Рязанцев⁶. Это исключение тем более удивительно, что произведения последнего (например, «Горе от книжного учения» и др.) явно были направлены против местных фабрикантов, в них последние изображались как самодуры, невежды и жестокие эксплуататоры.

Часто под одним памятником находились захоронения самых близких друг другу людей. Например, в селе Петровском Ковровского уезда при Петропавловской церкви на одном из надгробий значилось: «Здесь покоится прах рабов Божьих. Афанасий Силыч, Дарья Максимовна, Михаил Афанасьевич Вороновы. Скончались одновременно. Любимым моим родителям временно 2-ой гильдии купцом Игнатием Михайловичем Вороновым»⁷. Судя по тексту надписи, здесь были похоронены родители и дед И. М. Воронова, поставившего памятник на общей могиле. Аналогичных примеров более чем достаточно. Так, в Шуе при Покровском соборе в одной могиле с матерью был похоронен потомственный почетный гражданин Д. П. Кокушкин, скончавшийся в 1894 г. В городе Буге Костромской губернии вместе были похоронены супруги В. Г. и Е. А. Квасниковы⁸.

Тип надгробий с течением времени изменялся, здесь, так же, как и в одежде, существовала своя «мода», хотя разнообразие форм было довольно велико. В 30-х гг. XIX в. утверждается так называемый русско-византийский тип памятника. На сохранившихся до нашего времени старых кладбищах встречаются массивные саркофаги из гранита, мрамора. Несколько таких сохранились на Князь-Владимирском кладбище во Владимире, например, на центральной его площади есть памятник местному купцу Я. М. Петровскому. Использовались небольшого размера белокаменные надгробия, орнаментированные резьбой, отдаленно напоминающие памятники белокаменного зодчества Владимиро-Суздальской Руси домонгольского периода. Для XIX в. характерно увлечение культурой древнего Египта и античностью, это тоже отразилось в форме надгробий. В позапрошлом веке в обиходе появляются па-

мятники в виде неполной колонны различной высоты на постаменте, круглом или квадратном. Некоторые колонны пересечены рустом, на котором была выбита эпитафия. Надгробия такой формы встречаются как из гранита, так и из белого камня. Металлические кресты и ограды появились позже, для многих кладбищ Владимирской губернии они изготовлялись в начале XX в. на чугунолитейном заводе в Коврове⁹.

Теперь обратимся к той информации, которую можно извлечь из надгробных надписей. На первый взгляд, они настолько кратки, что не могут дать историку какой-либо существенный фактический материал. Однако это не так, или не всегда так. Разумеется, на памятниках содержалась стандартная в таких случаях информация о датах жизни погребенного. На современных памятниках они указываются обе, но в XIX в. очень часто обозначалась только дата смерти. Зато подробно указывалась продолжительность жизни умершего. Например, на могиле упоминавшегося выше владимирского купца Петровского было написано: «Под сим камнем погребено тело владимирского купца Якова Михайловича Петровского, скончавшегося 1845 года месяца июня 21 дня. Жития его было 48 лет 7 месяцев 7 дней»¹⁰. Соответственно, приходилось производить подсчеты для того, чтобы выяснить дату рождения.

По этим надписям, рассматривая их как массовый источник, можно приблизительно определить продолжительность жизни представителей купеческого сословия. Напомним, что в России на рубеже XIX и XX вв. старики по тогдашним понятиям (старше 60 лет) составляли всего 6,9 % населения, а продолжительность жизни в то же время составляла для мужчин 31,3, а для женщин – 33,4 года¹¹. На основе массовых данных, содержащихся в «Провинциальном некрополе» и публикации Н. В. и Э. В. Фроловых «Ковровско-Судогодский некрополь» удалось установить, что средняя продолжительность жизни купцов была значительно больше – от 40 до 50 лет. Среди местных предпринимателей встречались и долгожители. Похороненный в Судогде на городском кладбище купец Я. И. Барсков умер 80-ти лет. Погребенные в селе Ряхове Ковровского уезда С. Д. и П. Н. Швцовы также дожили до 80 лет. Ковровский городской голова купец И. Ф. Шаганов скончался 86-ти лет¹².

На могильных памятниках имеется и матримониальная информация. Обычно она относится к женским захоронениям. Так, в селе Хреново Кинешемского уезда Костромской губернии на памятнике Прасковьи Осиповны Миндовской (урожденной Коноваловой) были указаны не только даты ее жизни и то, что она была женой Кинешемского 2-ой гильдии купеческого сына, что она была в супружестве 3 года 9 месяцев¹³.

Из могильных надписей можно также узнать о том, какие наследники остались после умерших. В частности, вернемся еще раз к надгробию А. С., Д. М. и М. А. Вороновых в селе Петровском, из которого явствует, что памятник ставил почтительный сын и внук усопших купец И. М. Воронов¹⁴. Однако в источниках имеется информация и другого рода. Так, «Провинци-

альный некрополь», сообщая о могиле купца Ф. Б. Мясникова в селе Юрьевская слобода Ростовского уезда Ярославской губернии, поместил при сем отрывок из книги А. А. Титова «Ростовский уезд». В нем говорится: «Неблагодарные наследники... не поставили на могиле своего благодетеля даже простого деревянного креста, могила храмоздателя и миллионера заросла травой и почти сравнялась с землей»¹⁵.

На купеческих памятниках довольно часто указывается гильдия, в которой состоял усопший, наличие у него звания почетного гражданина (или потомственного почетного гражданина), если такое имелось. Особую ценность представляют собой надписи, где говорится о том, какие звания имел умерший и какие общественные обязанности исполнял. Елизаров Ефим Григорьевич, похороненный в Благовещенском монастыре города Вязники, как сообщает надгробная надпись, имел престижное звание мануфактур-советника. Купец Захряпин Андрей Петрович, погребенный при Князь-Владимирской церкви города Переславля-Залесского, служил старостой этой церкви 40 лет, о чем указано на памятнике¹⁶.

Упомянуты на могильных камнях, хотя и редко, примечательные факты престижного характера из жизни умершего. Так, на памятнике И. Ф. Шаганова на Ивано-Воиновском кладбище в Коврове говорилось: «Имел счастье 1836 года августа 14 дня встретить, проводить и удостоиться внимания и разговора проезжавшего через Ковров в Бозе почившего императора Николая I-го, а в 1837 году августа 11-го бывшего тогда наследником престола, а ныне благополучно царствующего Государя Императора Александра II-го»¹⁷.

Особый интерес представляют эпитафии, встречающиеся на памятниках. Конечно, среди них есть и стандартно-краткие, такие, как «Покойся, милый прах, до радостного утра...» или что-то в этом роде. Однако есть и гораздо более затейливые и, что важно для историка, информативные надписи. Так, В. И. Титова в одном из выпусков «Владимирского некрополя» приводит следующий пример надгробной надписи на Князь-Владимирском кладбище: «Здесь покоится тело рабы Божией Анисьи супруги владимирского 2-й гильдии купца Петра Васильевича Козлова, скончавшейся 1842 года генваря 25 на 40 году своей жизни от родов и оставившей по себе 5 сынов и 4 дочери, неустанно оплакивающих ее кончину.

Едва отрадны дни для нас, мой друг, настали,
Ущедрил нас Господь, как грянул час печали.
Смерть среди благ земных, предстала пред тобой.
Упала под ее ты грозною косой.
Прости бесценная... Здесь над твоей могилой
Век буду слезы лить из недр души унылой.
Сюда, на мрамор сей, покорные судьбе,
Придут птенцы твои молиться о тебе.
...нежности ты их не поверяла.

Сама питала их, поила, ласкала.
Творец, услыши глас супруга и детей,
За жизнь ее даруй блаженство ей»¹⁸.

Информация в «прозаической» и стихотворной части эпитафии дублируется, уже из первой части эпитафии ясно, что после смерти А. Козловой остались девять человек детей, строфы, следующие за этим, только эмоционально окрашивают этот факт.

Однако есть примеры и иного рода, когда стихотворная эпитафия на могиле дает представление об общественном служении похороненных. Памятник потомственным почетным гражданам Евдокии Васильевне и Василию Андреевичу Пивоваровым в Богоявленском монастыре города Углича сообщает об их активной благотворительной деятельности:

«Тихо в могиле
Спят непробудно
Телом почившие
Муж и жена,
Добрые были,
Добром неоскудно
Всем помогали
Он и она.
В общую пользу от них
Приношение было велико
И славен путь их,
В Угличе память
Три учрежденья:
Две богадельни
И детский приют».

Кроме того, о В. А. Пивоварове здесь же сообщается, что он был «член благотворительных заведений и кавалер разных орденов»¹⁹.

Бывает, что информация об общественной деятельности не носит столь конкретный характер. Надпись на могильном памятнике купчихи А. Г. Бородулиной на Вознесенском кладбище города Юрьева-Польского гласит: «Дщерь, верная Христу, любила привитать при алтарях святых и храмы украшать, как мать и друг детей, для счастья их жила, в жилище бедности отраду проливала, к бескровным сиротам любовью дышала и странным путникам прибежище была. Блаженная душа! Сей жребий твой не защитил тебя от бездны гробовой; пресекла смерть дела твои благочестивы, осталось всем в удел твой прах крошить слезой»²⁰. Из текста эпитафии видно, что погребенная была богомольна, любила посещать храмы и жертвовала деньги на их украшение. Кроме того, она помогала бедным, занималась призрением сирот, привечала странников (очевидно – богомольцев), давая им кров и пищу. Однако из текста не ясно, каким церквям покровительствовала А. Г. Бородулина, были ли ею основаны «уставные» детские приюты или эта деятель-

ность носила эпизодический характер. Такая приблизительная информация для серьезного исторического исследования дает очень мало. Поэтому требуется уточнение этой информации с помощью источников других видов.

В целом факты, предоставляемые историку дореволюционными некрополями, представляет несомненную ценность. Беда только в том, что существующие публикации далеко не исчерпывают информативность этого источника. «Провинциальный некрополь» составлялся в столице на основе сведений, запрошенных через епархиальные правления у местных священнослужителей. Одни местные батюшки отнеслись к этому заданию со всей ответственностью, другие – с прохладцей, третьи, судя по содержанию публикации, вообще не прислали просимых сведений. Гораздо более тщательно составленный «Ковровско-Судогодский некрополь» Н. В. и Э. В. Фроловых охватывает только пространство двух уездов Владимирской губернии. В связи с этим для краеведов представляется актуальной задача сбора сведений на еще оставшихся дореволюционных некрополях, объединения их воедино хотя бы в масштабах той или иной области и последующего издания.

¹ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 134-135.

² Там же. Д. 70. Л. 1.

³ Провинциальный некрополь. Т. 1.

⁴ Там же.

⁵ ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 291. Л. 1, 5-6, 13-19, 22-23, 27, 32-33, 35-36, 42-44, 48, 56-57, 65, 72.

⁶ Музей писателей текстильного края при Ивановском гос. университете. Дневник А. Е. Ноздри-на.

⁷ Фролов Н. В., Фролова Э. В. Ковровско-Судогодский некрополь. Ковров, 2005. С. 17.

⁸ Провинциальный некрополь.

⁹ Титова В. И. Эпитафии и надгробия Князь-Владимирского кладбища. Владимирский некрополь. Вып. 4. Владимир, 2001. С. 11, 16, 17.

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Иванова Н. А. Социально-демографическая ситуация // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 78; Ульянова Г. Н. Здравоохранение и медицина // Там же. С. 625.

¹² Фролов Н. В., Фролова Э. В. Указ. соч. С. 10, 72-73.

¹³ Провинциальный некрополь.

¹⁴ Фролов Н. В., Фролова Э. В. Указ. соч. С. 10.

¹⁵ Провинциальный некрополь.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Фролов Н. В., Фролова Э. В. Указ. соч. С. 72-73.

¹⁸ Титова В. И. Указ. соч. С. 4.

¹⁹ Провинциальный некрополь.

²⁰ Там же.

УЧИЛИЩНЫЙ БЫТ 100 ЛЕТ НАЗАД

Необходимой принадлежностью школы как светской, так и духовной в кон. XIX-нач. XX в. были ночлежные приюты и общежития. Но благоустроенные места для проживания учащихся церковных школ (далее – ЦШ) в части центральных губерний Российской империи были распространены слабо. В частности, в кон. XIX в. во Владимирской епархии действовало 42 ночлежных приюта и 5 общежитий, в Костромской епархии – только 30 ночлежных приютов¹. В нач. XX в. численность таких учреждений возросла, но в целом составляла лишь незначительную часть от общего числа церковных школ.

Ночлежные приюты и общежития существовали при всех типах ЦШ, кроме воскресных. Ночлежные приюты обычно располагались в особой или классной комнате школы. В лучших приютах было две комнаты: для мальчиков и девочек². Пребывание в ночлежных приютах детей было случайным и кратковременным. Число ночлежников колебалось, возрастая в суровую погоду до нескольких десятков на каждую школу и снижалось до единиц с наступлением теплой. В среднем на 1 приют во Владимирской губернии в 1904-5 уч. г. приходилось в сельских одноклассных ЦШ: имеющих специальное школьное здание – 17,5, приспособленные – 14,2 и непригодные – 12 учащихся³.

Горячая пища в ночлежных приютах готовилась редко. Так в Костромской губернии, согласно отчету епархиального наблюдателя за 1904-5 уч. г., «сравнительно немногие из учащихся пользовались горячей пищей из продуктов, проносимых из дому», большинство питалось хлебом, деревенскими пирогами, картофелем⁴.

Надзор за учащимися в ночлежных приютах «вменялся» учителям. Но не во всех приютах это требование соблюдалось, ввиду того, что учитель устал от занятий и нуждался в отдыхе. В этом случае ночлежники находились под наблюдением сторожей и их жен⁵.

Организованными по всем правилам были общежития. В большинстве случаев они располагались в специально приспособленных школьных помещениях. Некоторые имели особое здание. 2-этажные общежития были при двухклассных ЦШ Ярополческой мужской в г. Вязники и Спасо-Евфимиевской в г. Суздале Владимирской губернии⁶. Благоустроенные общежития, в отличие от ночлежных приютов, имели классные и спальные комнаты, кухню, столовую, гардеробную, кладовую, библиотеку, квартиру для школьных служителей.

Помещение, отопление и освещение живущим в общежитиях ученикам давалось бесплатно. Исключение составляло общежитие Хреновской церковно-учительской школы, где за «помещение и одежду» взималась плата. В некоторых общежитиях ЦШ не взималась плата и за питание⁷. Кроме того, право бесплатного питания во многих общежитиях предоставлялось детям-

сиротам, беднейшим ученикам. Последние вместо освобождения от платы могли получить пособие. Учащиеся второклассных, церковно-учительской школ, проживавшие в общежитии, «пользование столом» оплачивали⁸. Общий размер оплаты определялся действительной стоимостью содержания одного ученика в год. Так, содержание одного ребенка в общежитии при второклассной школе (далее – ВШ) в 1904-5 уч. г. колебалось во Владимирской губернии от 20 до 30 р., в Костромской губернии – от 18 до 33 р.⁹ В церковно-учительской школе в 1905-6 уч. г. каждый «своекоштный» платил 50 р. за содержание, а в 1909 г. за «помещение и стол» – 80 р. в год¹⁰. К 1916 г. сумма годового содержания возросла (по причине инфляции) и составляла в Костромской губернии во ВШ от 35 до 44 р. в год¹¹. В ВШ, где обучались дочери духовенства, содержание было дороже. Эта категория учениц была «не привыкшей» к суровому образу жизни крестьян.

Существовавшая разница в оплате за содержание в общежитиях при ВШ объяснялась различным меню. Так, в Корцовской и Вагановской ВШ Костромской губернии обед состоял из 3-х блюд, в других – из 2-х. В «скоромные дни» дети ели «горячее» (в отдельных школах с мясом), кашу либо картофель с коровьим маслом или салом, в постные – «щи или суп с грибами, кашу или вареный картофель». В праздничные дни будничное «горячее кушанье» заменялось лапшой с мясом или белыми грибами, также подавалось в отдельных ЦШ жареное мясо. Угощали детей в эти дни и «пирогом с начинкой». В некоторых школах в общий рацион питания не включали чай, сахар, печеный хлеб. Каждый ученик их «имел только для себя».

Расчет за содержание мог производиться не только в денежном эквиваленте, но и натуральными продуктами (мукой, крупой, маслом и т.д.). Учащиеся ВШ Владимирской губернии предпочитали платить деньгами¹².

Постельные принадлежности ученики привозили из дома, либо получали (нередко за отдельную плату) в общежитиях. Например, в Кабановской ВШ Галичского уезда Костромской губернии постельное белье, мешок для соломенного матраца, подушка и одеяло у ребят было «свое»¹³. В Ярополческой ВШ Вязниковского уезда Владимирской губернии на обзаведение постельными принадлежностями при поступлении взимался первоначальный взнос в размере 5 руб.¹⁴ А учащиеся, проживающие в общежитии Домнинской и Храпелевской ЦШ Буйского уезда Костромской губернии, получали от Александровского братства бесплатно кровать, матрац, подушку, одеяло¹⁵.

Сироты, беднейшие ученики отдельных ЦШ Владимирской и Костромской губерний освобождались от платы за содержание общежития. Часть ребят вместо этого получали пособия. Учащиеся ВШ Костромской губернии жили в общежитиях на полном, половинном казенном содержании, на стипендиях земства, попечителей, с капитала Федоровско-Сергеевского братства¹⁶. Эти ученики иногда обесценивались в общежитиях одеждой и обувью.

В целях соблюдения санитарно-гигиенических норм при общежитиях существовали бани. Учащиеся посещали ее раз в 10 дней.

Строй жизни в общежитиях при VIII и церковно-учительской школах отличался от подобного при церковно-приходских «большим совершенством и устойчивостью». Учебный день начинался с 6.30-7 ч. утра. Ребята (в некоторых школах по звонку) вставали, заправляли постели, умывались и совершали одиночную или общую «краткую» молитву. После отправлялись в столовую завтракать (пили чай с хлебом). До начала уроков повторяли заданный на дом материал. В 8.30 ч. ученики вместе с учителями совершали утреннюю молитву. Далее шли уроки по расписанию. Летом занятия заканчивались в 2 ч., зимой в 2.30 ч. по полудни. Обедали в одних школах после 3-4 урока, в других – после всех. После обеда до 5 часов ученики были «свободны» (гуляли на школьном дворе, катались на лыжах, коньках, салазках, занимались в мастерских). В 5 ч. в некоторых школах дети полдничали. В 5.30 ч. учащиеся собирались в класс, занимались «приготовлением» уроков на следующий день. На вечерних занятиях присутствовали дежурные учителя. В 8.30 или 9 ч. был ужин, по окончании которого следовала вечерняя молитва. После молитвы ученикам позволялось заниматься «приготовлением» уроков или чтением книг, но не позднее 10 ч. В 10.30 ч. все дети должны были быть в постели.

За учащимися, проживавшими в общежитиях, наблюдали заведующие, учителя школ и «надзирательницы». Согласно отчету епархиального наблюдателя ЦШ Костромской епархии К. Казанского за 1910-11 уч. г. «дежурный учитель (во VIII), за самыми малыми исключениями, проводил весь день среди учеников, а бывали заботливые учащие, которые и в ночные часы неоднократно пробуждались для того, чтобы обойти здание и убедиться, все ли благополучно (Георг. и Сем. шк.)»¹⁷.

Учителя школ прилагали все усилия к тому, чтобы дети не отвыкали от деревенской работы. А потому в каждой школе была только самая необходимая прислуга – кухарка. Другие работы были возложены на учеников. Обычно каждый нес свое дежурство. Ребята также работали в пришкольных садах и огородах. Дети помогали учителям в посадке и поливке овощей, кустов и деревьев, в сборе урожая картофеля, т.е. во всех весенних и осенних работах. Самым любимым занятием учеников в осеннюю пору была рубка и заготовка капусты на зиму. Собранный урожай пополнял запасы продуктов для общежития. В 1900 г. учениками Дементьевской VIII Нерехтского уезда Костромской губернии был сделан годовой запас овощей, собраны в саду яблоки и ягоды, а с пасеки – 2 пуда меда. Было накошено значительное количество сена. От продажи продуктов было выручено 206 р. 94 к., что позволило покрыть все расходы, а также купить для школы лошадь и одноконный плуг¹⁸. Работы на участках не прекращались и в летнее время¹⁹. Ребята за свой труд в это время получали «бесплатный стол».

Досуг в общежитиях был организован в русле религиозно-нравственного воспитания. Учащиеся участвовали в различных чтениях (ре-

лигиозных, литературных, исторических), посещали храм. В свободное время ребята совершали прогулки по окрестностям.

Родители учащихся были довольны установленными в общежитиях порядками и при определении детей в школу просили зачислить туда и своих чад. Но не всегда просьбы родителей удовлетворяли. Главной причиной отказа поселить ребенка в общежитие было ограниченное количество мест.

Несомненно, в правильно организованных общежитиях, ребята имели больше внимания и заботы, нежели получали дома, в семье. Общежития «усиливали» воспитательное влияние школы, «возвышали» процент выпускников.

¹ Отчет о деятельности православного братства святого благоверного великого князя Александра Невского за 1895-96 год. Вязники, 1897. С. 71-73.

² Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. Вып. VII. Ч. 1. Владимир на Клязьме, 1910. С. 155-156.

³ Там же.

⁴ Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ Костромской епархии в 1904-5 уч. г. // КЕВ. 1906. прил. к № 6. С. 19.

⁵ В 1904-5 г. Костромским епархиальным наблюдателем всем заведующим и учителям ЦШ «было предложено» не оставлять без присмотра учащихся и не доверять надзор только школьной прислуге (Там же).

⁶ ВЕВ. 1889. № 23. С. 759-568; 1903. № 5. С. 155-164.

⁷ Например, в Домнинской и Хрипелевской ЦПШ Буйского уезда Костромской губернии, в Кохомской ЦШ Шууйского уезда Владимирской губернии (Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1900 г. Кострома, 1902. С. 83; Отчет Владимирского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Владимирской епархии за 1899 г. // ВЕВ. 1900. № 15. С. 506).

⁸ В 1904-5 г. исключение в этом ряду составляла Седельницкая VIII Нерехтского уезда Костромской губернии. Все 39 учеников содержались на средства казенные (200 р.) и от попечителя. Каждый из учащихся доставлял только «по 5 пудов ржаной муки» на весь год, и кто мог – по 2 меры картофеля (Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ Костромской епархии в 1904-5 уч. г. С. 25).

⁹ Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. Вып. VII. С. 159; Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ Костромской епархии в 1904-5 уч. г. С. 24-25).

¹⁰ ВЕВ. 1905. № 11. С. 314; 1909. № 16. С. 115-116.

¹¹ КЕВ. 1916. № 10. С. 211; № 12. С. 283-284.

¹² Добронравов В. Исторический очерк церковных школ Владимирской епархии с 1884 по 1909 гг. Владимир, 1909.

¹³ КЕВ. 1916. № 10. С. 211.

¹⁴ Добронравов В. Указ. соч. С. 93.

¹⁵ Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ Костромской епархии в 1904-5 уч. г. С. 26-27; ГАВО. Ф 450. Оп. 2. Д. 13. Л. 43-44.

¹⁶ Там же. С. 24-25.

¹⁷ Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910/11 уч. г. Кострома, 1912. С. 49.

¹⁸ Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1900 г. С. 95.

¹⁹ Учащиеся Семиловской VIII Костромской губернии в течение лета 1909 г. дважды перекопали приствольные круги 79 плодовых деревьев и 423 кустов, участок, где посажено было 1970 яблонь, пересадили в плодую школу 235 яблонь, привили глазком 200 яблонь, посадили 40 кустов малины, 265 клубники, 18 лип, 29 тополей, 4 сливы и 2 вишни (Отчет о состоянии церковно-приходских школ Костромской епархии в 1908/9 уч. г. С. 37.)

О. А. КУЗНЕЦОВА
(г. Иваново)

ПРАВЫ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КУПЕЧЕСКИХ СЕМЕЙ XIX-НАЧАЛА XX ВЕКА

Развитие фабричного производства в первой половине XIX в. означало начало промышленного переворота и переход к рыночной экономике. Новые технологии требовали изменения и методов хозяйствования. Фабрикант постепенно учится решать более сложные задачи производственного, коммерческого и организационного плана. Важнейшим мотивом его активности выступает стремление к всемерному росту личного благосостояния, успешное достижение которого косвенно несло определенную социальную полезность (рабочие места, строительство больниц, школ, содействие в развитии и пропаганде культуры).

«Живи сам и дай жить другим» - девиз наиболее процветающих и известных фабрикантов Коноваловых в разной степени нашел свое воплощение в предпринимательской среде нашего края. Но сам факт такой направленности неоспорим. Таким образом, «человек экономический» - это определенная поведенческая установка, система ценностных ориентаций и этических норм. Характерные черты поведения включают умение быстро приспосабливаться к требованиям постоянно изменяющегося рынка, инициативу, смелость, требовательность к себе и другим, культурное развитие, деловую корпоративность. Производство и коммерция становятся главным смыслом жизни, требующим полной самоотдачи. В истории провинциального предпринимательства можно найти такого рода примеры.

Так, в отчете главному фабричному инспектору от пятого фабричного участка Владимирской губернии указываются лучшие промышленные предприятия. Критериями оценки были достижения в развитии производства и социально-культурные условия. Среди лучших отмечалась фабрика товарищества Меленковской льняной мануфактуры: на предприятии было установлено электрическое освещение, рабочие жили в казармах или снимали жилье за счет предприятия в городе, имелась больница на 50 коек, школа.

Как заслуживающая внимания, в отчете фабричного инспектора называется также фабрика Товарищества Покровской мануфактуры П. Грязнова. Здесь для рабочих функционировала больница, баня, прачечная, библиотека. Только на приобретение книг ежегодно выделялось до 1300 рублей.

В селе Южа Вязниковского уезда успешно развивалось текстильное производство фабрикантов Балиных. Для служащих и рабочих было построено здание клуба, где разместился народный театр, построена школа, казармы для рабочих, для семейных выделялись отдельные комнаты, для досуга организованы игровые площадки.

Фабрика Товарищества Лежневской мануфактуры в с. Лежнево Ковровского уезда в число лучших текстильных предприятий была включена за совершенную систему вентиляции, благоустроенный новый ткацкий корпус.

Производство Товарищества Горбуновых в с. Колобово отмечалась как одно из лучших за хорошо отлаженную противопожарную систему¹.

С целью более детального понимания того, как формируется «экономический человек» или новый тип хозяина, обратимся к истории семейного предпринимательства шуйских купцов-фабрикантов Кокушкиных.

Павел Дмитриевич Кокушкин в 1854-1868 гг. был хозяином ситцепрядильной фабрики в г. Шуе. О том, как было поставлено дело, можно судить из его отчета о состоянии движимого и недвижимого имущества за 1868 г. П. Д. Кокушкиным указывает, что в его складских помещениях на остатке числятся сандал, клей, мыло серое, орешек чернильный, т.е. все те материалы, которые необходимы для крашения ткани. В других амбарах хранятся наштатеры, купорос, соль свинцовая, квасцы шведские. Среди химикатов в лаборатории значатся уксусная кислота, грушевый отвар, масло деревянное, лимонная кислота.

Таким образом, по приведенным выше наименованиям можно проследить весь набор компонентов, обеспечивающих технологический процесс производства ткани. Для хозяина было важно все, что связано с производством, не было ничего незначительного. Поэтому, наверное, в отчете перечисляются такие вещи, как чугунные гири, медные ступы и даже «коромыслы большие» (т. е. весы). Гордостью текстильного производства считалась граверная, в ней на фабрике П. Д. Кокушкина имелась граверная машина, пресс, самоточка, токарный станок. Предусмотрительность, практичность хозяина подтверждается состоянием транспорта при фабрике, речь в отчете шла о так называемом каретном дворе. Для хозяйских нужд там имелись: пролетки, сани парные и одинарные, сани беговые, дорожный тарантас, телега рабочая в количестве 5 штук, сани рабочие - 5 штук и т. п. Все это многообразие могло перемещаться при помощи одной из шести лошадей, для которых имелась конюшня и взят для работы в ней конюх.

В апреле 1876 г. в своем годовом отчете шуйский купец I-й гильдии П. Д. Кокушкин указывает стоимость своего имущества: строения - 53900 р., машины - 45920 р., материалы - 9495 р., дрова - 14297 р., товар - 8471 р., лесные земли - 4000 р. и т. д. Всего на сумму 182115 р. 77 к.

Особенным в понимании делового и личного облика фабриканта является традиция следования христианской вере. Сохранились надписи на деловых хозяйских книгах с обращением о помощи и покровительстве к Богу. Так, например «Господи, благослови! Христос, на тя уповаем». При устройстве деловой жизни П. Д. Кокушкин вел отчетность по православному календарю, при составлении годовых отчетов делалась надпись от Пасхи 1876 г. до Пасхи 1877 г.

Многие фабриканты имели специальные жилые дома для служащих и рабочих. У тех же Кокушкиных при фабрике было два дома, два погреба, амбар, коровник, птичий двор, конюшня, каретный двор, харчевой магазин. Там продавали муку, крупы, масло растительное, картофель, чай, сахар, солод².

Павел Дмитриевич Кокушкин, почетный гражданин г. Шуи, умер 8 февраля 1886 г. Он имел сыновей Дмитрия, Петра, Ивана, которые были приписаны к купеческому сословию. Однако последующие поколения Кокушкиных от дела стали отходить. Например, в 1896 г. Павел Кокушкин был переведен в мещанское сословие «за невзятие» гильдейских документов. В 1915 г. почетный гражданин Иван Кокушкин со всем семейством также за «невзятие» купеческого свидетельства был исключен из купцов г. Шуи³.

Приведенные факты были нередкими для предпринимательской среды. Семейное предпринимательство порой было устойчивым только на уровне первых двух или трех поколений. В дальнейшем многие представители купеческих фамилий выходили из дела. Причины тому были разные – нежелание работать, плохое здоровье, новое поприще деятельности и т. п.

Итак, направленность на производство и умножение личного благосостояния были определены как первостепенные в обобщенном портрете российского хозяина. Какими были традиции в отношении к богатству, устройству домашнего хозяйства? Рассмотрим некоторые документы, характеризующие эти стороны жизни предпринимателей.

Так, книга доходов и расходов Н. Г. Бурлыгина и Н. Х. Бурлыгиной за 1911-1912 гг. характеризует уровень их благосостояния, источники его формирования, распределение доходов. Так, в 1910-1911 гг. Н. Г. Бурлыгин имел прибыль в сумме 465185 р., в том числе как директор распорядитель Товарищества Куваевской мануфактуры 60065 р., ежемесячные дивиденды от 124 тыс. р. Среди статей расходов примечательны средства, потраченные на поездку за границу в сумме 8182 р. и на обучение А. Гускина (мальчика, который находился на попечении Н. Г. Бурлыгина) в Сергеевской коммерческой школе 165 р., в том числе на воспитание – 150 р., на учебные пособия – 15 р.

Счет Н. Х. Бурлыгиной подтвержден суммой в 375620 р. 72 к. Источником поступления этих денежных средств были проценты от капитала, размещенного в Иваново-Вознесенском банке.

В разделе домашних расходов указывается: поденная работа при доме, приобретение вещей (фонарь, лампа для Николая Геннадьевича, ткань для платья Надежде Харлампиевне), продуктов питания (говядина, гречневая крупа, масло топленое, рыба, сало). На содержание прислуги, работающей при доме, расходовалось (на 24 человека) 16000 р. Так, на жалование трех кучеров отпущено 40 р., повара 30 р., конюха 14 р., пяти сторожей 15 р., прислуге при доме в количестве пяти человек 17 руб., садовнику 11 руб., пяти рабочим в саду 9 р. За пользование электрическим освещением в доме Ни-

колая Геннадьевича и на квартирах служащих было внесено 39 р. 70 к., оплачен налог на землю 178 р.

В 1912 г. от Н. Х. и Н. Г. Бурлыгиных в Иваново-Вознесенские благотворительные общества было пожертвовано 100 р. для бедных, в пользу голодающих в Прикамье через то же благотворительное общество 200 р., на содержание хора певчих в Покровском соборе 1300 р., директору Иваново-Вознесенского музыкального общества С. Соколову 100 р. На имя Н. Г. Бурлыгина поступало большое количество писем с просьбами о посильной финансовой помощи от самых различных благотворительных обществ, учреждений и частных лиц⁴.

Приведенные выше сведения характеризуют очень высокий уровень материального положения Н. Х. и Н. Г. Бурлыгиных. Однако образ их жизни при огромных доходах был достаточно скромным, просчитанным и без излишеств, в целом соответствующим христианским традициям. Подтверждением этого служит благотворительная деятельность, помощь нуждающимся и больным, строительство городской больницы в память об умерших родителях. Долг детей перед родителями, почитание их памяти был закреплен в уставе этого лечебного заведения, где записано «назвать больницу именем Харлампия Ивановича и Екатерины Осиповны Куваевых и ежегодно дни их кончины: 26 ноября и 16 января отмечать панихидой»⁵.

Основы христианской этики делового человека как жизненно важного начала, были кратко изложены в прощальном слове при погребении почетного гражданина шуйского 1-й гильдии купца Ф. Г. Попова, произнесенное в Старом Покровском соборе протоиереем И. Субботиным 4 апреля 1852 г. Обращаясь к согражданам, он сказал, что память о людях остается не в достигнутом материальном благополучии, а в том, как жил человек. Его умения быть трудолюбивым, терпеливым, способности не впадать в уныние, не поддаваться искушению лжи и накопительства, не завидовать, не быть злобным, прощать других, нести благодарность и благоговение перед Богом⁶.

Безусловно, следование этим духовным составляющим внесло свою специфику в миропонимание провинциального и российского «экономического человека», хозяина, фабриканта, предпринимателя.

¹ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 3590. Л. 6 об., 7, 10 об., 12, 12 об.

² ГАИО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 1. Л. 1-2 об., 3, 3 об., 4-5.

³ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 245. Л. 27 об., 69 об., 94 об., 115 об.

⁴ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1385. Л. 5, 25, 28.

⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4284. Л. 106-109.

⁶ ШИХММ. Ед. хран. 2914/99. Слово при погребении Почетного Гражданина Шуйского 1-й гильдии купца И. Ф. Попова. М. 1860.

ШУЙСКИЙ АЛЬБОМ ПОСТДЕКАБРИСТСКОЙ ПОРЫ

Альбом, о котором пойдет речь, безымянный. Неизвестен источник его поступления в библиотеку Шуйского историко-художественного и мемориального музея. Еще большая загадка состоит в том, с какой целью создана эта подборка рукописных текстов. Кем был и чем занимался его владелец?

Данная рукопись выделяется из ряда альбомов XIX века, обнаруженных нами в регионе, прежде всего обилием текстов, различных по жанру и содержанию, датированных 1800-1854 годами. Читая альбом, мы попадем в атмосферу времени богатого крупными историческими событиями: Отечественная война 1812 года, восстание декабристов.

Владелец альбома изначально придает ему форму рукописной книги и дробит ее на две основные главы.

Открывает альбом «Избранная поэзия». Сюда включены стихи Пушкина, Державина, басни Измайлова. К сожалению, эта глава сохранилась не полностью, некоторые страницы утрачены. Среди произведений А. С. Пушкина мы имеем возможность прочитать рукописные варианты стихотворений «Усы», «Прощание», «Второе послание к цензору», «Послание к Горчакову» и пародию на песню (как указано в альбоме) «Черная шаль».

Для сравнительного текстового анализа мы выбрали стихотворения «Второе послание к цензору». Что мы обнаружили? Оказывается, что наш список стихотворения «Второе послание к цензору» имеет явное тяготение к варианту, встречающемуся в таких известных сборниках, как тетрадь в переплете кн. Николая Александровича Долгорукова «Стихотворения Александра Пушкина» 1830-е – 1860-е гг., тетрадь в переплете Николая Саввовича Тихонова «А. С. Пушкин» нач. 1850-х гг., тетрадь в переплете Петра Ивановича Бартенева «Письма Пушкина» 1848-1854 гг., тетрадь в переплете Павла Яковлевича Дашкова сер. XIX в., копии П. А. Ефремова¹. И все же в нашем тексте налицо иное прочтение некоторых строк. Очевидно, в провинции вариантов текста стихотворений А. С. Пушкина передавалось больше, чем мы об этом думаем. В связи с этим, обратим наше внимание на пародию песни «Черная шаль». Известно, что в первой публикации это стихотворение было напечатано с подзаголовком «Молдавская песня». Фольклорные источники не обнаружены, считается, что прообразом для стихотворения Пушкина послужил сюжет баллады В. А. Жуковского «Алина и Альсим» (1814). В пушкинской балладе нарочито подчеркнута стремление к созданию комическо-гротескного и пародийного впечатления от литературных приемов, характерных для балладного творчества Жуковского. На стихи «Черной шали» Верстовским был написан романс, пользовавшийся огромным успехом у публики в течение десятилетий. Существовали даже лубочные листы на сюжет «Черной шали», свидетельствующие о широкой популярности романса². В нашем

случае составитель альбома зафиксировал пародию на песню «Черная шаль», которая вполне могла звучать в маленьком провинциальном городке.

Гляжу я безмолвно на стражу свою,
И мучит раскаянье душу мою.
Когда легковерен и молод я был,
Наверное в карты играть полюбил.
Искусство и счастье ласкали меня,
Играл – доиграл до черного дня.
Однажды приехал в Москву к нам сосед,
Я ласково принял и задал обед;
Хромой мой товарищ дурман составлял,
Тихонько в буфете в стакан наливал.
Напившись изрядно, игра началась,
И тотчас команда моя собралась.
На пьяного долго ль сто тысяч писать,
Вить совесть в то время могла почивать.
Деньжонок в ушлату я тут попросил,
Тем дело испортил и всех погубил,
Он спьяну в азарте стал крепко ругать,
Ворами, плутами стал нас называть.
Я свету невзвидел, кулак загремел,
И кверху ногами сосед полетел.
Я пьяно тело ногами топтал,
И молча бледнее вино допивал.
Я помню моления злодея сего;
Но сердца он тронуть не мог моего.
В то время на пальце был перстень любви,
Забрызгал сей перстень в невинной крови.
Мой раб напугавшись, ночью порой,
Его обвязавши отправил домой.
С тех пор я не знаю покойных ночей,
С тех пор не смыкаю моих я очей.
Я помню с досадой, несчастный сей день,
Как стражу приставили к двери моей.
Гляжу я безмолвно на стражу свою
И мучит раскаянье душу мою.

Мы думаем, что занесение пародии в альбом объясняется не только распространенностью сюжета, но и отражением особенностей развития литературы этого времени, а именно обращение к жанрам пародии, песни, басни. Представим лишь начало песни из нашего альбома:

Господи! Царя спаси!
Он ввел правду на Руси;

Он злых губит
Добрых любит
И всем правый суд творит.

Любит русский он народ
И честит честных господ
Награждает
Побуждает...
Хочет взятки истребить

А от взяток вся беда,
В правом деле нет суда:
Ни законы
Ни поклоны
От подьячих не спасут.

А то было у нас встарь,
Тянет душу секретарь;
В волчьей коже,
Судьи тоже,
Как овец дерут мирян.
и т.д.

Внизу подпись N

Сейчас трудно сказать, публиковалась ли эта песня, был ли у нее автор, возможно, эта песня была услышана в народе, однако и у Бестужева, и у Рылеева в это время появился цикл песен с ярким агитационным началом. В нашей песне иная позиция. Носителем правды предстает царь.

Автор альбомной подборки не обошел своим вниманием басни известного А. Е. Измайлова. Все они обладают крепким, сатирическим началом. Однако для нас более интересным является то, что Александр Измайлов любил писать в альбомы пушкинской поры³, и появление измайловских текстов в нашей рукописи – явная примета времени. Перечень авторов произведений, записанных в альбом, можно продолжить. Это Вяземский, Жуковский, Державин с последним стихотворением, созданным за несколько минут перед смертью. Таким образом, полистное знакомство с первой главой представило нам столичную и провинциальную литературу первой четверти XIX века. В основном, это – пушкинский круг.

Прозаический блок – вторая глава книги – поражает тематической пестротой. В ней мы находим копии документов, касающихся самых различных областей экономической и общественно-политической жизни общества первой половины XIX века. Это и мнение по расходам на 1822 год, уставные отношения офицеров, письма императора Александра I, мнения по поводу брака и многие другие. Все это выливается в разнообразие жанра. Письмо, мне-

ние, провозглашение, прокламация, приказ, рескрипт, опровержение, доклад нашли воплощение на страницах рукописи.

Однако эта разножанровость и разноликость по содержанию не вносит в альбом сумятицы. Благодаря единой стержневой основе текстов исследуемый нами альбом предстает цельным явлением.

Свое действие начинает оказывать идея, точнее, идейная целенаправленность сборника. Какова она? Большинство материалов, помещенных в альбом, имеют яркую гражданскую позицию. Политические документы вписаны в альбом человеком, размышляющим над вопросами государственного устройства общества, его нравственным состоянием. Именно для этого времени был характерен повышенный интерес к политической экономии, как и вообще к политическим наукам. Параллельно ему шло формирование декабристской идеологии. Патриотический настрой русского общества в начале XIX века подчеркнут включением в альбом листовок, «афишек», которые сочинял московский главнокомандующий граф Н. П. Растопчин, призывающий солдат и ополченцев сражаться с врагом, не шадя своей жизни⁴. Отечественная война 1812 года содействовала росту национального самосознания, способствовала подъему вольнолюбивых настроений в обществе, обострила внимание к социально-политическим вопросам. В альбоме отражены события на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Но если мы захотим понять отношение владельца альбома к декабристам, мы или наткнемся на его скрытую позицию или пойдем путем прямого, вернее всего, ложного толкования текстов. Например, поместил составитель альбома проникновенное письмо императора к Милорадовичу, значит, он (составитель) на стороне осуждающих восстание. На наш взгляд, важнее увидеть в альбоме смелую попытку объективного фиксирования времени во всех его проявлениях, а поскольку в жизни всегда присутствует борьба, возможно, не случайно для альбома выбрана такая нестандартная схема, построенная на столкновении поэзии и прозы.

Сам факт существования подобной рукописи является сигналом изменения взгляда на альбом как на милую дворянскую забаву.

И в то же время данная находка позволяет обозначить важные моменты в формировании понятия «рукописный альбом». Во-первых, существует тенденция внесения в альбом произведений, уже ранее существовавших в других альбомах и списках. Во-вторых, для альбома свойственно жанровое многообразие и широкий диапазон содержания. В-третьих, в альбоме всегда присутствуют тексты, которые создают концентрированный портрет времени.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 томах. Т. 2, кн. 2. – М.: Воскресенье, 1998. – С. 953-960.

² Пушкин А. С. Школьный энциклопедический словарь / Сост. В. Я. Коровина, В. И. Коровин. – М.: Просвещение, 1999. – С. 134.

³ Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. – М.: Книга, 1989.

⁴ История русской журналистики XVIII-XIX вв.: Учебник / Под ред. Громова Л. П., Ковалева М. М., Станько А. И., Стенник Ю. В. и др. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003 – С. 177.

Е. А. КАСАТЫХ
(г. Шуя)

ЦЕННОСТИ ТОРГОВОГО МИРА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ н. XX в. В ЗЕРКАЛЕ ВЫВЕСОК И ОБЪЯВЛЕНИЙ

Вывеска является старейшим и самым распространенным видом наружной рекламы. Название призвано передавать определенную коммерческую информацию и/или привлечь внимание потенциальных покупателей, клиснтов. С другой стороны, слово на вывеске отобрано из лексической базы языка в соответствии с уровнем интеллектуального и культурного развития предпринимателя и «общественным заказом» потребителя. Поэтому вполне правомерно использование лингвистического термина эргоним, который обозначает «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, с. 166]. Анализ эргонимов и обращение к текстам рекламных объявлений, обнаруженных в «Календарях и Памятных книжках Владимирской губернии» за 1913-1917 гг., позволяет выявить некоторые ценностные аспекты торговых взаимоотношений начала XX века.

В основе большинства названий коммерческих предприятий того времени лежат собственные имена лиц – антропонимы. На вывеске могли присутствовать как полностью прописанные имена, отчества, фамилии, так и инициалы, либо просто фамилии владельцев: «*Булочное и кондитерское заведение Николая Ивановича Зайкова*», «*Мануфактурный и галантерейный магазин Анны Дмитриевны Дудиной*», «*Хлебно-бакалейный и колониальный магазин М. И. Бычкова*» (в Шуе); «*Универсальный магазин Григория Михайловича Сазонова*», «*Магазин готового платья В. А. Дубасова*», модно-галантерейный магазин «*Кузнецов и Максимов*» (в Коврове). Повсеместное использование антропонимов в данном случае не связано с отсутствием изобретательности у творцов номинаций. В уездном городе, где новости и людская молва распространялись очень быстро, не требовалось лучшей «рекламной идеи», чем собственное доброе имя торговца, которое и должно было информировать и привлекать покупателя. Не случайно в тексте некоторых объявлений присутствует важное замечание о том, что производство товара (будь то «*солка окороков и различной дичи*» или пошив платья) производится «*под личным наблюдением*» владельца торговли.

Во все времена потребитель выбирает коммерческое предприятие, которое вызывает наибольшее доверие. Надежность может определяться, например, длительностью существования. Так, в одном из объявлений 1916 г. указано, что общество потребителей «*Бережливость и труд*» существует в г. Владимире с 1908 года. А вот братья Кочешковы (г. Шуя) сообщают номер банковского счета: «*Усл. тек. счет в Вол.Кам.Ком. банке № 126*». Внушительно выглядят и указания на родственные отношения владельцев, входящие

в состав многих названий: «*Торговый дом Ивана Ивановича Дудкина сыновей*», торговые дома «*Иван Соколов с Сыновьями*», «*Алексей Кабешов с С-ми*», «*Братья Сергей и Николай Ивановичи Кочешковы*», «*Братья С. и А. Горячевы*», «*Оптовое-розничная кожевенная торговля наследн. Д. А. Устинова*» (в Шуе), торговый дом «*Григорий Ефимович Баранов с С-ми*» (в Коврове). Указанием на то, что «дело» передано по наследству или партнерами являются сыновья, подчеркивается стремление к преемственности торговых традиций российских купеческих династий.

В некоторых объявлениях 1913-1917 гг. фамилии владельцев сообщаются, но в качестве собственно эргонимов выступают нарицательные имена: «*Товарищество шерсто-чесальной, шерсто-прядельной и сукновальной фабрики «Амур» Рабухина и Авербаха*» (в Коврове) или 2-е отделение магазина А. Д. Дудиной – «*Труд*» (в Шуе). Так, круг лексики, обозначающей коммерческие организации, постепенно расширяется и начинает включать в себя не только антропонимы. На вывесках открыто выражались ценностные ориентации продавца и покупателя: вышеупомянутая булочная и кондитерская «*Труд*» в Шуе или общество потребителей «*Бережливость и труд*» во Владимире. Несомненно, такие слова «сообщали» о разумности и умеренности предпринимателя, а значит, рекомендовали его как человека, которому можно доверять.

Многие названия, в основе которых – имена нарицательные, имели ассоциативную основу. Здесь очень интересным представляется эргоним «*Саламандра*», обозначающий страховое общество в г. Владимире. Саламандра – это «земноводная ящерица, по сказкам, негораемая» [1, с. 187]. Судя по названию, население, осуществляя *страхование жизни, автомобилей, пароходов, судов, гражданской ответственности*, могло рассчитывать на то, что «Саламандра» в случае необходимости и пострадавшему поможет, и сама не «сгорит».

Вывеска «*Жизнь*» была над входом в «*книжный, писчебумажный и игрушечный*» магазин в Шуе. По-видимому, смысловая мотивация названия состоит в том, что интеллектуальная и духовная жизнь человека связана с чтением книг и созданием письменных текстов; торговля игрушками – товаром для подрастающего поколения – также вполне соотносится с названием. Словом «*Идеал*» называлась контора, предлагающая фотоуслуги (г. Владимир). Текст рекламного объявления начала XX века не только соотносится с названием, подчеркивает его смысл, но и выглядит вполне современно: «*Сегодня снялся, завтра готово. Дождливая и пасмурная погода на снимки не влияет*». Согласно объявлению, «Идеал» оказывал услуги не только качественно, но и быстро. Вообще, исполнение заказов *в срок* и, тем более, «*экстренные заказы в 24 час.*» (магазин братьев Горячевых) оказывали существенное влияние на «благонадежность» предпринимателя в глазах населения.

Итак, слова на вывесках и тексты рекламных объявлений отражают ценностные ориентации, существовавшие в торговых отношениях начала

XX века. Для того чтобы коммерческое предприятие было надежным, стабильным, «дельцу» надлежало быть трудолюбивым, обязательным, умеренным, бережливым человеком. Такому продавцу, производителю можно доверять, а значит, можно доверять качеству его товара и чистоплотности расчетов. Но отметим, что представленные языковые свидетельства указывают на идеальный образ Хозяина, ибо, по словам величайшего знатока торгового люда А. Н. Островского, «и первый человек греха не миновал, да и последний не минует».

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2002. Т. 4.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

И. Ю. ЧЕРЕМУШКИН
(г. Тейково)

ШУЙСКИЙ МЕЩАНИН ИВАН КОКУРИН – НЕУДАЧНЫЙ ВОЗДЫХАТЕЛЬ МАРИИ КРЕСТОВНИКОВОЙ (ИЗ ДНЕВНИКА МАРИИ ГАРЕЛИНОЙ)

Сегодня большим интересом у читателей пользуются мемуарные источники или, как их называют, «человеческие документы». Становится ясно, что документальность не исключает художественности. Факт может стать художественным образом без вымысла. Дневники читаются на одном дыхании, наверное, потому, что работает аромат подлинности. Ты проникаешь в тот мир, живешь вместе с героями, ощущая атмосферу времени, и даже чувствуешь их прикосновение к себе. Дневники были написаны Марией Крестовниковой в 1882 году в 20-летнем возрасте, в них рассказывается о событиях, происходящих в 1875 году.

«...Между нами было решено, что вечер, предполагавшийся у Морозовых на Рождество, обязательно должен быть костюмированный... Вечер был назначен на 27 декабря, т.е. на третий день праздников и мы с замиранием сердца ждали его. Мамаша хлопотала о костюмах. На общем семейном совете почти единогласно было решено быть мне итальянкой, а Тане русской. Русский костюм уже был готовый у одних наших родственников Ворониных. Замечательно красивый, весь расшитый шелками и золотом, он необыкновенно шел к Тане. Никто не сомневался и в том, что и итальянский пойдет ко мне. Более всех уверенности высказывал Иван Иванович Кокурин, он уже пророчил, что я буду лучше всех, прямо высказывая это и Тане и мне...».

Марии достоверно было известно, что костюмы итальянок будут на многих симпатичных барышнях, и сомнения одолели ее. *«...Перед вечером я совсем упала духом. Задолго еще почти все кадрили были разобраны, Иван Иванович взял себе третью кадрили¹ и котильон². Мне ужасно не хотелось танцевать с ним, тем более что он намекнул, что выбрал эти танцы со значением. А отказать ему я не решалась. Одевать нас приехала сама портниха шившая костюм. Куафёр³ причесал меня, как чешутся по его уверениям итальянки. Мы почти уже готовы. Я боюсь даже взглянуть в зеркало, но по мамашиним глазам и возгласам портнихи Бурдие, я знаю, что, верно, я не очень дурна. «Здесь то не мудрено быть хорошенькой, а вот как туда то приедем!» - думаю я. Гриша – в костюме Фра-Диавола⁴ и Иван Васильевич – в испанском. Бедного Ивана Васильевича почти силой принудили надеть костюм, и чужие сапоги ужасно так жмут ему ноги, но, тем не менее, он мужественно выносит эту пытку и не сводит восхищенных глаз, с действительно очень хорошенькой Тани. Мы, наконец, едим. У Морозовых в передней висит огромное зеркало. Я решаюсь еще в карете непременно оглядеть себя, но, приехавши, волнение мое так усиливается, что я забываю и зеркало и то,*

что кисейные принадлежности моего костюма были подняты, чтобы не помять их в карете, и иду прямо в залу. Мамаша вовремя перехватывает меня. Меня оправляют. Но это последняя капля в чаше...».

В зале Мария встречает Кокурина.

«Бедный Иван Иванович! Он одет греком! Костюм так не соответствует его совсем не греческой наружности, и он так не классически разматывает руками, когда говорит, желая яснее выразить свою речь, становящуюся все более и более не убедительной. Но все это в первое время я не замечаю. Играли уже вальс, когда мы вошли. Ко мне подходит Делоне. Он делает несколько па и вдруг останавливается. «Что это Мария Александровна, Вы просто поразительны. Когда я увидел Юлию Тимофеевну, я думал, что уж лучше ее нельзя быть и по правде сказать, пожалел о Вас. Но Вы превзошли не только ее, но и всякое Воображение!» Такой комплимент от человека, который никогда их не говорит, сказанный так просто, первую минуту так поразил меня, что у меня даже голова закружилась. Это был мой первый вечер с таким явным успехом, и мне было только 16 лет, а по тому я помню его со всеми мельчайшими подробностями. Кокурин не отходил от меня, глаза его опухли до невероятности, он все хныкал, что я теперь увлеклась до такой степени своим успехом, что не обращаю на него наименьшего внимания. Боже, как он мне надоел тогда, а предстояло так много танцевать с ним. И во время легких танцев он почти, что не давал мне идти не с кем другим, а сам он так плохо их танцевал. «Не хочу я с ним танцевать, вдруг почему-то решила я, не хочу и не буду!» Такая решительность с моей стороны была вещь необыкновенной, и должно быть он действительно несносен. Я вдруг расхрабрилась, но прямо сказать ему все-таки не решилась...». В этот период юности Мария была увлечена студентом императорского университета Емельяном Маттерном и обратилась за помощью к Юлии Тимофеевне Морозовой, которой было в то время 19 лет.

«Как ей сказать, если она спросит почему, если подумает, что я капризница, привередница?» и я вся, покраснев, остановилась перед ней. «Что, Вам голубчик, Вы звали меня?» «Юленька, начала я, заикаясь, едва сама, понимая, что говорю, - Вы себя часто бабушкой называете и говорите, что все для молодежи сделать можете, вот я к Вам!» Но тут моему красноречию был положен конец. Она засмеялась. «Я, разумеется, бабушка и если что могу, то непременно сделаю, скажите что? Вам хочется с кем-то особенным танцевать? Да, ведь угадала?» - сказала она лукаво, смотря своими прелестными черными глазами. «Напротив, мне хочется не танцевать с Иваном Ивановичем, он меня и на третью кадрили и котильон пригласил. Пусть отдаст мне то или другое!» «Разумеется, голубушка, зачем же Вы соглашались? Если бы вы были постарше, то вас бы даже многие осудили, что эти два танца с одним кавалером танцуете». «Как же мне быть, продолжала я, он такой противный!» «Просто танцуйте с ним кадрили, а котильон отдайте кому-нибудь другому, а уж я с ним переговорю!» Словно

гора у меня с плеч свалилась. Еще веселее я вбежала в залу. Меня ждал у дверей Делоне. Играли польку⁵. Мы прошли уже тур. «Довольно», - сказала я. «Нет, еще немного!» И мы, танцую, приближались к группе мужчин, из которых один был целой головой выше других, а рядом с ним стоял Кокурин. Я ясно расслышала его слова - «Вот она, вот, не правда ли как хороша?» И высокий мужчина молча перегнулся, и мы встретились глазами, это был Маттерн. Как дошла до места, как села я не помню. Меня поминутно брали. Когда кончилась полька, Маттерн подошел ко мне. «Ну, теперь здравствуйте, - сказал он, - я все переживал, когда вы немного освободитесь!» Он был одет опричником времен Иоанна Грозного. Он был так красив! И это не была фантазия моего влюбленного воображения, о его красоте в этот вечер говорили все единодушно. Мне в этот вечер все говорили, что я хороша. Все кроме Маттерна. Он ни слова не сказал, хотя и был прост и любезен по-прежнему. Из зала раздавались звуки вальса, и я поспешила туда. Иван Иванович был уже после разговора с Юлией. Он сидел рядом с Таней и по его внешности, и по его нетерпеливым движениям, и пожиманиям плеч Тани я видела, что он жалуется ей на меня и на свою судьбу. Наступила третья кадрили. Я ожидала неприятного объяснения. Он сидел молча, и слезы стояли в его глазах. Боже, как легко ему было плакать! Он, бывало, плакал как женщина и так же скоро как она утешался. «Ради бога не плачьте, Иван Иванович, ведь все видят, ведь это нехорошо. Бог знает, что подумают, ведь Вы мужчина» Он стал говорить, что знает, что обидел, оскорбил меня, что он самый негодный человек, что он это знает, но что же делать, если он не может совладать с собой? Этим-то он именно и сбивал всех, а меня в особенности с толку. Когда от него ожидали упреков, когда он имел полнейшее право считать себя обиженным, он со слезами и со всевозможною искренностью просил прощения и доказывал, что виноват он. Котильон я отдала первому попавшемуся кавалеру, кажется Курову. Не помню даже, танцевала ли я с Маттерном, кажется, что нет. Я видела, как он несколько раз под руку проводил Парашу к буфету, как они оживленно разговаривали между собой, и мне было так грустно по минутам, но затем всеобщее внимание ко мне, все-таки кружило мне голову, и я опять забывала все и вся и веселилась от души. После котильона Таня подбежала ко мне и полушутя полусердцась сказала мне: «Ну, уж спасибо тебе. Вытерпела я из-за тебя пытку. Танцевала с Иваном Ивановичем, и он у меня расплакался. Бьет себя руками в грудь и все повторяет, что она как нарочно так хороша, так хороша. Ты бы уж лучше сама со своим обожателем танцевала, а не предоставляла другим их утешать!» Сама Надя, одетая Мартой⁶, была возмущена слишком публичными выражениями чувств Ивана Ивановича, и хотя главным образом и вирила меня, но и его старалась по возможности смирить...⁷

Мария Крестовникова впоследствии стала женой иваново-вознесенского фабриканта А. И. Гарелина, владельца Товарищества мануфактур «И. Гарелин с сыновьями». Она стала известной благотворительницей. Мно-

гие годы возглавляла Правление Иваново-Вознесенского благотворительного общества, которое на частные пожертвования построило и содержало ясли, богадельни, ремесленную школу для мальчиков, приют для детей, молочную кухню⁸.

В благотворительной деятельности ей помогала младшая сестра Татьяна Александровна, которая вышла замуж за Ивана Васильевича Каретникова.

Их брат Григорий Крестовников женился на Юлии Тимофеевне Морозовой, стал одним из самых выдающихся общественно-промышленных деятелей дореволюционной России. В течение длительного времени он был председателем Московского Биржевого комитета.

Емельян Маттерн (1854-1938) евангелическо-лютеранского вероисповедания. Сын московского 1-й гильдии купца. В 1878 году со степенью кандидата окончил физико-математический факультет Императорского университета. В последствии стал известным мировым судьей города Москвы⁹.

Наш герой Иван Иванович Кокурин был шуйским мещанином. Родился он в 1855 году, крестили его в Воскресенском соборе г. Шуи. Крестными были шуйский купец Борис Алексеевич Журов и купеческого сына Николая Борисовича Журова жена Анисья Федоровна. Иван Иванович Кокурин учился в Москве, в училище при Евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла. В 1878 году окончил физико-математический факультет Университета со степенью кандидата¹⁰.

Через год, в 1879 году, Крестовниковы предложили ему службу на своем стеариновом заводе¹¹ в Казани. После его отъезда в Казань в дневниках Марии Гарелиной он не упоминается.

¹ Кадриль (фр.) – танец с четным количеством танцующих пар, располагающихся одна против другой и исполняющих танцевальные фигуры поочередно с общим движением в конце танца.

² Котильон (фр.) – своеобразный танец-игра французского происхождения, получивший в середине XIX века широкое распространение на европейских балах в форме сюиты из нескольких самостоятельных бальных танцев и игр.

³ Куафёр (фр., устар.) – парикмахер.

⁴ Герой комической оперы французского композитора Франца Обера (1782-1871).

⁵ Полька (чеш.) – чешский парный танец свободной композиции, возникший в 30-х гг. XIX века и распространившийся по всему миру.

⁶ Героиня романа «Марта» Ж.-К. Гюисманс (1848-1907), написанного в 1873 г.

⁷ Дневник Марии Гарелиной. Архив НКО «Фонд КаретниковЪ». Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

⁸ Красведческий научно-популярный альманах «Ивановский АРХИВЪ» - 1 - 1996.

⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 287. Д. 175.

¹⁰ Там же. Д. 126.

¹¹ Стеарин применяется в производстве свечей, в мыловарении, текстильной, резиновой, бумажной промышленности.

Ю. А. ИВАНОВ
(г. Шуя)

ШУЙСКИЕ ЖЕЛТОБИЛЕТНИЦЫ

Особенности развития российской промышленности конца XIX века закономерно приводили к разрушению традиционной морали и появлению пресловутых «язв капитализма», в числе которых обычно называют проституцию. Бросавшаяся в глаза в крупных городах, она имела место и в российской глубинке. Правда, уездная Россия не знала такого явления, как уличная проституция.

Для современников было очевидным, что питательной средой для «бордельного промысла» стало, наряду с социальными причинами, и общее падение нравов, в том числе и в крестьянской среде, характерное для пореформенного времени.

Внимательный наблюдатель крестьянской жизни в Шуйском уезде Владимирской губернии священник Ф. Казанский отмечал в 90-е годы XIX века, что потеря девственности уже не считалась в крестьянской среде преступлением. Молодые вдовы также «предавались разврату», пока не наступало второе замужество. О них в уезде говорили, что «затылками подушки стирают». По мнению Ф. Казанского, распространению такого безнравственного поведения особо способствовали фабрики¹.

В Иваново-Вознесенске в дни ярмарок, сопровождавшихся купеческим разгулом, как и на Нижегородской ярмарке, стали появляться «хоры арфисток», подрабатывавших и «древнейшей профессией». В 1878 году в скандальный брак с такой «арфисткой» чуть не вступил представитель известной предпринимательской фамилии, потомственный почетный гражданин Ф. Гарелин, что послужило предметом специального разбирательства и побудило местные власти к решительному ограничению этого явления. В Нижнем Новгороде ярмарочный комитет пошел еще дальше, приняв решение, что в связи с тем, что купцы растрачивают большие суммы на «арфисток», после чего имеют «ужасные последствия для здоровья», вообще «не допускать хоров арфисток в гостиницах на ярмарке».

На этом фоне практически одновременно в Шуе и «заштатном» Иваново-Вознесенске открываются первые публичные дома. С учетом мелочной регламентации уездной жизни этот процесс с самого начала был под пристальным вниманием полиции.

Уездным властям ничего не приходилось предпринимать по собственной инициативе. В столицах и провинции одинаково действовали утвержденные еще в мае 1874 года министром внутренних дел А. Е. Тимашевым «Правила содержательницам борделей и публичным женщинам». Тридцать три пункта «Правил», оставшиеся неизменными до 1917 года, четко регламентировали порядок открытия публичных домов и их работы. В частности, предписывалось, что «открыть бордель может только женщина средних лет

от 30 до 60 лет». В публичный дом запрещалось брать женщин моложе 16 лет. Принимать посетителей по воскресным и праздничным дням разрешалось только после окончания обеда. Безусловно, запрещался допуск в бордель несовершеннолетних и воспитанников учебных заведений. Весьма конкретно были прописаны и санитарно-гигиенические требования к «заведению»: регулярные врачебные осмотры, баня не менее двух раз в неделю и т.д. В этом отношении «Правила» не допускали никаких недоговоренностей и ханжества. Через дома терпимости российская провинция узнала и такой предмет домашнего обихода как ширма: раздеваться перед «клиентом» считалось недопустимым развратом, и поэтому ширма была постоянным атрибутом «бордельного промысла».

Судя по ведомостям Врачебно-полицейского комитета, за 80-90-е годы прошлого века число «учтенных» женщин легкого поведения колебалось в Шуе, в зависимости от «сезона», в пределах 10-30-ти (при населении в 10 тысяч жителей), в Иваново-Вознесенске – 25-30-ти (при населении более 30 тысяч)².

Учет был ежеквартальным, медицинские осмотры и обновление списков – ежемесячными. Возраст проституток колебался от 16 до 28 лет, по социальному составу более половины из них были крестьянками, остальные – «солдатки, мещанки, сельские обывательницы».

В начале XX века, несмотря на значительный прирост населения, особенно в Иваново-Вознесенске, где к 1913 году было уже около 150 тысяч жителей, власти принимали активные меры к ограничению «промысла». Количество домов терпимости оставалось практически неизменным. В Иваново-Вознесенске в 10-е годы XX века их было четыре-пять, при категорическом запрете с 1910 года одиночной проституции: «Девицам разрешалось жить только в открытых домах терпимости». «Возрастной ценз» проституток был поднят с 16 до 21 года.

Полицейские власти использовали различные средства для контроля, а если удавалось, то и для ограничения «порока». В 1909 году было «оставлено без уважения» прошение об открытии нового дома терпимости на том основании, что здание, которое под него собирались снимать, находилось «близ Благовещенской церкви, по Ново-Дмитровской улице, которая густо заселена фабричным людом». Иваново-вознесенский пристав доносил в своем рапорте, что «то и другое обстоятельства являются безусловным препятствием к открытию в данной местности подобного заведения». Такой подход был принципиальной установкой местных властей.

Для поддержания контроля над ситуацией власти шли и на весьма радикальные меры, выходящие за обычные «уездные» рамки. В начале XX века самым известным «заведением» в Иваново-Вознесенске был «Новый Свет мадам Зильбервассер» на Алексеевской улице. В 1908 году поблизости была открыта Владимирская женская община. Ее настоятельница неоднократно жаловалась полиции на «беспокойное соседство». В ответ на эти жалобы в

1910 году дом терпимости был закрыт. А в 1911 году вообще был введен порядок, по которому публичные дома разрешалось открывать только на окраинной 5-й Ильинской улице. На их владельцев возлагалась к тому же обязанность на свои средства «содержать трех городских, находящихся на посту при заведениях».

В Шуе на столь решительные меры идти не пришлось. В условиях уездного города, в котором «все всех знают» (к началу XX века население города составляло 19 тысяч жителей), «одиночный промысел» практически прекратился, а количество «заведений» колебалось от двух до четырех, и все они находились на окраинах.

Сложившаяся ситуация в уездном центре была весьма характерна для провинции: явление существует, но носит латентный характер и вполне успешно контролируется обычными врачебно-полицейскими мерами. Сам патриархальный быт «консервирует» организованную проституцию в состоянии, не оскорбительном для нравственности.

¹ Российский этнографический музей (СПб). Ф. 7. Оп. 1. Д. 63. Л. 4 об.

² Государственный архив Ивановской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 30. Л. 4, 7.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНЫЙ – ШУЯНИН В. А. ВОДАРСКИЙ

Посмертная судьба интеллигентов, влиявших на духовную жизнь Шуи, сложилась неодинаково. О ком-то помнят, что-то из их наследия публикуют (допустим, Журовы, Цветаевы, Бальмонты, Сперанские, М. В. Грамматин, Н. А. Звездин и др.). Кто-то из этих по-хорошему влиятельных лиц почти забыт: в частности, П. В. Шейн, П. Голиков, один из самых инициативных преподавателей духовного училища, и такие лица, как В. В. Рыжов, И. Е. Чернышев, А. Н. Овсяников, Н. Д. Агриков и т.д. К этой группе – почти забытых – я бы отнесла Вячеслава Александровича Водарского (1873-1943). Более тридцати лет самой сильной, зрелой поры жизни он отдал своеобразному провинциальному городу, каковым была и считается Шуя. Здесь и умер; здесь похоронен.

Уложить целую жизнь, протяженную во времени, интеллектуально насыщенную, в одну статью невозможно. Но и молчать о своей истории уже нельзя. А потому, принеся извинения за возможную неполноту информации, что-то существенное обнародуем. Начнем с необходимых фактов.

Родился В. А. Водарский, что явствует из его свидетельства о рождении, 19 февраля 1873 года в городе Кизляр, в семье военного, вышедшего в отставку в чине полковника¹. Появившееся в областной газете «Рабочий край» в 2004 году указание на Шую как место рождения ошибочно². Закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1903). Очень рано он осознанно включился в общественно-просветительскую и научную деятельность. В конце февраля – начале марта 1896 года ему был вручен благодарственный лист за проведение в Санкт-Петербургской городской думе благотворительного «Базара-Масленицы» (для создания фонда пособий недостаточно обеспеченным семьям служащих городского общественного управления)³. В 1903-м году его за занятия этнографией наградили малой серебряной медалью Императорского географического общества. После университета он учительствовал в Тифлисской женской гимназии, получив грамоту на орден Станислава III степени, в Кутаисском реальном училище и лишь в феврале 1909 года, о чем свидетельствует сообщение попечительского совета, переведен в Шую⁴. В «Краеведческом календаре» на страницах «Рабочего края» снова неточность: почему-то назван 1910-й год. В Шуе он преподавал русский язык и литературу в женской и мужской гимназиях (одно время был председателем педагогического совета частной женской гимназии), затем – в первой средней и других школах, опять-таки возглавляя в разные годы методическое объединение, подрабатывал на разных курсах, в педагогическом техникуме, в библиотеке и т. д.

В разрозненных бумагах В. А. Водарского есть датированный августом 1927 года стихотворный текст из 125-ти строк, названный «Вячеславиада».

Его автор – В. И. Массальский, друг юности, сотоварищ по Кутаисской гимназии. Осмыслив написанное как поэму, её автор сделал шутовское прозаическое дополнение: «...прописываемая учеными академику Гомеру, но повествующая о близких нам событиях и людях». Кроме информации о некоторых биографических фактах, документ интересен как косвенное свидетельство о круге духовных интересов молодых людей.

Строится стихотворение в виде традиционных для эпической поэмы песен, объединенных личностью «героя» и авторским обращением к Музе:

Муза, воспой Вячеслава нам, трижды великого мужа!

Сам ведь Феб-Апполон к нему благосклонен.

Также и дева Афине, богине богинь светлоокой,

Матери всяких наук, сей муж ученый любезен.

И хотя в авторском обращении к Музе герой трижды называется великим, в тексте шутовско порицается его склонность к витийству (своему и друзей), к неумеренному общению с книгами, а подчас и служению Бахусу. Завершается все юмористической картиной, изображающей, как важны в служении Бахусу «двенадцать сосудов, до верху полных напитком шипучим»⁵.

Высказанному в стихотворной форме не противоречат и сохранившиеся в пересказе Н. А. Звездина воспоминания самого учителя-ученого и ряд писем к нему, раскрывающих круг его общения и интересов (ед. хр. 99, лл. 259-261 об.; ед. хр. 98, лл. 57-58, 56-56 об., 53-55, 45-46, 40-43, 16-16 об., 11, 10 и др.; ед. хр. 99, лл. 249-252, 262; ед. хр. 111, лл. 17-17 об., л. 29; ед. хр. 98, лл. 1, 25, 26, 27 и др.). Например, в гимназические годы В. Водарский встречался с активно тогда выступавшим осетинским поэтом Коста Хетагуровым, а уважительное отношение к нему он и его товарищи тех лет пронесли через всю жизнь. В студенческие годы он выполнял секретарскую работу у академика А. Н. Пыпина и записал от него, впоследствии передал А. Н. Овсяникову и Н. А. Звездину рассказы о Н. А. Некрасове, его работе над «декабристской» темой, об обстановке в редакции журнала «Отечественные записки». В юности же он занимался аналогичной деятельностью, впоследствии приведшей к научным студиям в сфере лингвистики у академика А. Шахматова. Сохранившиеся письма последнего датируются 1901-1918 годами, то есть часть их адресовалась в Шую, на Садовую.

В Шую Водарским была привезена любовно составленная рукописная книга его художественных творений. На переплете была выгравирована надпись «Poesia», а на титульном листе значилось: «Водарский Вяч. Стихотворения. Издание первое и последнее. – СПб., 1899». Тем же путем прибыл и альбом с автографами знакомых (объем: 16 листов, начат в 1899 г., завершен уже в Шуе, в 1913-м). В годы жизни в Шуе количество альбомов и альбомных тетрадей приумножилось. Обозначение «альбомные тетради» употреблено здесь преднамеренно, ибо в рассматриваемый сейчас рукописный ряд входили и собственно тетради и папки с разрозненными листами. Они состояли из оригинальных стихотворений и переводов, имели объем в 134, 150, даже 245

листов; на некоторых из них было повторяющееся название: «Обо всем по-немногу»; владелец охотно давал их читать своим многочисленным знакомым (ед. хр. 99, лл. 145, 146-146 об., 147, 184, 184 об., 187 и др.). Со временем их содержание и характер изменялись: все чаще автографы в них чередовались с материалом, почерпнутым как из солидных общерусских, так и из местных периодических изданий типа газет «Старый Владимирец», «Новый путь» (Шуйская газета) и т.д.

Для убедительности скажем подробнее об одном из таких «комбинированных» альбомов: «Альбом записей произведений, переписанных и оригинальных. 1911-1939 гг.» В его составе 84 листа. Есть частично утраченные. Характеризуя этот альбом, Н. А. Звездин перечень авторов переписанных произведений открыл именем К. Бальмонта, а в составе оригинальных текстов назвал стихи Ефима Вихрева, Ивана Жижина, Николая Смирнова⁶. Однако какие тексты имелись в виду и где сейчас этот альбом, неизвестно.

Кроме названного, были подборки стихотворений по авторам (ед. хр. 99, лл. 184, 184 об., 187), в частности, из Пушкина. К тому же, немалое количество цитат из художественных текстов попало в записные книжки, которые сопутствовали их владельцу в течение ряда лет (см.: ед. хр. 99, лл. 146, 147-147 об., 185 об. и др.), например, «Записная книжка 1894-1900 годов». Попытка первичного описания этой группы рукописных материалов В. А. Водарского была впервые предпринята вскоре после его кончины Н. А. Звездиным, им же в ряде случаев при их описании даны справки о приобретении их Гослитмузеем. Последнее вызывает мысль о значимости, ценности этих документов. Сейчас не лишне заметить и определенную точность в их названиях, восходящую, видимо, к свойствам личности Водарского, его склонности к систематизации.

Многие из особенностей личности Водарского, отразившиеся и выразившиеся в его научной, популяризаторской, педагогической, общественной деятельности, своеобразно преломились и в его других литературных начинаниях, в содержании встреч в его дружески-литературном кружке, оказавшемся одним из звеньев в духовном развитии глубинной России.

В конце XIX- первой половине XX веков то ли ход исторических событий, то ли отсутствие массового городского транспорта, по-своему объединяющего людей, то ли недостающее количество периодики, то ли все это, вместе взятое, вызывали у людей неудержимую потребность общения. Возникло множество кружков: и ученических и взрослых, вполне сложившихся людей – просвещенческих, земледельческих и вообще трудовых коммун, полуофициальных и полудружеских ассоциаций, ставились любительские спектакли. Научные конференции, собрания получали как бы продолжение на дружеских встречах, в долгом пути к дому и т.п. Этим была отмечена жизнь и губернских и уездных городов (в нашем регионе таких, как Рыбинск, Углич, Ростов, Кинешма, Юрьевец, Ковров, Шуя и др.). И тут – кладезь самого различного характера материала, еще ждущего своих систематизации, изучения,

осмысления, позволяющего ответить на какие-то вопросы. И прежде всего прояснить, почему от таких кружков, как названный, как кружки воспитанников духовного училища (братьев Цветаевых или братьев Семеновских), как гимназический кружок Ефима Вихрева, как «Союз учащихся города Шуя» пойдут прямые токи в предстоящий период истории.

Еще в конце двадцатых годов прошедшего века появились первые статьи об организованном в 1882-м году врачом Предтеченским шуйском, названном «противоправительственным», кружке. Кое-что написано, опубликовано и о других, скажем так, идеологических кружках, в частности, об объединении вокруг И. В. Кохомского и И. Е. Чернышева⁷. Однако не менее значимы, ждут внимания кружки в основном эстетической, познавательной ориентации, в частности, рабочий кружок А. П. Горева, куда ходил И. И. Жижин. Последний писал в своей автобиографии: «...мы успевали следить за всеми новинками, появляющимися на литературном рынке. Любимыми нашими поэтами были Бунин и Бальмонт. Все лучшие стихи мы выписывали в особые тетради из журналов и сборников»⁸. Вспоминал Жижин о деятельности, характере интересов еще одного, как бы мы теперь сказали, неформального Шуйского объединения: «У нас составилась дружеский литературный кружок, состоящий из 5-6 человек. В него входили: А. Д. Сумароков, Л. П. Зефилов, братья Г. и Н. Хлебниковы и еще кто-то. Мы собирались по вечерам на квартире Сумарокова и устраивали чтения по истории литературы, читали образцы художественных современных произведений и вели горячие споры, затягивавшиеся до глубокой ночи. Эти вечера имели на меня глубокое воспитательное влияние»⁹. В годы активной деятельности шуйского театра (1918-1941) возникло своеобразное газетно-театральное братство¹⁰ и т.д.

Границы кружков отличались подвижностью и нередко «подпитывались» визитами «по симпатиям». Н. Звездин ходил к Сумарокову, И. Жижин встречался с Вихревым, Д. Семеновский – с Журовыми (особенно – с Петром Алексеевичем). В. Водарский бывал у Сперанских, в кружке, который существовал не один десяток лет и, по меньшей мере, в двух поколениях. Тускнеет ли на фоне этого множества его собственный кружок и круг?

Даже предположение и вопрос об этом кажутся кощунственными. А убедительные аргументы в пользу его жизненности и значимости – в записях на дошедших до нас однотипных листах, заполненных преимущественно стихотворными экспромтами, с подчас сопровождающими их прозаическими уточнениями, пожеланиями, оценками каких-либо текстов. Есть смысл подумать и над тем, почему все это столь бережно хранилось.

Так, на листе, датированном 12 июня 1926 года и заполненном тоже учителем и краеведом Вениамином Рыковым, наличествует текст «стихотворения на случай» и любопытная «справка»: «В память Иваново-Вознесенской конференции». Прочитируем его первую строфу:

Певец литературы пролетарской
О, Вячеслав Водарский!

Приветствовать, поверьте, Вас готов
Всегда Вениамин Рыжов¹¹.

Тут, как и во всем стихотворении, очевидны и адресованность определенному кругу слушателей или читателей, и обусловленная общей деловой устремленностью культура «домашних» отношений, и юмор в позиции пишущего, и надежда на такое же чувство у воспринимающих текст. Эти особенности раскрываются и в других «творениях», возникавших на встречах-продолжениях, возникавших после каких-то официальных заседаний. Допустим, в экспромте С. Грамматина «Наш профессор Пи-Водарский Угостил нас здесь по-царски» (14 декабря 1927 – л. 49) или в признании В. Ле (далее подпись неразборчива):

Вячеславу
(Товарищеская вечеринка, 29-Х-27).

Я попал сюда случайно.
Мы «хватали» (то не тайна!).
И поем мы Вячеславу
За вино и пиво «славу» (л. 48).

Рядом записано стихотворение Петра Сухарева с прозаическим завершением «Люблю тебя, Вячеслав» (л. 47). Автографы оставались даже не владевшими стихом А. Холмовым, М. Виноградовым и др.

В этом непосредственном, как будто бытовом общении друзей серьезных начал живой жизни было, однако, думается, не меньше, чем в любых официальных мероприятиях. Из оказавшихся доступными нам рукописей совершенно очевидно, что приходившие в квартиру на первой Садовой (бывшей Соборной, дом 3) или встречавшиеся с Водарским в других местах его современники дорожили как им самим, так и возникавшей вокруг него аурой. Подкрепим это утверждение посланной из Плеса (по штемпелю, 4 июля 1929 года) шуточной, оформленной печатными буквами, с употреблением юса и фиты открыткой. Подпись неразборчива, но ясно, что от кого-то из близких друзей: «...радуйся, стопы свои в шлесские страны направляя, и да очима своими красоты zde сущие иногда узриши; радуйся, с собою Сергия, мужа плешива (учителя Сергея Грамматина. – Л. Р.) привозящий, да и сей нам компанию теплую зело составит; радуйся стихов сладкогласных слагателю; радуйся книжиц и скляниц пивных собирателю...» (ед. хр. 98, л. 5). Или краткой, датированной тем же днем записью: «Был в Шуе и посетил лучшего из людей, словесника и педагога В. А. Водарского» (подпись неразборчива. – Ед. хр. 98, л. 38).

Эта признательность характерна для ряда заметок на отдельных листах, как будто заготовках для собиравшегося (или задуманного) альбома. Например, человек с неразборчивой подписью зафиксировал 29 марта 1930:

«... лучшее воспоминание о бесконечно тоскливых днях в этом поистине “Шуевском городе” будет связано с тобой» (ед. хр. 98, л. 28). Или коротенькая запись без даты, с неразборчивой подписью, но с весьма значитель-

ным обращением «Дорогой учитель, друг и товарищ»: «Давно знакомы, давно родны, но мало вместе мы бываем. Хотел бы я, чтобы минуты, проведенные вместе в начале месяца июля, повторялись чаще, чем до сих пор» (ед. хр. 98, л. 33. В записи перепутано имя адресата: «Владимирович» вместо «Александрович»).

Немалый биографический и документально-художественный след остался от начала июля 1928 года, снова заметим, на листах, как бы предназначенных для альбома. Есть даже листы, на двух сторонах которых оставили свои письма разные лица и в разные годы (допустим, К. Волгарь, 19 июля 1928 и С. Грамматин, 20 июня 1929) (ед. хр. 98, лл. 36 и 36 об.). К. Волгарь, сначала актер Шуйского театра, переехавший в Кинешму и затем вступивший на стезю педагога, записал без обращения, зелеными (теперь уже выцветшими) чернилами:

«Шесть лет прошло с тех пор, как мы с тобой встретились. Всегда вспоминаю тот вечер в театре, когда ты просто вошел ко мне в уборную, вытаскивал из всех своих карманов изрядное количество бутылок с пивом, которые, конечно, мы быстро же уничтожили <...>. Говорили в тот вечер, когда мне пришлось читать тогда приветственную речь на сцене Шуйского театра, по поводу 300-й лекции, прочитанной тобой в этом театре¹³.

Глубоко запечатлелись в моем сердце твои заботы обо мне, когда я вступил по воле рока на новую для меня дорогу – педагога. Ты был для меня всегда самым близким человеком и другом – и я хочу высказать и передать на эту бумагу те чувства, которые накопились в интимном уголке моего сердца. Но...

...Это перо не в состоянии описать всей полноты моих чувств, а потому говорю тебе: – друг и брат мой Вячеслав, помни! Что где бы я не был, я всегда буду с тобой! <...> Г. Шуя – Южа¹⁴. Тот же круг чувств, мыслей запечатлен и в двух более слабых, чем прозаический текст, стихотворных фрагментах Волгаря. Один помечен 10 августа 1928:

Люблю тебя как брата и друга своего!!!

В день XXV-летнего юбилея желаю я тебе лишь одного:
Всегда быть тем, каким ты был со всеми нами,
Жаждущими дружеского участия,
А также и... пива твоего (ед. хр. 98, л. 38).

Другой фрагмент датирован 20-м июня 1929:

Вячеславу!

Ты просишь стихов, их нет у меня.
На сердце ни грусть и не печаль,
Но вспомни одно лишь...
Уборная, сцена, полдожины пива!..

И все всколыхнет всю прежнюю старь (ед. хр. 98, л. 35).

Особенно интересны, думается, стихи шуйского учителя Сергея Грамматина. В них выражены общий настрой кружковцев, названы некоторые

внешние причины для встреч и ряд наиболее устойчивых и внутренних элементов общения. Например, 29 апреля 1928 он сделал (с датой и подписью) существенное признание: «И сегодня, как всегда, Я тот же – да...» (ед. хр. 98, л. 37). Оно (признание) связано и с мнением об основной направленности встреч: «Пусть льется беседа Всем прочим на диво!». 2 августа 1928 (тоже с датой и подписью):

Марксистский метод изучая,
Тебя я посетил, мой друг;
Поверь, я не пил дома чая,
А пива много выпил вдруг.
Тебе, судьбу мою вручая,
Пою хвалу в содружестве твоих подруг.

Затем на том же листе, черными же чернилами, но более густого цвета и другим пером вписана самооценка шестистишия:

Словно не мои это строчки,
С трудом узнаю я их,
Но для тебя – всегда строчки,
А точка – только для чужих.
С. Грамматин (ед. хр. 98, л. 34).

20 июня 1929 С. Грамматиным и кем-то (с неразборчивой подписью) создано еще одно юмористически-информационное стихотворение:

Нам Нужик не нужен,
Но ужин нам нужен,
Мы жаждем обедать,
Обеда и пива;
Пусть льется беседа
Всем прочим на диво!
Сегодня мы пьяны
Душою и телом,
Но мы – без изъяна:
Мы заняты делом.
Пируем и снова боком наливаем,
И сдем без конца.
Себе и друг другу мы счастья желаем,
И снова собраты мы чаем,
Простите, в скором времени (ед. хр. 98, л. 36 об.).

4 июля 1929 на один из листов записана эпиграмма. Судя по почерку, похожести неразборчивой подписи и манере располагать дату, это – то же лицо, которое считало Водарского «лучшим из людей» (ед. хр. 98, л. 38). Текст эпиграммы выглядел так:

На В. А. В.
Как денди лондонский одет,
В театре выступает,

К восьми являться не привык
И пиво обожает (ед. хр. 98, л. 29).

На обороте того же листа через несколько дней (10 июля) появилась иронически-оценочная реплика: «Читал я эти классицизмы ... С. Грамматин». И еще через два месяца (12 октября 1929): «Был и пил. Тогда же лил. С. Грамматин» (ед. хр. 98, л. 29 об.). Следовательно, записи просматривались самими членами кружка и как-то корректировались.

Не исключено, что отдельные из стихов читались раньше «переселения» в квартиру Водарского, непосредственно в месте возникновения. Один из аргументов – в уточнении под рукописью возникшего в 1933-м году стихотворного экспромта:

Наша школа
всегда готова
услышать слово
о том, что ново,
хоть все – «ex ovo»,
но, что такого?...
Греха большого,
ведь, нет в диктанте...
Привет инфанте
Мадам Янковской
(pardon, monsieur,
Софи Перовской).

Понедельник, 12/Х, учительская нашей школы, в 7 веч[ера].
Ваш С. Грамматин (ед. хр. 98, л. 32).

Чаще и больше других кружковцев обращался к созданию поэтических экспромтов сам Водарский. Его опыты и во времени и в объеме выходят за границы кружка. Вернемся к уже высказанной информации о том, как много его стихов входило в домашние альбомы, охватывавшие около сорока лет его непрерывного, ежедневного общения с литературой и начатые еще до приезда в Шую. Как поэт он активно выступал и на страницах уездных газет «Шуйские известия» и «Новый путь», начав эту форму сотрудничества с первой поры их существования и сохранив до последних месяцев своей жизни (уже в районной газете «Шуйский пролетарий»). Сюда, на страницы газет, он предлагал стихи преимущественно гражданские, философские, пейзажные. К сожалению, эта сфера его деятельности еще никем не рассмотрена.

Однако даже первое знакомство с напечатанными стихами Водарского позволяет выделить их среди других (о некоторых из других см. в статье «О тайных родниках Ефима Вихрева»). Тонкостью наблюдений, культурой слога, точностью деталей отмечен, в частности, лирический фрагмент «Спряталось солнце в далекой лазури...»¹⁵. Некрасовская интонация, близкие великому предшественнику настроения и тревога, соответствующий лексический строй доминируют в стихотворении «В помещицкой усадьбе»:

А дождь стучит в окно угрюмо,
И каждый день дожди, дожди,
И каждый день тревожит дума:
Ах, что-то будет впереди!¹⁶

Возвращаясь к возникшим в дружеском общении текстам Водарского (стихам и письмам), заметим, что в них немало интересного. Необычность яркой натуры педагога, слиянность творческого и неизбежного бытового проявилась во многих из этих стихов. Автором найдена любопытная форма соединения в одном документе собственно письма и стихотворного послания. Воспроизведем полностью письмо-открытку (от 16 апреля 1930), адресованную А.Н. Овсянникову, известному в Шуе учителю, по разным причинам перебравшемуся, о чем говорилось выше, в Иваново:

«Привет Вам, дорогой Алексей Николаевич!

Живу не пышно и не бедно
Погряз в делах я с головой.
Хожу в две школы ежедневно,
Лишь ночью приходя домой.
Обедаю я в ресторанах,
Там только каша, щи да суп,
Но это все – без тараканов, –
Все благо, лопай что дают.
Хожу я в школу, как в изгнание, –
Она ведь дальше, чем вокзал.
Видали, верно, это зданье?
О, чтобы черт его побрал!
Как долго мне идти туда, оттуда,
Какая темень на пути,
А на мосту уж ждет простуда
.....
Порой я пивом подкрепляюсь,
Чтоб не было упадка сил,
И, право, тем я удивляюсь,
Кто пива никогда не пил.

С августа месяца я состою учителем мартемьяновской школы!!! Имено 178 р. в мес[яц].

Всего доброго.

Ваш Вяч. Водарский» (ф. 98, л. 23 об).

Или еще письмо, правда, с усеченной датой (показано лишь «18.1»). Адресовано оно, вероятно, Петру Сухареву, бывавшему на встречах в конце двадцатых годов и тогда оставившему несколько лаконичных автографов на рассмотренных выше листах с результатами коллективного творчества. Итак, цитируем:

«Привет тебе, Петруша!

Одно лицо, бывшее у тебя в Кинешме, передало нам, что ты имеешь хороший вид. Это меня радует. Там у вас

Горло режут, зубы рвут

(И ошибки очень редки):

И во имя пятилетки

Исцеление дают!

<...>

Из больничного ты плена

Возвращайся молодцом!

И в своем тогда романе

Ты больницу опиши:

Поздравляю я заране:

Ты получишь барыши!

Исцеливши в сердце раны

И окрепши животом,

Заведешь с бабьем романы

И ... опишешь их потом!

Сберегу тебе газеты –

Штук с полсотни номеров...

Так прими ж привет поэта

И скорее будь здоров!

Твой Фаддей Безыменский» (ед. хр. 98, л. 18).

Эти прежде неизвестные стихи, как видно, разные. Не похожи они и на те проникновенно-лирические, а также серьезно-публицистические, которые достаточно часто публиковались самим Водарским на страницах шуйских газет, особенно в периоды империалистической войны и первых революций 1917 года. Однако в старой архивной папке есть и проникновенно-лирические, открывавшие существенную сторону дарования Водарского. Обратим внимание на еще одно письмо, датированное 7 сентября 1941 года. Предназначалось оно для давнего-давнего друга – В. Крылова. Сразу после даты размещался выполненный лиловыми чернилами рисунок: разворот открытой книги. На обеих страницах разворота был записан стихотворный текст:

Близка и чувствуется осень

В печали тихой ясных дней.

На темном фоне старых сосен

Березы блеклые видней.

Печалью тихой, как бывало,

Душа моя полна опять, –

Как будто смерть яснее стала

Она в грядущем различать.

Далее стихотворный текст был зафиксирован (теми же лиловыми чернилами) обычным способом, то есть без разворота, и переходил в прозаический:

Уж стынет солнце, слабо пригревает.
Свежо, и зябнет слезная трава.
Дохнула осень. Лето засыпает,
И сыплется багряная листва.

Привет тебе, дорогой Витя!

Я хожу в школу, в свою библ[иотеку]. «Свои» книги привел в порядок. Теперь вожусь с книгами 18-й школы (их около 500), которые не были даже вписаны в инвент[арную] книгу. Книг интересных нет. Обнаружил лишь одну: «Дневник Папанина» – скучная, однообразная. Из Центр[альной] библ[иотеки] взял 2 тома соч. Н. К. Михайловского, этого вождя 1880-х г[одов] – чтобы перечитать кое-что. Увы! Тягуче, скучно и теперь старо. Вот бы достать где «Дневник братьев Гонкур!» Здесь их нет.

С махоркой как будто устроился. Нашел одного гражданина, который обещает мне поставлять махорку собственного изделия (2р. 50 к. стакан). Водочку не пью. Теперь у меня главная задача купить дров. В школу я хожу через деревянную площадь, так...» Здесь буквенный текст обрывается, но на полустранице снова нарисована, теперь уже простым карандашом, то ли книга, то ли альбом с незаполненными страницами (ед. хр.98, л. 17).

Последнее письмо возникло в самые мрачные месяцы Великой Отечественной войны. И главное в нем – не в мелочах быта, а в том, что жизнь не остановилась даже в эту тяжелую пору, что уже немолодой человек (Водарскому было 67 лет) не бросил составлявшего смысл его жизни общения с учениками, литературой, «сладостью книжной».

«Сладость книжная», таившая в себе неисчерпаемый клад знаний, была не только в служебных библиотеках, но и в домашней. По явно пропускающим в систематизированной (и описанной) части собрания целевым установкам и вкусовым симпатиям она выделялась из других частных библиотек Шуян¹⁷. Формироваться она начала еще до его приезда в Шую, а здесь, частично меняя – по разным причинам – свой состав (в том числе и по велению времени), была предметом забот своего владельца более тридцати лет (1909-1943), то есть все годы жизни в Шуе. Из ряда воспоминаний, переписки явствует, что любивший книги Водарский, нуждавшийся в них для своей работы, тем не менее охотно (и чаще всего безвозвратно) делился ими, впрочем, как и письмами, с друзьями. Но и друзья – коллеги, писатели, ученые – судя по автографам, дарили, присылали ему свои сокровища.

Нынче представляется немаловажным собрать или хотя бы описать часть «странствовавших», прежде всего – по Шуе и уезду, району, книг Водарского, немаловажно как для представлений о его духовном облике, так и для уточнения (может быть, даже открытия) адресов других культурных

гнезд. На этих «странствовавших» книгах в виде беглых заметок, вклеек, вкладывшей могла быть запечатлена весьма существенная информация. До нас дошло утверждение прекрасно знавшего это собрание Н. А. Звездина: цель «была не библиографическая, а чисто практическая» и далее – «Самая книга носит яркие следы работы В[ячеслава] А[лександровича]: она покрыта надписями, замечаниями, подчеркиваниями, несмотря на ценность книги, в нее вклеены многочисленные печатные и рукописные материалы и библиографические заметки»¹⁸.

Составляя после смерти Водарского описание его библиотеки, Н. А. Звездин зафиксировал 1160 названий. Это много или мало? В середине уже двадцатого века достойной для интеллигента-специалиста считалась домашняя библиотека в пятьсот книг. Учитель-шуянин Водарский имел еще немалое число самых разных рукописей, в том числе – альбомов с автографами современников. Н. А. Звездин, составляя в качестве душеприказчика (после смерти владельца) описание доверенного его попечению наследия, насчитал, что по истории всеобщей литературы здесь были книги 32-х названий, по истории русской литературы – 112 (уточняя эту цифру, скажем, что она, по сути дела, охватывает все, вышедшие к этому времени, издания подобного рода – ед. хр. 99, лл. 62-73), очерков о писателях – 220, томиков с художественными произведениями – 236, изданий по краеведению – 25 и т.д. (ед. хр. 99, лл. 3 об., 5 об - 6).

Небезынтересно специально сказать о том, что являли собой пушкинские полки в составе собрания Водарского. Одиннадцать (именно так) собранных сочинений и разрозненные тома из других. Несколько книг из серии «Иллюстрированная Пушкинская библиотека» («Евгений Онегин», «Каменный гость», «Цыганы», «Сказка о рыбаке и рыбке»). Рядом пушкинских томиков была представлена еще одна серия – «Университетская библиотека». Возможно, и прав (точнее: в значительной степени прав) первый составитель описания этой библиотеки, полагававший, что она имела чисто практический характер (см. выше).

И все-таки не только практический. Хранился, например, выпущенный в 1919-м году сборник «Стихи о свободе». Или с годами обретавшие все большую уникальность такие издания, как «Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова (СПб., 1855) или «Памяти А. С. Пушкина (празднование 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина в учебных заведениях Кавказского учебного округа. 1899)». По счету Звездина, к концу жизни у Водарского было 35 книг о Пушкине. Это – и целиком посвященный Пушкину первый том собрания сочинений Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1909), и украсившая особый ряд изданий о писателях книга Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина» (1910). Это и редчайшее для любого книжника приобретение – «Неизданный Пушкин. Собрание А. Онегина» («Атеней», 1922). Было несколько сочинений критиков и ученых XIX века, например, вырезанная из журнала «Дело» (1867, № 1) статья С. Тимофеева «Пушкин и современная

ему критика» или выпущенная еще в 1891 году книга А. М. Скабичевского «А. С. Пушкин». Для домашнего собрания журналов только из вышедших в 1937-м году (в связи со столетием со дня кончины поэта) учителем Водарским приобретено было их десять книжек; помимо собственно литературных, это – «Исторический журнал», «30 дней», «Наши достижения», «Колхозник» и др. (ед. хр. 99, л. 3 об.).

Коллекции из изданий произведений других писателей были не столь обширны, как «пушкинская», но достаточны и для удовлетворения личных запросов, и для работы, как учебной, так и научной. Допустим, из Некрасова, влияние поэзии которого на гражданские стихи Водарского несомненно, держался второй том из полного собрания сочинений 1890 года, одно из осуществленных А. С. Сувориным (в 1914-м году) коммерческих изданий двухтомника, однотомник избранных стихотворений (1929 год) и «Кому на Руси жить хорошо» (1931) в серии «Детская библиотека» (ед. хр. 99, лл. 48 об. - 49).

Поскольку более сорока лет Водарский активно печатался в разных общерусских и региональных изданиях, их экземпляры, естественно, бережно хранились (ед. хр. 99, л. 219 об.). В домашнем архиве наши место и рукописи созданных в Шуге статей, докладов, эссе, даже книги о Пушкине, по тем или иным причинам не напечатанных, допустим, прочитанной в 1911-1912 году на одном из заседаний Шуйского педагогического кружка «Характеристики поэзии А. С. Пушкина» (ед. хр. 99, л. 171 об.) и таких сочинений, как «Пушкин. Его личность» (1912, 12 л.; касающееся объема рукописей обозначение «л» (лист) принадлежит Н. А. Звездину), «Политические взгляды Пушкина» (1924, 45 л.), «Пушкин: биография и значение» (1936, 14 л.), «Чем нам дорог Пушкин?» (1937, 36 л.), «Пушкин» (б. д., 100 л.) – ед. хр. 99, лл. 183-184, 196, 207. Аналогичные, по сей день частично еще уцелевшие, а частично уже и утраченные рукописные труды посвящены и другим писателям: Л. Н. Толстому, А. П. Чехову, В. Г. Короленко и т.д. Объем их уступает величине «пушкинских», но и он впечатляет. Порядочно их, в частности, о Некрасове: «Поэзия Некрасова. Жизнь крестьян до 1861 г.» (1921, 9 л.), «Крестьянство после 61 г., по Некрасову» (1921, 5 л.), «Интеллигенция в изображении Некрасова» (1921, 19 л.), «Взгляд Некрасова на себя как на поэта» (1921, 48 л.), «Значение поэзии Некрасова» (1921, 30 л.), «Н. А. Некрасов. 1821-1877» (1930, 2 л.) и др. (ед. хр. 99, лл. 192 об. - 193).

В рукописной части собрания Водарского заметное место заняли сосредоточенные в «толстых» тетрадях раздумья о Пушкине (как, впрочем, и о ряде других литераторов XIX века), адресованные ученикам разных классов (ед. хр. 99, лл. 154, 155, 155 об. и др.).

Сохранялись тексты и других выступлений, в частности, датированной 20 марта 1918 года лекции «Русская революция. Время от 1895 года по 25 октября 1917 года» (ед. хр. 99, л. 186). Или записи множества заготовок к истории Шуйского театра, об отдельных спектаклях в нем и т.п. (часть этих документов опубликована Л. А. Розановой – см. примечание 10).

Можно думать, это творческое начало в отношении к книгам и рукописям подвигло Водарского к выступлению со специфической статьей о библиотеках¹⁹.

Немалую роль В. А. Водарский как учитель и активно популяризовавший знания ученый сыграл в формировании культуры чтения у своих современников-шуган, в частности, такого ее аспекта, как библиографическая информированность и осведомленность. Сам он вел картотеку с библиографическим описанием своих работ, составил – на обычных листах и на карточках – несколько перечней своих «пушкинских» статей, своих печатных выступлений на разные темы за 1917-й год и более поздних из «Шуйских известий» (ед. хр. 99, лл. 36, 38, 218, 219 и др.). Это не мешало и собственно хранению вырезок из местных газет со своими стихами, статьями, рецензиями (ед. хр. 99, лл. 187 об. – 191). Он учитывал прочитанные перед спектаклями лекции в Шуйском театре (ед. хр. 99, лл. 189 об. – 191). Им собиралась библиографическая информация по отдельным темам, допустим, по истории революционного движения в России (ед. хр. 99, л. 186). И даже в бесчисленных тетрадях для подготовки к школьным урокам он отмечал, на какие пособия опирался. В ряде случаев он к этим тетрадям составлял оглавление (напомним о таковом хотя бы в «пушкинской» тетради 1937 года. – Ед. хр. 99, л. 207 об.). Тем более необходимо сказать о дважды предпринятом, но незавершенном библиографическом описании состава своей домашней библиотеки²⁰.

Справедливо было бы говорить о существовании неразрывной связи, взаимопроникновения этих важных начал (личных пристрастий и доминанты в общении с друзьями, убеждения в необходимости просвещения и просветительства, официальной служебной деятельности, кропотливого собирания личной библиотеки) и неустанного служения науке.

Ко времени приезда в Шугу он был уже известен в кругах пушкинистов и дорожил даже первыми публикациями, сделанными еще на студенческой скамье, допустим, начальными результатами по изучению языка А. С. Пушкина, появившимися еще в 1901 году в воронежском журнале «Филологические записки». Подтверждение в том, что он хранил эти первые выступления в печати в составе домашней библиотеки, и в том, что сам сделал о них уведомление в более авторитетном издании²¹. В скором времени (1901-1905 гг.) тот же журнал выпустил итог этих интересных наблюдений в виде отдельной книги под названием «Материалы для словаря пушкинского прозаического языка» (172 с. Автор хранил это издание в составе своей домашней библиотеки до глубокой старости.) В 1903 году увидела свет статья «Рифмы Пушкина»²². В год переезда в Шугу (1909) названный журнал опубликовал предложенный Водарским разбор романа «Евгений Онегин», а 1913-й год отмечен выходом (опять-таки в Воронеже) целой книги осуществленных им анализов произведений А. С. Пушкина: «Был год ...», «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» (пре-

обладают, как видно, поэмы). Однако, закрепляясь в Шуе, он находит для себя, точнее, для обнародования результата своих научных штудий и другие плацдармы: в Варшаве («Русский филологический вестник»), в Ярославле (журнал «Родной язык в школе»).

В «шуйский период» им прочитано огромное количество лекций о Пушкине и на пушкинские темы; произносились речи: допустим, в 1911-1912 году на одном из заседаний Шуйского педагогического кружка он выступил с речью «Характеристика поэзии А. С. Пушкина» (ее конспект автор хранил в течение всей последующей жизни. — Ед. хр. 99, л. 171 об.). А 28 января 1918 года «по случаю семидесятилетия со дня кончины» великого поэта он на ту же тему — «Характеристика поэзии А. С. Пушкина» — прочитал лекцию в зале Благородного собрания, то есть при большом стечении слушателей (сохранилась афиша)²³. Имя Пушкина (с разными значениями) возникало даже в художественно-публицистических произведениях Водарского. Например, в 1917-м году напечатан вызванный предпологаемой реформой орфографии его рассказ «Горе старого Ермошкина». Учитель Ермошкин, не приемля нововведения, в силу своей посредственности обвинил Пушкина и Лермонтова в недостаточном владении правописанием²⁴.

В архиве Водарского сохранилось немало рукописных, созданных именно в Шуе тетрадей его сочинений о Пушкине: 1912 год — «Пушкин. Его личность», 18 л.; 1924 — «Политические взгляды Пушкина», 45 л.; 1936 — «Пушкин: биография и значение», 14 л.; 1937 — «Чем нам дорог Пушкин?», 36 л. и «Пушкин», 100 л. (Сведения об объеме взяты из описания, составленного Н. А. Звездиным²⁵).

Пушкинские штудии Водарского «подпитывались» и письмами ученых, о чем уже говорилось выше, и письмами друзей. Прежде всего назовем В. И. Массальского, страстного поклонника Пушкина и Лермонтова, долгие годы собиравшего материал о них, регулярно следившего за новинками. Когда-то сотоварищ Водарского по Куганской гимназии, в пору зрелости и старости живший в Москве, вращавшийся в театрально-литературных кругах, (его сын — ставший знаменитым актер МХАТа Павел Массальский), он быстро постигал всякого рода (то есть не только опубликованную) информацию, делился ею, как и своими мыслями о поэтах, находками в письмах в Шую (некоторые из них дошли до нас — ед. хр. 98, лл. 57, 58 и др.). Так, осенью 1936 года он писал о том, как обогащается «Пушкиниана», о работах достаточно громко заявившего о себе Г. А. Гуковского, о своих собственных этюдах по творчеству великого поэта.

В конце октября 1941 года, когда враги были уже под Москвой, а соотечественники испытывали горечь, отчаяние, Владимир Иванович Массальский сообщал: «Спасаясь от тревоги и тоски запойным чтением классиков и о классиках, конечно, о Пушкине и Лермонтове». В ряду прочитанных за последние две-три недели книг он назвал исследование М. Загорского «Пушкин и театр» и Н. Н. Арденса «Драматургия и театр А. С. Пушкина». Здесь же

высказана их оценка: «Обе указанные книжки о Пушкине как драматурге весьма недурны; особенно хороши у Загорского главы о «маленьких трагедиях»; одно претит — это ненужное лягание так называемого «буржуазного» пушкиноведения <...>; вспомнишь слова Пушкина: “Зачем кусать груди кормилицы только потому, что у нас зубы прорезались”» (ед. хр. 98, л. 40).

Совокупность «Пушкинских материалов» Водарского, его «пушкинская деятельность» позволяют говорить о том, что его привлекала возможность внедрения знаний в духовную жизнь общества, что ему хотелось, активно хотелось популяризировать узанное, что для него важны были связи с учеными и выход к общерусским горизонтам. Конкретный писатель виделся ему широко, в логике развития творчества. Аналогичные выводы возникают и при знакомстве с отношением Водарского к Н. А. Некрасову, Л. Н. Толстому, А. П. Чехову, К. Д. Бальмонту и другим. Особенно много аргументов в пользу сказанного возникает из материалов учителя-шуйнина об А. Н. Островском, о его роли в развитии театрального искусства и в становлении провинциальных театров, точнее — театров в малых городах²⁶.

Ему явно хотелось рассказать о труде, о жизни тех скромных людей, которые обеспечивали, создавали питательную среду для становления культуры, общественного сознания в провинции и выводили (или стремились вывести) их на общерусский уровень. Им кропотливо собирались (преимущественно по страницам журналов) выписки, делались заметки об А. В. Бестужева, о роде Арсеньевых, о Евг. Казанцеве, о Н. В. Капшинцеве, И. М. Снегиреве и др. (ед. хр. 98, лл. 51-131).

В. А. Водарскому всегда было присуще чувство теснейшей связи с сейчас протекающими духовной жизнью и событиями. Это наличествовало в его выступлениях, как собственно литературных, так и литературно-общественных. Например, в апреле 1913 года им читалась публичная лекция «Поэзия С. Я. Надсона». В типографски изданной ее программе назывались не только наиболее известные стихи популярного поэта, но даже страницы книги, где они опубликованы (то есть раскрывалась система доказательства, убеждения). Еще более важны серьезные историко-литературные послышки, в частности, о связи поэзии Надсона с достижениями Некрасова и с наиболее заметными исканиями «восьмидесятников»: «Направление его (Надсона. — Л. Р.)» поэзии, сходное по настроению с поэзией Некрасова («муза печали»), есть отражение подъема духа и уныния 80-х гг. XIX столетия» (ед. хр. 88, л. 34.). Здесь же акцентировано внимание и на том, как сам Надсон определял цель жизни: «Трудись, покуда сильны руки, Надежды ясной не теряй; Во имя света и науки Свой светлый светоч поднимай» (ед. хр. 88, л. 33).

Или другой ряд примеров, соотносимых с конспектом лекции «Война и литература», читанной 13 декабря 1915 года. Крупность мышления исполнителя — и в названии лекции и в стремлении обозначить главные в отечественном искусстве слова: «Идея мирового владычества России чужда писателям (кроме Тютчева). Мечта их: объединение всех народов религией любви и ми-

ра. Миролюбие литературы – в гармонии с миролюбием народного эпоса» (ед. хр. 88, л. 3 об.). Тенденция к обобщениям очевидна и в разделе «Батальная поэзия»: «Все поэты захвачены войной»; «Обилие стихов»; «Настроение поэзии: бодрость, вера в мощь России, в ее победу и ее светлое будущее»; «Патриотизм». Можно спорить, насколько правильно те или иные поэты названы в качестве авторов «Лучших стихов», однако несомненно знание многих из них: Ф. Сологуба, Т. Щепкиной-Куперник, В. Брюсова, С. Городецкого (ед. хр. 88, л. 3 об.). Выручка от этой лекции была направлена на покупку рождественских подарков воинам. Читалась лекция на эту тему в разных аудиториях: в зале частной женской гимназии, в здании общественного собрания служащих при фабрике товарищества мануфактуры А. Я. Баллина (10 января 1916 г.) и др.

Обобщениями, концепционными утверждениями о путях развития искусства слова связуется анализ пестрого историко- и теоретико-литературного материала в обзоре «Наша литература за 1916 год», опубликованном в 1917-м году²⁷, в своеобразной параллельности (или взаимосвязи?) с циклом Н. Д. Агрикова «Очерки нашей жизни». Иногда указанием на теоретическую книгу усиливалось обоснование общей характеристики писателя. Надеясь на активность читателей, Водарский писал: «Проследите, например, эту напевность, чарующую причудливость, изысканность речи в стихах чародея слова Бальмонта (Собрание лирики, кн. 6 или Сонеты солнца, меда и луны. Обе кн[и]ги 1917 г.)»; тут же: «Необходимо прочесть работу Бальмонта “Поэзия как волшебство”»²⁸.

В условиях тяжелейшей войны Шуйский учитель и ученый сформулировал, по сути дела, коренные свойства современной словесности: «...писатели сознательно избегают публицистической тенденции; изображается жизнь во всех ее разнообразных проявлениях, но так, как она воспринимается писателем, и это личное восприятие, личное понимание – главное в творчестве. Углубляясь в явления жизни, ловя настроение, писатель старается выявить общее из массы разрозненных явлений, выявить смысл их. Одна из задач литературы – изображение жизни души нашей и всех движений ее»²⁹.

От интерпретации утверждения этих задач он не уйдет и позже, допустим, при анализе театральной драматургии, в частности, произведений А. Н. Островского (подробнее см. в статье «А. Н. Островский на Шуйской земле»).

Неотступным вниманием к сейчас происходящему литературному процессу, стремлением вызвать это у своих воспитанников обусловлено и то, сколько инициативы, усилий приложил он к организации в 1917-м году выступления К. Д. Бальмонта перед учащимися Шуйской мужской гимназии; не просто к выступлению в актовом зале, но и к проведению знаменитым поэтом урока в его, Водарского, классе (см. раздел о Бальмонте).

Живейший интерес к современному литературному процессу проявился у Водарского и в многолетнем внимании к А. П. Чехову. Он стимулиро-

вался не только реальным временем, но и особенностями таланта, и вызванными некоторыми биографическими фактами-легендами, и штудиями других шуян (М. С. Камнева, Н. А. Звездина, А. Д. Сумарокова). В солидных печатных изданиях, кроме одного, нам не встретилось каких-либо сведений о письмах (или письме?) к Водарскому от Ольги Леонардовны Книпер-Чеховой. Однако кое-кто из шуян о факте их существования знал. Н. А. Звездин, сам увлекавшийся темой «Чехов и Шуя», в своей описи корреспонденции Водарского зафиксировал письмо вдовы от 6 марта 1934 года, с благодарностью за присланные ей материалы о предках Чехова (ед. хр. 98, лл. 21-22).

С популярной в тридцатых годах XX века да и сейчас темой о родственниках (по линии матери) и знакомых драматурга на Шуйской земле соотносится целая подборка писем. Водарский вышел к этой теме и самоинициативно и в связи с таким обстоятельством. В 1928-м году на заседании Ивано-Вознесенского общества краеведения состоялся доклад Шуйского врача и публициста М. С. Камнева «Шуйские знакомства А. П. Чехова». В нем оспаривался ряд, казалось бы, уже сложившихся представлений и, в том числе, изложенных в рукописи воспоминаний Ю. И. Терентьевой (в девичестве Лядовой). Некоторое время она жила в доме своего деда, шуйского купца Н. А. Загорюкина. В этот дом и приезжали родственницы его второй жены: Е. Я. Чехова (мать писателя) и М. П. Чехова (сестра). Заинтересованные слушатели, не получив от докладчика ответа на ряд вопросов, решили послать их и копию записок Ю. И. Терентьевой Марии и Михаилу Чеховым³⁰.

Водарский пошел своим путем. В 1932-м году, в конце мая, он написал о наличии новых материалов В. Д. Бонч-Бруевичу, тогда одному из редакторов сборника «Звенья», предназначенного для публикации неизвестных ранее материалов и небольших исследований по истории русской литературы и общественной мысли. На протяжении 1932-1936 годов осуществились шесть его выпусков, в 1950-1951 гг. еще два. Когда в конце 1933 – начале 1934 готовился «чеховский» выпуск, вспомнили и о штудиях Водарского. Ему в письме Бонч-Бруевича от 15 марта (машинопись, с подлинной подписью) была высказана просьба прислать прежде предложенный материал (ед. хр. 98, л. 26). К письму (л. 27) прилагалось типографски тиражированное приглашение (опять-таки с подлинной подписью Бонч-Бруевича) о возможном сотрудничестве с создаваемым на базе ЦМЛ (Центральному музею художественной литературы, критики и публицистики) и одного из отделов Всесоюзной библиотеки им В. И. Ленина Государственном литературном музее. Называлась и наиболее желательная форма сотрудничества: сбор материала и основанные на нем сообщения. Первый ответ Водарского последовал незамедлительно: отослана статья о Шуйских родственниках Чехова; ее получение подтверждается письмом ответственного секретаря редколлегии сборника, от 26 марта 1934. Началась редакционная работа, не лишенная пожеланий и элементов настав-

ничества. Подтвердим впервые публикуемым письмом одного из ответственных сотрудников редакции и Гослитмузея, от 2 августа 1934:

«Уважаемый Вячеслав Александрович.

Я познакомился с Вашей статьей «Предки А. П. Чехова со стороны матери» <...> Материал, в ней заключающийся, чрезвычайно интересен. Особенно интересен вопрос о наследственности, выдвигаемый Вами. Для его дальнейшего обоснования желательно было бы собрать более подробные сведения об образе жизни семьи Морозовых, состоянии здоровья родителей матери Чехова, ее братьев и сестер, — одним словом все то, что может обосновать наследственность чахотки в семье матери Чехова. Сведения такого порядка, думается мне, могли бы быть собраны в Хотимле и, возможно, в Шуге. Попутно желательно было бы выяснить и обстоятельства женитьбы отца Чехова на Морозовой, а также не существовали ли связи А. П. Чехова с его родственниками из Хотимля и в чем эти связи выражались. Одним словом, желательно было бы собрать исчерпывающий материал как в Шуге, так и в Хотимле, относящийся к А. П. Чехову <...> И если бы Вы могли помочь своими в этом направлении указаниями, Комиссия литературы и фольклора была бы Вам очень признательна³¹.

Я помню Вы интересовались фольклором и в Вашем распоряжении был материал по Шуйскому краю, отчасти использованный в Вашем печатном труде. Не можете ли Вы поделиться Вашим материалом, за что наша комиссия будет Вам очень признательна. Нам желательно было бы Ваше участие в наших работах и если Вы сможете уделить нам часть Вашего времени, не откажите сообщить комиссии художественной литературы и фольклора.

Посылаю Вам анкету по фольклору.

Председатель Комиссии Борисов» (ед. хр. 98, лл. 24-24 об.).

Вячеслав Александрович Водарский не мыслил жизни без педагогического труда, без помощи духовному росту юных соотечественников, своих воспитанников. Еще до Шуги (1904 год), для проходившего в Тифлисе съезда преподавателей-словесников Кавказского учебного округа он представил «Вопросник для домашнего чтения учащихся»³². Выделялись в его составе вопросы о Пушкине, например, для пятого класса по произведениям «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Скупой рыцарь», для VI класса — «Моцарт и Сальери». Он не боялся апробировать некоторые приемы методики обучения и на уроках по зарубежной литературе. В 1907 году состоялось его ответственное выступление в печати по теме «Уроки объяснительного чтения («Гамлет». Трагедия Шекспира). // Разбор для учеников старших классов»³³.

И круг общих филологических интересов и забота о формах передачи знаний, естественно, окрепли в «Шуйский период». Уже в 1912 году напечатан «Список некоторых областных слов»³⁴, в 1916-м — статья «Каким должен быть учебник по истории русской литературы в средней школе?»³⁵. Тогда же им сначала проведена, затем уточнена и осмыслена предложенная педагогом

Веляминовым для группы школ анкета — и у него возникла статья «Что и как читали ученики гимназии (по данным анкеты)»³⁶. Статье предшествовала известная некоторым из шуян, много лет хранившаяся рукопись на сорока трех тетрадных листах³⁷.

С учетом сказанного выше и ожидающего более обстоятельного исследования рукописного материала не удивляет крупность подходов Водарского к собственно методическим, педагогическим проблемам. Опираясь на названные выше опубликованные работы из этого круга интересов, осмысливая педагогическую часть архива учителя-шуянина, можно утверждать, что у него были концепция формирования знаний как процесса обучения и более широкая концепция образования как просвещения. Обе концепции выражены не только в прямых суждениях, но и в основных линиях направленности практической деятельности.

И рукописные материалы и выступления в печати по вопросам преподавания литературы с несомненностью свидетельствуют о наличии у Водарского вариантов решения тех или иных методических задач, вариантов раскрытия тех или иных тем, вариантов реализации уроков на одну и ту же тему. И все это неустанно фиксировалось, хранилось (не забудем при этом, что Водарский, как уже сообщалось выше, легко расставался с книгами и даже письмами, просил не возвращать). Тетради и папки озаглавливались, нумеровались, датировались. Иногда в них бывал возврат к прежде опробованному.

В большинстве тетрадей и папок синтезировалось достигнутое их владельцем и как ученым и как учителем. В тетради и папки, как правило, включались планы изложения тем и отдельных уроков, соответствующие ряду из них тексты изложения. Нередко указывалось, на что составитель опирался, вплоть до страниц того или иного пособия. В некоторых из них к собственно научно-методическому тексту давались приложения. Так было, например, в клеенчатой тетради № 28: «Евгений Онегин». Разбор», 1906; здесь 54 л. текста и 4 л. материала. Или к адресованному семиклассникам разбору драмы Пушкина «Борис Годунов» подложен выпущенный в 1908 году и не поступивший в продажу методический циркуляр по Кавказскому учебному округу. Иногда составлялись предполагаемые к использованию подборки текстов, допустим, из Пушкина.

В этом собрании заготовок к урокам по творчеству М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и других прославленных писателей самый богатый пушкинский ряд. Тут немало такого, что представляет несомненный интерес и сейчас, много лет спустя после времени возникновения записей. В частности, зафиксированное к темам «Идея нравственного возмездия у Пушкина», «Русская жизнь по драме Пушкина «Борис Годунов»», «Характеристика Ивана Кузьмича Миронова по повести Пушкина «Капитанская дочка»», «Характеристика императора Петра Великого по произведениям Пушкина «Полтава», «Медный всадник» и «Арап Петра Великого»», «Русская природа и деревенский быт по роману Пушкина «Евгений Онегин»», «Скупой рыцарь

и Плюшкин по драме Пушкина “Скупой рыцарь” и поэме Гоголя “Мертвые души”, «Типы разочарованного человека в произведениях А. С. Пушкина» (ед. хр. 99, лл. 154, 155, 155 об. и др.). Такие формулировки тем заставляли учеников идти от текста, самостоятельно отбирать материал, думать и обобщать.

Далеко не всегда логика изложения сведений и раздумий о великом писателе совпадала с принятой школьной практикой. Водарский руководствовался совсем своими соображениями, чаще всего стремясь раскрыть нравственный и философский, особенно – философский потенциал произведений Пушкина. Посмотрим, к примеру, на воспроизведенный Н. А. Звездиным порядок расположения записей в тетради № 30: «1. Скупой рыцарь, 2. Каменный гость. 3. Русалка. 4. Значение Пушкина. 5. Пушкин как личность. 6. Поэт по воззрениям Пушкина. 7. Характерные черты поэзии Пушкина. 8. Отражение русской действительности в произведениях Пушкина. 9. Как Пушкин изображает действительность. 10. Лирика Пушкина. 11. Моцарт и Сальери. 12. Идея нравственного возмездия у Пушкина» (ед. хр. 99, л. 154). Или еще один из вариантов 1912 года, в тетради на восемнадцати листах, правда, трудно сказать, для какого класса и какого типа школы: «1) Личность Пушкина по его лирическим стихотворениям 1814–1836 гг.; 2) воспитательное значение поэзии Пушкина; 3) биографическая канва; 4) время написания гражданских произведений» (ед. хр. 99, лл. 183 об. – 194).

Не находя возможным далее столь же подробно характеризовать труд учителя-энтузиаста, скажем, однако, о том, что, учитывая направленность ряда выступлений в разных педагогических изданиях, имея в виду огромное число методических заготовок, бережное к ним отношение со стороны их создателя, можно предполагать, что в пору зрелости у Водарского возник замысел целой серии книг для учителей-словесников. Уникальность личности ученого и учителя, безграничная любовь к искусству слова, неустанный и целенаправленный труд обеспечили бы этим книгам немалые успех и пользу.

¹ См.: Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 255 (Н. А. Звездин). Оп. 1. Ед. хр. 99, л. 8 (по нумерации Н. А. Звездина).

² Зимин А. Красведческий календарь. – «Рабочий край» (газета). 2004. № 19.

³ ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 96, л. 1. Далее при обращении к документам этих архива и фонда в основном тексте, в скобках, указываются единица хранения и номера листов. В отдельных случаях также оформляется и ссылка в примечаниях: см. примечания 4,5 и др.

⁴ Там же. Ед. хр. 99, л. 10 об.

⁵ Там же. Ед. хр. 98, лл. 7-7 об.

⁶ Там же. Ед. хр. 93.

⁷ Возилов В. В. Рукописный журнал Шуйской интеллигенции. – Сб.: Провинциальный анекдот // Чтения по региональной казуальной истории. – Вып. второй. – Шуя, 2002. – С. 34-39.

⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1624. Оп. 1. Ед. хр. 64 (Автобиография Жижина Ивана Ипатьевича).

⁹ Там же.

¹⁰ Подробнее об этом сообществе см. в статье: Розанова Л. А. А. Н. Островский на Шуйской земле. – В сб.: А. Н. Островский в движении времени // Материалы всероссийской научной конференции 22-24 мая 2003 года. – Т. 1. – Шуя. – 2003.

¹¹ ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 97, л. 50. Далее при ссылке к этим фонду и единице хранения в тексте, в скобках, называются лишь номера листов.

¹² Там же. Ед. хр. 98, лл. 29, 39 и др.

¹³ Там же. Л. 36. – «... по поводу 300-й лекции»: в первые годы существования в Шуе регулярного театра В. Водарский читал перед спектаклями (с просветительской целью) небольшие лекции. Точнее и подробнее см.: Розанова Л. А. А. Н. Островский на Шуйской земле. Однако не забудем, что Н. А. Звездин называл значительно меньшую цифру выступлений: девяносто одно (ед. хр. 93, лл. 189 об. – 191).

¹⁴ Там же. Ед. хр. 98, л. 31. – «В день XXV летнего юбилея»: в 1903 году В. А. Водарский, как указывалось ранее, закончил Санкт-Петербургский университет; видимо, с этой датой и связана запомнившаяся встреча.

¹⁵ «Шуйские известия» // Орган Шуйского исполнительного комитета. – 1917. 5 июня. № 63.

¹⁶ Там же. – 1917. 20 июля. № 76.

¹⁷ Частично и в общей форме это отмечено в одном из наших выступлений: Розанова Л. А. О домашних библиотеках шуян, дружеских кружках и памятных знаках. – В кн.: Историко-культурный и природный потенциал Шуйского края, состояние перспективы развития индустрии туризма Шуйского региона // Материалы межрегиональной научно-практической конференции 27 февраля 2004 года. – Шуя, 2004.

¹⁸ ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 99, л. 6. См. примечание 5.

¹⁹ Водарский В. А. Повседневно улучшать библиотечное дело. – «Шуйский пролетарий». – 1941. – 2 марта. – № 51.

²⁰ См., к примеру: Водарский В. А. Материалы преподавания литературы в VIII классе средней школы. – В связке: Звездин Н. А. Материалы (списки) состава библиотеки педагога и краеведа Водарского В. А. – ГАИО. Ф. 255, Оп. 1. Ед. хр. 99, л. 215 и др.

²¹ Известия императорской Академии наук. 1902. № 4-5, с. 78. Вышедшее из-под пера Водарского уведомление открывает одну из отличительных особенностей его работы – точность, потому приведем его полностью: «В № 2 “Известий” на 23 стр. отделом “Летопись” напечатано: “В. А. Водарский приступил к составлению словаря Пушкинского прозаического языка”. Считаю нужным сообщить, что я не только приступил к этой работе, но начало ее (“А – автор”) уже напечатано в IV-V вып. (вышел он в декабре 1901 г.) журнала “Филологические записки” (Воронеж. – Л. Р.), где и будет печататься эта работа. Заглавие ее: “Материалы для словаря пушкинского прозаического языка”. В. Водарский”. Точность, гордость своей работой могла быть выражена и другим способом. Например, в бумагах держалось объявление о подписке на “Русский филологический вестник” на 1915 год. Среди сотрудников назывался Водарский. Шуянин подчеркнул свою фамилию красным карандашом (ед. хр. 99, л. 217).

К тому же, он всегда радовался возможности поделиться своими знаниями с другими через печатное слово. Так, в одном из дружеских писем 1941 года он с явным удовольствием рассказывал, как к нему домой приходил редактор местной газеты и просил статью о Лермонтове. И тут же спрашивал своего адресата: “А к тебе редакторы с заказами не ходят?” (ед. хр. 98, л. 20).

²² Филологические записки. 1903. Вып. IV-V. С. 7-16.

²³ Афиши и программы концертно-театральные. – Шуйский историко-художественный и мемориальный музей (ШИХММ). Номера фонда и коллекции не названы. Оп. 1. Ед. хр. 3.

²⁴ Тарантулев Акакий [В. Водарский]. Горе старого Ермошкина. – «Шуйские известия». 1917. 2 июня. № 44 (первая часть рассказа – в выпуске от 31 мая, № 42).

²⁵ ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 99, лл. 183-184, 196, 207.

²⁶ Частично освещено в названной ранее статье: Розанова Л. А. А. Н. Островский на Шуйской земле.

²⁷ «Шуйские известия». 1917. №№ 47, 56, 65, 71 и др.

²⁸ «Шуйские известия». 1917. 7 июля. № 65.

²⁹ «Шуйские известия». 1917. 14 июля. № 71.

³⁰ Относительно подробно освещено в статье: Ерофеев Ю. Вокруг рассказа Юленьки Лядовой или бывал ли А. П. Чехов в Шуе? – «Ленинец» (газета). 1986. 27 июня. № 183. Некоторые сведения об этом круге вопросов высказаны в одном из наших выступлений: Розанова Л. А. Нера-

крытые страницы [к вопросу: А. П. Чехов и край Ивановский]. – «Рабочий край». 1985. 29 января. № 23. К настоящему времени произошло заметное расширение звеньев в цепочке «Чехов и край Ивановский» – см. хотя бы статью Ю. Ерофеева «“Попрыгунья” и дочь шуйского предводителя», где, кроме выяснения прототипа для женского образа в названном рассказе, говорится о случае с заболевшей дифтеритом дочерью шуйянина В. А. Куредова, о Лядовых и их окружении, о купце Гундобине и его жене, о шуйском враче Д. Малышеве (газета «Ивановская провинция». 1994. 28 июня).

³¹ Сейчас трудно сказать что-либо более определенное о судьбе уже посланных Водарским материалов и о степени его внимания к рекомендациям редколлегии. Однако информация о контакте, вызванном рукописью о предках Чехова, содержится в письме Бонч-Бруевича от 19 октября 1932 года: «С удовольствием читаю Вашу небольшую статью, которую я считаю очень необходимой для биографии Антона Павловича. Сейчас же отдал ее в переписку и пустим ее в печать в 6-й книжке» (ед. хр. 98, л. 1). В составленном А. Ю. Романовым библиографическом своде «Ивановская чеховиана» (см.: «Наш Чехов» (Сборник статей и материалов. – Иваново. – 2004) факт публикации не зафиксирован. Одна из статей (или ее вариант) позднее была опубликована: *Староверов Ю.* [Водарский В. А.]. Мать писателя Чехова. – «Шуйский пролетарий». 1937. 8 мая. № 103.

³² Напечатан в составе сборника «Съезд преподавателей русского языка». – Тифлис. 1904. – С. 86-123.

³³ «Филологические записки» (Воронеж). – 1907. – Вып. V-VI. С.1-16.

³⁴ «Русский филологический вестник» (Варшава). – 1912. С. 398-406. Номер выпуска отсутствует.

³⁵ «Наука и школа». – 1916. № 4-5. С. 1-5.

³⁶ Журнал «Родной язык в школе» (Ярославль). – 1915. № 1 (6). – С. 1-6.

³⁷ Материалы (списки) состава библиотеки педагога и краеведа Водарского В. А. – ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 99, л. 180 об.

А. М. СЕМЕНЕНКО

(г. Иваново)

И. И. ВЛАСОВ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Иван Иванович Власов входит в число замечательных представителей иваново-вознесенской интеллигенции, ныне, к сожалению, изрядно забытый. А между тем его жизненный путь как юриста, историка-краеведа, литературоведа и общественного деятеля настолько интересен, что об этом человеке стоит рассказать подробнее.

И. И. Власов родился в январе 1880 г. в Москве. Правда, в одном случае он указывает на дату рождения – 5 января (по ст. стилю). Это число он ставит в ответе на запрос от 15 октября 1917 г., который хранится в Государственном архиве Ивановской области (фонд 1150 – личный фонд И. И. Власова)¹. В автобиографической справке краеведа с указанием его научных трудов, находящейся в деле И. И. Власова (инвентарный номер 20) в Шуйском музейно-культурном центре им. М. В. Фрунзе, составленной 3 июля 1936 г., названа дата рождения 18 (6) января². Разница в один день не принципиальна, но чем она вызвана – понять трудно.

Отец И. И. Власова – крестьянин деревни Большого Шемнина Никольской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии, работавший в Москве в качестве торгового служащего и поддерживающий одновременно сельское хозяйство на родине. По окончании Александровско-Басманного городского начального училища в Москве, по настоянию учителя А. К. Спижарского, И. И. Власов был отдан для дальнейшего образования во Вторую Московскую мужскую гимназию, которую окончил в 1899 году. Ввиду многочисленной семьи отца и небольшого заработка его еще в последних классах гимназии начал давать уроки и писать корреспонденции для ярославской газеты «Северный Край». В то время там работали князь Д. И. Шаховской³ и Н. П. Дружинин⁴.

В 1899-1904 гг. И. И. Власов учится на юридическом факультете Московского университета. В феврале 1902 г. принимает участие в студенческих волнениях, за что временно исключается из вуза и отбывает трехмесячное тюремное заключение. 15 февраля 1903 г. был вновь арестован в связи с подготовкой на 19 февраля студенческой демонстрации с участием рабочих; привлечен к дознанию об участии и принадлежности к студенческим кружкам. Освобожден 15 марта 1903 г.⁵ В университете И. И. Власов, по его собственным словам, занимался под руководством известнейшего правоведа П. И. Новгородцева⁶.

После окончания университета И. И. Власов осенью 1904 г. примыкает в Москве к адвокатской социал-демократической группе, становится помощником присяжного поверенного и принимает участие в судебных процессах, одновременно занимаясь журналистикой. Публикуется в газетах «Курьер»,

«Вечерняя почта», «Рабочая газета», «Голос юга» и др. 29 ноября 1905 г. в Москве под его редакцией вышел единственный номер общественно-сатирического журнала «Жало», в котором были помещены два произведения А. М. Горького. За редактирование этой газеты Московская судебная палата 21 апреля 1906 г. приговорила И. И. Власова к одному году заключения в крепости. Обвинение заключалось в дерзостном неуважении к Верховной власти по статье 128 Уголовного уложения. Адвокатом И. И. Власова выступал П. Н. Малайнович (в 1917 г. — последний министр юстиции во Временном правительстве). Он, кстати, обжаловал этот приговор, но решение суда осталось в силе. И тогда И. И. Власов уехал в Вену, где жил до декабря 1908 г., состоя там секретарем эмигрантской кассы взаимопомощи. Из-за границы под псевдонимом «Ив. Ович» посылал материалы в «Киевскую мысль» и петербургскую газету «Товарищ». По возвращении в Россию И. И. Власова тут же арестовали для исполнения приговора судебной палаты. Так что период с 29 января 1909 г. по 29 января 1910 г. он провел в заключении.

В Иваново-Вознесенске И. И. Власов оказался в 1910 г. Правда, в автобиографии от 1917 г. он пишет, что приехал в мае, а в автобиографии от 1936 г., что в феврале. Он активно занимается адвокатской практикой, участвует в различных организациях культурно-просветительского характера, например, в обществе трезвости, закрытом владимирским губернатором за политическую неблагонадежность, в обществе благоустройства местечка «Ямы» и др. В этот же период Власов примыкает к местной организации кадетской партии. А в апреле 1915 г. его избирают гласным городской думы. Через два года, в конце апреля 1917 г., блок несоциалистических партий выдвинул И. И. Власова кандидатом на пост городского головы. По трем кандидатурам результаты голосования распределились следующим образом: М. П. Кондратьев («за» — 39, «против» — 30; он и стал головой), И. И. Власов («за» — 36, «против» — 33), А. М. Братенши («за» — 33, «против» — 36).

Надо сказать, что 1917 год стал пиком в общественной деятельности и в политической карьере И. И. Власова. Он деятельно работает в качестве товарища председателя училищной комиссии, редактирует газету «Иваново-Вознесенск», вместе с супругой Марией Васильевной принимает активное участие в деятельности местной кадетской группы. После Февральской революции И. И. Власов входит в состав Иваново-Вознесенского революционного комитета общественной безопасности. Осенью 1917 г. он включен под номером 7 в список 15 кандидатов от партии кадетов в Учредительное Собрание по Владимирскому избирательному округу⁷. Но, как известно, кадеты выборы проиграли, а в Учредительном Собрании от Владимирской губернии оказались 6 большевиков и 3 эсера⁸. Еще до поражения на этих выборах И. И. Власов пишет в своем дневнике 19 августа 1917 г. около 10 часов вечера, находясь в гостинице Лукьянова во Владимире: «Я — обладатель земли и дома, ценность которых, по сегодняшним ценам, от 125 до 150 тысяч рублей. Это уже некоторый «плюс»..., но в общественном смысле — особенно в усло-

виях теперешнего революционного времени — это несомненный «минус». Я — «буржуй». Это оценка моего социального положения уже принесла свои плоды. Я не попадаю в предстоящие 27 августа выборы — в городскую думу. Я был в первом десятке среди кандидатов в гласные, но против меня велась агитация. Сделать попытку пройти в Учредительное Собрание. Держать? Да, пожалуй, но дерзостей в моей жизни было порядочно. На первом месте партии народной Свободы В. А. Маклаков⁹, наиболее симпатичный мне среди всех кадетов. Какая честь идти с ним в одном списке!»¹⁰. А вскоре Власова ждет еще одно разочарование. Основанную им осенью 1917 г. «внепартийно-демократическую» газету «Русский Манчестер» городской Совет закрывает 20 декабря того же года как «буржуазную».

В начале мая 1918 г. И. И. Власов оставляет работу адвоката и начинает сотрудничать в советских учреждениях. Перечень его должностей и мест работы нескончаем. Одно время он даже являлся заведующим губернским архивным бюро, возглавлял И. И. Власов и комиссию по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Он полностью переключается на историко-краеведческую и литературную деятельность. Тем не менее, в 1922 году И. И. Власову пришлось в последний раз выступать в качестве адвоката. От имени родственников (о беспорядках в Шуе при изъятии церковных ценностей), он написал в Москву прошение о помиловании. Однако этот шаг лишь на 10 дней продлил жизнь обреченных¹¹.

Больше с политикой и юриспруденцией И. И. Власов не пересекался. Если в своем ответе на запрос от 15 октября 1917 г., написанном 22 октября 1917 г., он охотно рассказывает о своем кадетском прошлом, то в автобиографии от 3 июля 1936 г. об этом ни слова. Скончался И. И. Власов 17 января 1943 г. в 3-й городской больнице от истощения. 20 января в «Рабочем крае» вышел некролог, посвященный И. И. Власову, подписанный краеведами.

С тех пор статьи И. И. Власова не издавались. А между тем ряд его работ имеет несомненную научную важность, в частности, имеющийся, но неоконченный текст доклада «Образование ИВПИ (из личных воспоминаний)», хранящийся в Шуйском музейно-культурном центре им. М. В. Фрунзе в деле И. И. Власова (инвентарный номер 20). В полном объеме (рукописном и печатном) сохранились предисловие и четыре главы, которые и предлагаются к печати. В рукописи имеются также планы еще трех глав. Полностью объем материалов, относящихся к докладу, насчитывает 35 страниц. Но и этот текст, который сохранился, позволяет более подробно увидеть процесс перевода Рижского политехнического института из Москвы в Иваново-Вознесенск. В имеющейся литературе представлена достаточно традиционная и неполная картина этого важнейшего события¹². Только совсем недавно появились небольшие сдвиги в его объективном освещении, в том числе связанные с упоминанием роли И. И. Власова¹³.

Из документов дела И. И. Власова также явствует, что свой доклад автор начал печатать 18 ноября 1928 г. Сохранилась записка от секретаря, напи-

санная по поручению председателя губернского научного общества краеведения М. О. Соколова, в которой он просит И. И. Власова прибыть на чтение доклада 29 ноября к 8 часам вечера. Сохранилась также и повестка дня заседания правления краеведов в тот день.

Таким образом, даже эти сведения позволяют увидеть в личности Ивана Ивановича Власова незаурядного представителя провинциальной интеллигенции. На наш взгляд, необходимо продолжать изучение жизни и деятельности И. И. Власова, требует своего пересмотра ряд его краеведческих и литературоведческих работ.

¹ ГАИО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 90. Л. 64.

² ШМКЦ им. М. В. Фрунзе. Инв. № 20.

³ Д. И. Шаховской (1862 – 1939) – выпускник юрфака Санкт-Петербургского университета, земский деятель, кооператор, масон, член ЦК кадетской партии, депутат 1-й Государственной Думы, соредaktor «Северного Края». Во Временном правительстве – министр государственного призрения.

⁴ Н. П. Дружинин впоследствии редактор кадетской газеты «Голос» в Ярославле.

⁵ В ответе И. И. Власова, который находится в ГАИО, указано, что его аресты происходили в 1901 и 1902 гг. (ГАИО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 90. Л. 64.).

⁶ П. И. Новгородцев (1866 – 1924) – доктор государственного права (с 1902 г.), в 1896 – 1903 гг., 1907 – 1911 гг. приват-доцент, с 1903 г. – экстраординарный, а в 1904 – 1906 гг. ординарный профессор Московского университета. Депутат 1-й Государственной Думы, член ЦК партии кадетов. См. подробнее: Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. 1991.

⁷ ГАИО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁸ История города Иванова. Часть 2. Иваново социалистическое. Иваново. 1962. С. 18 – 19.

⁹ В. А. Маклаков (1870 – 1957) – адвокат, депутат 2-й Государственной Думы, член ЦК партии кадетов; посол России во Франции в 1917 г., депутат Учредительного собрания от Москвы.

¹⁰ ГАИО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 – 16.

¹¹ *Переверзев О.* Красвед Иван Власов // Рабочий край. 1993, 28 декабря. Подробнее о шуйских событиях см.: *Федотов А. А.* История Ивановской епархии. Иваново. 1998. С. 13-19; *Терентьев В. П.* Соборный набат // Ивановская газета. 1998, 6 марта; *Семенов А. М.* Шуйское побоище // Криминальные вести. 2002, 27 февраля; *Северюгин М.* Кровавые бриллианты для диктатуры пролетариата // Будни-2. 2003. № 11.

¹² См.: Кузница текстильных кадров. Иваново. 1981; 50 лет Ивановского энергетического института имени В. И. Ленина. М. 1968; *Кириллов И. Н.* *Паначин Ф. Г.* Подвиг большевика. Иваново. 1957. С. 158 – 159; В. И. Ленин и трудящиеся Иваново-Вознесенского края. Ярославль. 1969. С. 43 – 44 и др.

¹³ Биографический и библиографический справочник профессоров и преподавателей Ивановской государственной архитектурно-строительной академии за истекшие двадцать лет её существования с 1981 по 2001 гг. Иваново. 2001. С. 11; *Семенов А. М.* И. И. Власов и Иваново-Вознесенск: штрихи к портрету // Иваново-вознесенский юридический вестник. 2002. № 1. С. 37-39.

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

ШУЙСКОЕ И КОВРОВСКОЕ ЗЕМСТВО: АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

1 января 1864 г. Положение о земских учреждениях получило силу закона. В течение 1865-1876 гг. земские учреждения были введены в 33 центральных губерниях Российской Империи, в т.ч. и во Владимирской. Так, в Ковровском уезде первое земское собрание состоялось 1 марта 1866 г., на нем были избраны члены Ковровской земской управы – исполнительно-распорядительного органа земского собрания. С 23 марта последовало сообщение об открытии Ковровской земской управы, которая поначалу не имела собственного здания, а заняла помещение мирового съезда на втором этаже Присутственных мест. Земство взяло его «на свое иждивение»¹.

Земское самоуправление базировалось на принципе частной собственности, и основную часть земских бюджетов составляли доходы от обложения недвижимых имуществ, а именно: земель и лесов, фабрик, заводов и городских недвижимых имуществ.

Объем любого земского хозяйства нагляднее всего характеризуется его бюджетом и напрямую зависит от него. Следует отметить, что есть существенные отличия в наполнении земского бюджета до и после принятия нового земского Положения 1890 г., которое, с одной стороны, усилило государственный контроль над земским самоуправлением, а с другой, увеличило размеры «финансового питания» земств из казны. Особенно это стало заметным после 1906 г.²

В первые же десятилетия существования земств их бюджеты были весьма скромными, и основной статьей их наполнения являлись земские сборы с частновладельческих земель. В связи с этим обстоятельством данный отрезок времени уездные земства активно занимались межеванием земель и распланировкой селений, которое в основной своей массе было завершено к 90-м годам XIX столетия³.

Вопросы земского обложения неправильно учтенных земель и стали преобладающим предметом обсуждения во взаимоотношениях пограничных земель, в частности Шуйского и Ковровского, о чем свидетельствуют Журналы очередных Ковровских уездных земских собраний⁴. И порой эти споры-обсуждения из-за бюрократических проволочек затягивались на годы.

Вот несколько характерных примеров.

В конце 1881 г. началось «Дело о земских сборах, следующих с земли крестьян села Ряполово, находящейся в Шуйском уезде», и в 1889 году оно еще не получило своего окончательного разрешения⁵. В конце 1881 г. председателем Шуйской земской управы были получены сведения о том, что 507 десятин 1650 сажень земли в пустошах: 4-я часть Мешаловки, 4-я часть Соломенной и в покосе Ягодновском, числившейся за крестьянами с. Ряполово Ковровского уезда, относится к Шуйскому уезду. Между тем земские сбо-

ры за эту землю крестьяне платили Ковровскому земству. С этого началась многолетняя переписка и тяжба между соседними управами. Ответ на свой запрос о принадлежности земли из Губернского правления Шуйская управа получила только шесть лет спустя, в мае 1888 г. Из этого следовало согласно Положению о земских учреждениях, что Шуйская управа окончательно могла признать вышеозначенную землю крестьян с. Ряполово собственностью Шуйского уезда только после мая 1888 г. и только с этого времени имела право получать с нее земские платежи. Кроме того, в действительности данные земские сборы не были уплачены крестьянами, числились в недоимке и, в конечном счете, были списаны с крестьян решением Ковровского земского собрания.

Мотивируя вышеизложенными аргументами, Ковровская управа отказалась выплачивать Шуйской управе сумму земских сборов с указанных земель.

В другом случае, наоборот, Шуйское земство не сочло нужным выплачивать неправильно присвоенные земские сборы, точнее, совсем проигнорировало своих соседей, хотя сумма была совсем небольшой, 16 рублей 98 копеек, и произошло это недоразумение по вине Шуйской управы⁶. Касался данный инцидент земли шуйского купца Алексея Акимовича Блохина в Ковровском уезде, который исправно с 1881 по 1889 гг. платил взносы за эту землю в Шуйское казначейство и получал на руки квитанции. Между тем Шуйская управа по неустановленным причинам талоны от этих квитанций в Ковровскую управу не пересылала, из-за чего произошло накопление недоимок. Ковровская управа правильно подошла к решению этого вопроса, сложив со своей стороны недоимку с купца Блохина и возложив ее на Шуйскую управу, которая, как сказано выше, не сочла нужным обратить внимание на это обращение.

Подобных примеров нами обнаружено достаточное количество, аналогичные инциденты случались также и между Ковровской и Судогодской управами⁷ и др. Все тяжбы имели затяжной характер, что говорит о том, что, несмотря на очевидно прогрессивный характер земского движения, оно не было свободно от типично бюрократических проявлений в своей деятельности.

¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 166. Л. 14, 27.

² Петровичева Е. М. Земства Центральной России в период думской монархии (1906-перв. пол. 1914 г.). М., 2001, С. 89.

³ Журналы очередного Ковровского Уездного Земского Собрания 1891 года. Владимир, 1892. С. 66.

⁴ Журналы очередного Ковровского Уездного Земского Собрания 1889 года. Владимир, 1890. С. 34-36.; Журналы... 1891 года. Владимир, 1892. С. 25-26.

⁵ Журналы очередного Ковровского Уездного Земского Собрания 1889 года. Владимир, 1890. С. 34-36.

⁶ Журналы очередного Ковровского Уездного Земского Собрания 1891 года. Владимир, 1892. С. 25-26.

⁷ Журналы очередного Ковровского Уездного Земского Собрания 1887 года. Владимир, 1888. С. 16-17.

ПИТЬ ИЛИ НЕ ПИТЬ В ПРАЗДНИКИ: КОНФЛИКТ НА ВЫБОРАХ В ШУЙСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ в 1910 г.

К началу XX века население уездной Шуи составляло уже около 25 тысяч человек, а с пригородами даже до 30 тысяч. В городе была значительно развита фабричная текстильная промышленность, местные овчинно-шубные предприятия снабжали русскую армию полушубками. Уровень городских доходов увеличивался, поскольку налоги со стабильно работающих предприятий поступали в городскую казну. Если в 1907 г. бюджет Шуи составлял 140 тысяч рублей, то к 1910 году он возрос до 195 тысяч рублей. Однако в 1907 году расходы на благоустройство города составили 16% бюджетных средств, а в 1910 году на эти цели было выделено менее 9%¹.

Едва ли можно предположить, что уровень городского благоустройства был настолько высок, что не требовал дальнейших дополнительных капиталовложений. В рассматриваемый нами период городской водопровод работал при отсутствии фильтров, создавая угрозу здоровью жителей, здание городской гимназии оставалось в скверном состоянии. Перечень насущных проблем можно продолжать и далее, что только лишний раз подтвердит наличие многих нерешенных вопросов.

«Городовые положения» 1870 и 1892 годов возложили заботу о городском благоустройстве на органы местного самоуправления. Следовательно, именно деятельность депутатов городской думы и определяла условия жизни горожан. С начала XX века выборы каждого нового состава думы проходили в условиях повышения активности избирателей. Рост доходов города также вселял в обывателей надежду, что положение изменится к лучшему. Если в выборах гласных в 1902 году приняли участие только 56 лиц или 11%, то на выборы 20 декабря 1909 года явилось уже 209 человек, т.е. 34,4% общего числа избирателей².

Необходимо отметить, что декабрьские выборы 1909 года проходили в несколько необычной для подобных мероприятий обстановке. Борьба на них происходила, главным образом, между сторонниками и противниками торговли в праздники и выходные дни. Такое противостояние началось еще в 1907 году, когда действовавший тогда состав городской думы принял обязательное постановление о почти полном запрещении торговли по воскресеньям и двенадцатым праздникам. Торговля разрешалась лишь хлебом, мясом, молоком, яйцами и подобными жизненно необходимыми продуктами только по утрам с 5 до 10 часов. Спиртные напитки и пиво разрешалось продавать в трактирах и лавках в течение четверти часа, что означало практическое прекращение этой торговли по праздникам.

Подобное постановление сразу вызвало возмущение со стороны не только трактирщиков, но и всех любителей спиртного. Вплоть до новых выборов сторонники праздничной торговли десять раз обращались в городскую думу с просьбой отменить данное постановление и разрешить торговлю, но каждый раз дума отклоняла эти прошения. В сложившейся ситуации сторонникам торговли оставалось надеяться только на новый состав думы, поэтому они решили мобилизовать все свои силы на выборах 1909 года.

Враждой между сторонниками и противниками праздничной торговли очень умело воспользовались местные фабриканты, которые имели к тому моменту в думе всего двух представителей. Во время предвыборной кампании они объявили о поддержке требований защитников свободной торговли и обещали в случае успеха содействовать отмене вышеуказанного постановления. Кроме того, они приказали всем своим служащим, имевшим избирательный ценз, явиться на выборы. Подобные действия принесли желаемый результат – все баллотировавшиеся фабриканты (7 чел.) прошли в гласные думы значительным большинством голосов. Из них были избраны даже те, кто не жил в Шуе и практически не имел никакой связи с городом. Среди забаллотированных кандидатов оказались присяжный поверенный и четыре врача, один из которых являлся депутатом городской думы на протяжении нескольких десятилетий.

Стремление фабрикантов оказаться в числе депутатов городской думы было продиктовано не столько заботой о нуждах горожан, сколько беспокойством о собственном благополучии. Деятельность старого состава думы начала принимать для них угрожающий характер. В 1909 году городская дума произвела переоценку фабрик для обложения оценочным сбором в пользу города, причем увеличила эту оценку с 3 млн. 600 тыс. до 5 млн. руб.³ В том же году был поднят вопрос о загрязнении реки Тезы спускаемыми с фабрик сточными водами. Дальнейшее рассмотрение этого вопроса для владельцев фабрик означало бы значительные расходы на устройство фильтров.

Разумеется, все эти аргументы на выборах не фигурировали. К своему удовольствию сторонники праздничной торговли получили в думе большинство голосов и выиграли сражение. Но в стремлении решить одну, хотя для многих и насущную задачу, обыватели фактически отказались от защиты своих интересов по другим более важным вопросам, таким, например, как улучшение качества воды в городском водопроводе.

Между тем деятельность старого состава думы внесла много положительных изменений в условия городской жизни. Прежде всего можно отметить устройство городской электрической станции и водопровода в заречной части города, открытие второй городской амбулатории для проходящих больных и городского общества взаимного от огня страхования (дело об открытии этого общества лежало без движения подобно Илье Муромцу 33 года). За весь период работы не было ни одного собрания, которое не состоялось бы из-за отсутствия кворума, что само по себе уже показательно. Поста-

новление о запрещении праздничной торговли, по сути направленное на благо горожан, оказалось роковым для принявших его депутатов и отодвинуло на второй план все достигнутые результаты.

Таким образом, стремление обывателей вернуть привычный порядок вещей, т.е. свободно пить по праздникам спиртные напитки, привело к тому, что право голоса в решении насущных городских вопросов получили лица, больше обеспокоенные личными интересами, чем общественными.

¹ Городское дело №4. 1910. С.288.

² Городское дело №4. 1910. С.286.

³ Городское дело №4. 1910. С.287.

Л. А. КОХОВА
(г. Иваново)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Участие России в Первой мировой войне 1914-1918 гг. создало новую ситуацию в экономике страны, породив целый ряд острых социальных проблем в тылу: продовольственный кризис, необходимость заботы о раненых воинах и беженцах, размещение военнопленных и многие другие.

Разрушительное действие войны очень скоро сказалось на ситуации в городе Иваново-Вознесенске. Резко сократилось производство мирной продукции – ивановских ситцев, возник дефицит красок, пряжи, хлопка, угля и др., обусловленный сокращением и разбалансированием товарного движения. По сравнению с 1913 годом в 1914 году падение производства в нашем крае составило 12%, в 1916 году 25%. Однако местные фабриканты сумели быстро перестроиться и 33 предприятия Иваново-Вознесенска из 39 работали на оборону¹. Военные заказы компенсировались сокращением гражданского ассортимента. В результате прибыли местных фабрикантов в 1914-1915 годах составили в среднем 42% к основному капиталу².

Война изменила и повседневную жизнь города. Уже в первые месяцы в Иваново-Вознесенск стали поступать раненые. Для них на Часовой улице был оборудован городской госпиталь на 100 коек³. Местные текстильные фабриканты открыли свой лазарет на 300 коек⁴. В госпиталях с железнодорожного вокзала их доставляли на лошадях частные владельцы. На улице Лежневской был открыт госпиталь сестер Владимирской женской общины. Ещё один небольшой лазарет был устроен в доме И. Е. Сакина на Всехсвятской улице. На содержание и оборудование лазаретов только в 1915 году было выделено 290000 рублей⁵.

В последние дни сентября 1915 г. в связи с отступлением в городе появилось много беженцев из Польши, Прибалтики, Украины и Западной Белоруссии, которые просили хлеба и одежду прямо на улицах и по домам. Беженцам выплачивали материальное пособие, осуществлялась помощь с трудоустройством и обучением профессии, оказывалась медицинская помощь и т.д. После трудоустройства беженцы получали возможность влиться в жизнь городского населения. Для стариков-беженцев, не способных трудиться, был открыт доступ в заведение благотворительного общества.

Во время войны благотворительным обществом была открыта мастерская для шитья белья для лазаретов, швей набирали из числа солдаток. Для городских лазаретов обществом было принято решение шить белье бесплатно, но работницам платили из специально жертвуемых на это сумм. На 1 января 1915 года швеям-солдаткам было выплачено 3534 р. Помимо изготовления белья для лазаретов его отправляли в армию и для городских нужд, в т.ч. и для беженцев. Самый большой труд несли дамы-патронессы из местного

благотворительного общества – добровольные закройщицы. Белье выдавалась швеям уже скроенным. Особенно большие заслуги в этом деле принадлежали М. Н. Остроумовой, Е. Ф. Котоминной и их сотрудницам, которые беспрерывно дежурили в мастерской⁶.

На шести окраинах Иваново-Вознесенска были организованы пункты питания для многосемейных и не умеющих шить солдаток. В столовой фабрикантов в постные дни – каша с постным маслом, в скоромные дни – с салом. Обеды здесь заменялись выдачей муки далеко живущим из фонда Н. Г. и Н. Х. Бурялиных. При назначении обедов или молока учитывался бюджет каждой отдельной семьи, получаемое ею казенное пособие, пособие от фабрикантов и заработок самой солдатки. Питательные пункты открыты: в Рылихе (попечительницы П. В. Лебедева и В. А. Орлова), Фрянькове (Е. В. Келбасинская), Ушакове (Г. С. Лашина), Завертяихе (К. А. Жаров). Глинищеве (Э. Я. Гарелина), Боголобове (М. Н. Рогова). Пункты были открыты с 1 октября 1914 г. За 3 месяца выдали 23 тыс. обедов, 13 тыс. бутылок молока, на сумму 4937 р.⁷ К концу 1916 года их осталось 3 – во Фрянькове, Ушакове и Глинищеве. Остальные понемногу закрывались, т. к. прекратилась выдача обедов беженцам. Всего за время существования пунктов было выдано 61 тыс. обедов и 20 тыс. порций молока⁸.

Среди местного населения шел добровольный сбор вещей и продуктов. Добровольцами были люди всех сословий и состояний. За год войны на фронт из Иваново-Вознесенска было отправлено 5 вагонов с бельем, теплыми вещами, табаком, чаем, сахаром и подарками. В 1916 г. было послано в армию 3 вагона (1 – на кавказский фронт, 1 – в Клязьменский полк, 1 – на Карпаты). С начала войны на фронт из Иваново-Вознесенска было отправлено 8 вагонов⁹.

Правда, не обходилось и без курьезов. Так, после проведения такого сбора пожертвований пришлось с 20 по 23 декабря проводить распродажу части материальных пожертвований, не пригодных для отправки в армию. Среди них оказались дамские платья, мебель, музыкальные инструменты, сани и т. п. В местной газете «Ивановский листок» за 4 февраля 1917 г. говорилось, что деньги, вырученные от продажи этих вещей, пошли на приобретение теплой одежды, белья и других предметов для отправки в Варшавский и Клязьменский полки. Местные фабриканты, движимые чувством патриотизма, безвозмездно предоставили в распоряжение военного начальства 30 лошадей для действующей армии¹⁰. 26 февраля 1915 г. в Городской управе при обсуждении сметы доходов и расходов на 1915 г. гласным М. И. Дарьинским было сделано предложение отчислить 2000 рублей на подарки, предназначенные воинам передовых позиций на Христово Воскресенье, другими словами, на «красное яичко»¹¹.

Уже через два месяца после начала войны Министерство внутренних дел в сентябре запросило Иваново-Вознесенскую городскую управу о том, сколько нужно человек для использования на работах по городскому благоу-

Л. А. КОХОВА
(г. Иваново)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Участие России в Первой мировой войне 1914-1918 гг. создало новую ситуацию в экономике страны, породив целый ряд острых социальных проблем в тылу: продовольственный кризис, необходимость заботы о раненых воинах и беженцах, размещение военнопленных и многие другие.

Разрушительное действие войны очень скоро сказалось на ситуации в городе Иваново-Вознесенске. Резко сократилось производство мирной продукции – ивановских ситцев, возник дефицит красок, пряжи, хлопка, угля и др., обусловленный сокращением и разбалансированием товарного движения. По сравнению с 1913 годом в 1914 году падение производства в нашем крае составило 12%, в 1916 году 25%. Однако местные фабриканты сумели быстро перестроиться и 33 предприятия Иваново-Вознесенска из 39 работали на оборону¹. Военные заказы компенсировались сокращением гражданского ассортимента. В результате прибыли местных фабрикантов в 1914-1915 годах составили в среднем 42% к основному капиталу².

Война изменила и повседневную жизнь города. Уже в первые месяцы в Иваново-Вознесенск стали поступать раненые. Для них на Часовой улице был оборудован городской госпиталь на 100 коек³. Местные текстильные фабриканты открыли свой лазарет на 300 коек⁴. В госпиталях с железнодорожного вокзала их доставляли на лошадях частные владельцы. На улице Лежневской был открыт госпиталь сестер Владимирской женской общины. Ещё один небольшой лазарет был устроен в доме И. Е. Сакина на Всехсвятской улице. На содержание и оборудование лазаретов только в 1915 году было выделено 290000 рублей⁵.

В последние дни сентября 1915 г. в связи с отступлением в городе появилось много беженцев из Польши, Прибалтики, Украины и Западной Белоруссии, которые просили хлеба и одежду прямо на улицах и по домам. Беженцам выплачивали материальное пособие, осуществлялась помощь с трудоустройством и обучением профессии, оказывалась медицинская помощь и т.д. После трудоустройства беженцы получали возможность влиться в жизнь городского населения. Для стариков-беженцев, не способных трудиться, был открыт доступ в заведение благотворительного общества.

Во время войны благотворительным обществом была открыта мастерская для шитья белья для лазаретов, швей набирали из числа солдаток. Для городских лазаретов обществом было принято решение шить белье бесплатно, но работницам платили из специально жертвуемых на это сумм. На 1 января 1915 года швеям-солдаткам было выплачено 3534 р. Помимо изготовления белья для лазаретов его отправляли в армию и для городских нужд, в т.ч. и для беженцев. Самый большой труд несли дамы-патронессы из местного

благотворительного общества – добровольные закройщицы. Белье выдавалось швеям уже скроенным. Особенно большие заслуги в этом деле принадлежали М. Н. Остроумовой, Е. Ф. Котоминой и их сотрудницам, которые беспрерывно дежурили в мастерской⁶.

На шести окраинах Иваново-Вознесенска были организованы пункты питания для многосемейных и не умеющих шить солдаток. В столовой фабрикантов в постные дни – каша с постным маслом, в скоромные дни – с салом. Обеды здесь заменялись выдачей муки далеко живущим из фонда Н. Г. и Н. Х. Бурылиных. При назначении обедов или молока учитывался бюджет каждой отдельной семьи, получаемое ею казенное пособие, пособие от фабрикантов и заработок самой солдатки. Питательные пункты открыты: в Рылихе (попечительницы П. В. Лебедева и В. А. Орлова), Фрянькове (Е. В. Келбасинская), Ушакове (Г. С. Лашина), Завертяихе (К. А. Жаров). Глинищеве (Э. Я. Гарелина), Боголобове (М. Н. Рогова). Пункты были открыты с 1 октября 1914 г. За 3 месяца выдали 23 тыс. обедов, 13 тыс. бутылок молока, на сумму 4937 р.⁷ К концу 1916 года их осталось 3 – во Фрянькове, Ушакове и Глинищеве. Остальные понемногу закрывались, т. к. прекратилась выдача обедов беженцам. Всего за время существования пунктов было выдано 61 тыс. обедов и 20 тыс. порций молока⁸.

Среди местного населения шел добровольный сбор вещей и продуктов. Добровольцами были люди всех сословий и состояний. За год войны на фронт из Иваново-Вознесенска было отправлено 5 вагонов с бельем, теплыми вещами, табаком, чаем, сахаром и подарками. В 1916 г. было послано в армию 3 вагона (1 – на кавказский фронт, 1 – в Клязьменский полк, 1 – на Карпаты). С начала войны на фронт из Иваново-Вознесенска было отправлено 8 вагонов⁹.

Правда, не обходилось и без курьезов. Так, после проведения такого сбора пожертвований пришлось с 20 по 23 декабря проводить распродажу части материальных пожертвований, не пригодных для отправки в армию. Среди них оказались дамские платья, мебель, музыкальные инструменты, сани и т. п. В местной газете «Ивановский листок» за 4 февраля 1917 г. говорилось, что деньги, вырученные от продажи этих вещей, пошли на приобретение теплой одежды, белья и других предметов для отправки в Варшавский и Клязьменский полки. Местные фабриканты, движимые чувством патриотизма, безвозмездно предоставили в распоряжение военного начальства 30 лошадей для действующей армии¹⁰. 26 февраля 1915 г. в Городской управе при обсуждении сметы доходов и расходов на 1915 г. гласным М. И. Дарьинским было сделано предложение отчислить 2000 рублей на подарки, предназначенные воинам передовых позиций на Христово Воскресенье, другими словами, на «красное яичко»¹¹.

Уже через два месяца после начала войны Министерство внутренних дел в сентябре запросило Иваново-Вознесенскую городскую управу о том, сколько нужно человек для использования на работах по городскому благоу-

тройству из числа взятых в плен во время боев в Галиции и Восточной Пруссии (среди них были австро-венгры и немцы)¹². В дальнейшем пленные прибывали в город регулярно. Это были в основном славяне, не желавшие воевать в австро-венгерской армии и тысячами сдававшиеся в плен. В городе, в местечке Ямы, уже в 1914 году поселили пленных чехов, словаков, поляков, украинцев. К июлю 1915 года их насчитывалось уже 45 офицеров и 430 нижних чинов. По своей профессиональной принадлежности состав военнопленных был очень пестрым. Когда среди них в декабре 1916 г. была устроена импровизированная перепись, то оказалось, что среди них есть крестьяне, чернорабочие, батраки, землекопы, кучера, а также один бывший учитель и один студент¹³. В конце 1916 г. количество военнопленных в городе сократилось до 145. Небольшое количество их продолжало находиться в городе и после февраля, и даже октября 1917 г.¹⁴ Их использовали как бесплатную рабочую силу по благоустройству города, на полевых работах, строительстве. Правда, городская управа вопреки циркуляру МВД все же решила для поощрения пленных оплачивать их труд по 15-20 коп. в день, даже по тем временам эта сумма была чисто символической. Но для пленных в дополнение к выделяемому им пайку это были всё же какие-то дополнительные средства¹⁵.

Военнопленные вражеских держав пробыли в Иваново-Вознесенске в общей сложности около четырех лет. В августе 1918 г. их насчитывалось всего 32 человека, из них 9 человек – немцы, 6 – чехи и большинство – словаки¹⁶.

Положение рабочих, которое улучшилось в предвоенные годы, в 1914-1916 годах вновь осложнилось. Резко возросла инфляция, и, хотя заработки текстильщиков постоянно увеличивались, они не могли угнаться за стремительным ростом цен. В 1915 г. с прилавков стали исчезать товары первой необходимости: мука, сахар, мясо. Торговцы прятали их, надеясь на дальнейшее повышение цен. Городские власти ввели предельные цены на товары – таксы, но торговцы находили способы обходить это постановление. Не помог и закон о введении так называемых мясопустных дней. В результате в остальные дни очереди стали длиннее, подорожали и другие продукты, употребляемые вместо мяса: рыба, яйцо, молоко, зелень. Такое кризисное положение образовалось в связи с тем, что торговые дома «братьев Куражевых» и «Латышев с сыновьями» – крупнейшие местные поставщики продовольствия, не могли получить в Кинешме вагоны под погрузку товаров для поставки в Иваново-Вознесенск. Но впоследствии выяснилось, что виноваты в этом были не железнодорожники, а сами торговцы. Оправдывали они это не злым умыслом, не тем, что хотели создать товарный голод, а затем повысить цены, а несогласованностью действий и неточно разъясненным новым законом¹⁷. Чтобы облегчить жизнь горожан, городская управа приняла решение от 21 января 1915 года¹⁸ открыть продовольственный склад на так называемом Нижнем базаре (ныне пл. Революции), где по ценам ниже таксовых была организована торговля продовольствием. Дума одобрила это решение и выделила на это 25

тыс. рублей с условием погашения её городской управой до конца отчетного года. Этот магазин-склад был открыт 29 мая 1915 года¹⁹.

Еще одной мерой по социальной защите населения было установление карточной системы. Карточки вводились на те товары, по которым ощущался острейший дефицит. Это, во-первых, предотвращало или сдерживало спекуляцию, во-вторых, обеспечивало относительно равномерное распределение продовольствия среди населения.

Продовольственный кризис стал главной причиной ряда массовых стачек. В мае 1915 года в Иваново-Вознесенске вспыхнула забастовка. 30 тысяч рабочих требовали снизить цены на особенно подорожавшие хлеб и муку. Фабриканты, не желавшие нести убытки из-за забастовки, заставили торговцев пойти на уступки, и цены на товары первой необходимости снизились на 20-40%.

В конце 1915 года и в 1916 году экономические и политические забастовки в Иваново-Вознесенске и в целом в текстильном крае шли почти непрерывно, что повлекло за собой революционное потрясение 1917 года.

¹ Экземплярский П. М. История города Иванова. Ч. 1. Иваново, 1958. С. 312.

² Бадин К. Е., Семенов А. М. Иваново: история и современность. Иваново, 1996. С. 65.

³ Ивановский листок. 1915, 12 марта, 14 марта.

⁴ Там же. 1915, 5 мая.

⁵ Экземплярский П. М. Указ. соч. С. 313.

⁶ Старый владимирец. 1915, № 7.

⁷ Там же. № 8.

⁸ Там же. 1916. № 7.

⁹ Там же. 1915. № 7, 1916. № 7.

¹⁰ Ивановский листок. 1915, 26 апреля.

¹¹ Там же. 1915, 27 февраля.

¹² Старый владимирец. 1914, 17 сентября, 3 октября

¹³ ГАИО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 714. Л. 508.

¹⁴ Там же. Л. 51, Д. 756. Л. 164.

¹⁵ Там же. Д. 714, Л. 3, 7, 12.

¹⁶ Там же. Л. 164.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 5367. Л. 83.

¹⁸ Там же. Л. 54 об.

¹⁹ Там же. Л. 57.

А. К. КОКУРИН
(г. Иваново)

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ШУЙСКОЙ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ

Вопрос о возникновении пожарной охраны в России вообще и в Шуйском районе в частности актуален по той простой причине, что общее количество пожаров из года в год, особенно в последнее время, с незначительными колебаниями имеет тенденцию к стабильному росту¹.

В связи с этим история возникновения пожарной охраны вызывает немалый интерес не только в общероссийском масштабе, но и в региональном аспекте.

Шуйская городская пожарная охрана (команда) является одним из старейших пожарных подразделений нашей страны. Причиной, побудившей организовать пожарную команду, явились частые опустошительные пожары.

Первый из известных нам пожаров случился в 1539 г. в период нашествия на Шую и другие города казанского хана Сафы-Гирея, который разорил и сжег город.

Следующее бедствие принесли городу поляки и литовцы при участии суздальского воеводы Плещеева. Разорив Шую до основания, он доносил в 1608 г. гетману Сапеге: «...а про Шую писал я государю, что было в заборе детей боярских и мужиков из разных городов 25 тысяч, и милостию Божьей и Государевым счастьем мы их побили и остры взяли и *посады Шуйские пожгли*»².

В 1629 г. огонь снова бушевал в городе и уничтожил 82 из 154 дворов. В челобитной, поданной в 1640 г. царю Михаилу Федоровичу, шуяне просили о сбавке отсрочки податей. Они писали: «В нынешнем году, Государь, мы, сироты твои, сгорели, а уничтожили пожар в три часа ночи: загорелось на посаде и сгорела церковь Воздвижения и Бориса и Глеба. Мы, сироты твои, были в отъезде для своих бедных промышленников на Хотимле, сгорел твой дом приказных людей да гостин двор со всякими товаришками, губной двор, тюрьма и богадельня, да наших посадских людишек, дворишек сгорело 82 без останку, да разломано 42; от того пожара мы разорились до конца и разбрелись кормиться по миру»³.

И снова черные дни для нашего города пришли на 1652 г., а затем на 1710, 1766 годы. В 1770 г. Шуя вновь была истреблена огнем, после чего город заново распланировали по составленному землемером М. Хомяковым плану. В 1766 г. сгорела одна из лучших улиц города – Пищальная.

В 1792 г. случился один из самых памятных и ужасных пожаров, известный под именем «покровского». Он начался в полночь 10 октября в лавках близ Спасской церкви, которая обгорела. Огонь перекинулся на улицу Гостиную, Пищальную, Заболотную; сгорело много заводов и более 200 дворов.

Опустошительные пожары вызвали справедливое недовольство населения. Это заставило Владимирское Губернское правление принять решение о постройке в городе Шуе пожарного депо, которое было выстроено в 1821 г. купцом Василием Максимовичем Киселевым. Оно находилось около здания присутственных мест. Но как таковой профессиональной городской пожарной команды еще не существовало, так как вначале была организована лишь ДПД (добровольная пожарная дружина).

К 1841 г. относится постройка первого пожарного сарая, о чем гласит свидетельство Губернского правления: «...1841 года, сентября сего дня Шуйским Городничим поручиком Арсентьевым, уездным стряпчим Коллежским асессором Алексеевым, во исполнение указа Владимирского Губернского правления от 25 августа за № 8189 засвидетельствован сарай, построенный Шуйским мешанином Тимофеем Галятиным при пожарном депо, который оказался построен прочно и показанный городской Думой отчет 234 рубля серебром стоящим»⁴.

Об укреплении городской пожарной команды свидетельствует такой документ, как выписка из журнала заседаний Шуйской Городской Думы от 31 августа 1848 года, которая гласит: «...что постройку в городе Шуе пожарного депо во Владимирской казенной палате произведены торги 26 и 30 числа прошедшего июня месяца и что постройка осталась и утверждена гражданским губернатором за Владимирским купцом Андреем Никитиным за 3785 рублей серебром, предписывая подрядчика Никитина допустить к производству работы и по окончании постройки донести Губернскому правлению»⁵.

В августе 1849 года была создана профессиональная пожарная команда и выделены средства на ее содержание в сумме 3550 рублей 18 копеек: на насм четырех служителей, на покупку четырех лошадей и для них полной упряжи с принадлежностями, на покупку бочек, ходов, лестниц, багров, ухватов, ведер, щитов, топоров, лопат и заступов⁶.

Именно с этого времени, в принципе, можно говорить о возникновении централизованной пожарной охраны в г. Шуя.

В 1861 г. в Шуе было уже 2 пожарных депо с конюшнями и жилыми зданиями для пожарной команды; одно – близ корпуса присутственных мест, другое – за рекой Тезой в новоотстроенных кварталах⁷.

С 1873 г. пожарное депо располагается в современном здании. В это же время была выстроена пожарная каланча, разрушенная в годы революции.

На каланче был круглосуточный дежурный. Был дежурный и на Базарной каланче. В ночные часы они переключались друг с другом свистками.

На плане 1880 г. город Шуя разделен на 5 пожарных участков, даются разъяснения пожарных знаков и кварталов, относящихся к каждому из 5 участков. На городской каланче выкидываются следующие знаки при пожарах:

в 1 уч. (кв. 1-7, 9-11, 18 и 39 первый) – днем один черный шар, ночью – один фонарь;

во 2 уч. (кв. 8, 12, 13, 19-23, 25-30, 32-37) – два шара, или два фонаря;
в 3 уч. (кв. 14-17, 24, 31, 38, 39 второй, 40-51) – три шара, или три фонаря;

в 4 уч. (заречн. кв. 1-5, 13, 14) – четыре шара, или четыре фонаря;

в 5 уч. (заречн. кв. 6-12) – днем черный крест, ночью – пять фонарей.

В 1879 г. на пожарную часть из городского бюджета было израсходовано 4 тыс. 710 руб. 81½ коп. (≈10% от общих городских расходов).

Положение пожарных до революции.

До революции условия труда пожарных были тяжелыми. Пожарных заставляли выполнять разные работы, не относящиеся к обязанностям пожарной команды: колоть дрова, подвозить воду для городской управы и на квартиры чиновников, ловить в городе бродячих собак, зажигать и гасить фонари уличного освещения – все это на каждом шагу сопровождалось оскорблениями и было обычным явлением. По распоряжению брандмейстера Шуваева каждую субботу жены пожарных, проживающих в команде, должны были бесплатно мыть полы в квартирах брандмейстера и его помощника.

Квартирные условия были ужасными, дежурство было установлено в одну смену или, вернее, люди дежурили без смены и поэтому семейным приходилось жить в тесных и неудобных каморках, а подчас в общей комнате жили несколько семей (так, в помещении, занимаемом ныне учебным классом, проживали семь семей. Там же находилась русская печь. В других комнатах русских печей не было). К 1915 году заработная плата рядовых пожарных составляла 18 рублей в месяц. Никакого обмундирования пожарным не выдавалось, в зимнее время выдавались старые шапки, выброшенные воинскими частями. Спецдеждой пожарных являлись брезентовый костюм и пожарный пояс.

Пожарные постоянно должны были быть одетыми и обутыми, так как им не разрешалось снимать верхней одежды.

Пожарное дело с личным составом команды не изучалось и обучаться ему было не у кого. Брандмейстеры сами не знали элементарных правил пожарной безопасности. Так протекала заурядная жизнь пожарных в дореволюционное время.

В 1910-1915 гг. штат городской пожарной охраны был 30 человек, из них два человека начсостава. Для качания ручных пожарных насосов требовалось от 6 до 8 человек на один насос, а на пожар вывозили 3 насоса, пожары в городе возникали часто, даже по несколько пожаров в день. Телефонной связи в то время в городе не было. Для обнаружения пожаров выставлялись два вышковых наблюдательных поста: один на вышке на здании пожарной команды, второй – на колокольне в часовне в центре города.

Вообще труд пожарных был чрезвычайно тяжелым, так как они не имели смены и, по выражению работников пожарной команды, – это была вторая тюрьма.

Пожарная охрана после революции.

После октябрьских событий власть в городе перешла в руки Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов. Его решением были отстранены от занимаемых должностей брандмейстер Шуваев и его помощник Панов.

Первым начальником Шуйской городской пожарной охраны стал рядовой пожарный Леднев. С круглосуточного и бессменного дежурства пожарная команда была переведена на 8-часовой рабочий день при 3-х сменном дежурстве. В команде был избран комитет по поддержанию революционного порядка. Председателем комитета был избран Леднев, а секретарем Г. Ф. Резников.

17 апреля 1918 года В. И. Лениным был подписан Декрет «Об организации государственных мер по борьбе с огнем». Первым руководителем органов пожарной охраны был пожарный совет под председательством Главного комиссара по делам страхования и борьбы с пожарами. Этот пост существовал до 12 июля 1920 года. В июле 1920 года пожарная охрана была передана в ведение Народного комиссара внутренних дел. В это время Главное управление коммунального хозяйства входило в НКВД, поэтому руководство пожарной охраны было двойным.

В 1926 году штат пожарной команды составлял 25-30 человек; в это же время на вооружение команды поступил первый автонасос АМО-Ф-15 с огромной по тем временам производительностью в 900 л/м при максимальном давлении 8-10 атм. Но самым главным приобретением этого года был автомобиль. И не простой – *самый первый пожарный автомобиль*, построенный на заводе «Промет» в Ленинграде. Отсюда идет история моторизованной пожарной службы не только в нашем городе, но и в стране. В 1927 году команда получает второй автонасос АМО-Ф-15. Так, постепенно, с развитием промышленности росла численность и укреплялась технически Шуйская городская пожарная охрана. Она могла подать на пожаре одновременно 6 стволов литер «Б» или 4 ствола литер «А». В переводе на ручные насосы пожарные автонасосы могли заменить 15 ручных и 90 качальщиков.

В 1934 году штат пожарной команды составляет уже 133 человека. В это время на вооружении команды находился еще конный обоз в составе 4-х конных ходов.

В 1936 году с развитием отечественной автомобильной промышленности на вооружение пожарной команды поступают более мощные и усовершенствованные автонасосы ЗИС № 11. В это время команда имела возможность подать на пожар воды до 3700 литров в минуту. Мощности пожарной техники позволила вести решительную борьбу с пожарами; крупные пожары стали в городе более редкими явлениями. Старая примитивная техника, доставшаяся в наследство от царского правительства, была заменена новой современной, мощной, давшей возможность несколько сократить численность пожарных. Поэтому с 1942 по 1947 год штат пожарной команды составил 97 человек. В 1941 году в городе была вторая пожарная команда со штатом

47 человек. Создание второй пожарной команды диктовалось необходимостью военного времени.

В годы Великой Отечественной войны работники пожарной охраны города Шуи наравне со всеми трудящимися города оказывали всевозможную помощь армии для победы над фашистскими захватчиками. 47 работников пожарной охраны добровольно ушли на фронт, где храбро сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Находясь в тылу, работники пожарной охраны активно помогали фронту, населению, пострадавшему от немецкой оккупации, собирали средства на постройку самолетов, танков, одежду для оказания помощи населению и непосредственно семьям пожарных. На имя пожарных Ивановской области, в том числе и коллективу Шуйской пожарной команды от Советского правительства получено 8 благодарственных телеграмм.

Пожарная охрана в послевоенное время.

После победы над гитлеровской Германией советские люди приступили к мирному созидательному труду. В послевоенный период автомобильная промышленность СССР получила широкое развитие. С появлением новых марок автомобилей в народном хозяйстве пожарная охрана стала получать новые пожарные автомобили закрытого типа, удобные для перевозки личного состава на пожары, особенно в зимнее время. Они были с более мощными насосами, способными подать на тушение пожара 12-14 л/м с максимальным давлением 12-14 атм. Таких пожарных машин к 1958 году в Шуйской ГПК на вооружении имелось 4.

Выполняя поставленную задачу по охране от огня народного достояния и личного имущества граждан, коллектив ГПК имел немало успехов в деле организации работы по предупреждению и тушению пожаров. За это коллектив команды с 1954 года удерживает переходящее Красное Знамя Областного Совета Депутатов трудящихся.

Немало было проявлено храбрости и отваги отдельными подразделениями при ликвидации сложных и весьма опасных пожаров. Так, 12 июля 1952 года в результате грозового разряда на складе боеприпасов возник пожар. К моменту прибытия на пожар дежурного караула склад был охвачен огнем и начали рваться снаряды. За умелую организацию тушения пожара и самоотверженную работу по ликвидации пожара Министерством внутренних дел СССР было награждено месячным окладом 18 человек личного состава государственной пожарной охраны.

Как одна из старейших пожарных команд нашей страны, коллектив Шуйской государственной пожарной охраны свято хранит традиции.

Развитие пожарной охраны после 1980-х гг.

В 1983 г. на базе 6 отряда профессиональной пожарной охраны была организована 13 самостоятельная военизированная пожарная часть.

В 1992 году СВПЧ-13 была переименована в 4 отряд пожарной охраны Пожарной аварийно-спасательной службы УВД Ивановской области, в состав

которой входили 13 часть пожарной охраны и отдельный пост пожарной охраны, объектовая профессиональная пожарная часть № 28 пос. Колобова с общей численностью личного состава 109 человек.

28 июля 1994 года 4-ОПО переименован в 4 отряд по охране г. Шуи и Шуйского района Государственной противопожарной службы УВД Ивановской области. В 1999 году произошло значительное сокращение личного состава.

С 1 января 2002 года Государственная противопожарная служба Министерства внутренних дел Российской Федерации преобразована в Государственную противопожарную службу Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

В настоящее время 4 отряд по охране г. Шуи и Шуйского района ГПС УВД Ивановской области переименован в ОГУ 4-Пожарный отряд по охране г. Шуи и Шуйского района ГПС МЧС России.

¹ Пожары и пожарная безопасность в 2002 г.: Статистический сборник / Под общей ред. Е. А. Серебrenникова, А. В. Матюшина. – М.: ВНИИПО, 2002. – 207 с.: илл.

² Цит. по: Лядов И. Историческая и современная записка о городе Шуе. – М. 1863. – С. 23.

³ Там же. С. 31.

⁴ ГАИО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 4801. Л. 16.

⁵ Там же. Д. 229. Л. 64.

⁶ Там же. Д. 108. Л. 6.

⁷ Лядов И. Указ. соч. С. 39.

Л. А. БУРЦЕВ
(г. Иваново)

НАРКОМВОЕНМОР: М. В. ФРУНЗЕ И ШУЯ в 1920-е гг.

В 2005 году исполняется 125 лет со дня рождения М. В. Фрунзе – талантливое полководца гражданской войны, авторитетного политического и военного лидера. Жизнь и деятельность М. В. Фрунзе давно стали предметом изучения и популяризации. К настоящему времени в отечественной и зарубежной историографии накоплен внушительный объем исследований, посвященных М. В. Фрунзе как политической фигуре. Вместе с тем информационное поле, сформированное имеющимися в настоящий момент исследованиями, содержит определенные пробелы, что со всей очевидностью диктует необходимость дальнейшей всесторонней научной разработки вопросов, незаслуженно обойденных вниманием. Одним из подобных «белых пятен» является оборонно-стратегическая политика Фрунзе в Шуе в 1920-е годы, которой посвящена данная статья.

В 1924 году комиссия РВС СССР под председательством Фрунзе разработала принципы военной реформы, основные направления которой сводились к введению смешанной системы комплектования вооруженных сил (сочетанию кадровых и территориально-милиционных формирований). Смешанная система была обусловлена ограниченным военным бюджетом, нуждами народного хозяйства, соображениями надежного оперативного прикрытия страны. Территориально-милиционная дивизия могла подготовить в три раза больше призывников, чем за это же время кадровая. Обучение в милиционном соединении обходилось значительно дешевле и производилось без длительного отрыва призывников от производства, что давало большой экономический эффект. Кроме того, наличие на вооружении относительно простой техники позволяло овладевать ею в территориальных формированиях¹.

Большое внимание уделялось учебным сборам как основной форме боевой и политической подготовки переменного состава территориальных частей. Будучи народным комиссаром по военным и морским делам СССР, особое внимание в процессе проведения сборов Фрунзе уделял сборам в г. Шуя. Так, давая оценку территориальным сборам 1924 года в Шуе, Фрунзе отмечал, что «в условиях, приближающихся к боевой действительности, территориальные войска способны разрешить поставленные им боевые задачи»².

В решении проблемы подготовки массовых военно-обученных резервов Фрунзе определенное внимание уделял практической проверке состояния и результатов этой работы. Он считал опытные мобилизации «одним из наиболее надежных средств проверки готовности всего мобилизационного аппарата». Опытная мобилизация в мирное время являлась, по его мнению, единственно доступным и наиболее универсальным средством, дающим возможность приблизиться к условиям периода действительной мобилизации и объявления войны. Это позволяло выявить как положительные, так и отрицательные стороны мобилизационной подготовки³.

По инициативе Фрунзе в 1920-е годы было проведено несколько мобилизаций для уточнения мобилизационных планов частей, соединений, отдельного военного округа. Мобилизации, проводимые в Московском военном округе по решению Фрунзе затронули и территориальные дивизии г. Шуя. Цель их состояла в определении наличия и подготовки людских ресурсов для комплектования развертываемых на случай войны воинских формирований, накопления в мирное время необходимых запасов вооружения, военной техники и других материальных средств, проверки учета оповещения и сбора военнообязанных, а также мобилизуемых транспортных средств и т. д. В ходе опытных мобилизаций параллельно с основными задачами решались и другие вопросы: организовывалась военная подготовка необученных контингентов, проводились специальные учебные занятия с призывным составом, особенно со специалистами и т. д.⁴ Особенно примечателен тот факт, что в мае 1924 года Фрунзе был избран почетным красноармейцем находившегося тогда в Шуе 54-го территориального полка⁵.

В 1925 году в рамках проводившейся в стране военной реформы внимание Фрунзе вновь было привлечено к Шуе, где им предполагалось открытие военной академии⁶. В некоторой степени принятие данного решения объяснялось желанием Фрунзе опереться на революционный опыт и пролетарские традиции нашего региона, а также многочисленными связями, сформированными здесь во время революции 1905-1907 годов. Немаловажным фактором являлся и достаточно высокий экономический потенциал Шуи в рассматриваемый период. При этом определяющее значение, по-видимому, имело выгодное географическое положение Шуи, находившейся между стратегически важными железнодорожными направлениями: Москва-Казань и Москва-Кинешма, что предполагало высокий уровень мобильности в случае военной угрозы.

Внезапная кончина Фрунзе в октябре 1925 года помешала реализации намеченных планов. Тем не менее его инициатива не осталась без внимания. В декабре 1925 года между Шуйским ОТМЕСТХОЗом и РВС СССР началась переписка о покупке в Шуе здания бывшей женской гимназии с целью открытия там академического корпуса – отделения военной академии⁷. Данный вопрос предполагалось поставить на обсуждение рабочих общественных организаций, однако проект так и не был реализован. Приоритетным направлением осуществления военной реформы стало максимальное сокращение расходов на армию. Одновременно с сокращением соединений и частей, численности личного состава значительно сокращалась и реорганизовывалась сеть военно-учебных заведений. Очевидно, что подобные тенденции не способствовали воплощению обозначенных планов Фрунзе.

Не было принято во внимание и предсмертное завещание Фрунзе – быть похороненным в Шуе. Незадолго до смерти, перед операцией (у Фрунзе была язвенная болезнь), своему другу И. К. Гамбургу он передал свою последнюю волю: «Ты знаешь, что я могу умереть под ножом. Если что про-

изойдет со мною, я прошу тебя пойти в ЦК и сказать о моем желании быть похороненным в Шуе»⁸. Ту же просьбу он повторял другим лицам. Тем не менее, желание Фрунзе так и не было исполнено – он был похоронен у кремлевской стены.

¹ Фрунзе М. В. Стратегические резервы // Военное обозрение 1924. – Вып. 4. – С. 43.

² Фрунзе М. В. Собр. соч. в 2 т., М., 1954. Т. 1. С. 347.

³ Там же. С. 349.

⁴ Мобилизационный сборник. М.: Изд. штаба РККА. 1924. – Вып. 3. С. 169.

⁵ Рабочий край. – 1973. – 12 января.

⁶ Там же. 1925. – 13 декабря.

⁷ Там же.

⁸ Воспоминания о М. В. Фрунзе. М., 1954. С. 342.

Ю. А. ИЛЬИН

(г. Иваново)

ТЕНЕВЫЕ СТОРОНЫ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА И ДОСУГА НАСЕЛЕНИЯ ШУЙСКОГО УЕЗДА В ГОДЫ НЭПа

Рассмотрение данного вопроса в рамках одного уезда промышленного Центра России не умаляет, а скорее подчеркивает его историческую значимость. Взглянув в «зеркало» повседневного бытия рядовых граждан российской глубинки, проникаешься пониманием, чувствуешь всеми «рецепторами кожи» тогдашние стандарты жизни, ценности человека как личности. И что очень важно – воочию убеждаешься в удивительной силе старых привычек населения, их склонности к традиционным способам «сбалансирования» ума, души и тела. Бесспорно, все это усиливает интерес к поднимаемой теме.

Но тут важно соблюсти принцип объективности. На наш взгляд, мы подошли с максимальной планкой требовательности к этому: а) для сообщения взяли период расцвета НЭПа, т.е. время относительной стабилизации низового (общегражданского) уровня жизни страны и региона; б) объектом рассмотрения стал Шуйский уезд, достаточно развитый район в промышленном, сельскохозяйственном и культурном плане; в) материал для сообщения взят из губернской газеты. Это дает возможность оценить ситуацию относительно беспристрастно, как бы со стороны. Сама по себе периодика достаточно демократический источник информации, по крайней мере при освещении явлений повседневной жизни местного населения в тот период.

Учет всех вышеуказанных моментов позволяет говорить о возможности «снять» череду реальных «исторических снимков» тогдашнего повседневного бытия рядовых граждан Советской России.

Интерес к объекту исследования подкрепляется новизной поставленной проблемы в рамках краеведческой литературы. В связи с тем, что содержание базируется на источнике в узких временных рамках, иллюстративность сообщения заметно превалирует над конкретно-историческим анализом, нет здесь и многозначительных выводов. Данный недостаток вполне компенсируется введением в научный оборот нового и достаточно яркого, колоритного исторического материала.

Из теневых сторон повседневного быта и досуга жителей Иваново-Вознесенской губернии и, в частности, Шуйского уезда газета «Рабочий край» особо выделяет пристрастие местных жителей к самогоноварению и пьянству.

Эпидемия «самогоноварения» охватила наш регион, начиная с 1922 г. Причина – формально не отмененный Советской властью, действовавший в России с 1914 г., т.н. «сухой закон». До 1924 г. включительно первенство (по показателям обнаруженных и изъятых органами милиции самогонных аппаратов и спиртосодержащей продукции) держал город. С 1925 г. ситуация изменилась: эпицентр самогоноварения переместился в сельскую местность.

В номере «Рабочего края» за 1 марта 1925 г. приводились итоги очередной ударной кампании властей по искоренению данного негативного явления. Эта акция проводилась компетентными органами по всей губернии с 25 декабря 1924 г. по 10 января 1925 г. (в т.н. «рождественские праздники»). В ходе ее было проведено 1323 обыска, в основном в деревне. В результате было обнаружено и изъято: в городе – 98 ведер самогона и 35 аппаратов, в деревне – соответственно 1499 и 313. Официальные власти признали, что кампания не удалась, ее результаты явно неудовлетворительны. Рейды по известным адресам показали, что перестроились и самогонщики: уходили в сельскую местность, преимущественно в отдаленные селения, нередкими были случаи устройства самогонных артелей в лесной полосе с явной целью сбыта произведенной продукции.

Настораживало власти и то, что в среде местного населения выработалось устойчиво-терпимое и даже доброжелательное отношение к производителям и потребителям самогонной продукции. Газета приводит следующее весьма распространенное мнение крестьян по поводу самогонварения в крае: «Что же, товарищи, мужик не выпьет и песню не споет, а вечно сурьезным нельзя быть». Самогон уверенно входил в крестьянский уклад жизни и не только по праздникам и в дни вынужденного безделья, он стал одной из составляющих продовольственного рациона сельчан. Для значительной части населения самогонварение было выгоднейшим промыслом, серьезным подспорьем для укрепления индивидуального хозяйства. Молодежь, помогавшая взрослому заниматься винокурением, по сути запретным и преследуемым властями, пользовалась среди сверстников особым авторитетом, в их глазах данные действия окрашивались в героико-романтические тона. «Рабочий край» за 1 марта 1925 г. приводит горькое признание учительницы Соколовской школы: «Подходишь к классу, слышишь ребята с жаром говорят о том, как у них с перцем настояно, горло, говорят, так приятно жжет. Пока в школе сидят, хорошие детки, умные, живые, занимаются увлеченно, как за ворота школы – так только и разговор о самогоне...».

Так что можно говорить о сложившемся и укоренившемся во всех возрастных категориях значительной части населения сознании, основательно одурманенного суррогатной продукцией. Это нашло практическое выражение в эпидемии питья в гущу народной. На страницах газеты за 1925 г. немало свидетельств широкомасштабности данного негативного явления.

Надо признать, что определенную вину за это несет и власть. Во-первых, Советы проводили демагогически-лицемерную политику в вопросе производства и торговли винной продукцией через сеть государственных магазинов. Двойной стандарт к «сухому закону» проявлялся в поощрении продажи пива, настоек и наливок. Неуклюжая деятельность властей в деле наращивания производства данной продукции, примитивная организация продажи в розничной сети магазинов и лавок и достаточно высокая цена на нее – все это создавало стойкий дефицит данных товаров на потребительском рынке.

Во-вторых, немалым подспорьем для вспышки самогонной эпидемии было нежелание властей начать производство и продажу крепких спиртных напитков для населения, уже усвоившего привычку их употребления в дореволюционный период, а их суррогатов – в годы гражданской войны.

В условиях дешевизны зерна и повышенного спроса на алкоголь предприимчивые жители города и деревни ударились в винокурный промысел, суливший им немалые доходы. Для крестьян, производителей хлеба, при существовавших в 1920-е гг. низких закупочных ценах на данную продукцию, было выгодно продавать ее самогонным вино-суррогатным заведениям или самим производить самогон в домашних условиях. Кстати, рецептура изготовления самогона была весьма разнообразной, явно нацеленной на удовлетворение всевозможных потребительских запросов населения. Из заметки в «Рабочем крае» за 6 августа 1925 г.: в городах и рабочих поселках губернии установилась традиция т.н. «бабьих праздников». В эти дни устраивались массовые попойки, в них участвовали женщины. Упоминалось корреспондентом газеты и о пристрастиях женщин к разным видам винного суррогата. Так, в г. Шуе работницы предпочитали «дуру», в Родниках – «кумушку», в Серде – «бражку». Сценарий мероприятий был до удивления примитивным: женщины напивались, затем мотались по улицам, пели песни, плясали и нередко падали и засыпали прямо на дороге.

В-третьих, на фоне вспышки самогонной эпидемии центральная власть пошла на изменение тактики борьбы с данным злом посредством...разрешения продажи населению 40° водки. Наркомат здравоохранения (в лице Семашко) оправдывал данный шаг «потребностью момента», маневром «против развития производства самогона». Но это лишь часть правды: государство с помощью этой меры начало борьбу с самогонщиками за доходы от реализации крепких напитков. Именно с 1925 г. раздувается доходная статья бюджета за счет винной интервенции на потребительском рынке. Результат был естественным, но для властей неожиданным: «наложение» двух спирто-водочных потоков и... новый всплеск, причем более мощный, эпидемии питья в среде простого населения, давший криминальное осложнение социальной и политической ситуации в регионе в форме хулиганства бытового и злостного.

В номере газеты «Рабочий край» за 16 декабря 1925 г. читаем: «Пьянство в г. Шуе превращается в эпидемию. Пьют мужчины, пьют женщины, пьют молодежь. В день «получки» больше встречаются на улицах пьяных, чем трезвых. То же и в базарные дни...Бывают случаи, когда рабочие приходят в пьяном виде и на работу. Из-за пьянства растут и прогулы. Особенно после «больших» праздников. В дни, когда запрещается продажа спиртных напитков, развивается спекуляция водкой. Цена бутылки русской горькой поднимается до 4 рублей. Ездят за водкой в Палех, Холуй и даже Савино, где продажа вина разрешена. И еще большое зло – магарычи. С вновь поступивших рабочих требуют угощения и выпивки...Верный спутник пьянства – хулиган-

ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Составить представление о внешнем облике ивановской сельской труженицы 30–60 гг. XX в. позволяют диалектные названия головных уборов. Некоторые из них и сейчас известны довольно широко.

ВЯЗЁНКА и **ВЯЗЁНОЧКА**¹. Вязаный платок. *Зимой мы вязёнки носили – платочки белые, тёплые, шапок-то ведь не было; Зимой-то были у нас вязёнки, вязёнка – платок связанный, русской шерстью вязали, тёплую; Вязёнка у меня даже ещё от мамки осталась, была ещё раньше алая, сейчас уж повытерлась, она ведь ажуром вязана, дырки-то большущие, а греет хорошо; У меня до сих пор вязёнка есть – в полкамоднике лежит (Юж., Пуч., Тейк., Шуйск., Ив., Лух., Вич., Ил., Сав.); На голове носили вязёночку (Шуйск.).* Заметим, что *вязёнкой* называют любое вязаное изделие, не только платок, но и кофту, например; *вязёнками* же – носки и варежки.

КОСОК и **КОСОЧЕК**. Косынка. *Коски-те и бабы и девки носили; А я платок пополам разрезала, треугольно, да обшила, вот у меня косок-то и получился; Коски, платки на голове, повязки – шапки не носили наши мамы; Сняла я косок да и убмотала ей ступку-то; Не ходили косматыми-то, всё в косках (Шуйск., Палех., Пуч., Вич., Г.-Посад., Кин., Юрьев., Родн., Юж., Лежн., Сав.); Косочек называли, всякие, разные бывали, со цветочками, все разные, и цвета разного; Треугольные – это косочки (Сав., Шуйск., Юж.).* Слово *косок* было в ходу у местных жителей в 20-е годы прошлого века. Оно встретилось нам в документе 1923 г., характеризующем, кроме прочего, гардероб деревенской девочки-сироты: *Е. Ф. Кособрюхов <...> передал ее, т. е. девочку, на воспитание гражд. Дьяковым, которые вместе с девочкой получили <...> теплую шаль, шелковый платок и шелковый косок <...>*².

Реже, но тоже неоднократно приходилось слышать следующие слова.

ВЯЗАНКА. Вязаный платок. *Да вязанку ещё на голову повяжем, и тепло; Вязанку-ту оповяжут вокруг себя крестом, она большая, пуховая, хорошо греет (Шуйск., Ил.).*

НАКРЫВНАЯ (НАКРЫМНАЯ) ШАЛЬ. *Накрывные шали шерстяные были, клетками, большие, вот невесту накрывали ими, у нас у мамы была тёмно-синяя; Накрывная шаль: выходит жених, и этой шалью накрывали; Носили накрывные шали с кистями – мода была; Накрывная шаль, цветами, большая-большая, невест накрывали. (Юж., Шуйск., Сав.).*

ПОВЯЗКА. *На голове-то всё повязки носили; Зимой-то тёплые пуховые платки – повязки (Лух., Шуйск., Ил.).*

¹ Полужирным курсивом выделяется ударный гласный; курсивом – записи диалектной речи.

² Полностью документ опубликован. Провинциальный анекдот. Вып. 4. Шуя, 2004. С. 107.

ство, которое широко развилось в Шуе. Часто в клуб вваливается пьяная банда, начинает дебатировать и срывает клубную работу. На днях хулиганами был разогнан семейный вечер рабочих в клубе. Такие дела зачастую заканчиваются потасовкой. Унять хулиганов боятся: никто не желает быть избитым».

А вот статья за 24 декабря 1925 г. уже была тревогу по поводу развившегося хулиганства, которое в губернии приняло угрожающие размеры. Особенно в Шуе. Хулиганы, объединившиеся в шайки, совершают рейды по рабочим клубам, где обрывают провода, ломают водопровод, срывают портреты, картины со стен, воруют инвентарь, одежду, устраивают форменные побоища. Даже забирались в школу, срывали занятия и избивали учащихся. Нападали на сторожей, фабричную охрану, технический персонал. Организатором этих действий является Иван Доманов, составивший целый план систематических избиений ответственных работников и членов партии (народный судья 1-го участка, ответственный секретарь укома РКСМ, зав. учетным столом укома РКП и др.). В городе сложилась ненормальная ситуация, часть населения была запугана, падала производительность труда предприятий. Пришлось за дело взяться ГПУ. Вскоре представился такой случай: хулиганы устроили дебош в одной из пивных города. Попытка уполномоченного Иваново-вознесенского ГПУ Анисимова урезонить хулиганов закончилась его избиением. Ему пришлось применить оружие. Прибывшие опергруппы чекистов и милиции арестовали хулиганов. Обнаружилось, что все арестованные были с уголовным прошлым. Выходка хулиганов г. Шуи была оценена компетентными органами как организованный бандитизм.

Из вышеприведенного фактического материала, напрашиваются следующие выводы: 1. Общество не избавилось от зловещих последствий революции и гражданской войны, явлений, опустивших чувство человеческого достоинства на предельно низкую отметку. Приведенные факты говорят о крайней необустроенности повседневного быта и досуга рядовых граждан Советской России. Пьянство есть отчасти явление вековой привычки, но и следствие технократического подхода власти к человеку как личности.

2. Всплеск хулиганства есть отчасти следствие вакханалии питания, а также воспитания поколением, пережившим глобальные потрясения всех основ жизни общества и страны. Всплеск хулиганства есть и проявление, правда, в архаично-азиатской форме, протеста маргинальной части населения уезда. Беспредел хулиганов – это наступательная акция криминального элемента за передел доходов и власти в свою пользу. Тревожило власти и то обстоятельство, что данное явление в регионе получало мощную социальную подпитку за счет контингента беспризорников, настоящих изгоев общества.

ПОВЯЗУХА. Носили мы, и мать моя носила, и я, пуховые платки, которые назывались повязухами, повязками; Женщины повязывали на голову повязухи – это платок пухово 'й (Лух., Шуйск., Фурм.).

ПОДШАЛОК. Подшалок – небольшая шаль, когда в дорогу едешь, одевали под шаль (Палех., Сав.).

ПОДШАЛЬНИК. Всегда ношу под шалью подшалник; Подшалник, он под шаль одевается, это вот платочек белый, складывается накосок, завязывается под узелок или прямо под шаль и вместе с шалью завязывается (Ил., Юж.).

ПУХОВКА. Вот у мамы моей (она из хорошей семьи) была пуховка – платок пуховый, это значит – она богатая; Есть вязёнка – она из простых ниток, а пуховка – из пуховых; Пуховку дочка подарила на день рожденья, погоди, припомню, года два назад, хороша она, нова-то, тогда была пухова, пушиста, а уж теплуца; Коски носили, платы обыкновенные, а зимой платки-то пуховые, да, пуховки. (Юж., Шуйск., Сав.).

ШАЛИНА. Шаль. А на плечах-то шалина, большая, цветная, да с кистями (Кин., Палех.).

ШАЛКА (ШАЛЬКА). Маленькая шаль. У меня шалка всегда на печке лежит тёплая – горло-то когда болит, я её повяжу на шею, с мёдом чаю на ночь напьюсь и спать так с шалкой под одеяло (Ил.); Мне мама купила шальку в магазине. Шерстяная (Юж.).

УКУТКА. Шаль. В дорогу ездили на лошадях, закутывались в шаль, укуткой называли, в её, как в одеяло, укрывались, она из сукна была, из них даже иногда пальто шили; Мать нам укутки даст да каждой по кокуре (Шуйск., Палех.).

Единичными на данный момент фиксациями представлены в наших материалах следующие наименования головных уборов.

КОВРЯНКА. Вид платка. У меня так и лежит в сундуке ковянка-та, бабы. Раньше жалко было надевать – дорогая, а теперь уж не надену (Шуйск.).

КОЗЕПУХОВЫЙ ПОЛУШАЛОК. Полушалок из козьего пуха Полушалки козепуховые носили. Чай, сама вяжешь их. Шерсть замачивали, заключали в колодки, а потом сушили в печах горячих. Ложат на колодочки пальца большие, полотенце, каток – на него и катаешь, наматываешь моток (В.-ланд.).

КОСИК. Косынка. Повязала косик, взяла кошёлку и пошла (Фурм.).

КОСИНКА. Косынка. Летом всё на огороде повязусь косинкой-то, чтоб не лезли волосы (Фурм.).

КОСУЛЬКА. Косынка. Летом обязательно ходили в косульках в белых, чтоб голову не напекло (Палех.).

КОСЫНОЧЕК. Косынка. Я ей его, косыночек-то, на голову повяжу, чтоб не напекло головёнку-то, да не покусали мошки, мало' ведь дело-то – ещё разревётся (Ил.).

МАТРЕШКА. Платок с узором из крупных цветов. У девок были платки – матрёшки, а у парней – шляпы (Пуч.).

НАГОЛОВНИК. Платок. Тулуп натянула, наголовник навязала – да на ферму (Палех.).

ПУХЛЯВЫЙ ПЛАТОК. Пуховый платок. Носили-то пухлявые платки (Шуйск.).

ШАЛЁНКА. Маленькая шаль (Ил.)

Слова вязёнка, вязёночка, косок, косик, повязка, повязуха входят в лексикон жителей соседней Ярославской обл. [11, вып. 3, с. 63; вып. 8, с. 17; вып. 5; с. 74, 76].

Местные женщины рассказывают о разных способах завязывания платков.

ЗА ШЕЙКУ или **ПО ШЕЙКЕ** – вокруг шеи, концами назад. Лён третать или картошку перебирать – надевали два платка. Вниз – плат по шейке. Повязывали его низко, на глаза, у височков складочки, а наверх-то ещё полушалок байковый (Лух.).

ПО ГОРЛЫШКУ – один конец обматывается вокруг шеи, другой – на ропуск (Лух.).

ПО МОДОЧКЕ – узелком на затылке (Юж., Сав.). Это наименование – память о существовавшем когда-то головном уборе замужней женщины, называвшемся **модочкой**, «обыкновенно из шелковой материи темного цвета» [11, вып. 6, с. 50]. В говорах Ярославской обл. *модочка* – это также косынка, повязанная на голове наподобие шапочки и шелковый платок.

ПОД БАБУШКУ, ПО БАБУШКЕ, ПО-БАБУШКИНОМУ – узелок под подбородком (Юж., Шуйск.).

ПОД БУЛАВКУ – платок не завязывается, а закалывается булавкой. Под булавку носили – заколешь прямо по горлышко (Лух., Сав.).

ПОД ЗАЛОГ – узелок под подбородком. Женщины носили всё больше платок под залог; Платок перегибаешь надвое и так под залог завязываешь, под залог – сюда вот, а под коко – туда (В.-ланд.).

ПОД КОКО – узелком на затылке. По-всякому называлось, и под коко называлось (В.-ланд.).

ПОД МАКУРКУ – узелком на затылке или надо лбом (Лежн.).

ПОД МАРУСЮ – узлом сзади (Шуйск.).

ПОД УЗЕЛОК, ПОД УЗЕЛОЧЕК – узлом впереди (Шуйск., Лух., Лежн., Юж., Сав.).

ЧЕРЕЗ ГОЛОВКУ – узлом сзади (Лух.).
Чтобы платок не собирался в складки, использовали *погасник* – веревочку, нитку, резинку (Сав.).

Способ ношения платка – функционален: Косынки летом носили в жару, белье, повязывали и под узелок и назад концами. Вот, например, в поле ходили работать – пониже на лоб спускали и назад концы повязывали. А то на затылке, когда на прогулку, чтобы в волосы не налетала пелёва – от ка-

ждого зерна пыль такая, кострика – от ржи волосики длинные, пыль всякая. (пос. Савино). Кроме того, способ ношения платка, как свидетельствуют наши собеседницы, мог определяться возрастом женщины: *Кто помоложе – повяжут под Марусю и ходят, ну, это узлом назад, а так, чтобы вот вперед, под узелок, – это мало* (Шуйск.). Сведениями же о том, что в 30–60 гг. XX в. различались женские и девичьи уборы, мы не располагаем (напомним: *коските и бабы и девки носили*). Зафиксированы лишь явно устаревшие слова *кичка* (кички); *повойник, оповойник (уповойник); волосняки*.

КИЧКА (КИЧКИ). *Мама в кичке ходила, раньше как выйдешь замуж, кичку одевали* (Шуйск.); *И кички были, я уж вот не носила кичку* (Лух.); *Кички рогатые, поверх них надевалась сорока (вроде чехла)* (Юж.).

ОПОВОЙНИК (УПОВОЙНИК), ПОВОЙНИК. *А на голову удевали уповойник, а не шапку* (Фурм.); *Знаю вот, на головах повойники носили – платки такие на голову повязывали; Носили повойник под платком* (Юж.). Информацию об *оповойнике (уповойнике)* – женском головном уборе в виде кички – находим в материалах Т. С. Ворошиловой. Слово записано ею в 1958 и в 1959 гг. в Шуйском р-не, причем об этом головном уборе говорится, что *«уповойников теперь и старухи не носят, разве у какой-нито бабки уцелел»* [1, с. 386]. В областных словарях *оповойник* тоже характеризуется как *старинный* женский головной убор [7, вып. 23, с. 269; 11, вып. 7, с. 51]. В древнерусском языке было известно слово *повой*, зафиксированное в берестяной грамоте XI в. [9, вып. 15, с. 166]. Повой (повойник, оповойник) был будничным головным убором замужней женщины, *«бабьим* головным убором», как пишет Даль, снабжая слово *оповойник* территориальными пометами *нижегородское, костромское* [2, т. 2, с. 681]. Старинную поговорку *Не рада баба повою, рада упокою* нужно, следовательно, понимать так: *не рада женщина замужеству*. А выражение *под повой ушла* означало – *вышла замуж*.

ВОЛОСНЯКИ. *А у деда в деревне бабы волосняки носили. Это как будто шапка такая, только без середины, а сзади шнурок, им волосы стягивали. Ну, если куда идёшь, поверх платок одеваешь* (Шуйск.). Слово *волосник* «в XVII в. отмечено в псковских, вологодских, великоустюжских, верхотурских и енисейских актах, употреблялось в московских грамотах», а также в шуйских письменных источниках [10, с. 67, 33]. Памятники XVI–XVII вв. содержат описание этого головного убора: *волосникъ золотной вязеной, ошивка шита золотомъ да серебромъ по червчатой тафтѣ с паворозы (с обorkами)* [9, вып. 3, с. 8]. В XIX – начале XX в. волосники бытовали в Симбирской, Самарской, Казанской, Уфимской, Оренбургской губерниях [5, с. 48]. Слово *волосник*, по мнению Г. В. Судакова, не стало общерусским по следующим причинам: «во-первых, по причине малой общественной значимости самого предмета слово отсутствовало в документах общегосударственного значения, как царские грамоты, судебники и под.; во-вторых, климатические условия севера предполагали гораздо чаще, чем на юге, одновременное ношение двух головных уборов, что определило и региональный ха-

актер слова *волосник*. В настоящее время оно остаётся достоянием севернорусских говоров, а также распространено в районах Поволжья» [10, с. 68], сохраняясь при этом лишь в памяти старшего поколения диалектоносителей. На это обстоятельство обращает внимание исследовательница нижегородских говоров И. В. Назарова [3, с. 189]. А в «Ярославском областном словаре» указание на архаичность лексемы содержит иллюстративный материал соответствующей словарной статьи: «В будни: у всякой замужней женщины – на голове волосник, или неширокий и невысокий кокошник, с медным на лбу позументом; по лбу платок, сверх кокошника другой» [11, вып. 3, с. 32].

ПЛАТ. Охарактеризовано как архаизм А. М. Селищевым в статье «О языке современной деревни» 1939 г. [6, с. 452]. Как устаревшее и традиционно-поэтическое оно квалифицируется современными словарями [8, т. 3, с. 135; 4, с. 449]. В ивановских говорах слово продолжает бытовать, правда лишь в речи пожилых людей (*Платы цветастые с кистями носили, на шею их вот так повязывали; Когда венчались молодые, под ноги им подстиляли головной плат, ёго потом попадья забирала* и др. – Лух., Сав., Пуч., Юж., Шуйск.).

ФУСТЫЛКА. В Вичугском р-не так называли платок (*Зимой-то все больше вязёнку носили али фустынку*). Полагаем, что это слово связано с забытым уже названием платка – *хуста*. См. у Даля: «хуста, хустка – юж., зап. кусок холста, ширинка; платок» [2, т. 4, с. 569].

Отмечены наименования свадебных головных уборов:

БОРУШКИ. *Борушки надевали, это был её (невесты) праздничный убор, похож на шапку* (Сав.).

СБОРНИЧЕК. *Красивый сборничек шили да цветочками овесили* (Фурм.).

УВАЛЬ. *А на голове-то была уваль с венчальными цветами, она редкая была, тонкая, уваль-то была наравне с полом; На голову её удевали, длинную уваль, под неё все волосы забирали, на ували были красивые восковые цветы; Её уваль и фата называли* (Шуйск., Лух., Юж.) / **ОВАЛЬ.** *На голове у меня была оваль с оборочками и цветочками* (Палех.). (В говорах Ярославской обл.: *уваль ‘свадебный головной убор невесты; фата’* [11, вып. 9, с. 6]).

На гулянки, беседы девушки надевали яркие, нарядные платки (*Когда с парнями стала водиться, отец мне косок нарядный с цветами купил*).

В д. Погорелка Южского р-на нам рассказали о траурном головном уборе: *«Бывало, были чёрные коски. Чёрные – для траура. Сейчас нет таких, как бывалошних-то. Это были траурные коски, долгие. Кто умрёт – надевали на похороны. У меня, знаешь, какие были? Плетёные». И аналогичное описание: «Чёрные коски были, плетёные, траурные были, ниткими вязённые. Оне красивые. Где-нито у нас один есть, мамин. Долгие такие. Как покойник – так траурный платок чёрный надевали».*

Ходить с непокрытой головой – *простоволосой, раскосматкой, косматой* – в деревне было не принято: *Простоволосые никуда не текали* (Лух.);

Раскосматкой редко ходили (Сав.); *Нонче вы все косматые ходите, и зимой, и летом, вот у вас волос-то и нет, все стриженные* (Лух.).

Этнографическая значимость представленного языкового материала состоит в том, что он дает возможность судить о специфике гардероба местных женщин, определяемой климатическими условиями, особенностями трудовой деятельности, эстетическими пристрастиями, традицией, модой, финансовыми возможностями. Эту информацию содержит само слово и контекст, в котором оно функционирует. Информативно количество наименований – их не очень много, что обусловлено малочисленностью и однообразием головных уборов: в деревне носили, главным образом, платки, шали, косынки. Разнообразило же внешний облик женщин то, что платки были разных размеров, различались материал, расцветка, способ их ношения. Эти различия представлялись существенными. Именно поэтому данные признаки легли в основу номинации головных уборов. Так, внешний вид вещи характеризуют такие наименования, как *косик, косок, матрёшка, коврянка. Вязёнка, вязанка* – акцентируют внимание на способе изготовления; *накрывная шаль* – на функции; *пуховка* – на материале; на способе ношения – *укутка, подшальник, подшалок, повязуха, повязка, наголовник, волосник* (надевается непосредственно на волосы), *оповойник* (связано с глаголом *оповивать* – обвивать, обматывать что-либо).

Данная тематическая группа включает эмоционально-оценочную (*вязёночка, косочек, косулька, косыночек, повязуха, шалька, шалёнка*) и образную (*матрёшка, коврянка*) лексику, без которой русский человек обойтись не может. Даже именуя такие «прозаические», чаще всего сугубо утилитарные вещи, как головные уборы, носители говора одновременно демонстрирует свое отношение к ним.

Можно видеть подвижность лексической системы диалекта, вызванную социальными причинами, и констатировать, что «лицо» нашего региона – его бытовой уклад, внешний облик ивановского сельского жителя – в течение XX в. значительно изменилось.

1. *Ворошилова Т. С.* Материалы к областному словарю // Уч. зап. ШГПИ. Вып. 9. Шуя, 1960.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999.
3. *Назарова И. В.* Лексика женских головных уборов в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и в нижегородских говорах // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию юбилею В. И. Даля: В 2-х ч. Иваново, 2001. Ч. 1.
4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1986.
5. Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия / Авт.-сост.: Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 2001.
6. *Селищев А. М.* О языке современной деревни // Избранные труды. М., 1968.
7. Словарь русских народных говоров. Л. – СПб., 1965-2000. Вып. 1- 34.
8. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984.
9. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-10. М., 1975-1983.
10. *Судаков Г. В.* Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика). М., 1983.
11. Ярославский областной словарь: В 10 вып. / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981-1991.

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

С. П. КОВАЛЬ
(г. Иваново)

О ФИНАНСИРОВАНИИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

Одними из самых сложных вопросов, которые пришлось решать в процессе подготовки к открытию судов, был вопрос о помещениях для них. Только на первый взгляд проблема может показаться незначительной. Автоматически отвести под новые суды здания старых судов было нельзя – они функционально не годились.

Успех реформы во многом зависел от полного и своевременного финансирования, так как требовались колоссальные затраты, как единовременные, так и ежегодные. К первым относились расходы на устройство помещений под новые суды, обставление их необходимой мебелью, обеспечение необходимым инвентарем, подъемные и прогонные для лиц, назначенных на судебные должности и для тех, кому предстоял переезд в другой город. Затем ежегодно требовалось выделять средства на жалование судебным деятелям, текущий ремонт и содержание зданий, в том числе на отопление и освещение. Эти ежегодные затраты значительно возрастали по сравнению с аналогичными тратами на содержание старых судебных мест. Приступая к судебной реформе, государство должно было осознать, что скупость при ее осуществлении может существенно навредить и что хорошее правосудие не может быть дешевым. В целом это понималось, и ряд мер правительства выражает готовность принимать решения, думая в первую очередь об успехе реформы, а не об экономии. Были определены высокие оклады для судебных чинов с целью привлечь на эти должности образованных людей, выделялись дополнительные средства для ускорения делопроизводства в старых судах, были отклонены предложения министра финансов о сокращении территории округов новых судов только двумя губерниями. Однако в некоторые моменты желание сэкономить на деле правосудия брало верх. Очень ярко отразилось отношение государства к финансированию реформы при решении вопроса о помещениях для новых судов.

В идеале следовало строить здания, аналогичные западным Дворцам правосудия. Они не только обеспечили удобные условия судопроизводства, но и способствовали росту уважения к суду как к органу власти. Такое решение требовало не только колоссальных затрат, но и много времени, оно могло отодвинуть реализацию реформы на неопределенный срок. Поэтому было решено приспособлять уже имеющиеся помещения. В конце 1865 года всем губернаторам тех губерний, в которых в 1866 году должны были открыться новые суды, были посланы указания о необходимости подобрать требуемые помещения. Естественно, для незамедлительного введения реформы не было иного варианта, как приспособлять имеющиеся помещения, а строительства специальных зданий,

типа западных Дворцов правосудия, осуществить позже. Однако с первых дней здания судов стали объектом для экономии средств. Упомянутое предписание губернаторам содержало указание обходиться малыми расходами. Найти подходящие здания было делом нелегким. Как правило, приспособлялись помещения присутственных мест, но в некоторых местах этот вариант категорически не подходил. В Рязани, например, было решено арендовать под окружной суд помещение училища канцелярских служащих, принадлежащее земству. Арендовали помещение у земства и в Ярославле. Производство ремонтных работ было возложено на местные власти под наблюдением строительных отделений Губернских правлений и губернских прокуроров. В среднем на каждый провинциальный суд на переустройство, мебелировку и покупку различной утвари было выделено по 7 тысяч рублей. Всего на устройство помещений судов государство выделило 556 572 рубля серебром. Нельзя сказать, что это было очень щедро: эта сумма составила 8 % бюджета министерства юстиции и 0,14 % всего общероссийского бюджета.

Часть этих расходов взяли на себя благотворители. Дело судебной реформы было столь ожидаемо, что многие общественные организации и частные лица своими пожертвованиями стремились приблизить его. Во Владимирской губернии член Вязниковской земской уездной управы Куликов жертвовал земству 3 000 рублей на приобретение помещения съезда мировых судей и земской управы. Некоторые пожертвования делались с целью добиться открытия окружных судов не там, где планировалось правительством, а в месте жительства благотворителей¹.

При чтении списка пожертвований бросается в глаза то, что предоставление помещений или выплата арендной платы ограничена сравнительно небольшими сроками – 3-5 лет. Вряд ли это вызвано скупостью жертвователей – известно много примеров, когда финансировались многолетние проекты типа содержания школ и больниц. Можно предположить, что общество ожидало от государства мер по строительству специальных помещений под судебные места, рассчитывая, что через 3-5 лет помощь благотворителей уже будет не нужной. Ожидание это было вполне закономерно. Решение приспособить имеющиеся здания позволило приступить к открытию новых судов довольно быстро, ремонтные работы велись интенсивно, и в октябре 1866 года они были закончены. Однако некоторые помещения годились только в качестве временного варианта.

Не лучше было дело в Ярославле. Там здание суда не имело кабинетов для судей, а комнаты для свидетелей и присяжных были таковы, что в них нельзя было находиться из-за тесноты и духоты. От этого страдало дело правосудия: «Вызванные по уголовным делам свидетели, напуганные рассказами других, уже испытавших все невыгоды дурного помещения, уклоняются от явки в суд, предпочитая подвергнуться штрафу за неявку или выхлопотать себе свидетельство о болезни»².

Естественно, что строительство специальных зданий суда было важнейшей задачей. Однако, несмотря на актуальность проблемы, никто не спешил

выделять для нее средства, даже там, где вопрос был решен явно временно, т. е. здание арендовалось на время.

Главным недостатком была теснота, но некоторые суды работали прямо в антисанитарных условиях. Положение Ярославского суда за 47 лет так и не улучшилось, сырость и холод стали вечными спутниками ярославских служителей Фемиды.

Оценивая финансирования судебной реформы, можно заметить, что государство не до конца осознало недопустимость экономии в этой сфере: не выделялись средства на строительство помещений, задерживались некоторые выплаты. Это в определенной степени косвенно влияло на качество правосудия. Однако главные расходы, без которых судебная реформа не могла состояться, производились. Недостаточное финансирование не приняло угрожающих размеров и не перешло тех пределов, которые бы сделали проведение реформы невозможным.

¹ Судебный вестник. – 1866. – № 44.

² Журнал министерства юстиции. – 1866. – № 8. – С. 91.

О. А. КУЗНЕЦОВА
(г. Иваново)

ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА к. XIX в. В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Духовно-нравственная жизнь семьи формировала человека определенного поведения. Но и сама семья постоянно ощущала на себе влияние личных черт своих домочадцев. Правомерно считать, что все хорошее или плохое в нас – от семьи. Она как зеркало характеров, поступков, судеб. Наиболее яркое представление о духовном мире семьи дают документы эпистолярного жанра, представленные личными и деловыми письмами, дневниковыми записями. Мы условно разделили данные источники на несколько типов.

Первый тип – личная переписка, т. е. письма, открытки, дневниковые записи, семейные календари, праздничные журналы с поздравлениями, пожеланиями, стихами. К ним предъявлялись определенные стандарты: это письменный этикет, каллиграфия, религиозно-этические нормы. Сложившиеся образцы переписки соответствовали духу времени, социальным запросам и создавали определенный портрет своего современника, который радовался, волновался, рассуждал или требовал чего-либо. Интересными примерами могут быть следующие документы.

Так, письмо в село Лежнево Матрене Васильевне Кокушкиной от племянника Гаврилы Зимина типично для личной корреспонденции того времени (1845 г.). Род Кокушкиных был купеческий, часто разъезжающий по торговым делам, и переписка ими велась обширная.

27 марта 1845 г. Гаврилов-Посад.

«Милостивая государыня, тетенька, Матрена Васильевна!

Имею честь поздравить Вас с днем Ангела! Глубочайшее почтение всему вашему семейству и поздравления с дорогой именинницей.

Об сем уведомляю Вас, что приехал я из Ирбитской ярмарки благополучно 25 сего месяца. Тятенька и маменька и все наше семейство свидетельствуют Вам Глубочайшее почтение и поздравляют с днем Ангела.

*С почтением честь имею быть
Ваш покорный слуга и племянник Гаврила Зимин»¹.*

Письмо Геннадия Бурылина матери Авдотье Михайловне из Нижегородской ярмарки также может быть примером личной переписки. Однако в нем ярче представлен религиозный этикет, принятый в купеческой среде в 1862 г.

15 августа 1862 г. Нижегородская ярмарка.

«Милостивейшая Государыня, любезная маменька Авдотья Михайловна!

Сим прошу у Вас родительского благословения и желаю Вам быть здоровой со всем своим семейством. Торую понемножку. Мы живы и здоровы. А впрямь уповаем на Бога и ваши родительские молитвы.

*За сим остаюсь к Вам с почтением сын ваш
Геннадий Бурылин»².*

В письмах (1900 – 1908 гг.) Петра Федотова своей младшей сестре Ольге семья и отношения в ней показаны более реалистично. Следует отметить, что Петр, Ольга и их младший брат Григорий росли без родителей. В их судьбе большое участие принял Д. Г. Бурылин. Петр, как старший среди детей, работал у Д. Г. Бурылина (был в начале своей карьеры доверенным лицом, позднее директором московского представительства товарищества мануфактур Д. Г. Бурылина) при колоссальной предпринимательской нагрузке, постоянных деловых разъездах прилагал большие усилия к благополучию и воспитанию младших, о чем красноречиво свидетельствует выдержка из его письма:

П. Шостка. Черниговская губерния

«Милая Оля! Здравствуй!!!

Как твоё здоровье, поправляется ли? Надоела тебе больница – я знаю как, но что делать? Не всегда бывает так, как хочется. Посылаю в твоём письме письмо Дмитрию Геннадьевичу. Ты его передай, как он придет в больницу... я прошу его показать тебя профессору в Казани или Москве... денег если нужно, то позвони в контору – пришлю. Няням давай побольше «на чай». Они будут лучше к тебе относиться... что будет нужно, пиши, а если срочно телеграфируй. Желаю тебе всего доброго. Поклон мой всем передавай. Твой брат Петр»³.

Записи личного характера, которые обычно велись в форме дневников, имевших особую популярность в XIX – нач. XX в. могут быть представлены через некоторые фрагменты из дневников Коновалова Ивана Капитоновича (родился 19 октября 1872 г. в городе Шуе, фабрикант, владелец бумагопрядильной и ткацких фабрик).

Первый свой дневник Иван Капитонович начал писать в апреле 1887 г., когда ему было 15 лет. Последние дневниковые записи были им сделаны в декабре 1914 г.

Из дневника И.К. Коновалова:

«1 августа 1899 г.

Обошел рощу, сад, сделал маленькую ревизию. Выяснил для себя предстоящие работы.

3 августа 1899 г.

Письма... как надоели мне они. Не люблю корреспонденцию.

21 августа 1899 г.

Всю ночь дождь, убрали мостки, солому... Вечером читал «Русскую мысль».

25 августа 1899 г.

Хороший ясный, но прохладный день. Молотили. Косили, Овес молотили машиной, очень удобно и быстро. Добирали клевер, косили траву в саду.

Апрель 1901 г.

Пересмотрел дневник. Сколько за это время произошло событий. Много было неприятностей, были и светлые минуты. Большие, конечно, пер-вых. Дай Бог, устроится все к лучшему... Главное, хорошего здоровья моей милой матери, чтобы спокойно и приятно протекала ее оставшаяся жизнь»⁴.

Второй тип – деловые документы (заявления, протоколы, акты, уста-вы, отчеты, жалобы) представляющие предпринимателей конца XIX – начала XX века через производственную деятельность семейных корпораций, духовно-религиозные традиции, социальные связи. В качестве примеров приведем некоторые архивные источники, характеризующие различные делопроизвод-ственные документы.

Род Бурьлиных сегодня чаще всего ассоциируют с культурно-просветительской деятельностью Дмитрия Геннадьевича Бурьлина – прежде всего с музеем, который был главным делом его жизни. Коллекции, собран-ные и представленные в нем, не перестают удивлять и радовать многие поко-ления ивановцев. Однако не менее важным и живым делом, в котором актив-но участвовал Дмитрий Геннадьевич, было строительство больницы для жи-телей г. Иваново-Вознесенска. Инициатором этого начинания выступил его старший брат Николай Геннадьевич Бурьлин вместе со своей супругой На-деждой Харлампиевной (урожденной Куваевой). Больница была построена на их средства и на земле, подаренной ими городу на вечное пользование. В на-стоящее время это лечебное учреждение многим известно как Куваевская больница (официальное ее название «Городская клиническая больница № 2»).

Из заявления Н. Г. и Н. Х. Бурьлиных в городскую Думу г. Иваново-Вознесенска, 2 августа 1907 г.:

«Признавая оказываемую в настоящее время бедному населению горо-да врачебную помощь недостаточной и желая содействовать в этом город-скому управлению, имеем честь заявить городской Думе о желании нашем пожертвовать в память Харлампия Ивановича и Екатерины Осиповны Ку-ваевых сто тысяч рублей для строительства новой городской больницы в г. Иваново-вознесенске...»⁵.

Письма-отчеты о работе торговых складов и представительства в г. Москве товарищества мануфактур Д. Г. Бурьлина отличаются лаконично-стью, соответствием сложившимся правилам делового доклада.

Из письма П. С. Федотова. Москва 28 октября 1908 г.:

«Милостливый Государь, Дмитрий Геннадьевич!

Ваше письмо получил, при сем посылаю в контору ситцевой и ткацких фабрик расписку о внесении денег товариществу Полушина на сумму 458 рублей.

Сегодня вернули 27 кип ластика за плохую складку, уборку и отделку. Эту партию надо переделать... Посылаю расценки товарищества В. М. Щербакова...

Ваш покорный слуга П. Федотов»⁶.

Особая форма деловой корреспонденции – письменные прошения. Их часто писали не сами просители, а те, кто был более грамотным в этом деле.

Из прошения Господину городскому судье от Петра Стефанова Ко-кушкина:

«Старший сын мой Сергей Петров Кокушкин неразделенный от меня, лет 12 назад без воли и ведома моего взял паспорт и уехал на заработки в г. Иваново-Вознесенск... Откуда не возвращался до настоящего времени, где поселился на жительство и приобрел имущество – три дома... производит торговлю бакалейной лавкою и рейнским погребом, которые дают ему доход более 3 тысяч рублей.

Я же престарелых лет (65 лет) остался в доме без единого работника с семьей. Так как другой сын после ухода Сергея поступил на действитель-ную военную службу. Мое семейство: жена 61 года, три дочери, жена по-ступившего на службу сына и их дети. Мы не имеем никаких средств к жизни, а по старости я к труду не способен. Поэтому терплю с семейством своим крайнюю нужду и хозяйство, приходит в полный упадок.

Сын Сергей отказался оказывать мне помощь. Прошу обязать его вы-плачивать каждый месяц по 10 руб. своим родителям, а также уплатить подати и налог в 20 рублей. Петр Кокушкин».

Жалоба господину министру торговли и промышленности от товари-щества мануфактур «Никанора Дербенева С-вья» была типичным делопроиз-водственным документом, составленным в соответствии с высокими требова-ниями делового стиля.

Из жалобы господину Министру Торговли и Промышленности това-рищества «Никанора Дербенева С-ями»:

«В заседании 17 октября 1915 года комитет по снабжению сырьем хлопчатобумажных фабрик при обсуждении доклада президиума об усмотр-ренных им случаях обхода нормировки цен на хлопок со стороны товарище-ства мануфактур «Никанора Дербенева С-вья» внес ряд постановлений, ко-торые частью касаются действий товарищества, а частью направлены против меня лично как члена комитета от Кокандского биржевого комите-та торговли и мануфактур...

Ввиду изложенного выше я имею честь просить Ваше Высокопревос-ходительство:

Признать постановления комитета не правильными и таковые отме-нить со всеми последствиями и разъяснить комитету о пределах его полно-мочий в отношении хлопка, адресованного на меня лично.

Подпись»⁸.

Таким образом, письма, прошения, жалобы составляют особую форму деловой корреспонденции, наделенную своими отличительными чертами, создающими образ делового человека и характеризующими его социальное самочувствие в конкретно историческое время.

¹ ГАИО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

² Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 395. Л. 20-20 об.

³ Личный архив П. С. Федотова.

⁴ ГАИО. Ф. 636. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 26.

⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4284. Л. 1-3.

⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 1. Д. 201. Л. 44-44 об.

⁷ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2, 5.

⁸ Жалоба господину Министру Торговли и Промышленности Товарищества «Никанора Дербенева С-вья». М., 1915. С. 3-4, 19.

П. С. ДУБРОВСКИЙ
(г. Шуя)

«КОПТЕЛЬ» И «ЗОЛОТО ИЗ НАВОЗА»: ИКОНОПИСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ XIX в.

Золото — один из важнейших элементов создания иконы, в которой оно символизировало образ света. Настоящее сусальное золото применялось еще со времен Древней Руси, и технология его изготовления практически не менялась несколько столетий. Для его изготовления, как и для изготовления листового серебра, брался исходный материал самой высокой пробы. Дробинку золота или серебра начинали постепенно расковырять разными сортами специальных молоточков, а когда получалась тончайшая пластинка, размером чуть больше квадратного вершка (примерно размер спичечного коробка по ширине), листочки складывали в стопки по 150-200 штук. Сверху и снизу прокладывали слой твердой кожи и помещали на идеально отшлифованную наковальню из твердого камня. Следующим этапом была проковка такого пакета тяжелыми молотками в течение нескольких часов. Результатом этого процесса являлись тончайшие, иногда полупрозрачные на просвет листочки золота или серебра, которое тоже использовалось для подделки под золото в виде «коптели» или «шафранового золота». Этот промысел требовал опыта, сноровки и чувства меры, но давал приличный доход. Особенно активно «фольжный» промысел развивался во Мстере в середине — конце XIX века.

В XVII в. по количеству золотых пластинок, которые накладывались на подготовленную основу, иконы стали называть «пятилистовыми», «шестилистовыми», «осьмиллистовыми» и т. д. [2, с. 4]. Это говорит о том, что известное еще раннему средневековью отношение к иконе как к драгоценности получило новое значение. Вся история обрамления древнерусской иконы говорит о том, что она стала восприниматься как шедевр, как произведение высокого искусства только с начала XX века. До этого она выполняла в культуре совсем другую роль [3, с. 49].

Все это вызывало желание «благочестивого простолюдина» [4, с. 177] видеть как можно больше блеска и «света» на своей иконе, что привело к появлению в структуре суздальского иконного дела специальных производств блестящих подделок под золото, поскольку массовое ремесло всегда и везде предполагало имитацию дорогостоящих материалов. Поскольку настоящее золото всегда стоило дорого, суздальский мастер использовал его только для «создания дорогих икон на заказ» [5, с. 93]. А для украшения недорогих «расхожих», «крестьянских» икон изготавливалось специальное «копченое» серебро, так называемая *коптель*, имитирующая твореное золото. Об этом способе изготовления подделок под золото упоминает и Д. А. Ровинский. В одном из многочисленных рецептов, взятом «Из подлинника, принадлежавшего М. П. Погодину, писанного в Поморье, красивым полууставом, в начале XIX — века, в четверку», в «Указе как золото творить или серебро» под № 106

приводится следующее описание: «...а захочешь, чтоб серебро то твореное позолотело и ты положи в избной чад, написав тот лист, и то серебро будет золотом» [6, с. 100]. Поскольку подавляющее число крестьянских домов в России до середины XIX в. топились «по черному», под «избным чадом» подразумевалось копчение листового серебра «подовым» дымом, выходящем при топке русской печи. Коптелью наносили пробела на одеждах, цветы, различного рода орнаменты и надписи. После просушки ее полировали кремнем или коровьим зубом. Хорошего качества коптель иногда сложно было отличить от настоящего золота. Ее изготовлением занималась часть жителей Холуя, которых иконописцы называли «коптельщиками». По описаниям очевидца, листочки серебра коптили в прямом смысле слова: их развешивали на проволоках в ящике над углями, на которые клали старые подошвы, лоскутки валенка и т. п. Принимавшее желтый цвет серебро растирали затем на гуммиарабике как золото. Ремесленники развозили коптель в раковинах, которые добывались ими в местной реке Тезе [7, с. 8]. Подобный рецепт приводится и у Д. А. Ровинского: «Положить в раковину клею вишневого, распустя на воде густо, и творить гораздо, и как будет мелко гораздо, что краска, и можно будет им писать; и ты вымой его гораздо, наливаючи водою и сливай долой, да как вымоешь, и ты полож камедцы немного и пиши на чем хочешь...» [9, С. 100]. Кроме вышеуказанного, золото имитировали и листьями серебра и олова, которые после наложения на фон иконы покрывали специальным спиртовым лаком, отваром из лесной ягоды крушины или шафрана. Получалось так называемое «шафрановое золото» [10, с. 93].

В иконописи часто применялось не только листовое (сусальное), но и более толстое выклеечное золото, часто состоящее из прокованных вместе листовой меди и листового золота, так называемый *двойник*. Двойник мог быть и из прокованного вместе листового золота и серебра. Такая технология применялась, когда нужно было наложить достаточно толстый, плотный слой при золочении, например, церковных куполов или изделий, которые подвергались механическому воздействию, например, если их часто брали руками. При покрытии обычным сусальным золотом оно быстро стиралось, что ухудшало внешний вид изделий, а значит, снижало потребительские свойства и соответственно цену.

Особый раздел у Д. А. Ровинского посвящен так называемому «почешному» золоту, которое, как и сусальное, применялось для приготовления золотой краски. Причем у Ровинского есть прямое указание, что если сусальное золото применяется как для выклейки, так и для стваривания с камедью (гуммиарабик), для получения краски, творенного золота, то, по его высказыванию, почешное золото применялось только для росписи. Что такое почешное золото, прямого указания найти нигде не удалось, но по косвенным, описательным данным, можно сделать вывод, что это либо золотой песок, либо прокованное самородное натуральное золото весом в одну «почку», как, например, один карат изначально определялся в Индии как вес просяного зер-

нышка равный 0,2 грамма. Впоследствии просянными зернышками никто уже вес драгоценных камней не измерял, а измеряют и сегодня в каратах (1 карат = 0,2 гр.). Те технологии, которые собраны и переведены у Ровинского и будут приведены в последующем описании, дают достаточно полное представление о процессе перевода «золотой почки» из обычного состояния (листа, песка, золотых «камышков») в золотую краску, которой можно писать как по бумаге, так и по левкасу, дереву, керамике и стеклу. Итак, ниже с последующими комментариями будет приведено несколько рецептов изготовления «почешного» золота.

Указ как золото почешное творити:

«134. Златят серебряное дело. Золото почешное запарити его во ртути по обычаю, а не так, как серебряным мастерам пригожается, того вельми гуще, чтобы было крепко вельми, да положить его в воду на блюдо да растворите золото, все горячее терти на камени по тому же обычаю, как иконники трут, а потому познай золото, что утерлося, как звездок не знасти золотых будет в сере, доспеется черна аки чернила, а учнется по камеди брызгати, то золото поспело; а буде начнет протиратись к камню, соскреби ножом и мешати перышком, да сняв с камеди, положи на блюдо, на глиняное или на черепок, на чистый, да выжечь на уголье; станет яки вохрица желта, а ты положи в ковш серебряный и вымой водою да потом камедью Александрийскою и потом в раковине на камеди. А буде станет золото с бумаги валиться, и ты прибави зелья, ино станет крепко, да писати по киновари да пригладить зубом медвежьим или фатисом, ино станет красно аки огонь, а писати им что надобно, заставицы и строки, а поставишь, высуша, хотя на сто лет не испортить. А пиши кистью или чем хочешь, а буде самому случиться золото ожигать, то, отжегши в горну, по обычаю, как сусальное золото отжигают, да так не тонко наковальне молотом, а отжигати в соли и квасцах, чтобы в золоте меди не было» [11, с. 106]. Очевидно, что для изготовления золотой краски из натурального золота требуется растереть его со ртутью и серой, в процессе чего получается золотая амальгама, которая при длительном перетирании с серой дробит амальгаму. Затем полученный раствор пережигается на глиняном черепке, в результате чего получается тонкий золотой порошок «яки вохрица желта». Дальнейший процесс очень похож на обычное приготовление золотой краски с применением гуммиарабика, как это делается с сусальным золотом. Порошковое золото окончательно промывается в серебряном ковше, затем мешается с камедью Александрийской. Камедь, впоследствии получившая название гуммиарабик, это вишневый или вообще косточковый клей, который применялся во многих иконописных технологиях. У Ровинского мы читаем следующее: «Камедь александрийская, цареградская. На ней творится золото; пишут им на ней же. Идет в подпуск под золото. Кладется в зелье олифковое и в чесноковое, в полимент и в шишгиль (составы для выклейки сусальным золотом. — П. Д.). На ней растворяются все краски и киноварь. Ею вымывают почешное золото» [12, с. 112]. Отдельно следует раскрыть понятия

«полимент» и «шишгиль». Существует как минимум, более десятка рецептов полимента, некоторые из которых приводятся ниже.

«Полимент, состав его: 1. черлень, мыло, воск, яйцо, желчь (щучья, свежая. — П. Д.); 2. вохра, шишгиль, сурик, белок, мыло; 3. рядовой полимент: мыло, воск, белок, — этот состав, как сказано, получен от мастера Оружейной палаты; 4. воск, камедь, мыло, вино; 5. воск, толстуха, вохра, мыло, белила, белок, медь; Полиментом можно левкасить под золото кистью раза три; на нем золотились и золотятся иконостасы; Впрочем, он (так же как и гульфарба) постепенно заменяется теперь морданом» [13, с. 116].

«Шишгиль (жизгиль), составляется из немецких белил с крушиною; из крутика с камедью и другими составами; из мела с крушиною. Это краска желтого цвета, ступками, светлее вохры. Кладется в гульфарбу, в полимент; ею красят ризы» [14, с. 119].

«Гульфарба. На ней накладывается золото. Разные составы ея:

1. Олифа, сурик и белила;
2. Клей, сурик, вохра, поровну с олифою варить;
3. и др.

Гульфарба совершенно заменяется в настоящее время морданом» [15, с. 110].

Ин указ тому же золото творити:

«138. Почешное золото, творить его в горшке Коломенском в горну; золота почка, а ртути против гроша; золота положи преж ртути в горшок, да желчь в кислину, да ртуть кинуть в тот же горшок. И помешати ртуть в золоте железцем, да вынуть горшок, да выплесни в ставец в воду да слей воду на землю, а золото останется на дне, и возьми золота да отвеси против того серы горящая вдвое, да положи в сосуд железный с серою то золото, да три молотом укладным круглым, а три долго, а три долго чтобы ртутных звездок не знать, да как его утрешь мелко, да опять его в горшок Коломенский в горн поставити, как серебро (скорее всего, сера прим. Авт.) загорится и выгорит, а там останется как камешек желтый. И ты возьми, да в зеленый сосуд положи, да тем же золотом и утри его в раковине, и пиши, засушив, да глади зубом, а на бумаге писать на киновари, и глади» [16, с. 107]. Комментируя этот репепт можно сделать несколько акцентов, объединяя которые с предыдущим и последующим рецептами можно уточнить само понятие «почешное золото».

Ин указ о почешном золоте:

«139. Почка золотая. Ртути против гроша отвесити, а золото резать ножницами мелко и выпарити в горшке в горну и парити его долго и вынути его из горна и тут положити ртуть и смешати угольком. И положити в горн парити немного, и вынати из горну у пустити на ложку в воду, и смешати вместе перстом, и вынати золото пареное, и положити в кадьлицу железную чистую. Да тут же положити, против почки отвесити, серы горящая, против алтына или меньше, а стерти молотом железным, и утерши, как станет что чернила, мелко без лужбы, и, утерши положить в горшок, выпустить сера

и ртуть, и станет золото что санкирь, и выложити его на раковину и вымывати водою как листовое золото; а творити в камеди, а буде улучшится, писать на киновари, а мелкия без киновари; а чтоб камедь бы была отнюдь не клейна, как творится твореное золото» [17, с. 107]. И, наконец, наиболее простой рецепт письма почешным золотом по бумаге, основывается на тех же компонентах, что и три предыдущих.

Ин указ как писать золотом:

«140. Возьми золото почешное да положи его во ртуть живую, и как ртуть пересечет, и откатится особь, и золото особь, а станет что ртуть желты, пиши кистью по чертам, а золото приглаживай зубом, а ртуть выняв, а в золото прибавлявай елин, ртуть утре, по делу смотря, больше или меньше» [18, с. 107-108].

Из сборника, принадлежавшего М. П. Погодину, писанного скорописью в конце XVIII века, в четверку.

Как золото ставить

«78. Возьми яйцо куричье, молодья, первое и разведи желток с белком особе; и ты по своим умни белок до пены, и возьми ртути по развеске, и положи в скорлупу, и запечатай по сваям, и положи скорлупы под курицу, какая паронт, и держать месяц.

79. «О том же». Возьми золотник ртути, да яйцо куричье, прибавь язвину невелику, и белок выточи вон, и в яйцо влить золотник ртути, и замазать серою, и положить под курицу; вначале, как выпарит цыплят, ино поспеет ртуть, и желток — составитя аки золото» [19, с. 94]. Автору приходилось встречать схожие рецепты приготовления ртутных красок «под золото». Причем ртуть и желток также закладывались в яичную скорлупу и запечатывались серой или сургучом. Было единственное отличие: заготовленные таким образом яйца укладывались не под курицу, а когда требовалась достаточно крупная партия красок, они укладывались в свежий, теплый навоз, на глубину более метра и оставлялись на срок от нескольких месяцев, до полугода. Очевидно, когда навоз перегорал, а реакция «горения» навоза от 40 до 50 градусов по Цельсию, вокруг яиц с желтково-ртутным составом поддерживалась достаточно длительное время необходимая температура, что давало возможность изготавливать достаточно крупные партии «золота из навоза».

И в заключении небезынтересно привести еще один вариант росписи «под золото» на бумаге или пергаменте, хотя в этом рецепте металл вообще не присутствует. «Желчь щучью живья рыбы выняв, растерети на камеди на раковине, да писать на бумаге киноварью с камедью, и как засохнет, то пиши желчью, по словам, и, будет аки золото» [20, с. 104].

Сегодня, несмотря на изобилие как импортных, так и отечественных красок, найти тем не менее натуральные красители достаточно сложно, и люди, увлеченные восстановлением старинных технологий в иконописи, в народных промыслах, в лаковой миниатюре, часто «изобретают велосипед» под то сырье, материалы, природные минералы и компоненты, присутствующи-

щие в нашем регионе. В этом отношении труд сенатора Д. А. Ровинского «Обозрение иконописания в России до конца XVII в.» может оказать неоценимую услугу. Однако читатель, наверно, уже понял, что подавляющее число приведенных рецептов не может использоваться в сегодняшнем быту современного художника, поскольку большинство рецептов составлены на ртутной амальгаме или просто с примесью металлической ртути. Очевидно, и ранняя смертность иконописцев, а часто и их пристрастие к выпивке могут объясняться именно постоянным общением с «медленным убийцей» – красивой, но смертельно опасной ртутью.

1. Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII в. СПб., издание А. С. Суворина 1903. С. 52.
2. Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. Репринт. М., 1991.
3. Сидоренко Г. В. (под редакцией). Авторы статей: Вздорнов Г. И., Попов Г. В., Тарасов О. Ю., Бусева-Давыдова И. Л. и др. И по делам узнается древо. Русская иконопись XV – XX веков из собрания Виктора Бондаренко. М. – Издательский дом «ВОЕННЫЙ ПАРАД». 2003. 624 с.
4. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: очерки иконного дела в императорской России. М., «ПРОГРЕСС – КУЛЬТУРА», «ТРАДИЦИЯ», 1995. 496 с.
5. Гольшев И. Богоявленская слобода Мстера. Владимир, 1865.
6. Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII в. Указ. соч. С. 100.
7. Владимирские Губернские ведомости (ВГВ), 1869, №17.
8. Гольшев И. Сусальное производство и промышленность в селе Мстера Вязниковского уезда // ВГВ, 1868, №4.
9. Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII в. Указ. соч. С. 100.
10. Гольшев И. Богоявленская слобода Мстера. Указ. соч. С. 93.
11. Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII в. Указ. соч. С. 106.
12. Там же. С. 112.
13. Там же. С. 116.
14. Там же. С. 119.
15. Там же. С. 110.
16. Там же. С. 107.
17. Там же.
18. Там же. С. 107-108.
19. Там же. С. 94.
20. Там же. С. 104.

И. А. ГАЖВА
(г. Шуя)

КАК РАСКОЛЬНИКОВ В ПРАВОСЛАВИЕ ОБРАЩАЛИ... (ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ И СТА- РООБРЯДЦЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА)

Во второй половине XIX века церковная власть обратила серьезное внимание на распространяющийся в церковно-религиозной жизни русский раскол, который наносил немалый вред духовно-нравственной жизни людей. Для противодействия раскольнической пропаганде в разное время принимались разные духовные меры со стороны церковной власти. Одной из таких мер были высочайше утвержденные в мае 1864 года «Основные правила для учреждения православных церковных братств». И уже 14 октября того же года в слободе Мстере Вязниковского уезда Владимирской губернии открылось общество православного братства при церкви Богоявления Господня, а в ноябре 1879 г. начало свою деятельность братство Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского в городе Владимире.

Согласно Уставам, эти братства были открыты с целью «защитить права церкви и православных сыновей ее от нападения раскольников, распространять истинно-христианское просвещение в народе».

Богоявленское православное братство еще с первого, 1864, года своего существования, несмотря на все препятствия и столкновения, «в духе кротости и любви христианской выступило с твердостью в защиту святой веры и православных христиан: наблюдало и прекращало нарушения раскольников над обрядами святой православной церкви; наблюдало за открытыми молебнями, чтобы не производилось в них громогласного пения и раскольничьих служб, останавливало публичные раскольничьи погребения, старалось давать возможность желающим при конце жизни приобщиться Святым Христовым Тайн, но недопускать к этому большаков-раскольников, которые всячески старались отклонить умирающих от Святого Причастия».

Для утверждения в вере сомневающихся и предотвращения их от перехода в раскол с одной стороны, с другой – для обращения раскольников и привлечения их к единой святой соборной и апостольской церкви проводились публичные беседы в церкви. С этой целью епархиальным начальством в слободу Мстеру был прислан г. Успенский, послушник Владимирского архиерейского Дома, которого братство приняло на свое попечение. Члены братства и другие жители бесплатно пользовались чтением духовно-нравственных книг и журналов, которые они получали от делопроизводителя братства И. А. Гольшева, а книги, разоблачающие раскольничьи заблуждения, постоянно выдавались И. К. Успенским, который проповедовал слово Божье не только в слободе Мстере, но и окрестностях¹.

Открытие всех хранившихся в Богоявленском храме древностей, учреждение хора певчих и благоговение православных во время церковного слу-

жения не могли не подействовать на охладевших к православию, и в храм стали приходить раскольники.

В слободе Мстере находилась единоверческая церковь, учрежденная для того, «чтобы способствовать немощным совестям вступать в общение с православной церковью, не отказываясь от того, что, по ошибочному их мнению, считается единственной или предпочтительной святыней». В уставе братства в примечании к § 13 говорилось, что в члены братства допускаются и лица единоверческой церкви. Таким образом, братство пыталось содействовать уничтожению преграды, разделяющей единоверцев от православных².

Раскольники же, всматриваясь в предпринятые братством меры и опасаясь как за настоящее свое положение, так и будущую судьбу своих сект, естественно, с начала открытия братства восстали против него. Но братство, твердо отстаивая права православия, считало, что лучше скрывать все частные случаи притеснений и терпеть ради Христа, не выставляя напоказ выходов раскольников. Но в то же время не могло не заявить, как трудно православному братству открыто бороться с фанатиками раскола, как нелегко отстаивать права веры и церкви в такой местности, где раскол смешан с православием.

От напора раскольников православное братство могло ослабеть и окончательно сбиться, если бы не поддержка преосвященного Феофана.

Архипастырь давал советы братству и «содействовал в нуждах его», оказывал свое покровительство и утешал его в оскорблениях, наносимых со стороны раскола³.

С 1879 года огромную помощь в борьбе с расколом стало оказывать для Владимирской епархии братство Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского. В 1887 г. в разных концах епархии, где жили раскольники, с благословения Высокопреосвященнейшего Феоноста открыто было 26 отделений Совета братства. В каждом из них учреждена противорасколичья библиотека, снабженная по возможности всеми старопечатными книгами и новейшими сочинениями о расколе, необходимыми при собеседованиях («История русского раскола» митрополита Макария; «Беседы к глаголемому старообрядчеству» митрополита Филарета; «Истинно-древняя и истинно-православная церковь» митрополита Григория).

Частные собеседования священников в своих приходах о заблуждении раскола вызвали обычно оживленные споры о вере в среде православных и раскольников. Количество старообрядцев при беседах доходило до 100 человек, в числе которых почти на каждой беседе бывали самые главные вожаки местного раскола, а число православных нередко доходило от 1000 до 3000 человек. В целом беседы служили оживлению церковной жизни в обществе, укреплению связи и единения с церковью и охранению и утверждению церковной целостности и единства.

С 1886 г. для публичных бесед братство начало искать лиц, вышедших из раскола, глубоко убежденных в истинах православия, проникнутых борь-

бой с расколом и специально подготовивших себя к собеседованию со старообрядцами.

Уже за 1889 год в официальных донесениях священников в Совет братства насчитывается до 80 случаев обращения в православие раскольников⁴.

Замечателен случай обращения в православие в селе Чаадаеве Муромского уезда. 15 марта 1887 г. проводилась публичная беседа с раскольниками в храме при многолюдном стечении народа, как православного, так и старообрядческого. Речь шла о церкви и таинствах. Споры были горячие. Но православные опровергали все возражения раскольников и защищали учение православной церкви. И вот когда была закончена беседа, выступил из толпы крестьянин Емельян Алексеев – уставщик местной старообрядческой молельни, бывший до последнего времени ревностным поборником раскола, но колебленный в истине его беседами священников и православных мирян. «Братие мои, – сказал он вслух, – я, слушая беседы православных и сам, изучая Священное Писание и творения святоотеческия, наконец, убедился, что, пребывая в расколе, стою на пути заблуждения и погибели, и что церковь сохраняет православное учение в чистоте и что помимо ее нет нигде спасения, а потому всенародно каюсь в своих заблуждениях, отрицаю раскол и перехожу в православие». Слова Емельяна Алексеева – сообщает благочинный священник Василий Заколинский – как громом поразили всех бывших на собрании и среди народа воцарилось глубокое молчание. Затаенная злоба и досада отразилась на лицах вожаков раскола и, напротив, радость и торжество у православных.

Это событие не могло не повлиять на ослабление раскола в той местности. И в скором времени поступило прошение от крестьян старообрядцев беспоповцев Муромского уезда села Борисоглебского Сергея Емельянова Баландина и села Чаадаева Ивана Алексеева Николаева, следующего содержания: «Старообрядчество наше в приходах Борисоглебском и Чаадаевском в последнее время значительно стало расшатываться и слабеть... Мы первые возражатели на всех беседах и руководители местных беспоповцев села Борисоглебского и Чаадаева крестьяне С. Баландин, И. Николаев, желающие также оставить общество беспоповцев и присоединиться к православной церкви, обращаемся к вашему Преосвященству со следующим прошением: Мы нашли в настоящей Греко-русской православной церкви много согласного с учением древнейшей церкви, но во многом еще сомневаемся. Поэтому, для окончательного разъяснения и твердого убеждения во всех вопросах веры желали бы свидетельств в защиту православия... Желая искренне убедиться в православии грекороссийской церкви, мы сами по себе и также для разубеждения нашей прочей заблудшей братии намереваемся съездить в Москву... в виду сего просим покорнейше Ваше Преосвященство, благоволите оказать нам свое Архипастырское материальное пособие на означенную дорогу в Москву от Вашего братства Святого Благоверного Князя А. Невского... И если только Вы, милостивый Архипастырь, обратите на нас свое снис-

ходительное внимание, то мы, по исследовании истины, согласны возвратиться в недра Вашей православной Церкви».

Не имея средств на путешествие в Москву, эти старообрядцы обратились за помощью к братству А. Невского, которое с полным удовольствием дало им помощь в размере 65 рублей. Старообрядцы побывали в Москве и рассмотрели в ней все древности, съездили в Троице-Сергиеву лавру, на обратном пути рассмотрели все древности и во Владимире, и Братском древлехрамиле и, вполне осознавши неправоту раскольного вероучения, по приезде на родину публично перешли в лоно православной церкви и с особенной энергией с тех пор распространяют здравые понятия о вере и церкви среди своих прежних единомышленников⁵.

Заботами упомянутого Братства учреждено было миссионерство, на средства от Братства содержались миссионеры и посылались в местности, зараженные расколом, для участия в беседах.

Занятый случай произошел в Муромском уезде. Некто крестьянин старообрядец деревни Степаньковой Санниковского прихода Иван Савельев до того дошел в своем умствовании, что начал учить, будто в христианстве все «объерсилось». Весь мир во зле лежит и все старообрядцы не чужды зла и греха. Озаряясь, якобы, силою свыше, Иван Савельев стал учить, что он только один истинный наставник в свете, непогрешимый в своих действиях и суждениях, а прочие все еретики, даже старообрядческие наставники. При всех своих выше перечисленных достоинствах Иван Савельев имел и недостаток. Совершенно пристрастился к пьянству. А кощунства его над православными пастырями превосходили всякие границы. Когда приходской священник, облачившись в ризы, ходил в пасхальные дни по домам своих Степаньковских прихожан, Иван Савельев не раз с ругательствами бегал за ним и в довершении своего безобразия позволял себе такие действия, которые невозможно было передать.

Однажды Иван Савельев и крестьянин миссионер от братства Емельян Алексеевич Николаев встретились на деревенской свадьбе, где присутствовали как православные, так и старообрядцы (у жениха – родители православные, у невесты – мать староверка). Зайдя в дом как гость, Иван Савельев помолился Богу, ласково поздоровался с хозяевами и со старообрядцами, но увидев Е. А. Николаева, закричал: «Что дьявол, еретик проклятый! Хорошо тебе было, окаянному, нападать на нас вместе с попами на беседе; слезай-ка теперь сюда один-то! Мы послушаем, как ты будешь говорить». Сначала Николаев уклонялся от религиозных разговоров, не имея свидетелей православных. Но Иван Савельев настойчиво требовал от него, чтобы он объяснил, почему оставил старообрядчество, содержащее де истинную веру, тогда как грекороссийская церковь вся пропитана ересями. Делать было нечего, нужно было разъяснить старообрядцам, почему он – Е. А. Николаев – оставил старообрядчество и присоединился к православной вере. После спокойно выказанных, но сильных доказательств, опровергающих бесполовое ложное

вероучение, И. Савельев, совершенно растерявшись и не зная, какую «хулу и клевету еще нанести, обратился с просьбой к хозяину налить ему «двойной старообрядческий» стакан чистого вина».

Спор продолжился. Не в силах опровергнуть представленных ему доводов, И. Савельев совершенно вышел из себя, забыл всякое приличие, «вскинул свои разъяренные, кровью налитые глаза, засучил рукава, высунул язык и стал изрыгать всевозможные кощунственные богомерзкие злохуления на грекороссийскую церковь». В довершении своего безобразия он схватил Николаева за волосы и в присутствии всех начал таскать и бить, как только было можно.

«Ах ты, еретик проклятый, дьявол окаянный, давно ли ты отстал от нашего общества, бродяга ты беспутный, отступник ты богомерзкий! Неужели ты заблудился до того, что не веришь древлепечатным книгам. Ведь ты отпал от истинной древлеправославной церкви...», - восклицал Иван Савельев. – Ах ты, враг Божий, дьявол ты не чистый!...

Истопив свои ругательства и избивши, сколько мог, Николаева, И. Савельев как победитель потребовал себе снова стакан вина. Е. А. Николаев, оправившись от потасовки, как ни в чем не бывало, снова обратился к И. Савельеву и сказал: «Я не сержусь на вас, а только жалею душу вашу; я даже благодарю Бога, что Господь привел мне терпеть побои за правое дело и святую веру». Надоевший всем своим криком и безобразием в доме, И. Савельев ушел. После ухода свадебный пир пошел совершенно мирно. За полночь, когда пир был окончен и гости расходились, у риги был обнаружен мертвец, в котором узнали Ивана Савельева. «Страшен был вид этого мертвеца: глаза неподвижно мутные, рот искривлен в сторону, язык высунут, волосы растрепаны».

Эта ужасная смерть, последовавшая сразу за кощунственными речами этого расколоучителя, произвела глубокое впечатление как на православных, так и на самих старообрядцев. Некоторые из последних изъявили тогда же желание присоединиться к православной церкви⁶.

¹ Владимирские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1865. № 23.

² ВЕВ. 1865. № 3.

³ ВЕВ. 1865. № 23.

⁴ ВЕВ. 1890. № 1.

⁵ ВЕВ. 1887. № 23, № 24.

⁶ ВЕВ. 1889. № 5.

А. Ю. ИВАНОВА
(г. Иваново)

ЗА СОБАКУ КАК ЗА ДВА ПУДА: КОМФОРТ «ПО-ВОЛЖСКИ» В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX в. железнодорожный транспорт значительно потеснил водный, который постепенно утрачивал монополию на дальние перевозки, как грузовые, так и пассажирские. Стоимость проезда по железной дороге и водным путям сравнивались, скорость передвижения была примерно одинаковой, а возможное скоростное превосходство оставалось за железнодорожным транспортом. Кроме того, не следует забывать о «сезонности» водных путешествий.

В начале прошлого столетия становится очевидна «борьба за пассажира» не только между железнодорожным и речным транспортом, но и между различными транспортными компаниями. Представители пароходного общества «По Волге» делают «упор» на «утомительность путешествия по железной дороге», когда путешествие по воде «не только приятно, но и полезно». «Полезность» путешествия по реке не вызывает вопросов и сейчас, что касается комфорта, то в начале XX в. к услугам пассажиров были все возможные достижения сферы услуг на речном транспорте.

Пароходное общество «По Волге» было своеобразным брендом и гарантом качества. Общество было первым в своем роде, не только на волжском пути, но и в России в целом. Оно было образовано в Санкт-Петербурге в 1842 г. Однако путь от основания общества до первого пароходного рейса был долгим. Лишь 7 сентября 1843 г. Устав общества был утвержден императором Николаем I. Первоначальный капитал предприятия был определен в 225 тыс. рублей и разделен на 150 паев. Дело по сбору средств шло медленно. Об этом свидетельствует сообщение о том, что уже в 1845 г. один из главных пайщиков С. Овсянников вышел «из дела». Лишь 15 мая 1846 г. было «положено начало правильному пароходству по Волге»¹. Этот день можно считать днем рождения Общества.

Первый пароход Общества, заказанный в Роттердаме, назывался «Волга». Это был грузовой пароход, а первый пассажирский рейс, совершенный пароходом общества «По Волге», относится к 1859 г. Пассажирские пароходы были в основном английского производства. Лишь в 10-е гг. XX в. пароходный парк пополнился российскими судами, в основном серийной постройки сормовского завода в Нижнем Новгороде.

Все пароходы общества «По Волге» были так называемого американского типа. Любопытны их «фирменные» названия: «Боярыня», «Дворянка», «Гражданка», «Крестьянка», «Император Николай II», «Императрица Александра», «Самодержец», «Император», «Императрица», «Царь», «Царица», «Князь», «Княгиня», «Граф», «Графиня», «Княжна», «Гражданин».

Флагманом Общества считался пароход «Императрица» с двухсветными салонами и столовыми I и II классов. Другие пароходы строились или заново отделялись по его образцу.

Новинками навигации 1911 г. стали пароходы «Графиня» и «Гражданин», выпущенные на Сормовском заводе в 1909 и 1910 гг. Наряду с новинками на линию выходили и ветераны Общества – английские пароходы «Царь» и «Царица» 1859 г. выпуска. По комфортабельности они ничем не отличались от более современных пароходов, так как были специально переделаны.

Обычное движение пароходов общества «По Волге» осуществлялось по линии Рыбинск – Астрахань, причем участок от Рыбинска до Нижнего Новгорода считался недавно освоенным, так как движение по нему началось лишь в 1904 г.

Рейсы совершались ежедневно вверх и вниз по Волге. Пассажир мог начать путешествие в любом волжском порту. Для удобства граждан билеты продавались не только в специализированных кассах, правлении и агентствах общества, но и на некоторых железнодорожных станциях.

Несмотря на конкуренцию железнодорожного и речного транспорта, для пароходного общества «По Волге» была характерна «привязка» к железной дороге. Общество имело соглашение на перевозку грузов по железнодорожным линиям Санкт-Петербург – Рига – Варшава – Каспийск, Москва – Каспийск и др.

Представители «По Волге» предполагали, что воспользоваться их услугами захотят жители и отдаленных от Волги городов. Поэтому они предлагали два маршрута из Санкт-Петербурга: через Бологое на Рыбинск и через Москву на Нижний Новгород. Прибыв в волжский порт по железной дороге, пассажир в скором времени мог сесть на пароход. Из Ярославля в Рыбинск пассажирский поезд приходил в 12:50, а пароход на Нижний Новгород отправлялся в 15:00.

Цены билетов на пароходы общества «По Волге» были достаточно приемлемыми и, что немаловажно, – такими же, как в других пароходных обществах («Самолет» и «Меркурий»). Путешествие от Кинешмы до Юрьевца I классом обошлось бы в 1 руб. 40 коп., II классом – 85 коп., а III – 50 коп. От Рыбинска до Нижнего Новгорода стоимость проезда составляла 6 руб., 4 руб. 50 коп. и 2 руб. соответственно.

Совершить пароходное путешествие мог любой, кроме пассажиров «в явно нетрезвом состоянии или явно непристойной одежде и в таком болезненном состоянии, которое может угрожать опасностью другим пассажирам (падучая или заразительная болезнь, умопомешательство)». Но, даже попав на пароход, пассажир должен был быть осторожным, так как его могли высадить «на первой по пути обитаемой пристани, если, вследствие буйства, нетрезвого состояния, явно бесстыдных и оскорбительных поступков пассажира, его удаления потребуют другие пассажиры»².

Путешествие могло неожиданно прерваться и для законопослушных пассажиров: «при наступлении морозов, когда представляется опасность пассажирам и пароходу ото льда, капитаны пассажирских пароходов имеют право далее свой путь не продолжать, и объявить пассажирам, что они высаживаются на ближайшую пристань»³. При отправлении с пристани пассажир должен быть внимателен: от малых пристаней отвал разрешался на полчаса раньше, чем по расписанию.

Все пассажиры делились на три класса. Каюты I и II классов располагались на верхней палубе. Помимо всего прочего пассажирам I класса бесплатно предоставлялись ванны с холодной и горячей водой. Пассажиры III класса располагались в теплых каютах отдельно от артельных пассажиров, так называемого IV класса.

К услугам пассажиров всех классов на пароходах общества «По Волге» были буфеты. Меню и цены были одинаковы для всех пассажиров, но пассажиры III и IV классов имели право на скидку в 20 % «при заборе кушаний не менее как на рубль». Особый прейскуртант существовал для пассажиров IV класса, то есть артельщиков, он включал щи трех видов, кашу, жареный картофель и хлеб. А нижние чины могли бесплатно получить кипяток. Для прочих пассажиров это удовольствие могло обойтись в 5, 3 и 2 коп. в соответствии с классом.

Меню пароходного буфета радует разнообразием. Среди кушаний, вполне понятно, преобладают рыбные (стерлядь, осетрина, судак). Помимо порционных блюд, в меню представлено нечто вроде «комплексных» завтраков, обедов и ужинов (65 коп., 1 руб., 65 коп.)⁴.

Еще более разнообразны вина в буфетах – бордосское красное и белое, мозель-рейн, рейн-вейн, портвейн, мадера, коньяк, шампанское, ликеры. Причем вина поставляли несколько торговых домов: Л. Бауер и К^о, Егор Ле-ве, К. Ф. Дебре.

Пассажиры могли употреблять и свои напитки в буфетах пароходов общества «По Волге». Но в этом случае они должны были заплатить в буфет «с каждой пробки», причем плата зависела от сорта алкогольных напитков. За употребление «небуфетного» иностранного шампанского следовало заплатить 2 руб., а водки – 30 коп. Для сравнения: те же самые напитки можно было приобрести на пароходе за 8 руб. 50 коп. и 1 руб. 10 коп. – 2 руб. 50 коп. соответственно⁵.

Помимо расходов на питание были дополнительные расходы на провоз багажа. Пассажир мог бесплатно провезти при себе саквояж и подушки общим весом не более одного пуда. Провоз 40 фунтов багажа от Кинешмы до Юрьевца обошелся бы в 25 коп.

В случае утраты багажа пассажир любого класса мог потребовать от Общества компенсацию: по 3, 2 и 1 руб. за фунт в зависимости от класса пассажира. Оставленные вещи пассажиров сохранялись в течение 2 недель. За-

тем информация о нем троекратно печаталась в губернской газете, после чего следовала продажа с публичного торга.

Помимо багажа пассажир мог взять с собой на пароход общества «По Волге» комнатных животных и птиц. Они провозились по особым билетам и могли находиться в отдельной каюте с хозяином. Особые правила существовали для провоза собак. За провоз собаки «без корма» платилось как за два пуда багажа. То есть путешествие собаки от Кинешмы до Юрьевца могло обойтись ее хозяину в 50 коп. Причем собака должна была путешествовать исключительно на палубе под присмотром хозяина. Проезд собак составлял отдельную статью доходов и на железнодорожном транспорте. Ежегодно станция Шуя получала за счет этого не менее 20 руб.⁶

Вот таким был «комфорт по-волжски» в начале XX в.: с согласованием расписания железнодорожного транспорта и движением пароходов и с возможным отправлением с пристани на полчаса раньше расписания, с отапливаемыми каютами и с платой за употребление «небуфетных» напитков...

¹ Пароходное общество «По Волге», учрежденное в 1843 году. Рыбинск. 1911. С. 44.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 28-30.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Отчет правления общества Шуйско-Ивановской железной дороги за 1881 год. М., 1882. Прил. 17.

К. Е. БАЛДИН
(Иваново)

ДЕТСКИЕ ИГРЫ И ПЕРВЫЕ ИГРОТЕХНИКИ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Профессия игротехника – редкая и относительно новая, но в настоящее время весьма востребованная. Сейчас, кажется, играет вся страна. Телевидение, что ни год, преподносит нам очередной вариант какого-либо «капиталшоу». Это и забавы для высоколобых интеллектуалов, такие, как «Что? Где? Когда?», и игрища меломанов типа «Угадай мелодию», и шумные эстафеты для подростков, где соревнуются «хищники» и «травоядные». У каждой такой игры есть свой ведущий, но в большинстве случаев не он является автором самой идеи. Человек, который придумывает игру, формулирует ее алгоритм, т.е. игротехник, чаще оказывается за кадром и его имя упоминается лишь в титрах, завершающих то или иное телевизионное действо.

Свои игры, а также и свои игротехники и ведущие были в России и сотню лет назад. Именно в это время здесь начали распространяться массовые игры, прежде всего – для детей. Наша страна не была пионером в этом отношении. Приходилось брать пример с Западной Европы, где физическому развитию, в частности, в учебных заведениях, уделялось очень большое внимание. По этому поводу один из английских министров в конце XIX в. обронил следующую знаменательную фразу: «У нас школа скорее возможна без классной комнаты, чем без площадки для игр».

В принципе, играли дети всегда, но их для этого никто специально не организовывал. Воспоминания старых революционеров, хранящиеся в Государственном архиве Ивановской области, дают неплохой, хотя и отрывочный материал для исследования детской субкультуры. Обычно эти мемуары начинаются с описания «босоногого детства», когда будущие большевики играли в прятки, ловички, чижики, бабки, зубарики, а на проигравших ездили верхом¹. Большой популярностью пользовался русский бейсбол – лапта. М. А. Шустова вспоминала, что мальчишки из местечка Балашовки (тогда оно называлось Боголюбовской слободой) часто играли в «погонюжу», гоня по льду палками лошадиные «шювяки» (куски мерзлого конского навоза). Фактически это был хоккей с шайбой в крайне упрощенном варианте². Один из известных ивановских революционеров вспоминал, что дети в конце XIX в. увлекались игрой под названием «мазло», правила которой нам, увы, неизвестны³.

Далеко не всегда взрослым нравились детские забавы, особенно если они происходили не там и тогда, где и когда это устраивало старших. В частности иваново-вознесенская газета «Ивановский листок» сообщала, что на Павловской улице (ныне – Почтовая ул.) дети часто играют в городки. При этом, как писал репортер, прохожий мог получить «удар палки по ноге или городком в зубы» и далее резюмировал: «этой глупой игре пора положить конец»⁴.

О том, чтобы как-то организовать, упорядочить игры детей, придать им развивающий характер, на рубеже XIX и XX вв. стали задумываться представители передовой педагогической общественности. Эта тенденция коснулась и провинциального города Иваново-Вознесенска. Инициатором организации массовых детских игр здесь стал преподаватель местного механико-технического училища М. М. Якуб. В июне 1903 г. он обратился в Иваново-Вознесенское благотворительное общество с предложением устроить подвижные игры для детей на свежем воздухе. Он резонно надеялся, что власти не смогут отказать в просьбе, исходившей от столь уважаемой организации: руководителями ее были дамы-патронессы – жены крупнейших местных фабрикантов. В своих расчетах Михаил Якуб не ошибся. Владимирский губернатор быстро дал разрешение, а Иваново-Вознесенская городская управа любезно предоставила для игр участок на 1-ой Московской Поперечной улице, которая называлась в городе еще Балаганной (в настоящее время – ул. Маяковского). Это была окраина города, уличного движения здесь не было, площадка для игр была обширной и покрыта мягкой травой.

Помогли в организации игр состоятельные люди города. Фабрикант В. А. Новиков дал на эти цели 100 р., М. А. Гарелина пожертвовала 80 р., Н. Г. Бурьлин – 50 р., Н. Х. Бурьлина – 50 р., П. А. Акифьев – 50 р., М. В. Полушина – 25 р., Товарищество И. Гарелина пожертвовало 90 аршин ткани для оформления площадки⁵.

20, 24 и 27 июня 1903 г. под руководством М. М. Якуба были устроены своеобразные генеральные репетиции игр. Участниками их были питомцы Якуба – учащиеся Иваново-Вознесенского механико-технического училища, подростки и юноши 16-18 лет. Атмосфера непринужденности и оживление, которое царило во время этих мероприятий, стали лучшей рекламой для предполагавшихся детских игр.

26 июня по городу были развешаны афиши, извещавшие жителей о том, что с 1 июля игры начинаются. В назначенное время площадка на Московской Поперечной улице была обтянута веревкой, доступ за которую разрешался только детям и руководителям игр; взрослые, приведшие детей, оставались за пределами площадки, превращаясь в пассивных зрителей. В первый день собралось около 400 ребятшек самых различных возрастов. Детям не нужно было надевать на игры какой-то особый костюм, требовалось только предъявить чистые руки и лицо. Сначала родители приводили детей просто посмотреть на игры, но с каждым днем количество играющих увеличивалось, достигнув в начале августа 1903 г. максимума в полторы тысячи человек. Приходили дети не только с соседних улиц, но и издалека, даже из Афанасова, Глинищева и соседних деревень.

В связи с этим пришлось искать еще одну игровую площадку. Фабрикант А. И. Гарелин предоставил в пользование большое пространство для игр площадью около одной десятины, здесь они начались 10 июля. Вторая площадка располагалась возле железнодорожного вокзала между 1-ой и 2-ой

Троицкими улицами (ныне – соответственно ул. Фурманова и К. Маркса). Игры проходили два раза в неделю⁶.

В основном на площадки ходили ребята из рабочих семей. Далее по числу участников следовали дети мелких фабричных служащих и торговцев. Некоторые подростки 12-16 лет работали на фабриках и приходили на площадки прямо из цехов. Организаторы узнали об этом совершенно случайно. Сначала игры начинались в 6 часов вечера и продолжались два часа. После того, как световой день сократился, начало было перенесено на 5 часов. После этого количество игравших сразу сократилось на несколько сотен человек. Только под конец мероприятия стали подходить одна за другой большие группы подростков. На вопрос М. М. Якуба: «Почему так поздно?» они отвечали, что идут с дневной смены.

Сначала возрастной предел игравших был не ниже 5-6 лет, но потом родители и няньки стали приводить на площадки даже годовалых детей. Для них было привезено несколько телег песку, в котором они были готовы копать часами. Таких детей возле огромной кучи песка набиралось каждый день не менее сотни. Как отмечалось в отчете об играх, для самых маленьких были куплены «песочные принадлежности». Вероятно, этот эвфемизм означал самые обычные «бабайки», с помощью которых изготавливают песочные пироги и которыми и в наше время успешно оперируют дети самого раннего возраста. Старший возрастной предел играющих установить было трудно, но на площадках стихийно возникли довольно большие группы учащихся реального и механико-технического училищ, а также рабочих 17-18 лет⁷.

Когда к условленному часу дети собирались в достаточном количестве, их разбивали на группы соответственно возрасту и физическому развитию. Величина группы зависела от опытности и энергии ее руководителя. Детей, подтягивавшихся в процессе игр, распределяли по группам или образовывали новые, если руководителей было достаточно. По крайней мере, несколько сотен детей играло на площадках самостоятельно, и в руководстве они не нуждались.

Младшие дети играли в лошадки, прыгалки, догонялки. Те, которые постарше, развлекались кеглями и крокетом, воланами и серсо, взапуски бегали по площадке. Великовозрастные тинэйджеры палили в цель из пневматических ружей. Всегда вызывало оживление битье горшков с завязанными глазами и жмурки с колокольчиком. Сопровождавшиеся бегом игры именовались: бондарь, море волнуется, лабиринт, день и ночь, черный человек, третий лишний. Большой популярностью пользовались игры с мячом. Они назывались так: зайчик, хозяин и работник, мяч в кругу, итальянская лапта. Использовались малые и большие резиновые мячи, а также надувные кожаные. В первые годы XX в. в провинции совершенно не были известны такие игры как футбол, волейбол, гандбол, водное поло. В отчете об играх

упоминается какая-то странная забава – «бросание мячей в мячбросы». По всей вероятности, имеется в виду игра, чем-то напоминающая баскетбол⁸.

Сначала дети стеснялись своей неловкости, но потом постепенно освоились и увлеклись. Несколько раз игры заканчивались запуском разноцветных воздушных шаров, а в последний день игр было устроено торжественное театрализованное шествие с бумажными флагами вокруг площадки.

Разумеется, главный игротехник и руководитель – М. М. Якуб – не мог в одиночку управиться с более чем тысячей детей. Ему нужны были помощники, таковыми стали его ученики механико-технического училища, они становились руководителями групп на обеих площадках. Среди них выделялся А. И. Долгушев, который окончил это училище в том же 1903 году. Игровыми «менеджерами» выступали: жена фабриканта – М. В. Полушина, дочери известного предпринимателя и мецената Д. Г. Бурылина – Елена и Елизавета. Дочь фабриканта А. И. Гарелина Анна провела восемь игр, его сын Александр – три. На одного руководителя иногда приходилось до 150 детей, однако, оптимальный размер группы составлял 30-40 чел. Гимназисток и учащихся реального училища среди руководителей было очень немного⁹. Среди импровизированных наставников детей были и люди совершенно неожиданные. В неопубликованных воспоминаниях революционера А. Е. Ноздрин (председателя Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов в 1905 г.), хранящихся в архиве, говорится, что М. М. Якуб привлек к руководству играми «небольшую группу нас»¹⁰. К сожалению, Ноздрин не сообщает, кто еще из его друзей участвовал в этих мероприятиях.

Игры продолжались сравнительно недолго – с 10 июля по 15 августа 1903 г. Всего на них побывало 23 403 детей. Они имели большой общественный резонанс в Иваново-Вознесенске¹¹. В 1904 г., по некоторым косвенным данным, игры повторились, однако в 1905 г. главный игротехник М. М. Якуб стал жертвой черносотенных погромов, тем не менее, остался жив, но был вынужден уехать из Иваново-Вознесенска.

В дальнейшем попытки организовать массовые детские игры были предприняты в Иваново-Вознесенске в 1910 г. Инициаторами их были родительские комитеты реального училища и женской гимназии¹². Поэтому эти игры устраивались для детей только школьного возраста. Развлекались дети на уже известной площадке возле железнодорожного вокзала. Другая площадка была арендована на пустыре между Михайловской и Куваевской улицами (ныне это улицы Пушкина и Арсения).

Руководила играми специально нанятая дама, приехавшая из Петербурга и манерами напоминавшая классную надзирательницу. Ей родительские комитеты заплатили 125 рублей за работу в течение полутора месяцев. Как сообщала местная газета, она не нравилась детям, и они в большинстве своем просто не обращали на нее внимания. А вот у бесплатных помощников руководительницы (местных девушек и юношей) было весело и оживленно. Детям выдавали мячи, серсо, кольца. Но такого инвентаря было мало, его едва хва-

тало на 10 % детей, игравших на обеих площадках¹³. В дальнейшем этот опыт был повторен и в последующие годы. Так, в 1913 г. игры проходили на тех же двух площадках, что и в 1910 г.¹⁴ Однако в эти годы никогда не приобретали такого масштаба, как в 1903 г. под руководством М. М. Якуб.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 420. Оп. 1. Д. 7. Л. 121; Старый владимирец. Владимир, 1911, 4 февраля.

² ГАИО. Ф. П-282. Оп. 1. Д. 165. Л. 10.

³ Там же. Д. 35. Л. 30.

⁴ Старый владимирец. 1910, 10 июня.

⁵ Отчет Иваново-Вознесенского общества трезвости за 1902-1903 гг. Иваново-Вознесенск, 1904. С. 6.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ ГАИО. Ф. П-281. Оп. 1. Д. 248. Л. 10.

¹¹ Отчет Иваново-Вознесенского общества трезвости за 1902-1903 гг. С. 8.

¹² Ивановский листок. Иваново-Вознесенск, 1910, 6 августа.

¹³ Старый владимирец. 1910, 23 июля.

¹⁴ Ивановский листок. 1913, 25 мая.

О. В. ЛИПАТОВА
(г. Москва)

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

По Далю, анекдот – это короткий смешной рассказ, о событии, происходившем в реальности. Героями анекдота выступают обычно известные личности или собирательные образы, воплощающие в себе характерные черты человека своей эпохи. Следовательно, анекдот вполне можно использовать и изучать как источник, передающий дух и характеризующий нравы той исторической ситуации, в которой он родился.

Мы подобрали из владимирских губернских газет различных направлений и документов делопроизводства канцелярии владимирского губернатора начала XX века ряд материалов, имеющих прямое отношение к сфере наших научных интересов, касающихся выборов в Государственные Думы Российской империи, и выстроили их в определенную логическую цепочку. Причем материал этот настолько колоритен и выразителен, что, на наш взгляд, не требуется прикладывать особых усилий для его осмысления. Все основные выводы лежат, как говорится, на поверхности. Поэтому мы будем давать только небольшие комментарии по ходу повествования.

Итак, начнем с «иллюстрации нашего избирателя перед выборами в рифмах»¹.

*Покой и радостная тишь...
Живем день за день понемногу –
В субботу париться идем
И в праздник молимся мы Богу...
Умом не мудрствуя лукаво,
С женой бок о бок крепко спим
И от «политики» и «партий»,
Как черт от ладана, бежим...
Ни суемудрия, ни злобы
У нас на сердце не сыскать
И коль возьмем газету в руки,
То начинаем вдруг зевать...
Милей всего нам клуб и карты,
Разгул, «клубничка» и вино,
Да к благороднейшим порывам
Нам лишь стремление дано!*

Многоговорящая зарисовка с натуры! Действительно, «по большей части вялые и апатичные» провинциальные обыватели превыше всего ценили «привычный порядок вещей», создающий иллюзию «покоя и благостной тишины». Когда же они «нутром чувствовали (поскольку разумом не понимали), что грядет страшное, неведомое», то большая их часть «пряталась за

своими заборами и выжидала). Но встречались и такие, которые *«как львы, защищали старину»*.

В Государственном архиве Владимирской области хранятся документы, с помощью которых можно восстановить события, происходившие во Владимире в дни, когда стало известно о высочайшем Манифесте 17 октября. Этот Манифест, как известно, «даровал» народу незыблемые основы гражданских свобод: неприкосновенность личности, свободу слова, совести, собраний, союзов, декларировал создание народного представительства – законодательной Государственной Думы.

В донесении владимирского губернатора министру внутренних дел описывается, что происходило вечером 18 октября 1905 г. на собрании граждан города Владимира, созванном для «выслушивания Манифеста о Конституции и для обсуждения вытекающих из него вопросов». В зале Дворянского собрания присутствовало до 2 тысяч человек. Инициативу взяли в свои руки кадеты. Это была либеральная партия западного образца. Казалось, им следовало бы приветствовать Манифест и быть благодарными царю за его шаги в сторону правового государства. Вместо этого в своих речах представители кадетской партии требовали исключить из титула российского государя слово «самодержец», немедленно изменения воинской присяги и незамедлительного освобождения из-под стражи всех арестованных по политическим и государственным преступлениям. «Появились красные флаги и раздавались крики либеральной партии «Долой царя!»².

Из отчета владимирского полицмейстера узнаем более подробные сведения о ходе «обсуждения Манифеста» и об «аргументах», использованных участниками «дискуссии». Когда студент Лебедев выкинул красное знамя, то портной Артемьев схватился за знамя, требуя его убрать. Лебедев, не отдавая знамени, ударил его кулаком по лицу, за что какой-то рабочий, стоящий позади Лебедева, схватил последнего за волосы, но тот вырвался и скрылся. Точно так же скрылись и организаторы собрания, потому что толпа рабочих и торговцев стала проявлять недовольство их речами и действиями. С возгласами «Нам без царя жить нельзя» и «Мы верим только царскому слову» «народная масса среднего торгового и рабочего класса стала угрожать интеллигентам и учащейся молодежи». Полиции с трудом удалось успокоить присутствовавших³.

Дальше – больше. После собрания «вся масса раскололась на две части, одна из которых, меньшая, шествовала с революционными песнями», а другая – с национальным гимном «Боже, царя храни» и молитвою «Спаси Господи люди Твоя». События разворачивались по нарастающей. На следующий день, 19 октября, толпа рабочих и торговцев избивала студентов, громила квартиры интеллигентов, сжигала красные знамена с криками «Не нужно нам конституции!», «Без царя мы жить не можем и не будем!». До конца декабря в городе наблюдались случаи избивания интеллигентов и учащихся.

У большинства жителей Российской империи в силу многовековой отстраненности от участия во власти электоральные культура и опыт практически полностью отсутствовали. Об этом ярко свидетельствует один случай, произошедший, правда, в Новороссии (заметим, что перед четвертыми думскими выборами), но рассказ о нем был помещен во владимирской газете.

Одного из новороссийских граждан получение от Управы конверта для подачи избирательной записки привело к убеждению, что он ... избран членом Думы. Новоявленный депутат отнесся к Управе с нижеследующим письмом: «Имею честь доложить, по своей неспособности быть членом Государственной Думы не могу, а со всей добросовестностью предлагаю сих: Макарова Сергея и Грачева Василия. Все личности находятся во втором участке»⁴.

Привыкшие жить по «разрешению», «уведомлению» и «позволению», провинциалы «опасались проявлять себя» во время избирательных кампаний. Вот сценка из жизни уездного города перед выборами.

- Готовитесь ли к выборам? – спрашиваем одного врача.

Улыбнулся, махнул рукой:

- Что вы, батенька! Кому охота рисковать известными удобствами. Народ все служащий, разве пойдет на рожон? – и врач заговорил на другую тему.

Весьма показательным было поведение обывателей на предвыборных подготовительных собраниях. Участковые собрания избирателей проводились «с целью ознакомить их с техникой выборов и наметить достойных быть избранными». Как правило, посещаемость подобных собраний местными обывателями по всем городам губернии была невысокой и не превышала 20% от числа внесенных в избирательные списки жителей⁵.

Материалы фондов Владимирского архива и периодической печати начала XX века свидетельствуют о том, что даже явившиеся на подготовительные собрания избиратели – более активные члены городского общества – зачастую не имели четкого представления о смысле и целях этих мероприятий. В губернской кадетской прессе периодов думских выборов сплошь и рядом встречаются сообщения о том, что в среде обывателей «раздаются голоса о ненужности подобных собраний», поскольку «и так все друг друга знают»⁶, что «народ на собраниях в основном молчит, зеваёт, многих клонит ко сну», а «что же все-таки решили, для многих участников оставалось неизвестным или непонятным»⁷.

В Гороховце, например, за три дня до выборов во 2-ю Думу в помещении Городской Управы мешанами Жировым и Бурмистровым устроено было предвыборное собрание, на которое пришло 68 человек.

«В самом начале его возник спор по поводу выбора председательствующего и также стали раздаваться голоса в ненужности этого собрания. После бурных пререканий устроители покинули место собрания, прося чиновника полиции таковое закрыть»⁸.

В Суздале за три дня до городского избирательного съезда по выборам в 1-ю Думу состоялось предвыборное собрание. Пришло около 300 избирателей. М. А. Головкин, городской голова, открывая собрание, сказал несколько слов о предстоящих выборах и о необходимости избрать человека достойного. Во время его речи в собрание пришел помощник исправника и «совершенно невинно» уселся рядом с говорившим Головашкиным. И у председателя, и у всех присутствующих суздальцев «язык прилип к гортани». Поэтому собрание не дало никаких результатов⁹.

Интересно, что анекдот отразил даже изменения избирательного законодательства 3 июня 1907 г. Например, в ст. 62 нового закона говорилось, что «лица, принадлежащие к составу сельских и волостных обществ в уезде, не подлежат внесению в список землевладельцев и городских избирателей по сему уезду, хотя бы и владели установленным для этого цензом»¹⁰. В «промышленной» Владимирской губернии, где немало крестьян жило за счет отходничества, торговли, имело промышленные предприятия и крупную собственность в городах и в то же время являлось членами общины, данное нововведение в законе создавало нередко смешные ситуации, когда «почтенного жителя нашего города исключили из избирательных списков, так как он является членом крестьянского общества нашего уезда».

Встречаются два горожанина.

- Вы как занесены в списки избирателей?

- Согласно ст. 62 исключен. А Вы?

- Я тоже числюсь крестьянином Владимирского уезда, хотя живу в городе 40 лет и имею дома на главной улице. Обидно-с!¹¹

После пятилетней деятельности III Думы «получилось представление как бы о бесполезности этого учреждения». Оно воспринималось теперь владимирскими горожанами как «пустая парламентская говорильня»¹², не имеющая значения для их реальной, повседневной жизни. «Так как от Думы ничего не получили, то ей и не интересуются, даже один так на выборах спросил: «И долго мы еще будем в эти думы выбирать?». Из Суздаля в «Старый владимирец» поступила следующая корреспонденция.

«Отношение суздалян к выборам, как и в большинстве городов, равнодушное, вялое. Но отличный от других городов он и отношение свое к выборам выражает отлично от других:

- А что, можно ли не ходить на выборы? Не штрафуют за это?»

Перед выборами в III Думу газета «Владимирец» написала: «О выборах у нас теперь не говорят... зато шутят!»¹³. А другая газета «Владимирский край» опубликовала несколько шуточных ответов на вопрос «Что такое Дума?». Приведем два из них, наиболее ярких¹⁴.

Дума есть учреждение, в котором думают, долго ли нужно думать, и, наконец, додумываются до того, что надо... еще и еще о многом думать.

Дума есть учреждение, где ничего не думая и не делая можно получить в день 10 рублей, в месяц — 300 рублей, в год — 3 тысячи 600 рублей, при-

чем получающий сие вознаграждение называется неприкосновенным и, кроме того, неотвественным за бездельничанье депутатом.

Как видим, в этих шутках была значительная доля иронии и даже сарказма, причем чем дальше, тем больше. И еще безнадежность... Перед выборами в IV Думу из Шуи писали: «Предстоящие выборы в Государственную Думу потревожили обывателя, и он старательно ищет «человека», которому можно было бы отдать шар»¹⁵. Однако найти такого человека было весьма не просто. По этому поводу заметка из Александра¹⁶.

Предстоящими выборами у нас мало интересуются. Спросишь в городе: - Ну как, кого будешь выбирать?

Отвечают растерянно: - Некого.

Действительно, лиц, пользующихся сколько-нибудь общественным доверием и которые согласились бы выставить свои кандидатуры, нет. Называю несколько городских деятелей. - Вот разве их.

Избиратель отмахивается руками: - Сохрани нас Бог. Мы уж насмотрелись на их деятельность в нашей городской Думе. Лучше на выборы не пойду.

В этот период появилась отдельная группа анекдотов, высмеивавших «лиц, страстно желавших попасть в выборщики, а глядишь и в депутаты Думы». Вот один из них¹⁷.

На улице останавливает меня один кондитер

- Чайку бы вам попить.

- Некогда.

- Ну а как выборы?

- Что или желаете выставить свою кандидатуру?

- Отчего же нет. Мы бы там сумели дело делать.

- А почему не здесь?

- И здесь работаем: в певчих состоим.

Можно было бы привести еще немало примеров освещения думских избирательных кампаний при помощи юмора и сатиры: в губернских газетах того времени печаталось великое множество анекдотов, фельетонов, сатирических заметок с мест, памфлетов и даже поэм. Но в рамках столь небольшой статьи просто невозможно этого сделать. Да автор и не ставил такой цели. Мы только хотели акцентировать внимание исследователей на том, что провинциальный анекдот является, на наш взгляд, весьма ценным и оригинальным источником для изучения широкого круга вопросов российской истории.

¹ «Старый владимирец» 13 июня 1912 г.

² ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 86. Л. 37.

³ Там же. Л. 55.

⁴ «Старый владимирец» 7 октября 1912 г.

⁵ Подсчитано автором по материалам фондов ГАВО и губернских газет за 1906 и 1907 г.

⁶ «Клязьма» 16 марта 1907 г.

⁷ «Клязьма» 2 марта 1906 г.

⁸ ГАВО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 462. Л. 20.

⁹ «Клязьма» 12 марта 1906 г.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVII. 1907. Отделение 1. СПб., 1910. №29242.

¹¹ «Старый владимирец» 8 сентября 1912 г.

¹² «Старый владимирец» 12 сентября 1912 г.

¹³ «Владимирец» 8 сентября 1907 г.

¹⁴ «Владимирский край» 21 марта 1907 г.

¹⁵ «Старый владимирец» 8 сентября 1912 г.

¹⁶ «Старый владимирец» 14 июля 1912 г.

¹⁷ «Старый владимирец» 8 сентября 1912 г.

А. В. ТЮКОВА
(г.Ковров)

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Российская революция 1917 года – один из ярчайших примеров событий, которые оказали огромное влияние на ход всей человеческой истории. Владимирская губерния (с Иваново-Вознесенским промышленным районом) входила в Центральный-Промышленный район, который вместе с Петроградом, являлся главной базой революции. Наличие крупных промышленных центров с большим отрядом рабочих, в том числе и в сельской местности, значительных военных гарнизонов, отходнических уездов, часть населения которых впитывала политическую культуру горожан, также крестьянских уездов с преобладанием зажиточных элементов – все это во многом предопределило расстановку политических сил, отразивших как российские общественно-политические тенденции, так и региональные особенности в провинции.

Февральская революция привела к крупным изменениям, создав условия для активизации деятельности различных политических партий. Главной партией либерального лагеря стала партия кадетов. VII съезд партии высказался за обеспечение единовластия Временного правительства, за борьбу «со всякого рода максимализмом и большевизмом и за сотрудничество с партиями мелкой буржуазии»¹. «Левая ориентация» нашла поддержку большинства кадетских организаций в провинции. В 1917 г. во Владимирской губернии зафиксировано существование 10 кадетских организаций. Кроме губернского комитета существовали достаточно организованные уездные группы в Коврове, Покрове, Судогде, Шуе. В городских и уездных отделах кадетской партии губернии численность составляла около 1200 чел.²

Ранее нелегальные партии стали выходить на легальное положение. Были созданы объединенные организации РСДРП. Однако существование обоих направлений социал-демократии в данных организациях не продлилось долго. 4 июня на собрании городской группы Иваново-Вознесенска РСДРП был поставлен вопрос: должна ли организация продолжать быть объединенной. Было принято предложение большевика Ершова: «Вести работу всецело на платформе принятой районной конференцией, и объединяться только с интернационалистами»³. Это означало победу большевиков. Большевики демонстративно покинули собрание, создав свою организацию лишь 9 июля. К середине июля меньшевистские организации были созданы во Владимире (8 июля), Коврове, Муроме. Наиболее сильную обработку общественного мнения весной 1917 г. вела Вязниковская организация меньшевиков, используя для этого не только газеты, но и листки, брошюры. Во Владимирской, Судогодской, Муромской и Меленковской организациях партия меньшевиков насчитывала более 400 чел. к лету 1917 г.⁴ Особенно сталкиваться с больше-

виками им приходилось в Советах солдатских депутатов, где большевики пользовались большим влиянием, но эти отношения не были обостренные. В меньшевистских организациях не было четкой организационной структуры, о чем свидетельствует тот факт, что в марте-апреле они не созывали свою конференцию.

Выход большевиков из подполья происходил постепенно: 5 марта в Коврове, 9 марта в Иваново-Вознесенске, 10 марта во Владимире⁵. Комитеты большевистских организаций сразу развернули работу по возрождению, созданию новых организаций на фабриках и заводах Александра, Струнина, Владимира, Гусь-Хрустльного, Иваново-Вознесенска, Камешкова, Коврова, Орехово-Зуева, Судогды, Шуи. Ряды большевиков выросли за первые месяцы революции: в Гусь-Хрустльном с 50 до 350 чел., Иваново-Вознесенске – с 200 до 3564 чел., Коврове – с 19 до 300 чел., Орехово-Зуеве – с 17 до 300. Из военных же преобладали Иваново-Вознесенская в 199 запасном пехотном полку и Ковровская военная секция в 250 пехотном полку (по 50 членов)⁶. В целом весной 1917 г. численность большевистских организаций в губернии составляла 4432 чел. Партия также работала над тем, чтобы ее структура стала всеохватывающей. Для связи с МОБ, выработки единой тактики в марте-апреле в Москву посылали своих представителей большевики Иваново-Вознесенской организации – И. А. Бобкова, Н. А. Жиделева; Ковровской организации – Е. Н. Васильева, С. А. Чистова. Партийные организации передавали МОБ деньги, на издание газет, просили прислать программу РСДРП(б), брошюры, листовки, направлять к ним представителей МОБ. Так в Иваново-Вознесенск и Шую были направлены А. С. Киселев и М. В. Фрунзе⁷. Важную роль в завоевании политически активного большинства социал-демократы отводили газетам.

Переход на легальные условия, активная организационно-партийная деятельность привела к образованию в марте-мае эсеровских организаций во Владимире, Вязниках, Иваново-Вознесенске, Струнине, Шуе. В 1917 г. владимирская группа партии эсеров насчитывала 269 чел., Иваново-Вознесенская – 225 чел.⁸ Руководство деятельностью эсеровских организаций осуществляли партийные комитеты и бюро, созданные в Иваново-Вознесенске 9 апреля; в Александрове, Муроме – в мае. Эсеры пользовались влиянием во многих городах. В протоколах заседаний губкомов и горкомов РСДРП(б) и в воспоминаниях участников революции многократно отмечалась деятельность эсеров и Советов солдатских депутатов и в других военных организациях. Однако в большей степени влияние эсеров преобладало среди крестьян. Деревня в 1917 г. была на стороне эсеров, в большинстве своем так и не приняв программу партии большевиков. Подтверждение тому постановления сельских сходов, печатавшиеся в газетах. Вот одно из них: «8 мая состоялось собрание крестьян Воскресенской волости (Ковровского уезда) в количестве 400 человек. Собрание постановило выразить доверие Временному правительству, продолжать войну в согласии с программой пар-

тии эсеров, меньшинство за партию народной свободы»⁹. 14 мая во Владимире губернский съезд крестьянских депутатов прошел под эсеровским влиянием¹⁰. В пропагандистских целях эсеры, как и другие социалисты, использовали любительские вечера и спектакли, печатали художественно оформленные плакаты, издавали листовки, брошюры. Успеху партии эсеров способствовала пропаганда ее лидеров. Так, Н. Кондратьев регулярно выступал перед солдатами Иваново-Вознесенска, Шуи. Имея интеллигентные кадры, пропагандистские средства, эсеры часто добивались успеха в полемике с большевиками и меньшевиками. Однако центральное эсеровское руководство не влияло непосредственно на организационный процесс на местах.

Телеграммы о падении самодержавия были получены 28 февраля во Владимире, Коврове, Муроме; 1 марта в Иваново-Вознесенске; 2 марта – в Шуе¹¹. Временное правительство не смогло противостоять в Петрограде Совету рабочих и солдатских депутатов, но получило внушительную поддержку в провинции, где его авторитет в первые дни оказался очень высоким. Так, уже 3 марта во Владимире образовался Временный исполнительный комитет, который возглавил председатель земской управы кадет С. А. Петров, товарищем председателя были избраны – октябрист Н. Н. Сомов, кадеты Г. Г. Козлов, Н. Н. Овчининский и меньшевик И. А. Лапшин¹². Однако вскоре исполкомы вышли за рамки, предписанные Временным правительством. Они поставили комиссаров под свой контроль. В конце мая 1917 г. Владимирский губернский съезд исполкомов избрал на должность губернского комиссара вместо кадета С. А. Петрова депутата от рабочих Иваново-Вознесенска меньшевика-интернационалиста А. М. Братенши¹³. Были переизбраны и большинство уездных комиссаров. Одновременно в губернии шло создание органов власти революционного народа – Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большевики возглавили Советы: в Иваново-Вознесенске – В. П. Кузнецов, в Коврове – А. Н. Барсуков, в Шуе – М. А. Белов¹⁴. Так, солдаты во Владимире 21 марта создали гарнизонный Совет солдатских депутатов под председательством большевика И. С. Токарева; солдаты 199-го запасного полка – Совет рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске (3 марта). В большинстве же Советов губернии в первые месяцы после Февраля преобладали меньшевики и эсеры, особенно в Вязниках, Муроме, Меленках, Гороховце, Суздале, Шуе.

Итак, при распределении исполнительной власти между партиями сложилась примерно такая ситуация: кадеты контролируют значительную часть высших административных должностей и руководят комитетами общественной безопасности, имеют большинство в земствах и городских думах. Меньшевики и эсеры занимают оставшиеся административные посты (за небольшим исключением: некоторые, особенно в уездах, принадлежат большевикам), составляют большинство в комитетах общественной безопасности и уездных земствах, Советах. Ведущее положение, полученное кадетами в органах местной администрации, обуславливалось недостаточным еще уровнем

КОВРОВСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОК: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К 30-м годам XIX в. старая тюрьма в Коврове совсем обветшала (то была деревянная постройка 1805 г.). Новое каменное здание по утверждённому проекту планировалось построить в течение трех лет, с 1837-го по 1839-й¹. Однако старый острог был уже таким ветхим, что весной 1837-го пришлось спешно выстроить временную деревянную тюрьму.

Строительство каменной тюрьмы в Коврове совпало по времени со строительством нового Сибирского тракта, что, по-видимому, не было случайным. Старая дорога шла от Москвы до Владимира, затем поворачивала на Судогду и Муром и далее на Казань и Сибирь. То была многострадальная, облитая слезами дорога, по которой в течение столетий везли в Сибирь каторжников. В конце 30-х годов решено было построить новую, необыкновенно прямую шоссейную дорогу Владимир – Нижний Новгород. Это была выправленная «Владимирка». Строили ее с 1837-го по 1842-й. Хотя новая дорога прошла в 30 км южнее Коврова, оставляя его в стороне, тем не менее среди арестантов Ковровского тюремного замка содержалось немало пересыльных: в 1853 году, например, 27% от общего числа².

В городах Владимирской губернии тюрьмы строились по типовому проекту – каменное двухэтажное здание по 3-4 комнаты на этаже, в которых размещались арестанты и тюремная стража. Исключение составляли тюрьмы Владимира, Покрова и Вязников – они были значительно больше. Это объяснялось, по-видимому, тем, что эти города лежали на большом Сибирском тракте, по которому до начала 1863 г. проходили огромные партии пересыльных арестантов (этапы)³.

Постройка в 1862 году железной дороги Москва – Нижний Новгород буквально «зарезала» шоссе, оставив нижегородскому тракту скромную роль пути местного значения. По «Высочайше утвержденному» положению от 18 октября 1862 г. все арестанты, следующие по Сибирскому тракту, с февраля 1863 г. пересылались по Московско-Нижегородской железной дороге, не останавливаясь по городам⁴.

Разных «постояльцев» видел Ковровский тюремный замок: осужденных за долги, поджигательство, грабеж, убийство, уклонение от рекрутства... Наиболее распространенными видами преступлений, за которые несли наказание заключенные ковровской тюрьмы, были кража и мошенничество. Но в 1855 году 40% всех арестантов Ковровского тюремного замка отбывали наказание за прошение милостыни и бродяжничество⁵. В документах того времени читаем: «слишком много нищих подбирается по церковным папертям во время службы, а в остальное время дня по лавкам и домам обывателей. Есть из них дряхлые, но большая часть еще совершенно способны к работам, эти

революционного сознания народа. Несмотря на то, что в Советах губернии в первые месяцы революции оказались эсеры и меньшевики, все же к лету в них усилилось влияние большевиков. Дело в том, что эсеры, будучи основными противниками большевиков в борьбе за крестьянство, брали чаще количественным преимуществом, а не качественным. Вместе с тем апрельский кризис усилил разброд в организациях эсеров и меньшевиков; способствовал интенсивному выделению левых течений, падению их авторитета. Кроме того, кадеты не имели поддержки со стороны рабочих и крестьян, которые составляли большинство социального состава губернии. В целом период с марта по июнь был временем становления партий, определения своих позиций. В образовавшихся органах власти партии старались проводить линию своих программ при решении всех основных вопросов.

¹ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 20.

² Федюк В. П. Кадеты и средние городские слои в 1917 г.: эволюция взаимоотношений (по материалам Верхнего Поволжья) // Городские средние слои в трех Российских революциях: Межвузовский сборник научных трудов, М., 1989. С. 129.

³ Очерки истории Ивановской организации КПСС. Иваново, ч.1, 1963. С. 423.

⁴ Опросные листы делегатов объединенного съезда РСДРП (меньшевиков) 19-26 августа 1917 г. // Большевики в 1917 г. В 3-х т. Т.2. 1995. С. 669.

⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия, М., 1987. С. 81.

⁶ Малышева Г. А. Количественный состав большевистских организаций Владимирской, Костромской, Тверской, Ярославской губерний в 1917 г. / Проблемы истории политических партий России. Статьи, материалы, тезисы VI Международной научной конференции. Владимир, 2001. С. 101-102.

⁷ Аннин Г. П. Большевики Верхневолжья в 1917 г. Ярославль, 1983. С. 20.

⁸ ГАВО. Ф. 704. Оп. 2. Д. 28. Л. 8; ГАИО. Ф. 382. Оп. 1. Д.1. Л. 10.

⁹ Провинция / Голос народа. – 1917. – № 5.

¹⁰ К земельному вопросу во Владимирской губернии // Голос народа. – 1917. – №4.

¹¹ Шаханов Н. 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. Владимир, 1927. С. 14; Дианова М. К., Экземплярский П. М. 1917-й год в Иваново-Вознесенском районе. Хроника. Иваново-Вознесенск, 1927. С. 15.

¹² Шаханов Н. Указ. соч. С. 17.

¹³ ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 87. Л. 46.

¹⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия, М., 1987. С. 81.

последние занимаются нищенством не по необходимости, а по привычке и лени, собираемое ими во время дня подавание вечером пропивается в кабаках»⁶. Скопление в городах большого числа бродяг, лишенных средств к существованию, вызывало у правительства тревогу. Ответственность за нищих и бродяг возложили на полицию, поскольку общественное призрение в России находилось в ведении министерства внутренних дел. Указом Правительствующего Сената от 4 августа 1852 г. губернские Попечительные о тюрьмах комитеты и их уездные отделения обязали «производить разбор и иметь попечение о тех нищих, кои будут забираемы местными полициями»⁷. И так, в России пытались ограничить бродяжничество карательными мерами: за прошение милостыни по лености и привычке к праздности предусматривалась тюрьма от 2 недель до 1 месяца, а за прошение милостыни с дерзостью и грубостью или с употреблением обманов – от одного до трех месяцев. В ряде случаев предусматривалось и более суровое наказание.

Уже в 1857 году число осужденных за нищенство в Ковровской тюрьме снизилось до 26%⁸. Однако справиться с этим явлением оказалось непросто. После освобождения нищие продолжали заниматься тем же ремеслом. Задерживать их ежедневно и составлять акты было обременительно для полицейских частей, да и полицейские команды оказались малочисленны для борьбы с этим «недугом». В конце 1860-х гг. вопрос о растущем числе нищих рассматривало Владимирское губернское Правление, рекомендовав стариков и инвалидов помещать в богадельни, а здоровых – рассылать на фабрики. Конечно, для устранения бедности требовались не карательные меры, а создание государственной и общественной благотворительной помощи, а также коренные перемены в экономике, т. к. основным источником пополнения неимущих слоев являлась нехватка рабочих мест для многочисленного пришлого крестьянского населения. Экономически обнищавшие слои населения опускались на самое дно, умножая отторгаемые обществом социальные группы нищих, бездомных бродяг. О безработице же заговорят в России лишь в конце XIX в.

В 1862 году к тюремному замку в Коврове пристроили двухэтажный корпус следственной тюрьмы с 10-ю *одиночными* камерами⁹. Кроме главного корпуса и так называемой «*одиночной тюрьмы*» имелся отдельный одноэтажный корпус с квартирой для старшего надзирателя, канцелярией и мастерской. Имелась своя баня и Михаило-Архангельская церковь, выстроенная при тюрьме купцом И. А. Треумовым и освященная 11 июля 1899 г. Ежегодно наследники И. А. Треумова вносили 600 рублей на содержание причта: священника и псаломщика. Храм вмещал 100 человек. В церковь приходили молиться не только арестанты, но и местные жители. Скоро храм стал тесен, особенно по праздничным дням. В 1910 году был составлен проект расширения тюремной церкви, для осуществления которого начался сбор средств¹⁰.

Тесной становилась и сама тюрьма: строилась на 42 человека, а содержалось в ней порой в несколько раз больше. В 1912 году, например, высшее

среднее суточное число арестантов составляло 166 человек, а среднее суточное – 124¹¹. В штате: начальник тюрьмы, его помощник и 10 надзирателей, вооруженных одной винтовкой (для наружного постового) и револьверами (15 штук)¹². При тюрьме имелась своя больница с врачом и фельдшером, в которой арестанты пользовались амбулаторным и стационарным лечением. А вот кормили арестантов однообразно. «Щи да каша – пища наша», – так могли бы сказать о своем меню «клиенты» Ковровского тюремного замка, перефразировав известную народную поговорку: «Хлеб да каша – пища наша».

Надзор за местами заключения в России осуществляли административные органы и основанное из частных лиц в 1819 году общество попечительное о тюрьмах с его губернскими комитетами и уездными отделениями. В сферу деятельности этого общества входили тюремная благотворительность, нравственное и религиозное воспитание заключенных, заведование хозяйственной частью тюрем. В Коврове уездный попечительный о тюрьмах комитет (позже Ковровское уездное тюремное отделение) был создан в марте 1842 г. и возглавлял его работу уездный предводитель дворянства¹³. По инициативе Ковровского уездного тюремного отделения под председательством Н. П. Муратова в Ковровском тюремном замке стали устраивать еженедельные собеседования и чтения с целью духовно-нравственного развития арестантов. Первые чтения в Ковровской тюрьме состоялись 8 февраля 1899 г.: протоиерей А. Радугин поведал арестантам «Об искре Божьей в грешной душе», а директор технического железнодорожного училища А. И. Яшинов прочел «Сказку о купце Калашникове» М. Ю. Лермонтова и несколько басен И. А. Крылова. Чтение сопровождалось показом картин, спроецированных на экран с помощью «волшебного фонаря»¹⁴. На последующих чтениях арестанты слышали о происхождении славян, их быте и веровании, об Индии и индусах и т. д. Кроме названных выше занятия проводили священник Благовещенский, предводитель дворянства Н. П. Муратов, судебный следователь Н. М. Иорданский, врач В. И. Чернобородцев, З. И. Яшнова, М. М. Манькова. Тогда же при Ковровской тюрьме была открыта библиотека из книг св. Писания и духовно-нравственного содержания¹⁵. По примеру Коврова подобные чтения организовали в Муромской, Юрьевской, Александровской и Судогодской тюрьмах¹⁶.

С января 1903 г. при ковровской тюрьме была устроена по ходатайству священника тюремной церкви А. Введенского школа грамоты, где неграмотные арестанты обучались Закону Божьему, чтению русскому и славянскому, счету и письму¹⁷. Занятия проходили по праздничным и воскресным дням. Необходимые школьные принадлежности были приобретены на средства тюремного отделения.

Восстановление истории Ковровского тюремного замка, которым мы в настоящее время занимаемся и работу над которым еще нельзя считать завершенной, дополняет наше представление о жизни российской провинции во всей ее обыденности и повседневности.

- ¹ ГАВО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.
² ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 129. Л. 21.
³ Там же. Д. 233. Л. 8.
⁴ Там же.
⁵ Там же. Д. 157. Л. 71.
⁶ Там же. Оп. 6. Д. 15. Л. 1.
⁷ Там же. Оп. 10. Д. 186. Л. 1.
⁸ Там же. Д. 171. Л. 32.
⁹ Там же. Д. 773. Л. 118.
¹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 28. ЛЛ. 4, 9, 34-37.
¹¹ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22204. Л. 10.
¹² Там же.
¹³ ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 47. Л. 4.
¹⁴ Там же. Д. 700. Л. 6.
¹⁵ Там же. Л. 8.
¹⁶ Там же. Л. 5.
¹⁷ Там же. Д. 773. Л. 118.

А. Е. КАБАНОВ
(г. Иваново)

СТРАСТИ О МЕЛЬНИЦЕ: КАК ПОССОРИЛИСЬ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ И ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ (Вичужские старообрядцы-странники в начале XX века)

22 мая 1913 г. на большом странническом соборе в районе современного г. Вичуги произошло невиданное. Постановлением собора глава страннического согласия, первый брат или «преимуший старейший» Александр Васильевич был «извержен и отлучен». На его место был избран старец Федор Михайлович¹. Почему решились странники на столь резкий шаг, что стояло за этим решением и к чему это привело – вот вопросы, предполагаемые к рассмотрению в рамках данного исследования.

Основателем страннического учения (самоназвания: «Православные христиане, содержащие кафолическую веру» или «Истинно православные христиане странствующие») был старообрядец филипповского беспоповского согласия Евфимий (ум. 20 июля 1792 г., похоронен в с. Сопелки Ярославской губ.). После его смерти признанными духовными лидерами странников были: Никита Семенович Киселев (ум. 4 марта 1894 г.), Роман Логинович (ум. 10 августа 1900 г.), Корнилий Петрович Пятаков (21 августа 1910 г. от управления общины был отстранен в пользу Александра Васильевича), Александр Васильевич Рябинин (в 1913 г. был «извержен и отлучен», ум. 2 ноября 1937 г.)², Федор Михайлович (ум. 27 мая 1917 г.), Александр Петрович Берсеев (арестован 4 января 1941 г., осужден на 5 лет ИТЛ)³.

После смерти руководителя странников Никиты Семеновича в деревне Ченцово Ярославской губернии был созван большой собор. На нем 20 июня 1895 г. постановлением общего соборного суждения «распределили все наше православное братство на пять округов или диоцезов и в каждом округе постановили быть одному старшим»⁴. Т.е. отныне все христиане-странники были поделены на 5 округов (диоцезов, стран): Ярославский округ, Вичугский Вологодский, Каргопольский и Казанский.

Округа, в свою очередь, делились на пределы. Ярославский округ был поделен на пять пределов: Ярославский, Красносельский, Ченцовский, Пошехонский, Чуровский. Вичугский округ – на три: Вичугский, Яковлевский и «предел Епифания Ивановича» (в него входил г. Иваново-Вознесенск и д. Писцово). Казанский округ – на два: Саратовский и Тагильский (позднее добавился еще и Томский предел). Каргопольский – на четыре: Поморский предел и пределы Ионы Матфеева, Сергея Климова и Феофана Лукича (позднее добавился Шунский предел). Вологодский округ – на пять: Евпсихия Яковлевича, Ивана Феодоровича, Садофа Ивановича, Ливерия Алексеевича, Алексея Ефимовича.

Из этого деления выходила и своя странническая иерархия: преимуший старейший (окружной старейший, первый брат, старший брат над всеми

старшими братьями, т.е. руководитель всего страннического согласия), старейшие братья (руководители стран-округов) и старцы. По словам самих странников, «в сущности, нет ни патриархов, ни митрополитов, ни епископов, а есть простые старцы, только едино подобие по власти на себе имеют, и друга друга чеством превосходят для благочиния»⁵.

Итак, 21 августа 1910 г. на большом соборе в Вичугском округе преимушшим старейшим был избран Александр Васильевич. Видимо, при его избрании не обошлось без интриг, сплетен, слухов и наговоров. Иначе как объяснить, что руководителем всей общины, оплотом веры, блюстителем нравственности и поборником праведности стал человек, мягко говоря, не самый достойный. Это был человек корыстный, властолюбивый и беспринципный. Александр Васильевич был абсолютно нетерпим к чужому мнению, требовал себе беспрекословного подчинения – «только то наблюдает одно как бы преодолеть и поставить свой верх во всех отношениях»⁶.

Так, пользуясь своим положением, он сместил старейшего Казанского округа Африкана Максимовича. А, сместив, другого не назначил. Таким образом, подчинил Казанский округ себе. Так же он поступил со старейшим Ярославской страны Корнилием Петровичем⁷, прирав к своим рукам и Ярославский округ. Хотел прибрать к рукам также и предел Елифания Ивановича (ум. 22 августа 1911 г. в д. Писцово), настойчиво предлагая избрать старейшим данного предела своего ученика 44-летнего⁸ Спиридона Кузьмича. Но ввиду протеста старшего брата Вичугской стороны Федора Михайловича и прочих старцев, на областном соборе 29 июля 1912 г. предел был разделен на 2 части: Кирика Харламповича (поставлен Федором Михайловичем) и ставропигиальный (т.е. подчиняющийся напрямую Александру Васильевичу) предел Спиридона Кузьмича. Соответственно 255 человек, входивших в предел Елифания Ивановича, разделились следующим образом: 190 отошли к Кирику Харлампиевичу, а 35 «в числе их один старик, а прочие женский пол» пошли за Спиридonom Кузьмичем.

Далее, вопреки всем принципам страннического вероучения, Александр Васильевич единолично занялся коммерцией. Обманом получив церковный капитал, заняв деньги у благодетелей, он построил у себя в Данилове мельницу, открыл лавку и завел торговлю. При этом торговал в т.ч. табаком, в воскресные и праздничные дни. Работникам (т.н. «видовым»: 6 в лавке и 15 на мельнице⁹) не платил – те жили на монастырских условиях без жалования, «служили ради Бога». Само собой разумеется, полученную прибыль расходовал исключительно на себя и на содержание своей обители. Коммерческие инициативы Александра Васильевича кроме морального неприятия, несли и (как это ни парадоксально) экономические потери. Дело в том, что многие христороубцы, помогавшие ранее странникам деньгами, узнав о деятельности Александра Васильевича, перестали помогать странникам вовсе. Свой протест высказали и подписали 31 человек (см. приложение).

Наконец, злые языки говорили, что Александр Васильевич оказался

слаб на греховную женскую лепоту. Свидетели утверждали, что «Александр Васильевич скрывал около себя в Данилове старицу Татьяну беременную, она делала операцию, а он платил деньги за нее, а от людей было скрыто под видом, будто бы она была отправлена в Ильинское»¹⁰. Мало того: «у него сейчас находится такая же особа, называемая Натальей, учительница в доме Игнатия Григорьевича, и живет она для неизвестной цели»¹¹.

В итоге возмущенные поступками Александра Васильевича старцы добились созыва Большого собора (состоялся 10-12 сентября 1912 г. в д. Соке-риха), целью которого было обсуждение проступков преимушнего старейшего Александра Васильевича. Именно тогда официально было высказано желание «его (Александра Васильевича. – А.К.) от всего отрешить церковного правления за несытство собрания и соблазн братии нашей всей церкви. Господь был убог и нам повелел таким же быть. А он не хочет, видится, таков быть как Христос повелел своим рабам»¹².

Показательна речь мирской странницы Агафьи Никитишны Шигалевой к собору, осуждающая Александра Васильевича: «И так убедительно прошу, оставайтесь, почтенные старцы, христианами странствующими, а не промышленниками и торговцами. И еще усердно желаю, чтобы не надеялись более на мельницы и торговли, а на Господа Бога Христа Спасителя, который печется не только о роде едионравновернем (так в тексте. – А. К.), и всех человецев даже что говорю? Промышляет о птицах, животных и всех пресмыкающихся во всем подсолнечном мире»¹³.

Но Александр Васильевич и не собирался сдаваться. Превосходный оратор, начетчик и демагог, он сумел на соборе убедить всех, что лишь начал дело и больше в него не вмешивается, что мельницы и торговли он не имеет – «сие выстроили христороубцы»¹⁴, что не хозяин он, а всего лишь приказчик и что дело это богоугодное и устроено «для пропитания благодетелям самих себя, а точно также и христиан». Более того, «для устранения от себя соблазна и успокоения всей церкви» обещал оставить все и через полгода выехать из Данилова в другое место «для успокоения волнующихся и соблазняющихся». Такая развязка всех устраивала: «тут между собою примирились, а о нанесенном личном оскорблении друг другу прощение преподали»¹⁵.

Далее, пока все пребывали в состоянии эйфории, Александр Васильевич решил закрепить свою победу. Призвав своего ученика Виталия Ивановича, он велел ему быстро составить решение собора. Первый вариант оказался неудачным. Довольным Александр Васильевич остался только со второго раза. И тут же предложил собравшимся принять заключение собора: «легкое, которое для вас не будет тягостно и для меня не оскорбительно», – объяснил он. Смысл заключения состоял в том, что Александр Васильевич «от лица всего собора оправдан, и остается жить при училище». Александр Васильевич явно передергивал, это был несомненный обман, но открыто никто возмутиться не решался: «...все сидели молча с поникшей головой, лишь изредка меняя друг другу взглядом и болезненно скорбели»¹⁶.

Александр Васильев прочел эту бумагу второй раз и вновь задал вопрос, согласен ли кто подписаться такому определению? Старцы напряженно молчали. Тогда Александр Васильевич пошел ва-банк: положил бумагу для подписи старейшему Вичужской страны Федору Михайловичу, как наиболее уважаемому участнику собора. Настал критический момент: «Взоры старейших с замирающим сердцем были устремлены на Федора Михайловича, а он в свою очередь, взяв в руки перо, смотрел на все собрание, как будто ища себе помощи от общего голоса. И это немедленно явилось. Один из старейших старцев (Александр Петрович, глава Ченцовского предела Ярославского округа. — А. К.) встал и громко возгласил: «Я к этому нечестию не подпишусь, хоть рубите мне голову или отлучайте!» Этого дерзновенного гласа старцы только и ожидали. Большая часть их присоединилась к такой похвальной ревности и шумно протестовала против очевидной лжи. Никто в этой нечестивой и подложной бумаге не подписался, на том собор и окончился. Бог своим милосердием не попустил наложить сие позорное клеймо вековечное на святую свою церковь»¹⁷.

В Сокерихе Александр Васильевич потерпел поражение, но признавать поражение он не собирался. С 1 по 6 октября 1912 г. он провел альтернативный Пензенский собор, на который были приглашены только его сторонники. Цель собора — развенчать и унизить своих обидчиков и, в первую очередь, Федора Михайловича. На соборе было принято 30 обвинительных пунктов. Сторонников Федора Михайловича обвиняли в том, что они «отрицают церковной христовой проповедников», «совершенно опровергают проповедь», излишне полагаются на священное писание, хотя «вера познается лишь от жития»¹⁸. Самого же Федора Михайловича «позаочь (заочно. — А. К.) соборные ересили и анафемствовали и лишили христианского имени»¹⁹.

Ответным и вполне логичным и предсказуемым шагом был созыв Федором Михайловичем своего собора («Истинный и православный большой христианский собор в Вичуговской стране»), который проходил в 1913 г. с 19 по 25 мая. Именно на этом соборе прежде бывший старейший Александр Васильевич был осужден, извержен и отлучен. Преимуществом старейшим стал Федор Михайлович. В помощники и советники ему был избран старец Александр Петрович, чей голос решил исход собора в д. Сокериха.

С этого времени в старообрядческой среде стал на один толк больше: сторонники-статейники разделились на последователей Александра Васильевича и сторонников Федора Михайловича. Неприятие лидеров перекинулось и на рядовых последователей, что проявлялось на бытовом уровне. Так, вскоре после обвинительно-разоблачительных соборов странница Манефа, будучи в д. Савинская, зашла к старице Апполинарии Яковлевне за тремя поклонами благословения. Но та благословить отказалась, «сказавши»: «Я благословлять тебя не буду, потому что вы теперь отлучены». Манефа, все еще видя в старой приятельнице единоверную, произнесла обычное христианское приветствие: «Христос посреди нас». Апполинария же Яковлевна вме-

сто обычного христианского ответа, ответила так: «Был Христос посреди нас, а теперь его нет»²⁰.

Последняя попытка примирения вчерашних единоверцев, а сегодня двух непримиримых противников состоялась в д. Савинская на Большом беседно-разбирательном и судебном соборе, который проходил с 25 сентября по 1 октября 1927 года²¹. Но и здесь амбиции обеих сторон возобладали над здравым смыслом. Несмотря на тщательную предварительную подготовку (был составлен подробный план вопросов, четко сформулирован регламент), эмоции накалялись до предела и подчас переходили границы дозволенного. Иногда шум поднимался такой, что не было возможности продолжать прения. Тогда раздосадованные старцы просто брали книги и уходили²². Был даже вопиющий случай рукоприкладства: «Один старец с их (Александра Васильевича. — А. К.) стороны М. И. взорвал в спор с ст. Петр. Ал. и в раздражении последнего подтолкнул на стол. На столе стояли книги, которые повалились на лампу, но последней не дали упасть, задержали, книги все упали. Петр Ал. оправившись начал говорить: что ты уже начал драться вместо писания. Этим свою истину начал защищать. А еще и митрополит. Вот так митрополит...»²³. В итоге, собор закончился ничем. Стороны остались при своем мнении и разошлись, еще больше прежнего ненавидя друг друга.

Даже в военные 40-ые годы, когда многие странники были арестованы, отбывали наказание или умерли и когда, казалось бы, все амбиции должны отойти на второй план ради простого и естественного желания выжить, последователи Федора Михайловича и Александра Васильевича не признавали друг друга и демонстративно не общались. Так, задержанная в январе 1946 г. сотрудницами Вичужского районного отдела НКВД Смирнова Хиония Дмитриевна (странница Анна) на допросе показывала: «Если кто и проживает в г. Кинешме из лиц истинно православных христиан-странствующих, то они, по всей вероятности, относятся к «Федоровскому братству», я же принадлежала к братству Александра, а поэтому с ними я ничего близко не имела»²⁴.

Ни антирелигиозные гонения советской власти, ни война, ни угроза смерти, голод не смогли объединить тех, кого разъединили простые человеческие слабости: личные амбиции, тщеславие, властолюбие, жадность. Борьба с человеческими страстями не есть выдумка нашего жестокого века, это людской рок. Человек слаб. Со слабостями боролись всегда, иногда побеждали, но чаще проигрывали в этой неравной борьбе.

Приложение.

*Христороубы, осудившие
коммерческую деятельность Александра Васильевича*

*Дмитрий Яковлевич Митрофанов.
Александр Кузьмич Чудин.
Иван Сосипатрович Шошин.*

Александр Григорьевич Цветков.

Иван Федорович Коровайков.

Самсон Иванович Поспехов.

Василий Степанович Смирнов.

Леонид Семенович Таланов.

Михайло Васильевич Самойлов.

Федор Васильевич Таланов.

Александр Федорович Масленников.

Александр Иванович Хренков.

Христолюбцы предела Епифания Ивановича к сему вышеизложенному добровольно подписуемся:

Иван Федорович Репьев.

Павел Михайлович Маралов

от страны Иваново-Вознесенск.

Михайло Дмитриевич Тюрин первый восстал против Александра Васильевича, то есть его неурядков.

Дмитрий Григорьевич Ириничев.

Наталья Столбунова добровольно подписала.

К сему добровольно подписался личный почетный гражданин и бухгалтер Комиссии конторы И. Н. Иконникова: Тимофей Михайлович Журов.

Христолюбцы Яковлевского предела.

Сергей Михайлович Тетерин расписался добровольно.

Василий Ксенофонович Смирнов, по личной просьбе за Ефима Ксенофоновича Смирнова и за Федора Захаровича Смирнова расписался Вас. Ксен. Смирнов.

Михайло Варфоломеев.

Василий Иванович Смирнов расписался добровольно.

Василий Ефимов.

Михайло Гаврилович расписался добровольно.

Василий Яковлевич Салов.

Федор Егорович Клочков.

Владимир Александрович Воробьев.

Иван Петрович Патериков.

Владимир Иванович Тихомиров.

Василий Васильевич Беляков²⁵.

¹ Деяния соборов 7420-7421 гг. (1912-1913 гг.) в Вичуговской стране. Л. 299об.-300. Книга из частного собрания кинешемца Е. П. Новикова. Автор выражает глубокую признательность Е. П. Новикову за предоставленную возможность работать со столь редким материалом.

² О нем более подробно см.: *Мальцев А. И.* Старообрядческий наставник инок Арсений (А. В. Рябинин). Материалы к биографии // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2000, № 2. С. 68-71.

³ Справка на Берсенева Александра Петровича // Архив УФСБ по Ивановской обл. Арх.-уг. дело № 9196-П. Л. 361.

⁴ Деяния соборов 7420-7421 гг. (1912-1913 гг.) в Вичуговской стране. Л. 291об.

⁵ Там же. Л. 248 об.

⁶ Там же. Л. 4 об.

⁷ Там же. Л. 77.

⁸ 44 года – возраст слишком молодой для наставника. На это неоднократно указывали противники Спиридона Кузьмича.

⁹ Там же. Л. 22 об., 27 об. В книге дан поименный список всех работников.

¹⁰ Письмо Агафьи Никитишны к Стефану Осиповичу и Иосифу Афиногновичу // Деяния соборов 7420-7421 гг. (1912-1913 гг.) в Вичуговской стране Л. 1, 1 об.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 36.

¹³ Там же. Л. 46.

¹⁴ Там же. Л. 47 об.

¹⁵ Там же. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 48 об.-49.

¹⁷ Там же. Л. 48 об.-49.

¹⁸ Там же. Л. 110 об.

¹⁹ Там же. Л. 89.

²⁰ Показания Дросиды Полиектовны // Там же. Л. 320 об.

²¹ Большой беседно-разбирательный и судебный собор 25 сентября - 1 октября 1927 года. Книга из частной библиотеки кинешемца Е. П. Новикова. В очередной раз сердечно благодарим его за возможность работы с удивительной книжной коллекцией.

²² Там же. Л. 13-П об., 14-П.

²³ Там же. Л. 33-П.

²⁴ Архив УФСБ по Ивановской обл. Арх.-уг. дело № 9196-П. Л. 146.

²⁵ Деяния соборов 7420-7421 гг. (1912-1913 гг.) в Вичуговской стране. Л. 38 об.-39 об.

КАК НЕМЦЫ ИЗ ПЕСТЯКОВ РУССКУЮ АРМИЮ СОГРЕЛИ

Говоря сегодня о Российской рыночной экономике, о сегментации рынка промышленной продукции, о достижениях «вездесущего маркетинга», о подавляющей роли корпоративного акционерного бизнеса, который более чем на 80% обслуживает современного потребителя, часто приходится задумываться, а тем ли путем идет современная рыночная экономика, если еще в XVIII – XIX в.в. несколько поселений Гороховецкого уезда Владимирской губернии обеспечивали государственный заказ всей Российской армии по производству вязаных носков и варежек как элемента зимней формы одежды Российского солдата. Поскольку в период Русско – Турецкой войны жители с. Пестяки (Пестяково) [1, с. 431] и окрестных сел и деревень, которых насчитывалось более 50, в год изготавливали более 2 миллионов пар этих изделий и продавали их, судя по статистическим отчетам Макарьевской ярмарки, в разделе «Крестьянский чулочный и вязаный товар», на сумму более 223 тыс. руб. [2, с. 41], можно сделать вывод о существовании во Владимирской губернии нескольких крупных очагов истинно народных промыслов.

Читая в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона характеристику села Пестяки, можно увидеть следующее: «**Пестяково** (Пестяки) – с. Владимирской губ., Гороховецкого у., при реке Пурешке. Жителей 1500, 2 церкви, школы. С XVIII в. служит центром производства шерстяных изделий (теперь более чем на 200 тыс. руб.). Много лавок, ярмарок 3, базары еженедельно» [3, с. 431]. Любопытно, что истоки этого промысла уходят своими корнями в раннюю историю Российского государства. Как указывает историк и краевед Д. А. Иванов, по разным преданиям, село Пестяки было в старину погостом, населявшимся пленными литовцами, возможно, немцами и поляками [4, с. 66]. Самую раннюю дату предполагаемого такого заселения называет священник И. Беллин в «Описании Гороховца и Гороховецкого уезда», изданном в 1879 году. Этой датой определяется 1379 год, хотя достоверных данных по этому поводу не имеется. Другие исследователи, ссылаясь на те же предания, годами заселения поляками Пестяков называют различные даты, в частности XV и XVI в.в., что связывается с войнами Ивана III и Ивана IV (Грозного). Предположительно, самую достоверную дату указывает чкаловский краевед В. Персидский, указывая, что в Пестяках заселились войска поляков и казаков Захария Зарутского и Яцко, разбитых отрядом конных рейторов князя Лыкова-Оболенского и ополченцами Д. М. Пожарского у «ланских холмов» под Василевой Слободой [5]. Однако нельзя с полной уверенностью говорить о достоверности этих сведений, поскольку источником их в большинстве случаев являются местные предания.

Поскольку село Пестяково всегда относилось к Гороховецкому уезду, косвенной информацией о заселении могут служить и данные, приводимые

действительным членом Владимирской Ученой Архивной Комиссии Н. Н. Ушаковым в его труде «Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии» (Историко-археологическое описание всех городов Владимирской губернии), в котором говорится, что «после воцарения Михаила Федоровича, жители Гороховца вместе с другими городами привлекаются к защите государства от внутренних и внешних врагов, а также к водворению порядка и спокойствия в государстве. Так, грамотою 1614 года жители Гороховца приглашаются к борьбе с оставшимися на Руси бродячими казацкими и литовскими шайками; по грамоте 1618 г. они опять привлекаются к борьбе с поляками и литовцами. ... В 1632 – 33 г.г. дворяне и боярские дети из Гороховца были на государственной службе под Смоленском против польского королевича Владислава с боярином и воеводою Шеиным» [6, с. 424].

В подтверждение всех упомянутых версий и документов можно добавить, что «Жителей Пестяков испокон веков называли «ляхами» за их особый выговор, близкий белорусскому, сохранявшийся здесь до 20-х годов XX века» [7, с. 66].

Надо сказать, что «сельским хозяйством Пестяковцы не занимались и относились к труду на земле с неуважением, и даже презрением» [8, с. 66], как, впрочем, большинство жителей тех сел и небольших городков, живших в подавляющем большинстве за счет промысловых заработков. Это, например, относится к иконописным промыслам Вязниковского уезда Владимирской губернии, в частности, к селам Холуй и Мстера. Обыкновенно в малоземелье видится главная причина развития промыслов в крестьянском хозяйстве, поскольку рабочие силы двора не находят приложения в своем земледельческом хозяйстве и уходят поэтому за заработком на сторону. Без сомнения, это так и есть, поскольку если нет заработка дома, приходится искать его на стороне. Однако эта ситуация может носить различный характер, так как причины полного или частичного перехода к занятию промыслами может заключаться не только в отсутствии полноценного земельного надела, способного прокормить семью, но и по причинам невозможности обрабатывать землю вообще из-за малого плодородья (иконописное село Холуй) или возможности заработать, не включая доходы от крестьянской деятельности в бюджет семьи (иконопись, строчка и вышивка села Мстера).

Дело в том, что в земледелии процесс производства прерывается на зимние месяцы, а, как известно, из иконописцев Вязниковского уезда земледелием в качестве подсобного производства занимались только в Палехе. Мстерцы же и особенно холуйцы землю не обрабатывали и кормились исключительно от промыслов, что тем более изначально способствовало развитию и совершенствованию домашних, а впоследствии и кустарных форм производства [9, с. 125]. Это подтверждают, в частности, «Материалы для оценки земель Владимирской губернии»: «Размер надела (удобной земли) на одну приписную душу обоего пола выражается в таком виде: в Палехе (2 общины) – 1,6 и 2,0 дес., в Холуе – 0,4 дес. и во Мстере – 0,2 дес. По обеспеченности

землю сл. Палех занимает первое место. Население Мстеры и Холуя совсем не занимается земледелием и существует только промыслами» [10, с. 32].

На протяжении XIX века Пестяки обгоняют по количеству населения и экономическим показателям все окрестные села – сначала Верхний Ландех и Мыт, а в конце XIX столетия и Нижний Ландех. В те же годы на территории Пестяковской волости формируется своеобразный историко-этнографический участок, а экономической базой для его становления местные промыслы. Главным, и как сегодня говорят, регионообразующим было вязание из шерсти варежек, чулок и носков. Этим «промыслом занимались во всех населенных пунктах волости, ежегодно перерабатывая до пятнадцати тысяч пудов шерсти. Промысел существовал еще в 80-х годах XVIII века, но особенно быстро стал развиваться после пожара на Деменинской суконной фабрике, принадлежащей поручику А. В. Хованскому, когда оставшаяся шерсть была продана окрестным крестьянам» [11]. Подобная неожиданная переориентация местного промысла или создание нового направления в занятости характерна для всей территории России, поскольку примеров тому достаточно. В частности, создание оружейного промысла на Южном Урале Акинфием Демидовым уходит, по преданиям, в историю о ремонте пистолета заезжавшему туда Петру I. Создание массового хлопчатобумажного промысла в Иваново-Вознесенске, Шуе и окрестных городах можно совместить по времени с распродажей английской хлопчатобумажной пряжи за одну пятую ее стоимости после пожара Москвы 1812 года и т. д. Это может говорить о природной хваткости и врожденном предпринимательском начале русских крестьян, особенно старообрядцев. Поскольку они, объединяясь в духовные кланы, «погосты», общим имели не только духовную идеологию, но и общинные деньги, что давало возможность выкупать из крепости наиболее предприимчивых крестьян и давать им, как правило, в беспроцентную ссуду деньги для создания своего предпринимательского дела. Правда, заработанные таким образом прибыли не являлись личной собственностью новоявленного купца или промышленника, а принадлежали все тому же старообрядческому клану (погосту) [12, с. 37-40]. В нашем случае редким исключением является отсутствие старообрядческого влияния, поскольку есть упоминание о том, что осевшие на этих землях поляки, немцы и литовцы оставались католиками.

Разросшийся промысел поражает воображение своими масштабами и может быть сравним, пожалуй, только с местным же, иконописным, промыслом, который являлся основным в соседнем Вязниковском уезде. Чулками и варежками пестяковцы снабжали всю страну от Финляндии до Кавказа и от Москвы до Порт-Артура. Русская армия, воевавшая на Балканах против турок в 1877 – 78 годах, была одета в изделия пестяковских мастеров. «За год вязальщиками изготовлялось от одного до двух миллионов пар изделий, при этом наибольшим количеством выпускаемой продукции на одного работника отличались деревни Горки (ныне в черте поселка Пестяки), Керёгино, Роди-но, Шестаково, Деменино, Скоба, Утка, Тимаково и Березники» [13, с. 67].

Еще одной особенностью подобных промыслов являлось то, что они в основном являлись наследственными и, зародившись однажды, при удачном стечении обстоятельств кормили семью в течение многих поколений. В частности, у иконописцев Палеха, Холуя и других иконописных центров детей с девяти лет родители отдавали в ученичество «на подсадку» и в зависимости от таланта, будущей профессиональной ориентации (личник, доличник, платишник, лещатник) и даже наработанный со временем «высший пилотажа» в иконописи – «Мелочник-бруснижню» – все это закладывалось с детства, с ориентацией на всю творческую или не очень, жизнь. По воспоминаниям художников Палехской артели древней живописи, записанным с их слов писателем Ефимом Вихревым в 20-е, 30-е годы двадцатого века, это обучение начиналось, как правило, с 9 – 10 лет и продолжалось обычно шесть лет, после чего ученику присваивалась определенная квалификация и назначалась оплата. Обычно в мастерскую брали на обучение детей, закончивших одну или двухклассную земскую школу, поскольку грамотность являлась если не обязательным, то желательным условием приема. Один из основателей артели древней живописи Палеха Александр Зубков пишет: «В 1893 году мне исполнилось восемь лет. Тогда меня отдали в одноклассную земскую палехскую школу... Проучился я два года. Мне исполнилось десять лет... – Лето прогуляешь, а на зиму отдадим тебя в мастерскую. Читать и писать ты выучился, а больше нам ничего не надо, – так сказал мне отец» [14, с. 24-25]. Первый год «обучения» «студентам» приходилось заниматься любой работой, зимой колоть дрова, топить печи в мастерской, чистить снег, а летом сушить и убирать хозяйское сено, копать и полоть гряды, даже бегать за водкой, «но с условием, чтобы не попадаться на глаза хозяину» [15, с. 25]. Но не только этим занимались ученики. «Как правило, обучение на первом году состояло в копировании иконописных образцов «под нож». Ребенок срисовывал икону по образцу (образцом обычно служила икона Иоанна Богослова) на специально заготовленную доску, а по окончании работы, наблюдающий мастер делал замечания, а потом счищал работу ножом, и заставлял рисовать снова. Этот процесс повторялся от ста до пятисот раз, что доводило работу до автоматизма и давало наработку мышечной памяти, которая оставалась с художником всю жизнь. Иногда, наиболее талантливые ученики, на втором году обучения уже сажались на роспись массовой «расхожей», «крестьянской» иконы и работали наравне со взрослыми художниками» [16, с. 48]. Очень схожая ситуация прослеживается и в пестяковских вязальных промыслах. С детства и мальчики, и девочки учились только одному ремеслу – вязанию – и занимались этим делом всю жизнь. На территории волости существовали, однако, и другие промыслы: изготовление кирпича, гончарный, выработка струн для битья шерсти из бараньих кишок и др.

В Пестяковский этноучасток вошли и несколько деревень соседних волостей, и если жители Федоровки, числившейся в Верхнеландеховской волости, больше тяготели к Пестякам, тоже занимались вязанием чулок и варе-

жек, то в одной из деревень Пурехской волости был развит меднолитейный промысел. Но это уже совсем другая история.

1. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., Типо-Литография И. А. Ефрона, Прачешный пер., №6. 1898. Т. XXIII, С.431.
2. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., Типо-Литография И. А. Ефрона, Прачешный пер., №6. 1898. Т. XXI, С.41
3. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXIII. Указ. соч. С. 431.
4. Иванов Д. А. Ландех. Иваново. Изд. МИК, 2004. 288 с.
5. Романов Н. М. История Пестяковского района. Рукопись из Мытского краеведческого музея. 1972.
6. Ушаков Н. Н. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии (Историко-археологическое описание всех городов Владимирской губернии). Владимир. Губернская типография. 1913. 457 с.
7. Иванов Д. А. Ландех. Указ. соч. С. 66.
8. Там же. С. 66.
9. Дубровский П. С. Политэкономические аспекты в иконописных промыслах дореволюционной России // Современные аспекты экономики, № 9 (76) СПб.: 2005. С. 120 - 131.
10. Леонтьев П. О. Иконопись // Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. IV. Вязниковский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. Владимир на Клязьме. Типо-литография Губернской Земской Управы. 1903. 163 с.
11. Романов Н. М. История Пестяковского района. Рукопись из Мытского краеведческого музея. 1972.
12. KASAKOWA N. E. DUBROWSKI P. S. ON THE QUESTION ABOUT THE HISTORI OF BUSINESS ETHICS IN RUSSIA. THIRD ANNUAL CONFERENCE ON MORAL AN CIVIC EDUCATION Seattle, State Washington, 2003. s. 37-40.
13. Иванов Д. А. Ландех. Указ. соч. С. 67.
14. Вихрев Е. Палешане. Записки палехских художников о жизни и творчестве. М.: Московское товарищество писателей. 1934, С. 24 – 25.
15. Вихрев Е. Палешане. Указ. соч. С. 25.
16. Дубровский П. С. Формирование навыков работы в национальных народных промыслах у детей школьного возраста // Начальная школа. М. 2005. № 11.

И. Н. ЗУДИНА
(г. Ковров)

ШКОЛА И ШКОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОВРОВСКОМ УЕЗДЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В 1918 году на смену многообразию типов школ приходит единая трудовая школа, а с упразднением прежней учебной администрации на местах складывается новое школьное управление. 21 января 1918 г. постановлением Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) были упразднены учебные округа и их органы. Руководство народным образованием было передано местным Советам, при которых создавались отделы народного образования, именовавшиеся до лета 1918 г. комиссариатами. Опыта в создании подобных отделов не было. Идея их открытия прозвучала на Общегородском совещании по вопросам народного образования в июле 1917 г.¹. Отделы предлагалось создавать при Городских управах, на должность заведующих рекомендовалось приглашать не менее двух руководителей – для заведования отделом школьным и внешкольным образованием.

Ковровский комиссариат народного образования в момент создания состоял из комиссара и трех членов – двух заведующих отделами и секретаря. Наряду с отделом народного образования, руководящим и исполнительным органом, на местах по плану центра создавался совещательный орган с участием населения – Совет народного образования, в компетенцию которого входило обсуждение докладов отдела, его планов и предложений. Совет народного образования состоял из представителей 11 районных учительских организаций и работал по вопросу о реорганизации школ, пересмотру программ и учебных планов².

В отличие от старых органов управления образованием, занимавшихся только школьным делом, вновь создаваемые отделы народного образования ведали всем, что касается просвещения народных масс. Их деятельность была невероятно разносторонней. Они занимались школами, профессиональным образованием, детскими садами, детскими домами, библиотеками, театром, культурно-просветительной работой и т.д.

В своей структуре местные органы народного образования делились на функциональные подотделы, направляющие методическую и организационную работу по своей линии. Ковровский уездный отдел народного образования (УОНО) к концу 1918 г. имел 7 подотделов: школьный, дошкольный, внешкольный, технический, хозяйственную часть, финансовый стол и общую канцелярию³. Во главе каждого подотдела стоял заведующий, в распоряжении которого находилось несколько инструкторов. Штатный состав аппарата насчитывал 45 человек. Право решающего голоса в Коллегии УОНО имели представители подотделов – школьного, дошкольного и внешкольного⁴.

С выходом «Положения о единой трудовой школе РСФСР» (30.09.1918 г), которое упразднило все существовавшие типы учебных заве-

дений и узаконило единую трудовую девятилетнюю школу двух ступеней: первая ступень – 5-летний курс обучения, вторая – 4-летний, **школьный подотдел** Ковровского УОНО начал работу по реорганизации старой школы. Поскольку в уезде существовали только начальные школы, то реформа в этой части коснулась прежде всего города, где кроме начальных школ были различные типы учебных заведений: женская гимназия, реальное училище, высшее начальное училище. Из представителей всех ковровских школ была составлена комиссия, которая в результате целого ряда заседаний подготовила реорганизацию школ города. Было образовано **пять школ I ступени**: первая – в здании бывшего приходского мужского училища, **вторая** – в здании высшего начального училища, **третья** – в здании женской гимназии, **четвертая** – в здании бывшего Треумовского училища и **пятая** – в здании Знаменской церковно-приходской школы⁵ (ее закроют через год из-за малочисленности учеников). **Школа второй ступени**, размещившаяся в здании бывшего реального училища, была образована из старших классов реального училища, женской гимназии и высшего начального училища. Кроме городских школ в Коврове были открыты две железнодорожные школы, находившиеся в ведении Отдела народного образования железной дороги. Железнодорожная школа первой ступени разместилась в здании бывшей начальной железнодорожной школы, а школа второй ступени – в здании Феодоровского мужского церковно-приходского училища (давно уже нет этого деревянного школьного дома – сломали, построили на его месте здание линейного отделения милиции). Во всех школах города были введены совместное обучение и производительный труд, организованы и оборудованы мастерские (сапожные, столярные, токарные по дереву и металлу, рукоделия...).

В Ковровском уезде было открыто 90 школ первой ступени⁶.

Дошкольное воспитание было признано делом «громadной общественной важности» и включено в общую систему образования. В этом вопросе, по словам А. В. Луначарского, закладывается у ребенка такой социалистический фундамент, крепче которого никогда не построить. Вырвать детей из крестьянско-мещанской среды и подвергнуть коммунистическому влиянию – это, по его словам, «легче сделать с молодежью, еще легче с детьми школьного возраста и, наконец, совсем легко с детьми дошкольного возраста»⁷.

Подотдел дошкольного воспитания с июня 1918 года организовал две детские летние площадки, преобразованные осенью в детские сады – один при фабрике Треумова, другой им. Абельмана на Павловской улице – каждый на 30 человек⁸. К 1 марта 1920 года было открыто 8 детских садов: пять в городе, три – в уезде (Камешковский, Савинский и Тынцовский)⁹. В июле 1918-го в имении Дунаева (ныне санаторий им. Абельмана) была открыта первая в уезде колония для беднейших детей города. Жизнь колонии, объединившей детей от 4 до 11 лет, была построена на принципах воспитывающего труда – участия детей, соответственно силам во всех работах: по хозяйству, саду, уборке луга, сбору ягод, грибов и др.¹⁰

Внешкольный подотдел занимался вопросами ликвидации неграмотности и другими видами политического просвещения. Он разработал по уезду сеть библиотек и читален, создал две школы грамоты для взрослых, открыл высшую рабочую школу и дом искусств. В 1920 году термин «внешкольное дело» заменили термином «политико-просветительная работа». Важнейшей задачей политико-просветительной работы оставалась борьба за ликвидацию неграмотности, которая к концу 20-х годов приобрела в стране поистине массовый характер. В Ковровском уезде на 1 апреля 1921 г. имелось 106 пунктов, где проходили занятия с неграмотным взрослым населением¹¹ и где умело сочетали обучение грамоте с политическим воспитанием. Помимо ликвидации неграмотности через ликпункты, создавались школы для взрослых двух типов: школы для малограмотных с шестимесячным курсом, имевшие своей целью ликвидацию малограмотности, и школы взрослых повышенного типа с двух-трехгодичным курсом. Окончание третьего года давало право поступления в высшую школу.

В обязанности **технического подотдела** входило составление смет на ремонт и постройку школ, составление школьной сети.

По мере того, как объем работы отдела народного образования увеличивался, усложнялся и его аппарат. В аппарате ОНО продолжали возникать новые структурные подразделения. Гражданская война, голод, разруха, беспризорные дети определили основные направления деятельности Ковровского УОНО в то время. Отделу народного образования пришлось заняться организацией сети школьных общежитий-коммун для нуждающихся школьников, детских домов для беспризорников, детских столовых для организации питания школьников (см. приложение № 4). Для руководства этой работой был образован специальный подотдел Социального воспитания, переименованный в 1920-м году в **подотдел Охраны детства**¹².

В начале 1919 г. УОНО было открыто 5 школ-мастерских профессионального образования: столярная, слесарная, переплетная, сапожная и кройки и шитья. Эти школы просуществовали в течение полутора лет и были заменены вновь организованными ремесленными школами, для руководства которыми был выделен **подотдел Профессионально-технического образования**¹³.

Обширная деятельность отдела народного образования в первые годы Советской власти приводила к «разбуханию» аппарата. В 1920-м список работников Ковровского УОНО насчитывал 82 человека, из которых 26 человек составляли ответственные работники – заведующие и инструктора¹⁴. В 1921 г. в результате проведенной реорганизации вместо 11 подотделов создано 4: административно-организационный, политико-просветительный, социального воспитания и политехнического образования, профессионального образо-

вания¹⁵, штат сокращен до 43 человек. В 1922-м после произведенного сокращения штата отдела осталось всего 8 сотрудников.

Численный состав отдела и объем его деятельности во многом зависели от инициативы, энергии и понимания задач создания новой школы его заведующим. Ковровский уездный отдел народного образования в 1918 году возглавил Александр Николаевич Барсуков, учитель по специальности, энциклопедически образованный человек, обладавший немалыми организаторскими способностями, впоследствии известный математик и педагог. Коллегия Ковровского УОНО под его руководством прорабатывала идею создания пролетарского университета¹⁶. 1 октября 1920 года стараниями Александра Николаевича **Ковровский народный университет** был открыт. Структура университета складывалась из трех факультетов или отделений: рабфака, факультета пропедевтики высшей школы и научно-популярного отделения¹⁷. Рабочий факультет давал возможность рабочим и крестьянам осуществить свое право на поступление в высшую школу путем подготовки к ней в возможно краткий срок. Факультет пропедевтики восполнял недостатки среднего образования, знакомил с основами наук, преподаваемых в высшей школе. Задачей научно-популярного отделения являлась выработка общего мировоззрения в самых широких слоях трудового населения. Все занятия проводились в вечернее время, поскольку многие учащиеся днем работали. Коллектив преподавателей состоял из учителей школ и железнодорожного техникума. Заведовал университетом А. Н. Барсуков. По своей сути это был Ковровский вечерний рабфак. В 1922 году губком партии поручил А. Н. Барсукову провести подобную работу во Владимире. После организации им рабфака в губернском городе народный университет в Коврове стал Ковровским отделением Владимирского рабфака.

Постановлением ВЦИК от 7 июля 1923 г. уездные отделы народного образования, здравоохранения, социального обеспечения и коммунальный были слиты в общий отдел Уисполкомов¹⁸. Этим актом, преследующим некоторую экономию средств на содержание управленческого аппарата, была ликвидирована самостоятельность перечисленных выше отделов. Если в 1917-1922 гг. дело народного образования в губернии имело довольно пеструю картину, инициатива во многом была предоставлена местам, то с 1923 года началось целенаправленное организованное руководство народным образованием в губернии. Наметился сдвиг в сторону усиления методического руководства работой школ.

В июне 1929 года была ликвидирована Владимирская область, большая часть которой вошла в Ивановскую промышленную область, изменилось административно-территориальное деление: на смену уездам и волостям пришла новая территориальная единица – район. Уезды, в том числе и Ковровский, были ликвидированы, а вместе с ними прекратили свое существование уездные органы народного образования.

Школа в рассматриваемый период переживала далеко не лучшие свои дни. Финансирование школьного строительства и снабжение школ полностью лежало на органах местного самоуправления. Школьная сеть в Ковровском уезде с 1917 года стала сокращаться, хотя до этого времени неуклонно росла. Если в 1915 году в уезде числилось 142 начальных училища с общим числом учащихся 10435 человек (из них 99 – земских училищ, 34 – церковно-приходских, 9 – министерских), то в 1920 году функционировало 99 школ первой ступени с общим числом учащихся 8692¹⁹. Значительное сокращение числа школ, скорее всего, произошло по причине закрытия церковно-приходских училищ. Еще в августе 1917 г. Епархиальный училищный совет получил циркуляр о передаче церковных школ в ведение Министерства народного просвещения²⁰. Ковровская городская управа, однако, никаких указаний относительно приема церковных школ от Министерства не получила. Передача школ в то переходное время едва ли могла состояться.

Очередное сокращение численности школ произошло в 1922-м, когда большинство учреждений просветительского характера было снято с государственного бюджета и передано на местный бюджет. В сентябре 1922 г. в Ковровском уезде к занятиям приступило лишь 50% всех школ – те, что финансировались государством²¹. Остальные школы предполагалось передавать на полное материальное содержание по договорам сельским обществам и предприятиям. Однако в ноябре положение 30 школ оставалось еще невыясненным, а к середине учебного года закрытыми оставались 15 школ. На 1-е октября 1923 г. в уезде функционировало 84 школы первой ступени с числом учащихся 7031 человек (без учета начальной железнодорожной)²². Таим образом, в 1923 году в Ковровском уезде школьная сеть сократилась до размера земской 1913 г. (таблица № 1).

Реформа школы, начавшаяся в 1918/19 учебном году, внесла серьезные изменения в школьную среду: начал меняться социальный состав учащихся, обучение стало совместным для обоих полов, осталась в прошлом балльная система, экзамены, Закон Божий, строгая форма одежды и дисциплины. Падение дисциплины школьников произошло очень быстро и уже в 1918-1919 годах отмечалось повсеместно. В целях улучшения дисциплины учащихся в октябре 1919-го постановлением коллегии УОНО в школах Коврова было введено классное наставничество без дополнительной оплаты этих обязанностей²³. Объединенный школьный совет железнодорожных школ ввел институт классных наставников с октября 1920-го²⁴.

В 1918 году в России было ликвидировано раздельное обучение подростков мужского и женского пола и создана смешанная школа. Это событие очень серьезно повлияло на общую атмосферу школьной жизни. Анкетирование учителей Коврова, проведенное Научно-педагогической ассоциацией по результатам первого учебного года школьной реформы²⁵, показало, что учителя одобрили создание смешанной школы. По их наблюдениям, от взаимного общения и пребывания в кругу одних и тех же интересов выигрывают и

мальчики, и девочки: у первых смягчается чрезмерная склонность к проказам, иногда грубым и опасным, а вторые приучаются чувствовать себя равноправными членами общества. Согласно опросу, протест у ковровского учительства вызвало отсутствие домашних заданий, отрицательно сказывавшееся на эффективности обучения. Опрос показал также, что новые программы «приводились в жизнь школы с большим трудом или совсем не проводились» по причине неподготовленности учителей к новым формам организации учебного процесса: на смену традиционному уроку пришли экскурсии, прогулки, зарисовки, моделирование и всевозможные трудовые процессы, путем которых ребенок сам продельывает обогащение своего опыта. Преподаватели были совершенно не подготовлены к этим изменениям.

Местное население не сочувствовало реформе школы, о чем свидетельствовал характер родительских собраний. Школьная и семейная среда в то время еще были в значительной мере обособлены друг от друга. Непонимание семьей задач новой школы, по мнению учителей, мешало проведению школьной реформы. Так, отмена преподавания в школе Закона Божия, несмотря на невысокую популярность этого предмета среди учащихся, вызвала у части родителей отрицательную реакцию. Документы того времени – яркое тому свидетельство. Так, в декабре 1919 г. после первого «безрелигиозного» учебного года, родительский комитет Сергейцевской школы обратился в Ковровский УОНО с просьбой о разрешении преподавания Закона Божия в частном помещении²⁶. Просьбу удовлетворили при условии, что преподавание займет не более двух часов на каждое отделение. Учитель Бельковской школы, - узнаем из актов ревизии Бельковского волостного отдела народного образования от 17 мая 1921 года, - «без разрешения производил церковные спевки в помещении школы»²⁷. Несомненно, воспитанное с раннего детства религиозное чувство не могло быть изжито быстро и просто.

За годы гражданской войны произошло резкое снижение уровня учебной работы. Это было вызвано целым рядом причин. В первую очередь, хозяйственной разрухой и отсутствием самого необходимого для поддержания нормального учебного процесса: отопления, освещения, учебников и т.д. Так, кроме каникул в школьных учебных занятиях в Ковровском уезде были вынужденные перерывы из-за дровяного кризиса и отсутствия обуви у учащихся. В марте 1920 г., например, 30-40% учащихся уезда и многие школьные работники не посещали школу из-за отсутствия обуви²⁸. В фондах ГАВО сохранилось письмо учительницы Е. Н. Аксеновой в Президиум третьей школы первой ступени г. Коврова от 22 марта 1920 г.: «Вследствие не имения ботинок и калош посещать школу не могу впредь до установления лучшей погоды или приобретения обуви»²⁹.

Школа в годы гражданской войны выполняла и социальные функции: школы превратились в «пункты питания» (согласно декрету от 17 мая 1919 г. все дети до 14 лет получали бесплатное питание). Так, во второй половине 1918/19 учебного года учащиеся в школах Коврова получали чай с сахаром и

1/8 фунта (50 г) хлеба ежедневно. В следующем учебном году предполагалось ввести чаепитие и раздачу 3/4 фунта (300 г) вареного картофеля, но отсутствие дров помешало осуществлению задуманного.

После гражданской войны резко возросла потребность в квалифицированной рабочей силе в городе и деревне. С января 1921 г. основой советской школы была признана семилетняя трудовая общеобразовательная школа для детей от 8 до 15 лет. Два старших класса школ второй ступени предлагалось преобразовать в техникумы. Однако намеченный план постепенного сокращения школ второй ступени по мере открытия вместо них техникумов не был выполнен³⁰. Виною тому стал недостаток средств на организацию и оборудование техникумов. В Коврове осенью 1921-го смогли открыть лишь один техникум – Педагогический, преобразовав трехгодичные педагогические курсы, существовавшие с 1919 года.

«Устав единой трудовой школы», утвержденный СНК РСФСР 18 декабря 1923 г., восстановил девятилетнюю общеобразовательную школу для детей от 8 до 17 лет, состоящую из первой ступени (4 года) и второй ступени (5 лет). Вторая ступень включала два законченных концентрира: первый – в три года и второй – в два. Школа первой ступени могла быть расширена до семилетнего обучения путем присоединения к ней первого концентрира второй ступени. С сентября 1923 г. в Коврове семилетками стали железнодорожная школа второй ступени и вторая и третья школы первой ступени (соответственно бывшее высшее начальное училище и женская гимназия). После того, как в мае 1925-го здание семилетней школы (бывшее высшее начальное училище) на ул. Троцкого (ныне ул. Дегтярева) занял госпиталь, семилеткой стала расположенная по соседству школа первой ступени (бывшее городское приходское училище). Тогда же в здании бывшего санитарного музея на второй Муромской улице (ул. Никонова) открыли новую начальную школу – вторую школу первой ступени. Местные жители называли ее «лесной», потому что находилась она около леса и редкие сосны вплотную подступали к ее стенам и крыльцу.

Заменить второй концентр школ второй ступени техникумами не удалось. Тогда пришла идея его профессионализации. Во Владимирской губернии профессионализация должна была осуществляться по следующим основным специальностям: кооперативной, сельскохозяйственной, общественно-педагогической, химической и административно-советской. Эти целевые установки были определены шановой комиссией Губернской конференции работников школ второй ступени³¹. С 1925/26 учебного года два старших класса в ковровской девятилетке реорганизовались в «спецкурсы» с кооперативным уклоном с целевой установкой на счетовода³². С этой целью были введены специальные дисциплины: общее счетоведение, коммерческая арифметика, кооперация и организация потребительских обществ. Разумеется, профессионализация осуществлялась в слабой мере, т.к. школа не имела кадровых и технических возможностей, чтобы дать выпускникам требуемую профессию-

нальную подготовку. Преподавание спецдисциплин было поручено преподавателям общеобразовательных предметов, приглашен лишь один преподаватель по кооперации из Райсоюза, имеющий специальное образование.

Наряду с четырехлетней начальной, семилетней и девятилетней школами в начале 20-х появился новый тип школ – школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), где учащиеся получали профессию и общеобразовательные знания в объеме семилетки. В ноябре 1922 г. вместо краткосрочных Профтехнических курсов при Ковровском пулеметном заводе была открыта школа ФЗУ с четырехгодичным курсом. При фабрике им. Свердлова открыли школу ФЗУ на базе Камешковских профтехнических курсов. В 1923 году школы фабзавуча были открыты при фабрике им. Абельмана и Ковровских железнодорожных мастерских. Годом раньше, с октября 1922 г. в Коврове открыли Профтехническую школу им. Томского³³. Инициатива открытия школы принадлежала профессиональному союзу деревообделочников с целью иметь своих образованных и высококвалифицированных работников в отрасли деревообрабатывающей промышленности. Обучение рассчитано было на 4 года. Хотя школа давала среднее образование ученикам, по своей организации, структуре управления и методам работы значительно отличалась от школ Соцвоса.

В 1926 году список учебных заведений Ковровского УОНО по городу составили:

- Первая школа 1 ступени – ул. Набережная (бывшее Треумовское училище),
- Вторая школа 1 ступени – ул. Вторая Муромская,
- Третья школа 1 ступени – Заречная слободка,
- Первая школа семилетка – ул. Абельмана (бывшая женская гимназия),
- Вторая школа семилетка – ул. Троцкого (бывшее городское приходское училище),
- Школа девятилетка – ул. Абельмана (бывшее реальное училище),
- Совпартшкола – ул. Троцкого (бывшее высшее начальное училище),
- Школа взрослых повышенного типа – ул. Абельмана (бывшее реальное училище),
- Педтехникум – ул. Абельмана,
- Профтехническая школа Томского – ул. Базарная (бывшая Богдельня),
- Школа ФЗУ – при фабрике Абельмана,
- Школа ФЗУ – при Пульзаводе³⁴.

Особняком держались железнодорожные школы первой и второй ступени, поскольку не подчинялись Ковровскому УОНО. В 1920-е годы появились советско-партийные школы (совпартшколы). Это был совершенно новый тип учебных заведений, задача которых заключалась в том, чтобы дать образование начинающим советско-партийным работ-

никам, которых в то время требовалось много для государственного и партийного аппарата. Из совпартшкол и рабфаков пришло первое рабочее-крестьянское пополнение в вузы.

С 1923 года в сельской местности на базе начальной школы создаются трехлетние школы крестьянской молодежи (ШКМ), звено единой трудовой школы, соответствующее последним трем годам семилетки. Такая школа была открыта в Ковровском уезде 26 января 1926 г. в д. Горьково³⁵. В учебный план этой школы наряду с общеобразовательными предметами, был включен ряд специальных агротехнических дисциплин, а также обязательная сельскохозяйственная практика. Однако главной задачей ШКМ была подготовка деревенского «актива», то есть агитаторов и руководителей «новой деревни». Поэтому особое внимание уделялось «общественно-практической» работе учащихся в совхозах и кооперативах.

Главная задача, которую советская школа решала в 1920 – начале 1930-х годов, – ликвидация безграмотности взрослого населения и охват всех детей 8-11 лет начальным образованием. В 1923 году Правительство объявило о необходимости осуществления в десятилетний срок на территории РСФСР обязательного всеобщего обучения. Напомним, что вопрос всеобщего начального образования уже имел в России свою историю – к его решению вплотную подошли земства в конце XIX века (соответствующий закон был принят в России в 1916 году). Владимирское губернское земство в 1900 году спланировало сеть начальных школ, которая бы охватила все селения на территории губернии. В Ковровском уезде, в частности, предполагалось ввести всеобщее начальное обучение до 1918 г. Осуществили бы его к 1918-му году или чуть позже – трудно сказать. Но события 1917 г., бесспорно, задержали его решение как минимум на 10 лет. В основу спроектированной в 1923 году во Владимирской губернии школьной сети была положена губернская земская школьная сеть 1900 г.³⁶

Период 1917-1929 годов – один из важнейших в истории народного образования в Ковровском уезде. В эти годы произошло становление советской школы, в основном было введено обязательное всеобщее начальное обучение и заложены предпосылки всеобщего семилетнего и среднего образования.

¹ Города Владимирской губернии в цифрах. Владимир, 1924.

² Фролов Н.В., Фролова Э.В. История земли Ковровской. Ч. 2. Ковров, 2001. С. 98.

³ Там же.

⁴ Фролов Н.В. Из истории Всегодичского народного училища // Знамя труда. 1995, 21 дек.

⁵ ГАВО. Ф. 77. Оп. 2. Д. 624. Л. 1-1об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 21.

⁸ Там же. Д. 159.

⁹ Справочник по начальным школам Владимирской губернии. Владимир, 1915. С. 64-65.

¹⁰ Ковровское Уездное Земство. Отчет по народному образованию за 1909 г. Ковров, 1910. С. 4; То же за 1915 г. Ковров, 1915. С. 11; ГАВО. Ф. 449. Оп. 167. Л. 85, 425.; Д. 192. Л. 14; Д. 222. Л. 99; Оп. 2. Д. 571. Л. 9.

КАК В ВУЗЫ ПОСТУПАЛИ: ИВАНОВО 1930-е гг.

Тридцатые годы прошлого столетия – бурное время строительства основ социалистического общества, когда одной из наиболее насущных проблем была кадровая. Если 20-е годы – это период ликбеза, развития начальной, среднего образования, то 30-е годы – это время становления советской высшей школы, подготовки кадров специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Иваново – исторически сложившийся центр российского промышленного производства¹, где в 30-е годы также начался процесс формирования специалистов с высшим образованием. Определенный интерес в связи с этим представляет вопрос о подготовке специалистов для сельского хозяйства области, призванного обеспечить растущий промышленный потенциал текстильного края. Некоторые составляющие процесса формирования контингента будущих специалистов сельского хозяйства в Ивановской области представлены в данной статье. Основу для нее составили документы Государственного архива Ивановской области.

Анализ архивных источников свидетельствует прежде всего о слабой образовательной базе по подготовке специалистов. Так, в 1930 году в Ивановской области был всего один сельскохозяйственный вуз, 14 техникумов и 2 рабфака соответствующего профиля². А тем временем на селе остро не хватало специалистов. В 1930 году только 1,3% хозяйств имели своих агрономов, один агроном обслуживал 21 колхоз, и даже к 1937 году только 4,3% агрономов имели высшее образование, а на одного агронома приходилось 4557 га посевных площадей³. В целом по колхозам области в начале тридцатых годов потребность в кадрах высшей квалификации превышала 3 тыс. человек. С 1 июня 1930 года в области начал принимать абитуриентов Ивановский сельскохозяйственный институт, который готовил специалистов на двух факультетах: агрономическом и зоотехническом. В первый год в институт было подано 259 заявлений, принято 96 человек. Интересно, что большинство заявлений подано не от жителей Ивановской области. Из принятых 47 человек – это выходцы из рабочих, 22 – из крестьян, 15 – служащие и их дети, 5 – дети школьных работников, 4 – дети специалистов, 1 – научных работников, более 50% поступивших – это комсомольцы и члены партии⁴. Наиболее сложной проблемой формирования контингента студентов был низкий образовательный уровень будущих абитуриентов. Озабоченные этой проблемой партийные, советские и хозяйственные органы использовали широкий спектр форм подготовки к поступлению в вузы. Это были комбинаты колхозного образования, вводные курсы, целевые кружки, семинары, месячники колхозного образования, экскурсии, выставки, циклы лекций. Они позволяли выявить людей, стремящихся к знаниям, вне зависимости от возраста и уровня образования. Начала складываться система подготовки абитуриентов к по-

¹¹ См. Балдин К. Е., Иванов В. В. Земские школы Ивановского края: конец XIX - начало XX века. Иваново, 2000. С. 44-51.

¹² ГАВО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 142. Л. 115-148.

¹³ Там же. Л. 125, 127, 135-137, 147, 150.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 572. Л. 8 об.

¹⁵ Школьная сеть Ковровского уезда Владимирской губернии в 1908 г. Владимир, 1909. С. 27.

¹⁶ Ковровское Уездное Земство. Отчет по народному образованию за 1909 г. Ковров, 1910. С. 1-2.

¹⁷ Быт учителей Ковровского уезда // Старый Владимирец. Владимир, 1914, № 80, 15 апр.

¹⁸ Старый Владимирец. 1912, № 43.

¹⁹ Фролов Н.В., Фролова Э.В. Указ. соч. С. 99;

²⁰ ГАВО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 95. Л. 1-1об.

²¹ ВЕВ. 1909, № 41.

²² Там же.

²³ ГАВО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1517.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Ф. 450. Оп. 1. Д. 136. Л. 1.

²⁶ Курсы для учащихся в церковных школах Владимирской епархии. Владимир, 1906. С. 1.

²⁷ ГАВО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 136. Л. 10.

²⁸ ВЕВ. 1907, №№ 51-52.

²⁹ Там же. 1894, № 1.

³⁰ Смирнов А.В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии. Вып. 3. Владимир, 1898. С. 99.

³¹ Фролов Н.В., Фролова Э.В. Указ. соч. С. 102.

³² ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4175. Л. 2-3.

³³ Фролов Н.В., Фролова Э.В. Указ. соч. С. 100.

³⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7368. Л. 2.

³⁵ Московские ведомости. 1862, № 180, 183, 184.

³⁶ Ковровское техническое железнодорожное училище. Краткий исторический очерк. 1874-1899 гг. Вязники, 1899. С. 5.

ступлению в институт. В каждом колхозе и совхозе создавались бюро труда, в задачу которых входил анализ потребности хозяйств в квалифицированных кадрах, поиск абитуриентов, направление их на курсы подготовки. В работу на этом этапе часто подключались и вузы, которые направляли своеобразный «ученый десант» на село для чтения лекций с целью поиска и подготовки абитуриентов. Специалисты высшей квалификации готовились к поступлению в вузы на основе классового отбора и под всеохватывающим контролем партийных организаций. Условиями направления на учебу являлись обязательная рекомендация партийных органов, социальное положение и стаж работы. При поступлении в вуз учитывался не только уровень образования, но и практический стаж работы. При большом стаже в техникум можно было поступить с 5-летним образованием, а в вуз – с 7-летним⁵. Будущих студентов отбирали специальные комиссии на местах, например, для поступления в Ивановский сельскохозяйственный институт требовалась анкета, характеристика, выписка из постановления райкома партии⁶. Преимущество при зачислении давалось детям рабочих и колхозников, а также передовикам и ударникам производства. При поступлении в вуз устанавливался возрастной ценз: абитуриент должен быть не младше 17 и не старше 45 лет⁷. Низкий образовательный уровень абитуриентов, а на селе он составлял преимущественно 4 класса, приводил к снижению требований на вступительных экзаменах. Документы приемных комиссий вузов свидетельствуют, что зачастую планы наборов не выполнялись, и тогда зачисление шло с неудовлетворительными оценками⁸. Когда под угрозой срыва были планы приема студентов, тогда коллективы учебных заведений выделяли на вербовку в вуз «людей высокого качества», например, такая ситуация сложилась в Ивановском сельскохозяйственном вузе в 1933 году, когда на 250 плановых мест было подано 120 заявлений⁹.

Подготовкой кадров специалистов для села занимался отдел кадров Облколхозсоюза. Он организовывал специальные курсы по подготовке к поступлению в институт – рабфаки, которые непосредственно готовили абитуриентов к поступлению в институт. Рабфаки открывались почти в каждом вузе. Набор на рабфаки проходил на конкурсной, целевой основе по рекомендации партийных органов. Выпускники рабфаков принимались в вуз без экзаменов. Рабфаки стали своеобразной приметой времени. В 1930 году открылся рабфак Ивановского политехнического института, на рабфаке было открыто и национальное отделение для татаро-башкирской молодежи. При формировании состава студентов рабфака давалась такая разрядка: 90% принятых на рабфак должны быть рабочими, 10% - батраками и колхозниками. Другие социальные группы на рабфак не принимались, и 60% принятых должны составлять женщины¹⁰. Организация рабфака проходила очень сложно. И одной из причин этого был низкий образовательный уровень молодежи. Первоначально планировалось ограничить учебу на рабфаке 9 месяцами, однако за такой короткий срок подготовить к поступлению в вуз абитуриента с

4-классным образованием было невозможно. Сначала на рабфак брали молодежь с 7-летним образованием, но таких абитуриентов не находилось в достаточном количестве, а обучать молодежь на рабфаках 3 года не представлялось возможным. Курсы были платными, а поскольку денег не хватало, часто рабфаки не открывали. Чтобы найти выход из этого положения, партийные органы предложили народному комиссариату образования увеличить количество стипендий колхозникам на рабфаках. Такое решение поддержали и местные органы власти. Отличительной приметой времени стало то, что большая часть специалистов для села готовилась по заочной форме обучения. Огромную роль в налаживании заочного обучения сыграл Ивановский сельскохозяйственный институт. Так в 30-е годы началась подготовка кадров специалистов для сельского хозяйства Ивановской области.

¹ До 1929 года существовала Иваново-Вознесенская губерния. В июле 1929 года была образована Ивановская промышленная область, созданная на базе Владимирской, Ярославской, Костромской и Ивановской областей.

² ГАИО. Ф. 327. Оп. 4. Д. 270. Л. 23.

³ Там же. Оп. 5. Д. 1322. Л. 61.; Д. 1296. Л. 20.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 270. Л. 23.

⁵ Там же. Ф. Р-1225. Оп. 1. Д. 111. Л. 130.

⁶ Там же. Ф. 327. Оп. 3. Д. 5. Л. 82.

⁷ Там же. Оп. 4. Д. 313. Л. 56.

⁸ Там же. Ф. Р-1225. Оп. 1. Д. 144. Л. 130.

⁹ Там же. Ф. 327. Оп. 5. Д. 204. Л. 9.

¹⁰ Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 21. Л. 222, 223.

А. А. ГЛАЗУНОВ

Александр Александрович Глазунов родился 19 (31) августа 1884 года в Москве¹ в семье палехского иконописца Александра Павловича Глазунова. По отцу был записан в крестьяне д. Терехово Палеховской вол. Вязниковского у. Владимирской губ. Оставшись в четырехлетнем возрасте без отца, воспитывался в семье деда по отчиму (Василию Васильевичу Бахиреву), жившего в с. Варееве (20 верст от Палеха). Иконописи обучался в Палехе, в мастерской Д. П. Салаутина. С 1-го января 1903 года по 31 декабря 1908 года работал иконописцем и реставратором в художественно-иконописном товариществе в Москве². В 1909 году, после ликвидации товарищества, открыл собственную иконописную мастерскую, которая, сменив несколько адресов, с августа 1914 года размещалась в доме № 12 по Николо-Ямской (с 1919 по 1990-е гг. — Ульяновской) улице, на втором этаже бывшего церковно-приходского училища при церкви Симеона Столпника.

Отвечая на анкетный вопрос о дореволюционных занятиях, он сообщал, что двадцать лет реставрировал памятники древнерусской иконописи «в церквях, монастырях, частных собраниях по всей России, а так же исполнял художественно-иконописные работы для многих выдающихся храмов русских и отчасти за границу»³. Участвовал в реставрации нижегородского Благовещенского собора, Чудова монастыря в Москве. В 1913 году во время работ в Рождественском соборе Саввино-Сторожевского монастыря открылись заиконостасные фрески XV-XVII вв. Описание фресок XV в. Глазунов поместил в журнале «Светильник»⁴ и трудах церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения.

Не получив даже начального школьного образования (в анкете указывал: «домашнего образования»), А. А. Глазунов вольнослушателем закончил курс Московского археологического института (1910)⁵, состоял членом ряда ученых обществ и комиссий: церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения; Общества по изучению памятников древности при Московском археологическом институте; комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии; Нижегородской и Тульской ученых архивных комиссий; Воронежского и Калужского церковных историко-археологических обществ; Комитета по научному описанию синодальной ризницы⁶. Выступал с докладами⁷. Имел несколько журнальных статей об иконописи⁸. Выступал иллюстратором⁹. Коллекционировал иконы и старые книги.

В 1914 году он предпринял издание «Материалов для истории русской иконописи», поместив в первом выпуске работу, ранее опубликованную в журнале «Светильник»: «Два изображения св. Алексия, человека Божия... в Звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре»¹⁰. Издание было прервано войной. А. Глазунов как единственный сын у матери был освобожден

от призыва в армию. В годы войны некоторое время работал конторщиком.

После революции он поступает в Наркомпрос. Как сотрудник коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, «командируется в московские общественные и частные учреждения, церкви и монастыри для осмотра и научной описи предметов художественно-исторического значения, наложения на них печатей и, в случае надобности, вывоза в хранилище национального музейного фонда»¹¹. Участвует в работе Комиссии по приему церковного имущества Кремля¹². Подбирает помещения в Саввино-Сторожевском монастыре «для переноса в него, в случае надобности, и вывоза ризницы монастыря»¹³. Как художник, участвует в работах по художественному оформлению города, вместе с С. В. Герасимовым расписывает агитпоезда.

В начале 1920-х годов возобновляется общение Глазунова с палехскими художниками. С Палехом он был связан не только корнями, ремеслом, но и отношениями, полученными в качестве «приданого» за женой. Его Варвара была дочерью приказчика из подпалехской деревни Юркино Василия Павловича Колесова. Сестры ее — Марья, Евдокия и Анастасия — вышли замуж за Александра Зубкова, Александра Котухина и Ивана Голикова. Брат же Николай взял в жены сестру профессора А. В. Бакушинского — Зинаиду. В довоенные годы в мастерской Глазунова подолгу работали А. Блохин, А. Котухин, другие палехские мастера.

По-видимому, среди москвичей, причастных к Палеху, Глазунов острее других чувствовал разыгравшуюся там драму. Для одних Палех был в небольшой степени понятием умозрительным, для вторых — участком обширного фронта деятельности. Для Глазунова же беды Палеха слились с его собственными. Революция, подрубив корни иконописного промысла, превратила, по существу, и его в безработного. Агитационное оформление поездов было для него столь же случайным занятием, что и овладение приемами наложения театрального грима для Ивана Вакурова. С другой стороны, для палешан Глазуновская мастерская являлась наиболее известным домом в Москве. Не случайно именно ей суждено было стать лабораторией, в которой зародилось искусство нового Палеха.

Первое знакомство А. А. Глазунова с папье-маше произошло, по его признанию, задолго до революции. В 1905 году он вместе с мастерским мастером М. И. Рачковым-Козловым, расписал «священными изображениями» несколько пасхальных яиц «для подношения высочайшим особам того времени»¹⁴. В 1909 году, приобретя у А. П. Вишнякова полуфабрикат яиц, он самостоятельно перенес на них «вольный сюжет — птиц»¹⁵. Знакомство это позволило Глазунову в годы кризиса увидеть в папье-маше тот материал, на который могут быть перенесены приемы работы иконописца¹⁶. Хотя, по его мнению, папье-маше и «не дает возможность приемов и правил, выработавшихся в долгий период древней техники, но зато дает возможность в некоторой мере сохранить богатство красок, остроту рисунка, утонченность работы, а главное

то, что при помощи лака придается... особый блеск нанесенному золоту»¹⁷. В 1919-22 годах, изучая технологию производства папье-маше, он знакомится с бывшими мастерами Лакутина, с братьями И. М. и Б. А. Вишняковыми, представителем Федоскинской артели И. Н. Кузнецовым. Консультируясь с художниками Кустарного музея А. Н. Дурново и Е. Г. Теляковским, а также с художником А. А. Суворовым, осваивает приемы живописи на папье-маше.

Когда 9 октября 1922 года на пороге его дома возник «декоратор города Кинешмы» Иван Голиков, приехавший «поговорить об искусстве»¹⁸, Глазунов был достаточно хорошо подготовлен к разговору. А разговор им предстоял и трудный и долгий. Свояк со свойственной гениям одержимостью отдававшийся делу, находился в плену у театра¹⁹. Его воображение, перегруженное «декорациями, из мягкого папье-маше бутафорией и макетами» не откликалось на новую идею. Однако, «зная И. И. Голикова с детства, по работе и по всем условиям жизни», А. А. Глазунов «взял на себя труд задержать его именно на этом деле». Задача оказалась непосильной для одного. «В половине ноября месяца, - вспоминал он, - я привел И. И. Голикова на квартиру к Е. Г. Теляковскому... Мы совместно с Е. Г. ... долго убеждали И. И. Голикова оставить мысли о бутафорском и макетном производстве, а заняться древней живописью. Живя вместе с И. И. Голиковым... в конце ноября месяца 1922 года, мы приступили совместно к работе...»²⁰. Результат ее общеизвестен: миниатюра «Рай» - вольная копия библейской иллюстрации Г. Доре, выполненная И. Голиковым «под руководством Глазунова» «одними золотами - красным и зеленым и серебром» на донце фотованночки из папье-маше.

Миниатюру, положившую начало светской живописи Палеха, приобрел Кустарный музей. Мастера получили заказ на работы для Всероссийской художественно-промышленной выставки в Государственной Академии художественных наук (весна 1923 г.). Успех на ней (диплом первой степени) был закреплен и наградами Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (19 августа-21 октября 1923 г.). Ими отмечены были не только мастера, работавшие у А. А. Глазунова (И. П. Вакуров, И. И. Голиков), но и выполнявшие задание А. В. Бакушинского в Палехе (И. М. Баканов, А. В. Котухин, И. В. Маркичев). О замечательном событии в жизни искусства оповестили «Известия»: «Художник А. А. Глазунов проделал большую работу по возрождению живописи на папье-маше. Для этой цели приспособлены бывшие иконописцы, которые до сих пор совершенно не были использованы в области «светской» живописи. Среди них имеются выдающиеся мастера (Голик, Бакуров, Котухин, Баканов), обладающие исключительно виртуозной техникой». Простим анонимному «ловцу человек», что снебрежничал, впервые предавая печати имена «выдающихся мастеров» - время еще не раз предоставит ему возможность исправиться. Важно, что в крошечной заметке отражена и витавшая уже, видимо, в воздухе идея объединения бывших иконописцев («мастерская») и названо представлявшееся направление их работы: «В скором времени мастерская художника Глазунова выпускает серию различных карточек из

папье-маше с художественно исполненными типами народов России в их исторических костюмах и обстановке»²¹.

К счастью, своевременные наставления А. В. Бакушинского, работников Кустарного музея, наследственный высокий вкус уберегли изначально палешан от неорганичного для них этнографического пути. Через два года, подводя итоги Парижской международной выставки декоративных искусств, на которой шестеро палехских мастеров были удостоены «Гран-при», те же «Известия» писали: «Выставка показала, что одной этнографией Запада не привлечешь, что необходимо сочетать нашу "самобытность" с "современностью"»²². Именно "самобытностью" и "современностью" привлекали изначально работы бывших иконописцев, живших порознь на два дома, но представлявших на выставках один - Палех. Долго так тянуться не могло. Миссия воплотить в жизнь идею объединения была уготована Александру Александровичу Глазунову. С учетом его организаторских способностей, уровня развития, авторитета соперников на роль лидера у него не было. Созданию артели предшествовало решение вопроса о выборе дома для нее: Москва или Палех? Вопрос был решен в пользу коллектива. 2 декабря 1924 года А. А. Глазунов, вместе с гостившими у него свояками И. И. Голиковым²³, А. В. Котухиным²⁴ и «отдельно жившим И. П. Вакуровым» выезжают в Палех. «Приехавши в Палех 4 декабря 1924 года, - сообщает об историческом акте создания артели Глазунов, - я на первое организационное собрание Палеховской Артели Древней Живописи пригласил следующих мастеров: Баканова И. М., Голикова И. И., Зубкова И. И., Зубкова А. И., Котухина А. В., Котухина В. В. и Маркичева И. В. Собрание состоялось в доме братьев Котухиных»²⁵.

Однако стать членом артели А. А. Глазунову было не суждено. Устав артели, утвержденный 8 января 1925 года Иваново-Вознесенским губсовнархозом, не позволял принимать в нее жителей других местностей. Учитывая вес Глазунова в столичных деловых кругах, артель назначила его уполномоченным представителем в Москве. Но и в уполномоченных он проходил чуть более полутора лет. Летом 1926 года артель переориентировалась на сбыт продукции через Нижегородское отделение Госторга и должность уполномоченного в Москве была упразднена²⁶. Заслуги А. А. Глазунова, равно как и А. В. Бакушинского, в становлении артели, были отмечены на собрании 17 августа 1926 года избранием обоих почетными членами с преподнесением «подарков из своих изделий».

Отстраненный от Палеха жизненными обстоятельствами, А. А. Глазунов в годы обострения классовой борьбы оказался отлученным от него и по идейным мотивам. За доказательством грехов бывшего хозяина мастерской перед трудящимися далеко ходить не пришлось. Подпись, которую в доартельный период он, следуя давней традиции, ставил на изделиях, выходивших из мастерской, неопровержимо свидетельствовала о «плагиате»²⁷. И все же, несмотря на хулу, он оставался добровольным «уполномоченным» пале-

шан в Москве, входил в их делегацию, посетившую в мае 1932 года. А. М. Горького, поддерживал тесные отношения с другим поверенным Палеха – Ефимом Вихревым²⁸, живо следил за событиями на родине. Думается, что под записью, оставленной в его альбоме Дмитрием Буториным, могли бы подписаться многие из гостей дома на Ульяновской улице:

«Я был привлечен к работе благодаря организованной А. А. Глазуновым Палехской Артели Древней Живописи.

Приезжая в Москву, всегда побываешь у Александра Александровича, страшно любящего искусство древнего иконописного письма (которое мы сейчас воспроизводим на папье-маше).

Отдыхаешь и успокаиваешься, когда говоришь с ним об этом искусстве, верящим в будущее этого искусства, работающим и понимающим его. Он дает много очень ценных указаний для процветания этого дела. Работает над правдивой историей возникновения и продолжения этого искусства.

Я искренне желаю всякого благополучия и успеха его труду.

Д. Буторин 30 сентября 1932 года»²⁹.

В 1930-е гг. А. А. Глазунов состоял членом-сотрудником Московского археологического института, заведовал Историко-бытовым музеем Рогожского кладбища³⁰. О художественной деятельности его в 1930-е годы известно мало. Имеются устные свидетельства, что по заказам Литературного музея писал портреты, выполнял оформительские работы. Перед войной начал писать большое панно «Александр Невский» (для Литмузея?). Участвовал в коллективном иллюстрировании книг³¹. На Всемирной выставке в Нью Йорке (1939 г.) в оформлении зала народных промыслов был использован написанный им портрет Серго Орджоникидзе. Много лет работал над объемной «Историей художественно-кустарного промысла, иконописи и росписи по папье-маше»³², отрывки из которой гостям доводилось слушать в чтении автора.

4 сентября 1943 года А. А. Глазунов был арестован. До вынесения приговора 19 февраля 1944 г. находился в Лефортовской тюрьме. Затем был отправлен в Карлаг. Умер 17 февраля 1952 г. в Казахстане, в спецлагере Песчаном³³.

А. А. Глазунов стал жертвой сугубо классового подхода, в течение многих лет превалявшего над другими критериями, при оценке заслуг художника, писателя, общественного деятеля перед Родиной. Имя инициатора создания Артели древней живописи, «первого начинателя» (Дм. Семеновский) нового направления палехского искусства оказалось набранным пети-том, оторванным от имен соартельщиков в официальной истории Палеха. Лишь в конце 1994 года был прорван заговор умолчания вокруг его имени. Появились первые репродукции работ, первая биографическая справка³⁴. Весной 1995 года на выставке, посвященной 70-летию Палеха, во Всероссийском музее декоративного, прикладного и народного искусства, экспонировались и работы Александра Александровича Глазунова.

¹ Анкета для ответственных работников. Учетно-распределительный подотдел Наркомпроса. Форма 2. (1921 г.) // Черновой автограф А. А. Глазунова. Собрание В. А. Глазуновой. В дальнейшем: Анкета...

² Удостоверение № 156 от 4 января 1909 г. Художественно-иконописное товарищество в Москве. Преемники 1-й московской художественно-иконописной артели. Подл.: Пред. ликвидкомиссии (нрзб.) Собрание В. А. Глазуновой.

³ Анкета...

⁴ Глазунов Александр. Древнейшие фрески Богородице-Рождественского собора Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря // Светильник, М., № 2, 1915, С. 30-32.

⁵ Диплом о присвоении звания окончившего курс института, постановлением Совета Московского археологического института в Заседании 25 сентября 1910 г. Собрание В. А. Глазуновой.

⁶ Анкета...

⁷ А. А. Глазуновым были прочитаны доклады: «О технике иконописания» в Московском археологическом институте; «О реставрационных работах» в Саввино-Сторожевском монастыре; об иконах Алексия человека Божия и Михаила Маленина - в церковно-археологическом отделе Общества любителей духовного просвещения (Анкетный лист Глазунов Александр Александрович). (После 18 сентября 1918 г.) Собрание В. А. Глазуновой.

⁸ Изображение иконы «Распятие Господне», XVII в., пояснительный текст // Христианин. Сергиев Посад. № 2, 1915, С. 233, 424.

⁹ Иллюстрации к статьям: (Б.п.) Видение Богоматери воинам // Христианин. Сергиев Посад. № 1, 1915, С. 162-166; Протоиерей Н. Соколов. О молебном пении при нашествии супостатов // Там же. С. 176-186. Воспроизводится изображение иконы Св. Архистратига Михаила в имении И. Н. Лопухина близ Калиша (работы А. А. Глазунова).

¹⁰ Глазунов А. Материалы для истории русской иконописи. Вып. 1. М., 1914; Два изображения Св. Алексия человека Божия, ангела царя Алексея Михайловича, в Звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре // Светильник, М., № 1, 1914, С. 29-32.

¹¹ Народный комиссариат по просвещению. Отдел по делам музеев... Мандат № 2246. 28 октября 1918 г. // Собрание В. А. Глазуновой.

¹² То же. Мандат № 4651. 6 июня 1919 г. // Там же.

¹³ То же. Мандат № 36. 3 января 1919 г. // Там же.

¹⁴ Незавершенная глава воспоминаний А. А. Глазунова, озаглавленная нами «Предыстория Артели древней живописи» // Собрание В. А. Глазуновой. В дальнейшем: «Предыстория...».

¹⁵ У В. А. Глазуновой хранится яйцо, расписанное в те годы А. А. Глазуновым на «священный» сюжет.

¹⁶ «Мною было определено, что единственным и лучшим материалом для задержания древней техники, но только лишь для миниатюры, является... папье-маше». Предыстория. Приоритет А. А. Глазунова признан современниками (Гуляев В. А. Русские художественные промыслы 1920-х годов. Л., 1985, С. 113), искусствоведами (Котов В. Художник Иван Голиков. Яр., 1973, С. 20).

¹⁷ «Предыстория...»

¹⁸ Голиков Иван. Сквозь бури эпохи. В кн.: Вихрев Ефим. Палешане. М., 1934, С. 85, 87.

¹⁹ «Об иконах говорить уже нечего раз я хватил театрального искусства» // Голиков И. // Там же, С. 87.

²⁰ «Предыстория...»

²¹ (Б.п.) Возрождение живописи из папье-маше // Известия ЦИК СССР. 1923, 17 октября, С. 5 (Сообщ. С. И. Субботиним).

²² Тугендхольд Я. К борьбе за качество художественной продукции // Известия ЦИК СССР. 1925, 19 ноября, С. 6.

²³ «И. И. Голиков на лето уезжал в Палех, где к работе привлек мастера А. Е. Балденкова, а также и инстуртировал других товарищей по росписи». «Предыстория...»

²⁴ С. А. В. Котухиним «я занялся чтобы передать производственную технику по изготовлению папье-маше... Я его дважды возил в Федоскинскую артель для ознакомления с производством. В это время мы от федоскинской артели получали полуфабрикат папье-маше (без росписи) и бла-

О ГАРДЕРОБЕ МЕСТНЫХ МОДНИЦ. КАЗАК

В начале XX века в гардеробе местных женщин были нарядные блузки, называвшиеся *казаками*, *басками*¹ и *тирасками* (*терасками*).

Слова *баска* и *казак* известны многим русским говорам. В Тверской области *басками* называют шёлковую или атласную кофту с пышными рукавами [3, с. 59]. В Подмосковье *баски* и *казаки* – «женские кофты в талию с пышными рукавами, которые шили из так называемой новины – тонкого домотканого холста, а в более близкое к нашему время – из ситца или сатина. Казаки и баски отделялись гипюром или бисером» [1, с. 14]. Разные виды одежды называют *казак* в ярославских говорах: женскую кофту в талию с пышными рукавами; женское платье в талию с глухим воротом и пышными рукавами; дубленую расклешенную женскую шубу [7, с. 7]. В Рязанской обл. *казачок* – это наименование старинной женской верхней одежды обычно из сукна или на вате: кофты в талию, сзади расклешенной, с фалдами, с длинными рукавами [6, с. 215]. Слова *баска* и *казак* известны в северных говорах [2, с. 59]. Эти названия женской лёгкой кофты из тонкой ткани фабричного производства включены в энциклопедию «Русский традиционный костюм» [4, с. 26-27], что свидетельствует о распространенности данного фасона одежды.

Наши собеседницы, жительницы Ивановской обл., так описывают казак: «*Кожта с глухим воротником, зауженная на талии. Рукав у кофты узкий и длинный. Кофта украшена кружевом. Верхняя часть рукава называлась кулак. Рукав представляет из себя множество складок, сборок, которые поднимаются кверху*» (г. Вичуга); «*А то есть у неё голубой <казак>, тот интересный, с бусам, бусы мелкие, нашитые бусы*» (Верхнеландеховский р-н, с. Мыт). Казак – нарядная блузка. Ее надевали на праздники, гулянки: «*Укоронкой от матери казак на гулянку одевала*» (Комсомольский р-н); «*Сушёное-то сено – и в пруд! Люди сушили целыми днями, а мы их в пруд! И озеленила весь казак свой, а он белый был, на праздник одела. Помню, прижмёшь, а оно валится, падает мокрое. Вот и идём в деревню-то все грязные, у кого чёго: у кого рукав, а я всю грудь иззеленила*» (Шуйский р-н). А вот рассказ о девичнике: «*Обычно платье три за вечер сменяют. Первое-то платье обязательно шёлково было, второе – любое, а третье – казак красивый и юбка длинная*» (Лухский р-н).

В Шуе *казак*ом называли также платье («*Платье шили – казаки – на костях. Юбка – пять метров ширина, на подкладке. Теперь них нету*»), а в Мыту – «*летнее льняное пальто, короткое, оборка от талии*».

Если слово *казак* довольно широко известно, то другое наименование этой блузки – *тираска* (*тераска*) – встречается реже, отмечено на территории Фурмановского, Шуйского, Тейковского р-нов: «*Она (тираска) шита*

годаря любезности председателей артели: П. И. Сарычева и А. Е. Головченкова нас познакомили со всеми приемами и показывали все производство». «Предыстория...»

²⁵ «Предыстория...»

²⁶ Гуляев В.А. Палехская артель древней живописи в 1920-е годы (по архивным материалам Ивановской области) // Сб. трудов НИИ художественной промышленности (НИИХП). Вып. 6. М., 1972, С. 24-43.

²⁷ В «Предыстории» А. А. Глазунов отметил: «В последствии... нашлись враги и обвиняли меня в плагиатстве, но я это считаю неправильным и несущественным».

²⁸ Вихрев Е. Горьковские дни // Откровение. Лит.-худ. альманах № 2. Иваново, 1995, С. 305-334.

²⁹ Альбом А. А. Глазунова // Собрание В. А. Глазуновой.

³⁰ Наука и научные работники СССР. Часть IV. Научные работники Москвы. Л., 1930, С. 66.

³¹ Творчество народов СССР / XX лет Великой Октябрьской социалистической революции в СССР. 1917-1937 (Под ред. А. М. Горького и др.) М., (1937). Портрет В. М. Молотова - без подписи. В собрании В. А. Глазуновой имеется фото авторизов. портрета.

³² Отрывки. Собрание В. А. Глазуновой.

³³ Центр. архив. ФСБ РФ. № 10/А-П-470. 16.06.95.

³⁴ Пирогова Л. Л. Палех: История и современность. М., 1934.

очень красиво, только хорошими портнихами, рукава широкие, собраны; кофточка до пояса узкая, а затем пришивается из этого же материала широкая полоса; к ней носили юбки, в талии узкие, а внизу широкие и длинные, а вниз одевали нижнюю юбку»; «Тираска была из шёлка, с белой отделкой из кружева»; «Носила тираску – одни сплошные резиночки прямо в талию, а книзу расклешённые».

В Тейкове рассказали о платье – тираске: «У моей мамы были такие платья – тираски. Два были таких платья-то. Одно – белое, в ём она венчалась. И коришневое – ходила в праздники и выходные. Эти тираски были в обжимку, с косточками. Они были везде вшиты: в лиф, в рукава, в швы. Это были праздничные платья и хранили их в сундуке» (ср. с информацией о платье – казаке).

Наше предположение о том, что *казак* и *тираска* – разные названия одного фасона блузки (или платья), основанное на описаниях, данных местными жителями, находит подтверждение в исследованиях диалектологов. Так, по мнению О. Н. Крыловой, в северных говорах синонимами слов *баска*, *казак* является слово *кираска* [2, с. 59]. По-видимому, наша *тираска* – трансформированная *кираска*². Литературное слово, включившись в лексическую систему диалекта, оказалось подверженным влиянию его фонетической системы: для местных говоров характерно изменение [г'] в [д'], [к'] в [г'] и наоборот (так называемое гиперкорректное произношение), например, *цигейковые* – *цидейковые*, а также *кинято*, *скиляга*, *трекенись* наряду с *тинято*, *стиляга*, *третенись*. В этом же ряду – *тираска* – *кираска*.

¹ Метонимическое наименование, связано с *баска* 'широкая сборка или волан, пришиваемые по линии пояса к лифу платья или кофты', из франц. *basque* [5, т. 1, с. 63].

² Ср.: *кираса* 'принадлежность парадного обмундирования некоторых гвардейских кавалерийских полков в европейских армиях и в русской (до 1917 г.)', из франц. *cuirasse* [5, т. 2, с. 50].

Литература

1. *Войтенко А. Ф.* Что двор, то говор. М., 1993.
2. *Крылова О. Н.* Названия верхней женской одежды в севернорусских диалектах // Русские народные говоры: проблемы изучения: Тезисы докл. межвуз. науч. конф. Ярославль, 1997.
3. *Петрова З. А.* Народная одежда в Тверском крае. Этнолингвистическое описание // X Всероссийское совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 94». Тезисы докладов. СПб, 1994.
4. Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия / Авт.-сост.: Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 2001.
5. Словарь русского языка: В 4 т. М. 1981 – 1984.
6. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
7. Ярославский областной словарь. К – Лиова. Ярославль, 1986.

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

К 60-летию Великой Победы

А. Ю. ГУЛИДОВ

(г. Шуя)

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ: О ВОСПОМИНАНИЯХ ШУЯН-ФРОНТОВИКОВ

Воспоминания шуян-участников Великой Отечественной войны представляют определенный интерес как свидетельства о великих исторических событиях. Степень их объективности, безусловно, неодинакова, однако некоторые интересные сведения, в том числе и историографического характера из них получить можно.

Все воспоминания можно разделить на две большие группы по одному признаку. Первая группа – это воспоминания рядовых, вторая – офицеров. Во второй группе наблюдается наличие подробной и точной информации о датах тех или иных событий, номерах частей, общего обзора обстановки на фронте. В первой группе таких сведений меньше, зато дана картина событий, происходящих непосредственно на передовой. В воспоминаниях и первой и второй групп часто отсутствует такой ценный материал, как рассуждения о причинах и следствиях того или иного исторического события, собственные впечатления о нем. В целом заметно нежелание говорить о негативных моментах боевых действий, рассказывать больше о безусловных победах.

Воспоминания были собраны городским военкоматом и силами педагогического университета еще в 80-е годы. Они не подвергались какой-либо серьезной правке, как исторической, так и идеологической. В ознаменование приближения 60-летия Победы они были собраны в сборник¹ и опубликованы, опять-таки без всякой серьезной правки.

Большую часть воспоминаний можно сгруппировать по наиболее важным операциям Великой Отечественной, которые нашли отражение в них. Остальные целесообразно анализировать в совокупности.

Шуяне были и в блокадном Ленинграде. Сохранились воспоминания детей, переживших осаду и живущих в Шуйском районе, а также участников боевых действий по защите города. Это одна из немногих групп воспоминаний, где описываются бытовые условия того времени. Но быт описывают больше мирные жители. Интересно, что приводится такой жизненный пример (из группы «непопулярных» в советской историографии), как попытка ограбления ребенка, несущего свой хлеб домой. Вообще негативные моменты, например, людоедство, пиры партийного начальства, не нашли отражения в воспоминаниях. Вполне вероятно, что все это прошло мимо человека, что он с этим не встречался. Интерес вызывает отсутствие сведений о голоде в войсках. Приводятся эпизоды о том, как солдаты и военные фельдшеры делились с блокадными детьми хлебом. Примечательно, что среди гражданского насе-

ления так могли действовать только родные ребенка или люди исключительной совести, так как добровольно отказаться от хлеба было равно самоубийству. То есть еще раз подтверждается информация о достаточно хорошем, по сравнению с тыловым, питании военнослужащих.

Среди воспоминаний шуян о блокаде стоит отметить запись Н. Тарховой. Это рассказ об эвакуации детей из города. Вся группа попала в Сталинград, а затем на оккупированную территорию. Необычно, что немцы не уничтожили детей или не угнали их на запад, а привели всю группу в деревню и приказали местным жителям разобрать их по домам. Для оставшихся даже организовали детский дом, правда, без какого-либо снабжения. Вот в таких странных и суровых условиях и жили дети до прихода советских войск.

События обороны Сталинграда и окружения группировки немецких войск освещены с разных точек зрения. Есть воспоминания бойцов, сражавшихся в самом городе, и, наоборот, затем окружавших немцев в Сталинграде. Наблюдается определенный контраст между восприятием противника: первые отмечают хорошую подготовленность, вооруженность и обеспеченность немецких войск, противопоставляя их положение своему. При этом с гордостью отмечается, что даже при таком положении дел наши войска сумели удержать стратегическую инициативу в своих руках. При описании же уничтожения окруженной группировки создается другое представление о противнике. Теперь уже противопоставляется бедственное положение блокированной армии и наших войск. Естественно, при подобном сравнении советские войска выигрывают. Среди достаточно подробных описаний городских боев следует выделить эпизод переправы через Волгу и защиты штаба 37-й гвардейской дивизии. Этот фрагмент дает хорошее представление о подвиге русских солдат во время Сталинградской битвы. Остальные шуяне вспоминают о событиях, происходивших в непосредственной близости от самого города.

События Курской битвы освещены достаточно подробно, крупными планами. Описываются отдельные моменты боевых действий: артиллерийская подготовка, танковые атаки немцев. Можно четко разделить воспоминания рядовых и командирского состава. Первые отмечают большие потери не только со стороны противника, но и в наших войсках. Офицеры же говорят только о потерях противника. Большой вопрос о наших потерях под Прохоровкой не поднимается вовсе. Это сражение упоминается, но вовсе без какой-либо оценки. Определенную ценность представляет собой письмо лейтенанта 77 стрелкового полка Л. И. Шипцова. Это редкое описание бытовых условий и странных действий командиров полка. Этот полк занял позиции прямо на болоте, где его и продержали зиму и весну. Понятно, что болото представляет крайне неудобную оборонительную позицию, поскольку окопы рыть невозможно. То есть в случае наступления противника полк должен был либо отступить, либо быть уничтоженным. В качестве же наступательной позиции данная местность тоже не подходила, так как солдат слишком долго держали в открытом поле, без укрытий, снабжения и горячей еды под непрерывным

обстрелом противника. Нахождение здесь боеспособной части – несомненная ошибка командования. Наконец потерявшая боеспособность часть была уведена на отдых. Эпизод необычен по сравнению с остальным материалом и дает представление о реальном положении дел на фронте. Скорее всего, особенность материала объясняется тем, что это письмо с фронта, отражающее непосредственные впечатления, а не воспоминания о давно прошедших событиях.

Штурм Берлина и Зееловских высот освещен крайне скупой и необъективно. Задумка Жукова с прожекторами называется гениальной и полезной. О грандиозных потерях – ни слова. По мнению ветеранов, самих не принимавших участия в сражении, прожекторы эти очень помогли нашим войскам, ослепляя противника, хотя давно уже не секрет, что они только помогали немцам лучше целиться.

Техническая сторона исторических событий тоже не очень хорошо отражена, что вполне понятно и закономерно, так как на войне главное не техника, а человек. Однако, несколько слов о том, как в воспоминаниях шуян отражены взгляды красноармейцев на вооружение наше и противника. На первом месте по «популярности» стоит, безусловно, «Катюша», БМ-13. Во многих эпизодах упоминается ее сокрушительное действие на противника. Описание этого оружия одинаково часто встречается как в воспоминаниях рядовых, так и офицеров. Залпы реактивной артиллерии становились одними из самых ярких впечатлений ветеранов. Реже упоминаются танки Т-34 и их противники – «Тигры», самоходные орудия «Фердинанды», что вполне понятно, так как это лучшие танки войны. Из самолетов лучше всего запомнилась печально знаменитая «крама» или «Фокке-Вульф», штурмовик «Штука» (Юнкерс). Таким образом, заметно, что большая часть воспоминаний писалась обычными пехотинцами, для которых именно эта техника представляла особый интерес или особую опасность. Вполне закономерно, что наше оружие в представлении солдат оказывалось гораздо лучше немецкого. Естественно, не из-за технических характеристик, о которых они и понятия не имели, а из-за того, что именно разбитая немецкая техника откладывалась в памяти воинов. Вызывает удивление тот факт, что в материалах воспоминаний не упоминается именно то оружие, с помощью которого и приходилось сражаться бойцам – стрелковое оружие, пушки, минометы употребляются как общие понятия, без маркировки и характеристик. Особенно поражает отсутствие жалоб на те или иные недостатки стрелкового оружия или, наоборот, похвалы удачным образцам. Исключения представляют воспоминания «технарей», то есть механиков, обслуживающего персонала аэродромов, летчиков. Там подробно описывается, на чем летали наши летчики, каковы «плюсы и минусы» той или иной машины. Яркий пример – воспоминания М. А. Ивлева о его работе с штурмовиками ИЛ-2. Ветеран сообщает о том, как они сами меняли направление части ракетных направляющих для того,

чтобы летчик имел возможность если не сбить, то хотя бы отпугнуть самолет противника.

Стоит отметить, какие тактические приемы лучше всего отложились в памяти ветеранов-шуян. Запоминалось находящееся ближе всего, то есть какие-либо конкретные способы уничтожения противника или приемы обороны. Почему-то особенно привлекло бойцов окапывание танков. Этот метод упоминается и при описании обороны Москвы, и Сталинграда, Курской битвы, Смоленской битвы. Не говоря о достоинствах или недостатках такой тактики, можно заметить, что это обычно крайняя мера, следовательно, ситуации, в которых употребляется подобная тактика, являются критическими. В воспоминаниях бойцов окопанный, а следовательно, и неподвижный танк описывается как нечто замечательное и полезное. Определенный интерес вызывают описания действий фронтовой разведки, часто подробные, детализированные, дающие представления о тактике разведывательной работы. В воспоминаниях И. Я. Лебедева, командира батареи 45-миллиметровых пушек, упоминается достаточно необычный прием использования полевой артиллерии. Дело в том, что две орудийных упряжки промчались прямо к позиции немцев, мгновенно развернулись в непосредственной близости от окопов и белым огнем заставили ошеломленного противника отступить. Необычность данного приема в том, что он был достаточно устаревшим, широко применявшимся еще в XIX веке. Но затем он был оставлен в связи с возросшей плотностью огня стрелкового оружия. Для немцев же, полагавшихся не на гужевую орудийную тягу, имевших в достатке тягачи и самоходные орудия, подобный способ действия был настолько поразителен, что привел их в ступор, поэтому, вероятно, они и не уничтожили расчеты еще на подходе. Хороший пример того, как наша техническая отсталость искупается изворотливостью и выдумкой и позволяет побеждать.

Несколько слов о впечатлениях бойцов-шуян о тактике противника. Вообще складывается впечатление, что немцев стремятся представить достаточно тупыми вояками, берущими массой и техникой. Отдельного упоминания заслуживают описания психических атак немцев. Судя по воспоминаниям, эти эпизоды происходили на протяжении всех периодов войны. Однако на русских солдат подобная методика не действовала. По поводу таких атак у ветеранов складывалось впечатление как о чем-то глупом и бесполезном. Так и было – в результате подпускали поближе и быстро «укладывали» целыми взводами.

Теперь о самом больном вопросе советской истории – о сталинизме на войне. Хорошо это или плохо, но эта тема не возникает на страницах воспоминаний. Ни заградительные отряды, ни расстрельные команды, ни штрафные батальоны, ни производ СМЕРШ не упоминаются. Существует вероятность, что и это прошло мимо авторов воспоминаний. Все же слишком яростные споры ведутся о необходимости этих явлений сейчас, хоть порой и забывают, что история не терпит сослагательного наклонения. Возможно, чтобы

«не лить воду на мельницу» идеологических противников, ветераны и молчат обо всем этом. Однако вот что бросается в глаза. Среди шуян-воинов многие побывали в плену и в окружении. Некоторые так и просидели у немцев до конца войны. Однако считанные единицы сообщают о том, что после пересечения линии фронта они имели проблемы с контрразведкой. Не пишут они и о том, что кто-то из их знакомых попадал в подобное положение, упоминают, что если такое и происходило, то происходило крайне редко. С другой стороны, те, кого оставили под подозрением или признали виновными, не могут уже ничего сообщить... Возможно, таких было больше. Лишь один ветеран рассказал о том, как он сел, но уже после войны, но не сообщает за что, может, и не за пленение, а за службу в рядах французского Сопротивления.

О зверствах фашистов сказано немного, но приведены запоминающиеся эпизоды. Это рассказ об освобождении детского лагеря смерти Алау. Картина не приукрашена и дает представление о том, с чем восвали наши предки. В других воспоминаниях рассказывается о расправах карателей в деревнях, о демонстративном расстреле пожилой женщины на виду у русских солдат, сидящих в окопах. Вполне справедливо немцы называются нелюбимыми именами безумцев, убийц, зверей. Как бы ни пытались переписывать историю, достаточно прочитать любые воспоминания ветеранов, письма с фронта, чтобы понять, что попытка оправдать фашизм бесчеловечна. В качестве примера «благородства» немецких офицеров можно привести рассказ М. И. Лебедева о том, как немецкий офицер застрелил парламентаря, хотя сам немецкий гарнизон уже выкинул белый флаг.

Наконец, несколько слов об объективности материала. Большая часть воспоминаний не вызывает никаких сомнений в их справедливости. Однако следует привести ряд эпизодов странного характера.

Первое: в рассказе Г. М. Коровиной, военного фельдшера, сообщается о том, что она служила в одной роте с Александром Матросовым. Сегодня уже известно, что подвиг был совершен не 23 февраля, а раньше. Однако автор утверждает, что была свидетелем этого подвига именно 23 числа. Что здесь – ошибка усердного корректора, привычка говорить так, как принято – вряд ли. Скорее всего, это желание приблизиться к подвигу героя. Вообще для воспоминаний характерно желание быть поближе к подвигу. Часто встречаются такие фразы, как «где-то недалеко от нас стояли Памфиловцы» или «учился рядом с Гастелло». Желание это вполне понятно и законно.

Далее: в воспоминаниях Я. И. Муравьева, военного фельдшера, рассказывается о том, как он спас знамя дивизии из окружения. Однако среди наград – только медаль «За боевые заслуги». Такой подвиг заслуживает ордена, более высокого по статусу. Этот рассказ, однако, записан племянником ветерана, так что его необъективность вполне вероятна.

Третье: А. А. Цыплятников, связист, описывает, как он в составе разведгруппы сам, в одиночку взял двух «языков». Сомнение вызывает профессия автора. Связист, в чьи обязанности входит прокладка линии связи от пе-

редовой к командованию, является слишком ценным для командования человеком, поскольку в силу своих профессиональных обязанностей он должен знать расположение командных пунктов, как в тылу, так и на передовой. Естественно, что при инструктаже связистов знакомят с картами. Брать такого человека в разведку так же нелепо, как, например, штабного картографа. Если такой человек попадет в плен, то противник узнает по меньшей мере расположение линий связи и штаба. К чему это приведет – говорить излишне. Зачем брать связиста в охоту на «языка» – вообще непонятно. Тем более странно оставлять столь ценного солдата в нейтральной полосе без присмотра и поручать ему самому обыскивать дома в поисках противника. Безусловно, этот ветеран награжден множеством орденов, однако работа связиста, налаживающего связь под огнем, и так опасна, и вполне, сама по себе, заслуживает наград. То есть эпизод с разведрейсом может быть надуманным.

¹ 1941-1945. Война Великая Отечественная. Воспоминания шуйца-участников войны и тыла / Редакторы-составители В. В. Романов, И. И. Читнев. – Шуя: Полиграфия-Центр, - 2003, - 264 с.

ПИСЬМА С ФРОНТА

Публикуемые письма принадлежат перу Николая Гавриловича Ковалькова, русского крестьянина из д. Чащево Шуйского р-на. Они написаны в 1941-1943 гг. и адресованы жене – Анастасии Михайловне. Сейчас их хранит Муза Николаевна Кузнецова – дочь Н. Г. Ковалькова.

Письма чрезвычайно эмоциональны, полны самых добрых и нежных чувств к семье, оказавшейся волею судьбы далеко. Перед нами предстает живой, искренний человек, заботливый муж, любящий отец и сын, труженик, вырванный из привычного круга забот, оказавшийся в новой среде и невероятно страдающий от этого, тоскующий по родному дому. Н. Г. Ковальков часто рассказывает о военных буднях. *«Милая Настя, – пишет он, – я нахожусь на передовой линии, в окопах, от немца недалеко, метров 200 и 300. К стрельбе уже привык. Пули летят через голову из пулеметов и автоматов – только треск над головой идет. А выше гудят мины и снаряды, с той и другой стороны, и гул эха сливается в одно, как бывает молния с громом, и ждешь – вот сейчас прилетит моя ко мне в окоп и подымет на воздух, но пока все еще нет, остаюсь жив. Надолго ли – не знаю. Отдыхать, конечно, не в мирной обстановке мало приходится, потому что фронт и надо получить окопаться». Но солдата интересует и то, что происходит в родной деревне, ему хочется знать о самых разных мелочах домашнего быта: «Милая Настя, а вы уже, наверно, начинаете косить, и трава, наверно, хорошая, только косы плохие». Николай Гаврилович не скупится на эмоции: «Настя, наверно, уже сейчас садыбы время пришло, <...> у меня просто сердце рвется. Все время думаю. Любил я это время. В огороде зелень, скоро малина поспеет, да и все было хорошо». В другом письме читаем: «Настя, пишу письмо в обеденный перерыв. Сейчас пообедали и думаем: сейчас бы деревенского картошника с молоком <...>. Настя, а что ты мне в Шую носила гостинцы, кураженок, теперь уже, наверно, не придется их поесть. Настя, вы, наверно, сейчас подавлены работой, у вас идет уборочная, делов много и мужчин мало, и все работы женских рук».*

А вот строки, полные трагических предчувствий: *«Поглядел бы на вас, милые детки, отбегались вы за папой, не отдохнем мы, видно, с Юрой в сарае, и не прибежит к бабке за папой».*

И все же солдат считает своим долгом поддержать, подбодрить жену. *«Но, конечно, Наля, – пишет он, – тебе тяжело, я верю и сознаю, но труды твои оправдываются, и у тебя есть чего ждать осенью, ежели б вся скотинка уцелела, конечно, Наля. А полегче работать – потому что хозяйство будет, это ты и сама понимаешь. А самое главное, Наля, с рассудком живешь, и я тебя за это ценю и хвалю. Молодец, так и продолжай».*

Письма, несомненно, будут интересны современному читателю, поскольку отражают дух ушедшего времени. Они имеют и лингвистическую

ценность, выразительно представляя народно-разговорную стихию русской речи середины XX в.¹

27. мая, доброй день здравствуйте / дорогая моя семейка, милая моя супруга
Наля / и милые мое детки Шура Муза Юра, шлю я вам / свой сердечной при-
вет и много горячих поцелуев / и крепко крепко жму вобьяття родную мою /
семейку, ваш супруг Наля Коля и ваш папа / детки, милая Наля письма я тебе
очень часто / пишу, вот бы нада обождасть писать, но я очень / тоскую и
скучаю повас, акогода пишу письмо / то мне маненько полегче, вроде я стобой
/ разговариваю, ну вместо растопки, в печи, сожгош / чтоб невалялись, и
наверно Наля чаще моево / некто нецлет писем пропиши, табак я не- / курю
некак непривыкну, да и неберусь привык- / нуть, закурю голова кружится так
и брошу / теперь Наля пропиши как провела праз- / ники Егорьев день и Нико-
лу. Обновилали / новаю ковту проктораю писала, пропиши / что може слу-
чилось новаго запразники / была ли Гапея и Густя, хотя тебе и некогда / но
как нибуть выбери время, теперь Наля / мы пока стоим все еще втылу жи-
вим в / лесу в шалашах, и пользуемся все круглые / сутки вольным воздухом,
положенье / маненько облучиши очем я писал пропетруху Плетнева / Те-
перь Наля пропиши как садили колхозною / картошку, налошадях или жень-
щины насебе / и как колхоз давали лошадей для посадки / картошак на
усадыбах, и давали навоза / наусадыбы пропиши, Наетом я коньячаю / досви-
данья милая моя семейка остаюсь / жив и здоров, ваш супруг Наля Коля и
ваш / папа детки Наля отбрата Михаила писем / неполучаю пропишите мне
его Адрес, ежесли / есть, Привет дорогим родителям, тате / маме мамаше, и
соседам, Гришухе Ивану Ильичу / и Александру егоровичу и почтамке Лизе. /
Жду ответа как соловей лета

10 января, добрый день здравствуйте / моя милая семейка, милая супруга
Наля / и милые мое детки Шура Муза Юра / Шлю я вам свой сердечной при-
вет / и горячо и крепко целую милаю мою / семейку, милая Наля сегодня я /
получил от тебя письмо которое ты / писала 30 дек. и вним прописано / что
шлеш посылачку. зачто завсе / я тебя Налечик благодарю, и крепко / целую,
раз послала то должен полу- / чить, ежли измененья унас nebude / Но Наля
хотя мы и переходим / сместа наместо по всеже нахожусь / водной части
вот уж скоро / четыре месяца, и я Наля это все / время нахожусь приштабе
баталы- / она, все похозяйству работы / Конечно другой раз и достаётся но
все / нада переживать, сейчас Наля пишу / письмо вечером 9 часов около
печки / печка зделана из земли имы жив- / ем вземле сверху бревны набрев- /
нах опять земля, ивот называется / землянка, теперь Наля ты мне / севодня
нашлась очень хорошо бут- / то целовались, ия товарищам / рассказываю
севодня говорю полу- / чу тисмо жена нашлась, и правда / получил письмо,
Наля ты мне как / нашлись так обязательно жду / письма, уже серцо сер-
цу весть / подает я замечаю, и вот Наля / моя песинка, читай, [Вкармане /

малыньким моем есть карточка / твоя, так значит мы всегда / вдвоем моя
любимая] Наля я / жду оттебя еще карточку в зим- / ней одеже и какая ты
сейчас я / очень скучился. Теперь дочке Музе / Муза учишь писать и папе напи-
/ шеш письмо, а Юра пускай растет / и песни поет, досвиданья милочки / А
Шурка ленится папе письмо написать хозяин / От Коли, Наля жду ответ и
карточки

23 октября Привет из Госпиталя гор. Ташкент / здравствуйте Милая супру-
га Наля с / Милами моими детками Шура Муза и лю- / Бимчик мой Юрик и
дорогим родителям /Тате Маме Мамаше и остальным знакомым / Наля я
родителям письма непишу потому / что ты все ним передаш На это оне бы
не / убизгались потому что от меня лишнева / нам писать нечего. Милая На-
ля собцаю я / что жив издоров рука стала подоживать / желаю и вам добра-
ва здоровья Милая Наля / опишу как сюда приехал ехал с товарищам / Колькой
волковым огрофене Коротковой / племянник. А вгород приехали нас разбили /
поразным Госпиталям так мы сейчас / поразь друг друга не видим и етова
очень / жаль что мы сним разбилися. Милая Наля / уехал я от тебя очень
даленко на 4е тысячи / километров в город Ташкент маленький / когда был
читал книжку прогород Ташкент / А теперь уже пришлоь самому Ввоен-
ное / время побыват. И кое что повидал ехал и / стенами прокторые ты
росказывала / про дедушка Василия что чуть незамерз / едяхи помашине куда
не поглядиш одна / степь и ездят на Верблюдав Наля и налюдей / Нагляделся
на всяких вобщем повидал / всего ежли приехать домой есть очем / погово-
рить и овоенных действиях испытал / и нагляделся что такое Война да дей-
ствите- / льно она и зовется Война. Небылобы етого / фашизма жилибы мы
мирно и спокойно / Милая Наля когда жили мы спокойно все как / было хоро-
шо ждеш Праздник Октябрь (неразборчиво) / Мужсики и женьщины все Весе-
лые Милая / Наля всповни как мы стобой гуляли в чита- / лне все как было
приятно когда ты в веселых / настроеньях зовеш меня домой. Милая Наля /
или Когда идеш сработы и ты стоиш / укрыльчка и дожидаетиш Коля идем
Обедать / Милая моя Наля А что стало теперь Куда / ты меня проводила
что даже и глазами / своими невидиш Милая Наля негляди ты кконно- / му
двору наусадыбу или клошарному сараю / все равно ты меня не увидиш Толь-
ко что може / навизжусь восне Милые мое детки Шура Муза и / Юрик и где
увас папа и уже наверно есть миле- / (неразборчиво) отвас уехал оставил /
Вас одних кто (неразборчиво) избу и Привезет / назиму дров и кто привезет
вам гостинец / Милая Наля это все стало касатся твоих рук / Милая Наля
тебе сейчас с ребенкам очень / тяжело и наверно неодин раз поплачеш что /
я все верю и сознаю Милая Наля получить бы мне / от тебя письмо итыбы
все прописала все обиды / Прощайте Милые мое супруга Наля детки Шура /
Муза Юрик новорожденн (неразборчиво) супруг Коля
17(?) августа, Привет из Москвы здравствуйте / Милая моя семья милая
супруга Настя / милые мое детки Шура Муза Юра. Шлю я вам / свой сердеч-

най привет и несколько горячих поцелуев / лув и крепко жму к сердцу. Милая супруга / Настя сообщаю я что был напokane две недели / до 14 августа, атеперь опять в Москве работаю / пригоспитале временно работаю уже / троисуток ношу раненых и розваживаю / погоспиталям незнаю долголи проработаю / Милая супруга Настя никак не приходится мне / оттебя получить писмеца потому что / сместа наместо переезжаю. Милая Настя / ия все беспокоюсь о вас как вы живете Настя / как можно старайся передержать взиму Корову / самое главное ввашем все и питанье молоко / Милая Настя я бы сейчас судовольствием поел / ваших картошечек из чигуна хотя бы и холо- / дных, Настя мы получаем госпитальский / паек шесть сот хлеба и привар но пора- / ботавши как следует нехватает пайки / Милая Настя ежели письмо пройдет долго / то ответ напиши все бесполезно. Адрес мой / Москва Эвако-госпиталь 290-2е / Сортировочное отделение Ковальков

3 (страница)

Милая / моя семья / я очень повас / скучился донельзя / хоть бы завсе время / открытку получить как / вы живете милые мое я вам / пишу письмо часто досвиданья / милочки мое супруга Настя / и детки Шура / Муза Юра

4

Привет / Тяте маме / мамаше и всем / знакомым еще раз / Настя советаю / как можно старайся / продержат корову запасай / веташу и поткупи корму если есть / нашто. Досвиданья от Коли

30 августа. Привет из (далее зачеркнуто) от Коли / Здравствуйте моя милая и родная / семейка. дорогая супруга и милая женка / Настя и милые деточки. Шура Муза Юра / шлю я вам свой сердечной привет / и несколько горячих поцелуев и крепко / жму ксердцу. Милая моя семейка / и дорогая супруга Настя сообщаю я что жив / издоров но только слабовато сам себя / чувствую поослаб немного. теперьбы / сумачку сухариков как у меня была в Шуе / и большебы нечего. Милая Настя меня сейчас / выписали в часть. На выписку на фронт / и ты нейдеш меня провожат сосвоими / гостинцами. как провозжала в Шуе и как мы / раставались у вагона, как ты бежала по шпа- / лам. и как у меня накатывались слезы на / глазах, на тебя глядя и всю дорогу тогда / я думал что стобой бы не случилось. и сейчас / незнаю всели вы живы издоровы у меня / сердце просто разрывается и тоска меня / загрызла. знакомых неково не вижу табак / не курю меня тоска еще больше берет и / не одного писмеца неполучал. Милая моя / семейка деточки, Шурик Муза Юрик и / Супруга Настя. опять ведь поеду на фронт / уже четвертай раз пойду в наступленье / Это вот так (неразборчиво) / и уже незнаю вернусли / обратню ежели вернусь то конечно раненый / а невернусь, то считайте убитым ежели / писем небудет может (?) вражеская / пуля и сразит на поле боя шль осколкам / или поедям поездам может разбомбит, / не вспоминайте тогда меня лихо. А молитесь / богу чтобы хоть вернуться раненым. Настя / итоска меня что то загрызла и сердце / чтото болит и никак небываю вспокое уж /

скоробы что нето одно отдать свой / долг родине в четвертай раз <...> / Наотом милые вы / мое досвиданья милинькие детки Шура / Муза Юра и милая супруга Настя, И дорогим / родителям привет. тяте маме мамаше. Анне Андревне

Справка № 4/32, выданная Шуйским объединенным городским военным комиссариатом 16.02 1981, информирует: «Ковальков Николай Гаврилович по учётным данным Шуйского горвоенкомата значится погибшим на фронте Великой Отечественной войны 11 августа 1943 года».

¹ В публикации сохранена орфография, пунктуация, размер строки оригинала. Для обозначения конца строки используем знак /.

ШУЙСКИЕ УЛИЦЫ: ИСТОРИЯ ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ

В послереволюционный период первое упоминание о переименовании улиц появилось 16 ноября 1918 г. в газете «Серп и Молот». В память Октябрьской революции ряд улиц и площадей получили новые названия:

- пл. Революции (б. Ильинская пл.)
- пл. Карла Маркса (б. пл. Трудовой школы, пл. Дровяная)
- пл. Советская (б. Спасская пл.)
- ул. тов. Арсения (б. Костромская ул.)
- ул. Радищева (б. Крутицкий пер.)
- ул. Льва Толстого (б. Миллионная)
- ул. 25 Октября (б. Стрелецкий пер.)

Это переименование прошло на революционной волне Первого Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов. Но из 7 новых наименований прижились только четыре – это пл. Революции, Карла Маркса, Советская и ул. Льва Толстого.

1925 год 19 февраля. Протокол пленарного заседания членов хозяйственно-промышленной секции. Проект переименования улиц, переулков, мостов и скверов г. Шуи.

Улицы.

Набережная	оставить
1 Нагорная	оставить
Западная Терентьевская и Бойтовская	2 Нагорная
От б. Шмидтовского училища и сзади Нагорной и Бойтовской	3 Нагорная
Московская	1 Московская
Никольская	2 Московская
Вокзальная	оставить
1 Железнодорожная	оставить
Железнодорожная (Дубки)	2 Железнодорожная
Вознесенская	1 Дубковская
без названия	2 Дубковская
новоотведенная против пос. Набережки	Широкая
Большая Ивановская	оставить
Малая Ивановская	Арсеньевская
Мельничная	1 Сехская
без названия	2 Сехская
Полянка и Лихушинская	Полянка
Бутырки	оставить
Льва Толстого	оставить
Стрелецкая	оставить

ПИСЬМО С ФРОНТА ИЗ 1945 ГОДА

Великая Отечественная – война особенная. Она не имеет себе равных ни по размаху боевых действий, ни по масштабности зла. Война – это не столько победные марши, сколько величайшая трагедия. Насилие, гибель и страдания людей – неизменные атрибуты всех войн в истории.

Самые простые и правдивые страницы о войне – это письма с фронта и на фронт, пусть и вымарывала военная цензура в них многое.

Подлинность нижеизложенного письма не вызывает сомнения, так как оно написано реальным человеком. Его автор – женщина, механик-водитель танка – награждена орденом «Славы» III степени, имела 12 благодарностей от командования и верховного главнокомандующего. Погибла вскоре после написания письма в самом конце войны. Описываемые события происходили в Восточной Пруссии в феврале 1945 года. То, что писала эта женщина в письме, могло быть и реальностью, и вымыслом (что само по себе страшно). А могло быть и просто продиктовано воображением человека, психологически израненного войной. Тем не менее, это документ эпохи и реальное свидетельство ощущений женщины на войне.

Из этических соображений мы не упоминаем ни фамилии, ни имени.

«16.02.1945 г. Германия! К 121 379

Из далека из далекого края посылаю я Вам свой искренний привет и массу наилучших пожеланий в Вашей домашней жизни.

Здравствуй мамочка, папочка, Фая, Ванюша, Геннадий, Галина, Нэлюша, Альбина.

Мамочка, в первых строках моего письма пишу письмо и тороплюсь к начальнику своему. Мамочка, только что я получила от командира части правительственные две благодарности, за мою хорошую и мои успешные дела на передовой линии, так что в скором будущем пришло ещё целый лист с такими же благодарностями, которые прислала в том листе. Вот мамочка у меня будет уже десять благодарностей полученных от тов. Сталина и все их храните в рамке, а жива буду приеду домой и просмотрю, расскажу за что я получила эти благодарности. Да ещё, мамуся меня представили к награде ордена «Славы III степени». Но вот мамуся, как я мицу всем рыцарям голодным за своих родных и братьев, которые пали за Родину, но я мицу уже по издевательски. Вот расскажу одну историю происходившую со мной. Взятая в плен 3-х фрицев и при их них же на их глазах начала казнить, сначала отрубила кисть руку, а потом всего исчеркала перочинным ножом в конце концов отрубила ему голову. Говорю: вот Вам проклятым заразам, «смерть Вашему заразе» Не тронь русского, а они Вам уже не дадут»¹.

¹ Печатается без купюр и в орфографическом подлиннике.

Болотная, Аптекарская, 2 Мещанская, Подъяческая	2 Васильевская
1 Мещанская, 1 Васильевская	1 Васильевская
Сенная	Центральная
Ковровская	оставить
Спасской и Дровяной переулки	Кооперативная
Торговая	оставить
Гостинная	Мануфактурная
улица и площадь Садовая	Театральная
Покровско-Дворянская	Дворцовая
Большая Соборная, Воздвиженская	1 Садовая
Малая Соборная	2 Садовая
Костромская	оставить
Рыковская	оставить
Дуниловская	оставить
против села Петропавловское по Васильевской дороге	Восточная

Переулки.

вновь проектируемый	1 Нагорный
Шахомский	2 Нагорный
против Воздвиженских лав	3 Нагорный
Павловский	Рабочий
Никольский	2 Московский
без названия	1 Дубковский
без названия	2 Дубковский
без названия	1 Железнодорожный
Переулок №1	2 Железнодорожный
Переулок №2	3 Железнодорожный
Переулок №3	4 Железнодорожный
Переулок №4	5 Железнодорожный
Черный	оставить
Лобановский	Проточный
Теряевский	Красноармейский
Казначейский	оставить
Поповский	Дворцовый
Конюшенный	Комсомольский
Пищальная, Дровяная ул.	Крестьянский
Песочный	оставить
Крестовоздвиженский	Заводской
против сада	Садовый
Крутицкий	Оставить
Рыковский	1 Рыковский
Рыковский	2 Рыковский
Рыковский	3 Рыковский

Площади, скверы, мосты.

Покровская	Дворцовая
Тезинская	оставить
Революции	оставить
местное название 2 Московская до станции, а новое	
Вокзальная пл.	оставить
от угла 13 квартала до 3 Железнодорожного пер. и ж/д.	Железнодорожная
площадь по Большой Ивановской против училища	Ивановская
площадь против Тезинской фабрики, б. Небурчилова	Сехская
площадь против укома РКП	Карла Маркса
площадь на Ковровской, б. Сенная	Ковровская
площадь против монастыря и лавки Маурцева	Большая
против Совпартшколы, валов и прудов	Комсомольская
ул. Садовая, Спасская	Театральная
против Общественного сада	Первомайская
Соборная	Зеленая
сквер на Болотной ул.	Комсомольский
сквер близ старой городской управы	1 Дворцовый
сквер против семилетки, б. Посылинского дома	2 Дворцовый
Большой мост	оставить
Посылинский мост	оставить
мост против Малой Ивановской	Малый Сехский
Воздвиженские лавы	Заводские
Соборная гора	Водопроводная гора
Конную площадь перевести на место старого бега за Ковровской ул.	
против 38 квартала.	

1925 год 21-22 марта. В проект о переименовании улиц и площадей внести изменения.

Ул. Льва Толстого именовать Советской
 Покровско-Дворянскую – Союзной
 Покровскую пл. – Союзной
 Казначейский пер. – Милиционному
 Поповский пер. – 2 Милиционному
 Вокзальную пл. оставить
 Сквер у б. городской думы – Союзным
 Сквер против школы-семилетки – Школьным
 Посылинский мост – Малым мостом.

1936 год 27 марта. Ввиду того, что пос. Лихушино, Мельничное, Бойтово и Гридкино слились с городскими постройками, граждане связи с сельским хозяйством не имеют, просить президиум Райсовета ходатайствовать перед Облисполкомом о присоединении данных поселков к г. Шуе.

Данное прошение было утверждено в мае 1940 г.

1937 год 21 августа. Протокол № 44 Заседания президиума Шуйского городского совета § 9 постановляет: рассмотрев решение общего собрания граждан 6-ти Рыковских улиц о переименовании последних, президиум горсовета постановил: название 6-ти Рыковских улиц совпадает с именем презренного врага народа Рыкова, переименовать в Пушкинские улицы. Обязать горкомхоз в дневной срок произвести замену наружных знаков наименования улиц в соответствии с данным постановлением.

1940 год 27 января. Принято постановление исполкома: в целях увековечивания памяти писателя, коммуниста и организатора Шуйского комсомола Ефима Вихрева переименовать Бутырскую улицу, «Бутырки», в улицу Вихрева.

1942 год. В годы войны новых построек не было, если не считать узкоколейной железной дороги по 1 Московской улице, соединившей две фабрики – Объединенную и «Шуйский пролетарий» - для подвозки сырья и топлива. Была она на ручной тяге, просуществовала до конца войны, когда пленными немцами проложена железнодорожная линия, проходящая через все фабрики заречной части города.

1950 год. Решение горисполкома от 16 марта. В связи с исполнением 25-летия со дня смерти М. В. Фрунзе и его соратников увековечить их имена и переименовать: а) 1 Московскую и 1 Набережную улицы считать единой улицей, именовать улицей Фрунзе;

б) поселок Панфиловку именовать поселком Павла Северного, все 8 улиц поселка считать улицами Павла Северного;

в) поселок Дмитриевку именовать поселком Федора Афанасьева;

г) 2 Васильевскую ул. именовать ул. Дмитрия Фурманова;

д) Кооперативную ул. именовать ул. Игнатия Волкова.

В связи с переименованием ряда улиц именами Фрунзе и его соратников и в целях упорядочивания их наименований переименовать следующие улицы и поселки новыми наименованиями:

а) пос. Маремьяновку именовать Текстильным, а все улицы поселка Текстильными;

б) пос. Романовка и Ст. Турсуково объединить в один поселок, именовать поселком «Объединенным».

4 Турсуковская и 1 Романовская – 1 Объединенная,

3 Турсуковская и 2 Романовская – 2 Объединенная,

2 Турсуковская и 3 Романовская – 3 Объединенная,

1 Турсуковская и 4 Романовская – 4 Объединенная,

5-10 Романовские считать Объединенными,

а также Новая Романовка – Новая Объединенная;

в) 1 Ермиловскую именовать 2-й Новой Турсуковской.

2 Ермиловскую – 3-й Новой Турсуковской,

3 Ермиловскую – 4-й Новой Турсуковской;

г) 2 Дубковскую именовать Ново-Ивановской,

а 3-10 Дубковские считать переулками;

д) 1 Железнодорожную улицу и Железнодорожную площадь считать 1 Железнодорожной улицей;

е) 2 Московскую улицу и Вокзальную площадь считать Московской улицей;

ж) Фабричную и 2 Набережную улицы считать одной, именовать Ковровской;

з) 1 и 2 Московский переулки считать одним – Московским,

Черный переулок – Спортивным,

ул. Васильевский тракт считать Палеховский тракт,

Крутицкий и Песочный переулки считать улицами.

1. На пл. Революции поставить скульптуру Фрунзе.

2. Городскому общественному парку присвоить имя Фрунзе, а у входа установить бюст Фрунзе.

3. Разбить новый бульвар на Большой пл., присвоить имя Фрунзе.

1952 год. Вновь воздвигнутому поселку стандартных домов военведа, расположенному южнее Красноказарменных ул., присвоить название Победа.

6 марта. Переименовать следующие улицы:

пос. Ново-Романовка

1 Взорновская

2 Взорновская

3 Взорновская, ул. Лежневский тракт и Старое

Взорново

Никольская, 1 Романовская, 4 Турсуковская

2 Романовская, 3 Турсуковская

3 Романовская, 2 Турсуковская

4 Романовская, 1 Турсуковская

5-7 Романовская

8 Романовская, 4 Взорновская

9 Романовская

10 Романовская, 5 Взорновская

6 Взорновская

1, 2 Турсуковские переулки

пос. Дмитровка

пос. Памфиловка

Ново-Турсуковская ул.

1 Ершовская, 2 Ново-Турсуковская ул.

2 Ершовская, 3 Ново-Турсуковская ул.

3 Ершовская ул.

пос. Правда

ул. Белинского

ул. Гоголя

ул. Маяковского

пос. Мичурина 1 ул.

пос. Мичурина 2 ул.

пос. Мичурина 3 ул.

пос. Мичурина 4 ул.

пос. Мичурина 5-7 ул.

пос. Мичурина 8 ул.

пос. Мичурина 9 ул.

пос. Мичурина 10 ул.

пос. Мичурина 11 ул.

пос. Мичурина 1, 2 переулки

пос. Мира

1-4 ул., 1-3 переулки

пос. Свободы 1-8 ул.

пос. Свободы 1 ул.

пос. Свободы 2 ул.

пос. Свободы 3 ул.

пос. Свободы 4 ул.

пос. Маремьяновка

Черный пер.
Монастырский двор
Моргуновский двор
Посылинская гора
Посылинский мост

пос. Текстильный
1-11 ул, 1-4 переулки
Спортивная ул.
Коммунальный двор
Спортивная пл.
Тезинская гора
Тезинский мост

1953 год 30 июля. В ознаменование 50-летия организации Коммунистической партии Советского Союза исполком горсовета решает:

1. Именованную первую главную магистраль города ул. *Кооперативная* – пл. *Центральная* – ул. *1 Васильевская* улицей В. И. Ленина, основателя компартии Советского Союза.
2. Именованную вторую главную магистраль города ул. *Красной Армии* – ул. *Бульварная* улицей И. В. Сталина, великого ученика, продолжателя дела Ленина.
3. Именованную пос. Михайловку поселком Федора Афанасьева, революционера-большевика, работавшего в г. Шуе в 1903-04 гг.

1954 год. Начало переноса домов и ликвидация Широкой улицы и всех 6 Набережных улиц в связи с расширением территории Объединенной фабрики для ее реконструкции с постройкой новых корпусов.

1955 год 19 мая. Исполком решает именовать вновь образованные улицы в поселке Мельничное в связи с его перепланировкой следующими

7-9 Мельничные ул.,
1-3 Мельничные переулки,
1, 2 Загородные ул.,

Старое Мельничное именовать 6 Мельничной ул.

Вновь образованную улицу в восточной части пос. Metallist именовать ул. Павла Северного.

1956 год. Утверждено название поселка Юрчаково.

Организован сквер «Березы» по 1 Нагорной ул., где в годы Революции 1905-07 гг. Фрунзе проводил митинги и собрания.

Сделана перепланировка 3 и 4 Петропавловских улиц.

Вновь образованные улицы расположенные:

- между 2 и 3 Петропавловскими ул. именовать Палеховской ул.,
- между 3 и 4 Петропавловскими ул. – Родниковской ул.,
- с северной части 4 Петропавловской ул. – Колхозной ул.

1957 год 6 июня. В ознаменование 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции и об увековечивании памяти активных участников революции исполком горсовета решает:

1. Переименовать следующие улицы

Торговую ул. именовать ул. Малахия Белова,

Ивановскую пл. – пл. Игнатия Волкова,
Крестыанский пер. – ул. Мортирия Соловьева,
12 Текстильную ул. – ул. Михаила Седова,
Соединенную ул. – ул. Михаила Заботина.

2. Просить исполком Облсовета в связи с просьбой коллектива фабрики «Шуйский пролетарий» переименовать в фабрику Федора Афанасьева.

1958 год. При утверждении планировки поселка Северный вновь образованную площадь именовать пл. Бабушкина.

21 марта. Присвоить вновь образованной улице между поселками Афанасьевский и Набережки и стандартными домами суконной фабрики название Фабричный переулок.

22 мая. Именованную вновь образованную улицу, соединяющую два поселка – Мичурина и Свободы, одним названием – имени Героя Советского Союза А. Пугачева – улицей Анатолия Пугачева. 5 Мичуринский переулок и ул. 5 Свободы считать утратившими свое название.

1960 год 28 января. В связи со 100-летием со дня рождения великого русского писателя А. П. Чехова и учитывая, что его мать родилась в нашем крае, переименовать Крутицкую улицу в улицу Чехова.

1 февраля. Именованную переулок между ликеро-водочным заводом и складом сельхозтехники Завокзальным.

Именованную улицы, идущие западнее ул. М. Седова и параллельно ей, 1 Высокая и 2 Высокая.

11 августа. Вновь образованный переулок западнее 1 Кочневского переулка именовать Кочневским переуком.

1961 год 30 ноября. Исполком горсовета принял решение: учитывая многочисленные просьбы горожан и жителей ул. Сталина, пл. Свердлова переименовать в пл. Ленина, а ул. Сталина в ул. Свердлова.

1965 год 4 мая. В ознаменование Дня Победы в Великой Отечественной войне, учитывая большие заслуги в разгроме врага нашего земляка Героя Советского Союза генерала Белова П. А., переименовать ул. Полянка в ул. Генерала Белова.

1967 год 5 июля. В ознаменование 50-летия Советской власти переименовать улицы

ул. 3 Нагорная

ул. 4 Нагорная, 1 Бойтовская

ул. 4 Северная от ул. Кирова до реки Тезы

4 Текстильный переулок

ул. 1 Садовая

ул. 2 Садовая

ул. Кладбищенская

ул. И. Балакова

ул. В. Аникина

ул. М. Кадыкова

ул. И. Алимова

ул. З. Касаткиной

ул. Садовая

Кохомский переулок

Кладбищенский переулок присоединить ко 2 Гридкинской.

1974 год 23 марта. Переименовать переулок Песочный в улицу генерала Горбатова.

1989 год, январь. ЦК КПСС предложил Советам всех уровней отметить все наименования, связанные с именем Жданова. Для переименования нашей ул. Жданова были предложены следующие варианты.

1. Дарьи Луковкиной (Фей), соратницы Фрунзе.
2. Героя Советского Союза Кораблева.
3. Поэта Бальмонта.
4. Писателя Васильева.
5. Самохвалова, друга Фрунзе.
6. Заводская.
7. Ветеранов-интернационалистов.
8. Писателя Конюхова.
9. Поэта Сумарокова.
10. Крупской.
11. Заречная.

Решением исполкома ул. Жданова переименована в Заводскую.

1990 год 21 марта. Вновь образованные улицы в районе Лихушинского парка именовать Молодежная, Энтузиастов, Парковая, Просторная, Солнечная, Речная.

Г. П. МУРАВЬЕВА
(г. Иваново)

«ЗА ТО, ЧТО ТЫ ПОЭТ БОЛЬШОЙ И ЧИСТЫЙ» (из письма Д. Н. Семеновскому)

Передо мной – несколько писем поэту Д. Н. Семеновскому. Написаны они очень разными людьми: художниками, писателями и школьным учителем; одни из авторов хорошо знакомы с поэтом и его женой Варварой Григорьевной, другие обращаются к нему впервые; по возрасту они – ровесники Дмитрия Николаевича или несколько старше его. Объединяет же эти письма теплый, доверительный тон, глубокое уважение к писателю, уверенность писавших в том, что они будут правильно поняты и их обращение не будет оставлено без ответа.

Художника-палешанина Александра Васильевича Чикурина (1.8.1875 – 7.3.1965), потомственного иконописца, сблизил с Дмитрием Николаевичем совместная работа – Александр Васильевич иллюстрировал поэму Д. Семеновского «Сад» о садоводе-опытнике Федоре Самцове, изданную в 1936 г. В фонде Ивановского областного архива имеется 6 писем художника¹. В первом из них от 19.3.1935 г. А. Чикурин делится с писателем своими соображениями об оформлении книги, прилагает эскизы нескольких иллюстраций и добавляет: «... В чем будет мое затруднение, попрошу Вашего совета, а почему – когда Вы писали поэму или стихотворение, ясно, что Вы рисовали в своем воображении картину такого содержания, что она собой говорит, причем брали натуральные этюды, относящиеся к нашей родной области. <...> Сколько есть моего познания, постараюсь вложить, но выводы будем делать после...». Вскоре Чикурин побывал в Иваново у Семеновских: «... А главное вас благодарю за ваш радушный прием Вами с Вашей супругой Варварой Григорьевной. <...> С 14-го принялся за оформление Вашего произведения "Сад"...» (письмо от 19.4.1935 г.). В декабре 1936 г. художник пишет Семеновским о предстоящей ему поездке в Ташкент «поставить цех напьемаше, не знаю, как с этой работой справлюсь, конечно, что могу, постараюсь. <...> Недалеко многовековой Самарканд, интересно очень посмотреть древние памятники старины. <...> Но только здоровье не особенно. <...> Но чувствую, что все честные работники не имеют большого багажа здоровья, но творят все-таки дела великие, а нам, маленьким букашкам, отставать не след...». В письме от 4.1.1937 г. Александр Васильевич рассказывает Дмитрию Николаевичу о своих ташкентских впечатлениях, жалеет о долгой болезни поэта. Приезжая в Иваново, художник навещает Семеновских (в дневнике Д. Н. Семеновского неоднократно встречается запись: «Заходил Чикурин»), иногда Дмитрий Николаевич записывает в дневник понравившиеся ему меткие высказывания художника).

В письме от 8.12.1948 г. Александр Васильевич, прочитав книгу стихотворений Дмитрия Николаевича, делится впечатлениями: «Теперь, Дмитрий Николаевич, надо несколько поделиться о прочитанных Ваших избранных

стихах, очень они мне понравились, во всех стихах нет лишнего эффекта, а звучит чистой правдой, без которой мы не можем жить, это духовная пища, а если придется приехать на Новый год, постараюсь завернуть к вам на часок, потому что порой побеседовать очень приятно...». В последнем письме (13.11.1950) семидесятипятилетний палешанин желает Семеновским «долгой неразлучной жизни» и добавляет: «Спасибо, что не обошли молчанием о моей маленькой работе, подаренной вам, с моей стороны это мелочь, о которой не стоит распространяться». (Этюд А. В. Чикурина долго потом висел на стене в комнате Семеновских среди других картин.)

Летом 1933 года Дмитрий Николаевич, Варвара Григорьевна и их девятилетний сын Коля гостили в Палехе. Мария Дмитриевна Харламова, жена известного художника Николая Николаевича Харламова, приглашает их в село Тименки, где Харламовы жили².

«В Палех, артель древней живописи.

с. Тименки, 18/8, 33.

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Вчера получили Вашу карточку. Н. Н. жалеет, что ни Вас, ни Р. Ф. не застал, когда был в Палехе. Не соберетесь ли Вы с супругой и мальчиком к нам, когда будет настроение, в виде прогулки? А было бы приятно повидаться. Погода установилась недурная и грибов по дороге много растет. Будем очень рады. <...>

Уважающая Вас М. Харламова.

Во втором письме, отправленном 14.4.1936 г., уже после смерти Н. Н. Харламова, Мария Дмитриевна просит консультации у Дмитрия Николаевича для своей подопечной – молодой девушки с четырьмя классами образования, работающей в Палехе и мечтающей стать литератором: «... Пришлось ей работать в Заготлен для средств к существованию, а тянет ее к литературе, читает она очень много, пишет дневник. Какого качества ее писания, я не знаю, но она делится со мной своими мечтами... Ей очень хочется поступить на заочные курсы по литературе, так она объясняет свое влечение. <...> Может быть, Вы можете объяснить, имеются ли такие заочные курсы и их адрес. Девочка очень неглупая. Жаль, что она не находит пути своим стремлениям к образованию. <...> Искренний привет Вам и Варваре Григорьевне. Уважающая Вас М. Д. Харламова. Привет В. Г. Голубеву».

(Василий Григорьевич Голубев – художник, брат Варвары Григорьевны.)

В июле 1943 г., в разгар войны, в Иваново приехала из Москвы известная писательница Лидия Николаевна Сейфуллина (22.3.1889 – 25.4.1954), дочь сельского священника в Оренбуржье, бывшая сельская учительница, автор ярких повестей и рассказов, в том числе знаменитой «Виринеи». Событие это было отмечено заметкой в «Рабочем крае», редакции которого Л. Сейфуллина посетила 31 июля; видимо, там писательница и встретилась с Д. Н. Семеновским³. 3 августа в «Рабочем крае» появился ее карандашный

портрет-зарисовка художника Б. Лукина. 12 августа в областном драматическом театре в Иваново открылся 1-й областной съезд рабочей молодежи, на котором Л. Сейфуллина эмоционально приветствовала молодых передовиков производства, а в «Рабочем крае» была напечатана ее статья «Горьжесть жизни»⁴.

«... Два года чудовищной губительной войны, и наша страна не только живет, она торжествует. Гитлер грозил, что внесет ужас и боль в пределы любой страны, на которую пойдет войной. Основная боль, основная тяжесть борьбы с гитлеровской Германией легла на СССР. Но ни смутения, ни ужаса нет в нашей стране. Утраты есть почти в каждой семье. Ночную бессонную тоску знают тысячи советских женщин, старых и юных. Но вот именно юное сталинское племя не сдается ни ужасу, ни тоске. И оно бодрит убитых сединами матерей и отцов. Поэтому жизнь продолжается в СССР во всей ее полноценности. <...> У трибуны рассказывала молодежь о боевой жгучей смертельной страде на фронте, о самоотверженном ежедневном героическом труде в тылу у фабричных станков. А в перерыве для передышки во время заседаний съезда в коридорах театра та же доблестная юность танцевала и пела. Она жила, она радовалась, она торжествовала победу жизни над смертью...».

Дмитрий Николаевич и Варвара Григорьевна сполна познали ночную бессонную тоску: 8 марта 1943 года они получили извещение о смерти в военном госпитале своего единственного сына Коли. Но надо было продолжать жить.

15 августа Л. Сейфуллина оставляет Семеновским записку⁵.

«Дорогие Дмитрий Николаевич и Варвара Григорьевна!

Шлю Вам обоим искренний сердечный привет и немножко малины – вместо цветов. Возвращаю книгу «Мстера». Большое спасибо. Написано кристальным языком и люди в ней, как кристаллы. Очень хорошо. Вспоминаю о Вас обоих каждый день, но никак не могу собраться забежать. Все время на людях и с людьми. А ведь я уже старенькая. Устаю. Сегодня хоть выспалась. Встала в час дня. Правда, заснула в четыре. Проспав, не попала к Вам, потому что в три за мной приедут. Вернусь сегодня поздно. А завтра, если пораньше освобожусь, приду за Вами, вытасю Вас обоих посидеть к себе. На вторник мечтаю выехать в Москву, но ничего еще у меня не оформлено. Нежно целую Варвару Григорьевну. Дмитрию Николаевичу крепко жму руку. Л. Сейфуллина».

О приезде Л. Сейфуллиной в Иваново В. Г. Семеновская вспоминала в 60-е годы. А Дмитрий Николаевич, внимательно следивший за судьбами братьев по перу, 13 мая 1954 года записывает в своем дневнике: «Смерть Л. Сейфуллиной, Ады Чумаченко».

У поэта и художника Павла Александровича Радимова (9.9.1887 – 12.2.1967) и Дмитрия Николаевича – много общего. Оба – дети сельских священников, оба учились в духовном училище и духовной семинарии. Первая

книга стихов П. Радимова «Полевые псалмы» вышла в 1912 году, а в 1914 году Радимов-художник был принят в Товарищество передвижников; рекомендации подписали Репин и Поленов. После Октября П. Радимов – первый председатель АХРР – Ассоциации художников революционной России, у него есть мастерская в Кремле, он знаком с Луначарским, Ворошиловым, Буденным. В двадцатые годы он встречается с С. Есениным, дарит ему свою книгу стихов «Деревня», которую Есенин одобрил, а официальная критика осудила. Последние тридцать лет П. Радимов жил в Абрамцеве, писал лирические стихи о природе и деревенском труде и яркие, поэтичные этюды Подмосковья. О себе сказал: «Радимов Павел я, художник и поэт, советский гражданин и человек нестрогий».

Письмо П. А. Радимова от 7.5.1948 г. Д. Семеновскому свидетельствует о том, что поэты были давно и хорошо знакомы⁶.

«Москва, Верхняя Масловка, д. 15, кв. 102.

Дорогой Д. Н.!

Поздравляю Вас с солнечными днями весны. Я сижу сейчас в Абрамцеве на берегу маленькой Аксаковской речонки Вори. Хлопотливые мальчишки подтаскивают мне из-под бугра раков и красноперых окуньков. Книжечку стихов Ваших я давно получил, часто ее перечитываю и с Вами вместе «Я шагаю у опушек, музу светлую зову». Прочел в письме о Вашей болезни и тяжком горе. Последнее настигло и меня, а болезнь тоже ни к чему на меня нагрязнула. <...> Очень хочу повидаться с Вами, давайте в переписке установим это дело. <...> Не худо бы у Вас в гостях выпить чашку чаю, я люблю индийский за восемь рублей. До свидания!

Любящий Вас П. Радимов».

Переписка поэтов продолжалась и далее: в дневнике Д. Семеновского есть запись от 19.6.1949 г.: «Послал книжечку Радимову, Климову и другим».

Начинающие поэты нередко обращались к Дмитрию Николаевичу с просьбой оценить их стихи; иногда это были люди, уже умудренные большим жизненным опытом. Одно из таких писем было написано школьным учителем Сергеем Александровичем Цветаевым 2 августа 1946 г.⁷ (Строчка из его стихотворения и была взята в качестве заголовка данной заметки.)

«Уважаемый товарищ Семеновский!

Пишет Вам незнакомый человек, живущий в Иванове. Мне хочется кому-то показать свои запоздалые стихи. Запоздалые потому, что и по содержанию, и по форме они не представляют ничего нового. Я был недавно в Переславском районе, и у меня там мелькнула мысль написать Вам. Извините, если напрасно сделал это. Напишу бесхитростно из того очень немногого, что у меня есть. Пытался я писать с 1914 года, но 2, 3, 4 стихотворения. Затем в 1915 году тоже немного. Потом, студентом будучи, читал их в общежитии в Москве. Ну, за делами учебы, учительства, войны бросил писать, а теперь снова потянуло к лирике личной, очевидно, такой мой жанр.

Посвящение (т. Семеновскому)

*За то, что ты поэт большой и чистый,
За то, что легок и красив твой стих,
И светит мне твой огонек лучистый,
Несу тебе биенье струн моих.*

.....
Может быть, по-юношески простодушно хотелось бы Вам это стихотворение громко прочесть по радио. Хотя я и пожилой человек, но голос мой звучит бодро. Читал когда-то в аудитории у Валерия Як. Брюсова стихи, нужные по ходу его лекции...».

Дальше прилагаются стихотворения 1915 года о красоте лунных ночей и трепетных аллеях и цикл стихотворений о поздней любви «Ниниада», написанных летом 1946 года в селе Красное близ Переславля. А в стихотворении 1945 года автор сам признается:

...Я не достиг поэзии вершин,

Уродство жизни голос мой сковало.

Завершается письмо просьбой: «Хотелось бы получить от Вас какой-либо ответ. Стоит ли серьезно писать мне стихи».

В материалах Горно об авторе письма удалось найти следующие данные^{8,9}:

Цветаев Сергей Александрович окончил МГУ по отделению русского языка и литературы; в 1939 году его педагогический стаж – 13 лет, из которых 7 лет – в школах 2-й ступени, остальные 6 лет – в техникумах и партшколе. 22 августа 1932 года был назначен учителем русского языка и литературы в среднюю школу № 34, 29 августа 1939 года – снова в среднюю школу № 34.

Неизвестно, что ответил С. Цветаеву Дмитрий Николаевич, но после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года «лирика личная» была далеко не в почете, и сам Д. Семеновский услышал на заседании бюро Союза писателей немало «нелицеприятной критики» в свой адрес¹⁰.

«Нужно со всей решительностью предостеречь молодых авторов от слепого подражательства стихам Семеновского раннего периода, которые зачастую очень туманны и оторваны от общественной жизни. Это пережитый этап в творчестве Семеновского. <...>

<...> В последние годы в творчестве Семеновского иногда наблюдается отрыв от темы современности, уход в пейзажную лирику, проникнутую весьма мирными настроениями, это делает некоторые его стихотворения аполитичными. Например, «Июль золотой». Лирика о нашей родной природе никогда не изгонялась и не изгоняется из нашей поэзии, но нельзя признать такую лирику за ведущую и держать ориентацию на нее...».

Дмитрий Николаевич, всегда очень сдержанный, тяжело переживал такого рода «критику», за которой в любой момент могли последовать и оргвыводы, но перестать быть самим собой он просто не мог! Изредка в его днев-

А. А. НЕВСКИЙ.

ИЗ ПРОШЛЫХ ЛЕТ (СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ)

Настоящие записки о детских и юношеских годах хранились среди дневников А. А. Невского 1947 и 1968 годов и были предоставлены для печати его дочерью В. А. Невской. Они были частично дополнены материалом из «Воспоминаний»¹, которые автор диктовал за несколько месяцев до смерти летом 1980 г., будучи уже не в состоянии писать. Вообще разрозненных записей о детстве в дневниках Невского немного. Вот одна из них: «Что я запомнил из своего детства? Отца с газетой, мать с шитьем, споры об Иване Грозном и отсутствие энциклопедического словаря». С большим вниманием Невский относился к изучению родословных и тщательно прослеживал собственную родословную, что частично отражено и в предлагаемом материале.

1. Из истории нашей семьи. Мать.

Происхождение моей матери, Антонины Григорьевны Кокушкиной, было не из высоких, и во всяком случае она родилась в семье заводчиков, владельцев небольшого химического завода около г. Плеса на Волге (к слову сказать, ее младший брат Иван Григорьевич Кокушкин впоследствии охотился в окрестностях Плеса с художником Левитаном). Основателем старого хим. завода был дед матери, мой прадед Иван Кокушкин. По преданию, он был украинцем («малороссом», как тогда говорили) и первоначально занимался офенством – бродячей торговлей (вероятно, в развоз в телеге, как дядюшка Яков у Некрасова). Его фамилия «Кокушкин» (с ударением на первом слоге, но впоследствии фамилию стали произносить с ударением на втором слоге), по словам моей тетки Марии Григ. Кокушкиной-Ратьковой, раньше звучала не по-русски, как Скокуш (по-видимому, в переводе Скачков?). Как бы то ни было, Иван Кокушкин основал химич. завод и женился на польке из шляхетской семьи, высленной в центральную Россию, в г. Юрьев-Польской, после присоединения Польши к России. Родилась она в начале XIX века, в 1808 г. Дед мой родился в 1828! Оба они похоронены на Плесском Петропавловском кладбище (ныне ликвидированном).

Моя мать была выдана замуж за Арсения Ивановича Невского, тогда начальника небольшой станции Кохма, рядом с Ивановом. От времени сватовства к «купецкой» дочери сохранилось вышитое невестой для жениха полотенце с надписью чернилами: «На станцию Кохму начальнику станции Господину Невскому». Над вышивкой (по концам полотенца) были также вышиты инициалы жениха «А. Н.». Мать любила отца, и ссор между родителями я не помню. Однако мать считала, что сделала не блестящую партию. Купеческая дочь, учившаяся в Московском пансионе, могла бы выйти замуж и за более богатого и более знатного человека, чем был мой отец, служака-железнодорожник. Из ее семьи в пансион была отдана только она одна: семье

нике появляются горькие строки: «Нетрудно писать тому, кого хвалят, но сохранить свое «я», пронести свое слово несмотря на замалчивание и брань – вот это да!» (январь 1950 г.).

После 1956 года он последовательно отмечает в своем дневнике имена реабилитированных писателей; о нем вспоминают и «именитые» москвичи (и теперь он может записать это в дневник!). «Приходил приехавший из Москвы Шилов – привез поклон от В. А. Смирнова, Пастернака, Исаковского (?! С последними двумя я даже незнаком, впрочем, встречался с И. за обеденным столом в Коктебеле)». (Записано 8.2.1957 г.).

Теперь Дмитрий Николаевич часто, долго и тяжело болеет, врачи запрягают ему работать – а у него словно открывается второе дыхание, рождаются задушевные, проникнутые светлой грустью стихи. И в 1960 году на последней странице дневника, может быть, совсем незадолго до смерти, его рукой написано: «Писать халтуру – малодушие».

¹ ГАИО. Ф. 2845. Оп. 3. Д. 458. Л. 1-12.

² Там же. Д. 455.

³ Писательница Сейфуллина в редакции «Рабочего края» // «Рабочий край». 1943. 1 авг.

⁴ Торжество жизни. Из дневника писателя // «Рабочий край». 1943. 13 авг.

⁵ ГАИО. Ф. 2845. Оп. 3. Д. 434.

⁶ Там же. Д. 428.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 307.

⁸ Там же. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 382.

⁹ Там же. Ф. 1707. Оп. 2. Д. 125. Л. 105.

¹⁰ Там же. Ф. 405. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

надо было иметь домашнюю учительницу. И так она выучила грамоте и счету всех шестерых младших сестер (братья получили среднее образование). Стесняясь своего положения, она прервала всякое общение со своими подругами по пансиону; одна из них, по словам матери, несколько раз пыталась писать ей, но мать не отвечала.

Моя мать умерла через 10 лет после отца – в 1916 г., когда я был в предпоследнем классе шульской гимназии, от крупозного воспаления легких в возрасте 51 года, как и мой отец. Оба моих родителя похоронены в Шуе на Троицком кладбище, в виду соснового леса, где отец еще мальчишкой играл в бабки.

2. Отец и мое раннее детство.

Арсений Иванович Невский – так звали моего отца – был последним сыном дьякона «домовой» церкви при Киселевской больнице в г. Шуе Владимирской губ. и родился после смерти своего отца, Ивана Александровича Невского, умершего, по-видимому, неожиданно от белой горячки. Последнее обстоятельство скрывалось в нашей семье, и я узнал о нем из церковной метрической записи о смерти деда впоследствии, раскапывая свою родословную. От бабушки, его жены – звали ее Прасковья Ивановна – остался снимок, какой она была в старости. Помню ее доброе старушечье лицо, голова повязана черным платком по-монастырски. Была она просвирней и хорошей хозяйкой. Мать моя, ее невестка, относилась к ней не только с большим уважением, но и с любовью, которые бабушка заслужила своей добротой и богобоязненностью. Мать моя всегда отзывалась о своей покойной свекрови с чувством какого-то умиления, как о праведнице, женщине почти святой жизни.

Отец мой был тип железнодорожника-служаки, подчас целые ночи напролет проводившего в дежурствах и беспокойстве на станции. Окончив мальчишкой духовное училище, он был пущен матерью «по-штатской» (а не духовной) дороге – устроен телеграфистом на ж. д. линию Шуя-Иваново, в то время (около 1870 г.) только что построенную. Через несколько лет после женитьбы отца перевели начальником станции в Горкино (местное произношение Горкино) на той же жел. дор. линии (на середине пути от Иванова к Кинешме).

В Горкине, на втором этаже станционного здания, в 1898 г. родился я, Александр Арсеньевич Невский. Каждый раз, проезжая через станцию «Горкино», я смотрю на верхний этаж станционного здания и приветствую «свою родину».

Из Горкина отец был переведен в той же должности начальника станции в Кинешму, а затем в Ермолино. Совершенно отчетливо я уже помню себя, когда отца с повышением перевели начальником на станцию Шуя. Здесь в 1903 году родился брат Митя. Во время родов нас с сестрой проводили гулять в садик, который был в распоряжении одного лишь начальника станции. Когда нас позвали домой, оказалось, что у нас появился братик.

Надо сказать, что в детских играх я не отделялся от той ватаги мальчишек, которая состояла из детей железнодорожников, начиная с сына начальника, каким был я, и кончая сыновьями сторожей и стрелочников. Правда, я никогда не отличался физической силой и потому в мальчишеских проказах не был заводилой. Однажды мы, мальчишки, чуть не подожгли сарай, около которого развели костер. В другой раз, прорезав мешок у какого-то пассажира, воровали у него огурцы сквозь решетку заборчика, ограждавшего станционную платформу сзади. Но самым жестоким развлечением у банды маленьких разбойников было издеваться над пьяными, отсыпавшимися в тени под деревьями на краю канавы, окружавшей станционные владения и отделявшей их от городской площади. Дело в том, что городские дома в Шуе начинались (и до сих пор начинаются) через широкую привокзальную площадь. В угловом двухэтажном доме на этой площади была «казенка» – казенная лавка, где продавалась водка; около лавки обычно шатались, как их называли в Шуе «коты», пропойцы и оборванцы. Если один из них, нагрузившись, ложился и засыпал в тени деревьев у станционной канавы, он рисковал стать мальчишеской жертвой. Потеха заключалась в том, чтобы, набрав воды в большие пивные бутылки, разом вылить ее на голову спящего пьяницы. Последний, конечно, сразу просыпался и, трезвея, пытался догнать мальчишек, которые тотчас исчезали, точно их и не было, с пустыми бутылками. В процедуре «вытрезвления» участвовало обычно до десяти ребят.

Азбуку я знал рано и плохо помню времена, когда еще не мог читать. В 1904 г. для сестры и меня был выписан журнал «Светлячок», сохранившийся экземпляр которого читали долгое время спустя мои внуки. Приложением к журналу были четыре томика избранных сказок братьев Grimm. Таким образом немецкие сказки стали мне близкими раньше русских, которые я узнал впервые по Пушкину, начиная со сказки о рыбаке и рыбке.

Сестра моя Нина с 1901 по 1909 годы училась и воспитывалась в пансионе (интернате) Нерехтской женской гимназии. В каком-то году (до смерти отца, т.е. до 1906 года) мы с матерью съездили из Шуи в Нерехту к сестре. В интернате со мной возились ее подруги. Сестра приезжала в родительский дом только на каникулы. Она всегда привозила мне в подарок детские книжечки со стихами и цветными картинками. Очень жалею, что не сохранилось от тех времен ни одного такого подарка. Для нее была приобретена небольшая рояль, куплена гитара. Она играла также на венской гармонике отца. Отец редко брал гармонику в руки. По рассказам, он раньше хорошо пел. Хорошие голоса перешли по наследству и сестре, и брату, и мне самому (голос у меня был несильный, но очень выдержанный, что мне так пригодилось на учительской работе).

Семья наша была религиозной. Мать «на сон грядущий» обязательно прочитывала одну главу из Нового Завета, книжка которого была дана ей вместе с приданым при выходе замуж. Так что тексты Евангелия я с детства знал наизусть. Конечно, ежегодно мы все причащались. Мать придавала ис-

поведи и причастию большое значение. Отец, сын дьякона, перед сном вставал на молитву перед иконами, держа в руках молитвенник и зажженную свечу.

С отцом у меня связаны некоторые впечатления 1904 и 1905 годов. Однажды днем входит отец в нашу квартиру в своей черной железнодорожной с малиновыми выпушками шинели с газетой в руке и со слезами на глазах сообщает нам о гибели «Петропавловска» и адмирала Макарова. Впоследствии, из журнала, я узнал, что вместе с Макаровым погиб и замечательный художник Верещагин. Мы выписывали тогда журнал «Нива», в котором я рассматривал фото Буллы и акварели Табурина, присланные с фронта военных действий. В сытинском настольном календаре за 1905 год была цветная вкладка «Подвиг священника Щербаковского в сражении при Тюренчене». Щербаковский шел впереди строя солдат, воодушевляя их на атаку.

С матерью мы ходили в загородную земскую больницу с подарками для раненых, стоявших за забором в больших папахах. 1905 год памятен мне двумя эпизодами, свидетелями которых я был.

Столовая в нашей квартире (во втором этаже ж. д. дома) выходила окном на широкую улицу, ведущую к мосту через реку Тезу. По берегам реки были расположены текстильные фабрики.

Однажды летом мы наблюдали редкое зрелище. По улице от фабрик шла большая толпа народа. Она проходила мимо нас, поворачивая к вокзалу. Толпа шла, свистела и улюлюкала. Кто-то нес красный флаг, сделанный из женского платка (говорили, что платок дала какая-то девочка). Впереди толпы ковылял человек с подвязанной щекой, без шапки. Как потом сообщали, это рабочие провожали на поезд вывезенного на тачке управляющего фабрикой. Перед нами за высоким ж. д. забором, во дворе скрывался казачий разъезд из трех казаков. Казаки на лошадях смотрели на шествие через забор, через который высывались только их головы. Как сейчас помню их синие фуражки с желтыми околышами (в Шую была расквартирована казачья часть Астраханского полка). Отец, видя скрывшихся от толпы казаков, усмехался: «Боятся!». В столовой он угощал меня и мать сладким медком (такой был напиток вроде нынешнего лимонада), а сам пил пиво, которое мне тогда не нравилось.

Осенью того же 1905 года 21 ноября, когда в Шую проходила Введенская ярмарка, отец и гостивший у нас племянник отца взяли меня, семилетнего мальчонку, с собой на ярмарку – в город. День этот памятен мне особенно потому, что мы побывали в «иллюзионе» (кино).

В очень маленьком помещении мы стояли в группе людей и смотрели на подтянутый к самому потолку небольшой экран. Показывали какую-то незатейливую комическую, а затем хронику братьев Патэ. В хронике мне на всю жизнь запомнился смотр русских войск французским президентом Лубэ. Вдоль строя солдат в бескозырках, державших ружья «на краул» и евших глазами проходивших, шагал человек в цилиндре, фраке и белых перчатках. Ря-

дом с ним семенил низкорослый русский царь, не производивший рядом с французским президентом впечатления.

Осмотрев в иллюзионе – первой в нашем городе киноустановке – что полагалось, мы вышли из помещения и хотели еще раз пройтись по ярмарке, но у входа на площадь, где размещалась ярмарка, нас встретил казачий разъезд, взывавший к прохожим: «Господа! Честью просим, расходитесь по домам!!!». На запястьях у казаков болтались нагайки, аргумент достаточный, чтобы мы не стали ждать вторичного приглашения – и подались домой. В это время происходили рабочие волнения, и власти боялись больших скоплений народа во избежание «инцидентов». Как мы после узнали, в это время в Москве начинались события на Пресне, которая с тех пор стала называться «Красной Пресней» (из-за пролитой там крови и революционного настроения рабочих).

Отец брал меня с собой на прогулки и в поездки. Так я помню прогулку по улицем Заречья, когда праздновалось рождение наследника престола. Один раз я ездил с отцом по Волге от Кинешмы до Плеса – к бабушке, владелице небольшого химического завода с названием «Нескучный». От поездки по Волге мне больше всего запомнилось возвращение из Плеса в Кинешму. Шел дождь, и у нас в каюте лило с потолка. Пароход был неважный – общества «Надежда», под названием, характерным для того времени, – «Коммерсант».

Отца вспоминаю еще во время праздничных (на Рождество и Пасху) угощений сослуживцев. Последние приходили, пропускали у сервированного стола рюмочку, закусывали (рыбой, ветчиной или колбасой) и, особо не задерживаясь, уходили. Это была обычная поздравительная процедура.

По-видимому, в праздник Введенья (4.12.1905 г. нового стиля) я гулял с отцом в последний раз. 12.02.1906 г. ст. стиля он умер в московских клиниках от скоротечной чахотки. Мы с матерью и братом ездили в Москву, как оказалось, попрощаться с отцом. Он, исхудавший и мало евший, лежал в отдельной палате, из коридора которой был виден стоявший под окнами памятник Пирогову.

Гроб с телом умершего отца был привезен в Шую. Я вместе с довольно большой толпой сотрудников отца, родных и знакомых, провожал гроб на кладбище – и плакал. Меня спрашивали: «Ты озяб?» – и меня обижал этот вопрос, точно я, хотя и маленький (мне было 8 лет), не мог искренне жалеть умершего отца. Со смертью отца окончилось мое раннее детство, началась новая жизнь.

3. Гимназические годы.

После моего поступления в гимназию мы обосновались на улице Полянка, в доме Коноваловых, где и были проведены мною все годы гимназической жизни, кроме последнего, после смерти матери.

Среди наших соседей по улице были ровесники мои и брата, так что жизнь вне гимназических стен была совсем не скучной. Среди моих ровесников помню Васю Ведерникова (не родственником ли ему приходится ныне популярный бас Ведерников?). Он впоследствии работал в Шуе по народному образованию. Другим товарищем на улице был Геннадий Одоранский, сын дьякона, впоследствии известный шуйский врач. Но главными партнерами по играм были братья Богдановы, жившие от нас через дом. Улица наша была почти непроезжей, заросшей травой – и вот у нас организовывались лапта, городки, крокет. Дома мы играли в шарады. Семейство Богдановых было культурным, и с одной из Богдановых, Антониной Михайловной, по мужу Александровой, я до сих пор в переписке и сохраняю дружеские отношения.

Основными моими товарищами были товарищи по классу. Я начал свою учебу в 1909 г. и закончил в 1917. Класс наш был удивительно ровным. В нем не было ни сверхчеловеков, ни особых тупиц. После первых двух лет совместной учебы из коллектива отсеялись и отчаянные озорники и просто неприжившиеся ученики. Среди озорников не могу не вспомнить быстро исключенного из гимназии Антонова, который однажды заквасил все чернила в классе мукой с дрожжами, так что на утро из чернилниц вылезла лиловая опара. Со второго класса я стал несменяемым первым учеником, какое звание пронес до выхода из гимназии. Я был постоянным проверяющей письменных работ перед их сдачей, и многих я спас от дурных отметок. Но на близких друзей мне как-то не везло. Сережа Юшков, с которым я дружил, уехал со всей семьей своего отца в Иваново. Так было и в дальнейшей моей жизни.

Теперь я должен перейти к учителям. Надо сказать, что наша гимназия считалась на одном из первых мест в Московском учебном округе. Первым лицом среди преподавателей для класса был, конечно, классный наставник. Им у нас был Тихон Иванович Омелянский, галичанин по рождению. Он не только дал мне приличное знание латинского языка и римских древностей, но и определил мой интерес к славянам и славянской культуре. Когда Галиция была под властью Австро-Венгрии, и галичан звали «русинами», он говорил: «Помните, дети, это такие же русские, как мы с вами, и когда-нибудь должны с нами соединиться!». Он был поклонником Ламонского, и не без его влияния я стал заниматься культурой восточных славян под руководством проф. Д. К. Зеленина. Он был также виолончелистом, создал гимназический скрипичный квартет. До сих пор у меня в ушах звучит всегда исполнявшийся этим квартетом «Менуэт» Боккерини. Помню, как однажды Т. И. возмущался уроком, не выученным Андриюшей Пестрово: «Полное невежество! Совершенное незнание! Это, право, какое-то глумление!». Пестрово вообще вскоре вылетел из гимназии.

Вторым по своему значению среди моих учителей я поставлю Ивана Егоровича Чернышева, у которого я занимался все годы рисованием, живописью и черчением. Он меня избавил от участия в хоре, который отнимал много

времени спевками. И. Е. Был несколько озадачен и может быть обижен, что я не пошел ни по художественной, ни по инженерной линии, а поступил на историко-филологический факультет. Однако штудии в рисовальном классе не пропали даром. Я использовал графические и живописные навыки при изображении различных этнографических объектов. И. Е. Был организатором наших гимназических праздников и руководителем оркестра народных инструментов. Под его руководством мы писали декорации к гимназическим постановкам. Это был энтузиаст художественного воспитания. Недаром он упомянут в монографии о художнике А. А. Лебедеве-Шуйском, его ученике из выпуска, который шел перед нами. Толя Лебедев предпочел скрипке из квартета Т. И. Омелянского кисть живописца.

Глубоким филологом был Александр Павлович Стельмахович, от которого мы узнали, что название «Шуя» значит «вода», «добрь», «болото». Он не только сделал из нас грамотных людей, но научил по плану писать сочинения.

С благодарностью вспоминаю отца Михаила Обудовского, заложившего во мне интерес к истории религии.

Из математиков у нас преподавали Влад. Степ. Пржевальский («фитолька») и Николай Никол. Рябцев («халдей»). Их клочки отнюдь не отражали их педагогических достоинств.

4. Революция 1917 года. Последний приезд Бальмонта в Шую.

В феврале 1917 г. мне исполнилось 19 лет. Я был гимназистом восьмого выпускного класса Шуйской мужской гимназии. У нас с братом Митей, обучавшемся в одном из младших классов гимназии, уже не было ни отца, ни матери. Мы с братом жили «на хлебах» у чудесной женщины Харитины Евлампиевны Яблоковой, в прошлом народницы, принимавшей участие в «хождении в народ». Пожилая, но незамужняя, она воспитывала трех своих племянников – братьев Юницких, сыновей своей покойной сестры. Один из братьев Юницких Лера, отставший от нашего выпуска, отличался большой осведомленностью и приносил нам свежие новости.

Так, зимой 1916 года он сообщил о расправе с Гришкой Распутиным. В феврале же 1917 года он, однажды ворвавшись в дом, не снимая гимназической шинели, громкогласно провозгласил: «Николашку скинули!». Так мы узнали об отречении императора России от престола. Началась февральская революция. Мне припомнился один ярмарочный эпизод. Как-то на ярмарке в Шуе мелочный торговец ходил в народе и продавал портреты царя с царицей, выкрикивая: «Царь с царицей – пятачок! Царь с царицей – пятачок!». Его схватили, конечно, тогда, но в феврале о царственной чете можно было говорить что угодно и как угодно. Однако о ней как-то просто забыли, как о ничемных людях. Все радовались освобождению от оков самодержавия, митинговали. Дамы ходили с красными бантами. Наплыв радостных чувств был так велик, что однажды на митинге присяжный поверенный Агриков, войдя на трибуну, мог только сказать два слова: «Товарищи!... Товарищи!...» - и

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОСУГ

больше ничего. Язык его, как говорится, прилип к гортани – и он сошел с трибуны. Правда, кажется, несмотря на свою юридическую профессию, он вообще не был одарен особым красноречием.

Нас, гимназистов, естественно революционная атмосфера взбудоражила. Мы протестовали против стеснительных требований нашего инспектора Шевнина. Среди наших учителей оказались передовые люди. Так учитель рисования И. Е. Чернышев и учитель словесности И. В. Кохомский приняли участие в редактировании новой газеты, которая отражала революционные события и происходившие перемены.

Всюду распевались песни: «Смело, товарищи, в ногу», «Рабочая марсельеза» и другие. Когда гимназический курс был закончен и восьмиклассники проходили допризывную подготовку, они тоже, шагая по шуйским улицам, пели и эти революционные песни и военные. По окончании допризывной подготовки наш выпуск сфотографировался по-революционному – без классного наставника. Конечно, этим мы обидели нашего Тихона Ивановича Омелянского, но надо же было показать свою революционность.

Февральской революции я обязан встречей с большим поэтом К. Д. Бальмонтом. В февральские дни 1917 года Бальмонт приезжал в родной для него город Шую (у Бальмонтов под Шуей было в свое время небольшое имение) и побывал в той гимназии, из которой когда-то был исключен за участие в нелегальном кружке. Он выступил у нас в актовом зале гимназии перед учащимися и педагогическим персоналом. Нас выстроили всех, от восьмиклассников до приготовишек, и Бальмонт говорил с кафедры. Он был невысок, рыжеват. Лицо у него было неприятно белое, как из творога. Поэт картавил, делясь своими воспоминаниями и читая злободневные стихи. В частности, он вспоминал, как Михаил Васильевич Сперанский, преподаватель русского языка и словесности, однажды поставил ему двойку по русскому языку. Старик Сперанский, присутствовавший при этом среди учителей, ухмылялся, закрывая улыбку рукою. Из стихов, прочитанных Бальмонтом, мне запомнилось несколько строк:

«Схава сахдатам,
Честь офицехам,
Бхатом за бхатом
Дхужно впехед!»

Больше мне с Бальмонтом встретиться не пришлось. Он, как известно, эмигрировал во Францию, и его видали в парижской Ротонде (ресторане) за столиком с рюмкой водки. Как я слышал, советское правительство приобрело у наследников Бальмонта его архив.

¹ Невский А. А. Воспоминания. – «Знамя коммунизма» (Шуя). – 1990. № 112, 121, 141, 190; «Шуйские известия» (Шуя). – 1991. № 11.

Беседы с местными жителями пожилого возраста, проживающими преимущественно в сельской местности, дают возможность исследовать историю жизни простого народа, историю формирования народной культуры и быта, а также проследить эволюцию диалектной, обиходно-разговорной речи.

Нас, в частности, интересовал деревенский быт 20–50 годов XX в. И наши собеседницы, которым от 67 до 90 лет, подробно и с удовольствием вспоминали о прошлом, в том числе и о том, как они проводили свободное время – о детских играх и молодежных гуляньях.

С. И. Терентьева, жительница пос. Холуй, 1928 года рождения, говорит: «Я помню, как теперича, очень весело гуляли. Гулянки были у каждого дома. Только с седьмого класса пускали в клуб-то. Гулянки были с нашими подроцами (поколение, ровесники). Пели частушки, елецкого под гармонь, делали танцы и на поляне, и с лампами висящими – света-то не было. Плясали много, плясуны были».

Интересен рассказ О. Н. Рябининой, 1913 года рождения: «Ве'чёр все выходили хорошо одетые, нарядные по улице на село. Всё ходили кругами, по обе полоски кругом-кругом. Частушки пели, под ручку прохаживались с песня'ми». Хотелось бы обратить внимание на выражение *плясать под язык* – плясать, напевая какой-нибудь мотив без слов: «Собирались у любого дома. Кто с балалайкой, кто с гармошкой, кто под язык – плясать-то хотелось. Плясать надо уметь было. Учились сами у старших девок. Глядели, собирались на дороге одне втихомолку, налаживали и плясали».

В некоторых деревнях место, где собиралась на гулянье молодежь, называлось *беседой*. Об этом рассказала моя бабушка, Р. И. Антонова, 1928 года рождения, уроженка д. Жуковка Южского района: «Сзади деревни была, как называлась, беседа. Лавочки и вытоптана кругом лужайка, а где танцевали – как пол, как дорога: всё утопано-вытоптанно, и трава не росла. Шли по улице, кричали тебя: "Пошли на беседу!"».

В деревнях считали, что если не умеешь танцевать, то лучше стоять, смотреть и запоминать, как танцуют старшие. Ведь танцев было много, и каждый имел свои особенности в постановке, перестроениях и фигурах. Медленные танцы – это *вальсы* и *ляссе*. И. И. Турунова, 1937 года рождения, вспоминает: «Вальсы были очень модными. Танцевались все под одно. Их не пели. Были в почёте "Дунайские волны", "Амурские волны". Их выпрашивали учить старших».

Часто в конце гуляний гармонисту «заказывали ляссе», который начинался медленно, а заканчивался быстрыми, задорными плясками. Бабушка так описала танец: «Тут уж мальчики заводили. Вставали четверо человек (две пары) друг дружки напротив. В танце семь частей всего. Выведят

мальчик девочку, покружит, к паре пойдёт. Потопаят - потопаят окулу них и пойдёт к своей девочке. Другая пара так же. Тут и сени – последняя из семи фигур». Необычность и своеобразный шарм придавал танцу аккомпанемент гармониста. Интересно выражение, характеризующее его игру – играть с сучком: «Гармонист играл последнюю <фигуру> с сучком: играют-играют и, пока одна пара пляшет, он раз – и оборвёт музыку-те. Мальчик если девочку поцолует, гармонист продолжит играть, и другой паре обязательно сучок сделают».

Такие танцы, как *цыганочка, подыспань, русский, круковяк, кадрель* исполнялись быстро, залихватски-весело. Неотъемлемой частью этих танцев считались частушки и куплеты юмористического характера на любовные и бытовые темы. Например, когда танцевали *краковяк*, припевали:

*Русский, немец и поляк,
Танцевали круковяк,
Русский выхватил бутылку,
Хлопнул немца по затылку,
Танцевали и упали,
У них вышло кое-как.*

При этом танец исполнялся в быстром темпе, с дробями и поворотами, в парах и по одному. А *цыганочку* танцевали только в парах, почти как польку, взявшись за руки крест-накрест. Девушка, поющая частушку, выбегала на середину площадки, танцевала под собственное пение и убегала, уступая место солистки другой девушке. Куплетов к песне придумывали много, чтобы каждая могла себя показать. Например, такие:

*У цыгана в угороде есть колодец ключевой,
Повадилась цыганочка к цыгану за водой.*

*Ты цыган, а я цыганка, оба мы цыгане,
Ты ворующь лошадей, а я воруя сани.*

*Я цыганочку свою работать не заставляю,
Сам я печку истоплю, самовар поставлю.*

Танец *подыспань* состоял из поворотов в паре и перестроений: «Парамидёшь, и тебя кавалер-ат перекручивают. Руки вверх поднимаешь и опускаешь, потом в бок, за голову и приговариваешь:

*«Подыспанчик веселенький танчик,
Его можно легко танцевать,
А Васютка хорошенький мальчик,
Его можно нам всем целовать».*

Шуточные куплеты частушек всегда стремились что-то объяснить, повлиять на те или иные стороны общественной жизни. Частушки играли особую роль – заменяли собой газету и листовку, были выражением нерушимой

народной морали, избирали мишенью людские недостатки и сочинялись на злободневные темы. Е. М. Юрасова, 1927 года рождения, жившая «в девках» (т. е. до замужества) в д. Кисляково Рыльского сельсовета Южского района, вспоминает: «Частушки пели, протаскивали, кто сено украл, кто картошку. Папа складывал (он был председателем или завхозом каким-то), а я пела. Когда сосед валены сабоги у нас с печи украл, папа написал:

*«Сабоги он в Юже продал,
За налог деньжонки отдал,
Остальные на расход
Поживают без хлопот».*

Или:

*«Никто честней Ивана Шкурин
В колхозе нашем не бывал,
Но и тот уж соблазнился,
В колхозе сено воровал».*

Были ещё и такие развлечения: «Выступали на сцене – пьесы играли, песни пели со'льны, стихи читали, а на престолы (престольные православные праздники) собирались деревней, гуляли два дня. Собиралась вся родня. Готовились, стряпались, угощенья много было, пели и плясали. По зимам али в дожди собирались, снимали дом. Находились таки люди, у кого дом большой, места много» (Е. М. Юрасова).

Важной составляющей досуга деревенских детей были игры: *зуба'рики, корю'чки, уголки, сино', стука'н, горелки*. Р. И. Антонова и И. И. Турунова вспоминают: «Игров-то всяких было! Во всяки игры играли, разве перепомнишь. В дочки-матери, магазин на сеновале, на крыльце и везде играли. Осколками от битой посуды менялись, раскладывали. Куклы-те как были самодельны! Кой-каку сошьёшь, не знай на что похожу, и играли. Тяжело было, но весело. Шалаши были у каждого дому. Друг дружке в гости ходили». «Ездили в гости с куклами, с тряпками. Возьмём ветку от вяза – это конь иль коза. Приедем в гости, коня в загон, козу дошли – за веточки дёргали. Найдём битой посуды, положим в неё щавель да хлебу и угощали. Играмми мы повторяли да учились хозяйство вести. Очень развито было воображение».

Так, деревенский досуг был важной составляющей полноценной жизни крестьян. И как бы трудно людям ни жилось, всегда их жизнь сопровождалась играми, танцами и народными гуляньями.

современным шуюнам, среди которых были люди, известные на всю страну. Работая над созданием этой части экспозиции, сотрудники музея разослали письма всем своим «знаменитым землякам» с просьбой выслать для экспозиции биографические материалы. Такое письмо было получено и Е. Я. Мазуровой, которая уже много лет не имела никакой связи с родным городом.

Актриса живо откликнулась и вместе с материалами биографии предложила для музея значительное количество вещей своей коллекции. Так началось ее меценатское содействие шуйскому музею. Эта деятельность имела для Мазуровой огромное значение. В это время (начало 1970-х гг.) она давно прекратила работу в театре из-за ухудшающегося здоровья. Ее съемки в кино редки, а роли эпизодичны. Потому работа по созданию художественного отдела в музее родного города становится для нее жизненным стимулом. В одном из писем она признается: «Музейная работа заполнила, оживила мою одинокую старость и я по-настоящему была в эти годы счастлива...»³.

В своем меценатском энтузиазме Мазурова была неутомима несмотря на преклонный возраст. Судя по всему, она просто забывала о нем. Так, в одном из писем, хранящемся в музее, актриса пишет, что порой ей приходится покупать для музея вещи, которые «...очень тяжелы и мне (Е. Мазуровой. – Т. Д.) их бывает трудно таскать из магазина, но я всегда покупаю с радостью и бодренько еду домой»⁴.

Нельзя сказать, что Екатерина Мазурова была тонким знатоком или специалистом в области своего увлечения. Скорей всего, она просто, как и многие люди искусства, обладала каким-то особым чутьем на настоящие произведения.

Однажды актриса подарила музею купленную в антикварном магазине картину художника Горского «Видение». О значимости этого произведения и о его художественных качествах вполне может говорить репутация самого автора.

Константин Николаевич Горский (1854-?) – известный русский исторический живописец, ученик Академии художеств с 1876 г. по 1881 г. За время обучения в Академии получил малую и большую серебряные медали, золотую медаль и звание классного художника I ст. по живописи исторической. В 1882 г. был отправлен пенсионером за границу⁵.

Подаренная Мазуровой картина пришлась «не ко двору». Причиной этого стал религиозный сюжет картины, выраженный к тому же в монументальных размерах. По воспоминаниям старейших сотрудников музея⁶, на ней было изображено явление Богородицы, молитвенно призывающим ее людям. Разумеется, подобный сюжет, будь его автором хоть сам Рафаэль, не нашел бы места в краеведческом музее города со славными революционными традициями. Картину запретили экспонировать⁷.

Мазуровой как меценату было досадно, что ее дар оказался отвергнут. В письмах дирекции музея она не раз пыталась «реабилитировать» картину, объясняя, что ее сюжет «...не столько религиозный, сколько исторический. Я

Т. А. ДОБЫЧИНА
(г. Шуя)

ОТВЕРГНУТЫЙ ДАР

Коллекционирование играет значительную роль в истории русской культуры. За более чем двухвековой период своего существования это явление пережило несколько качественно разных эпох: были в нем и «золотой» век, и «серебряный» – когда культурное достояние страны существенно обогащалось за счет меценатской деятельности частных собирателей. Известен и «свинцовый» век, который наступил для русского коллекционирования в первые послереволюционные годы. Именно тогда были национализированы, разграблены, распроданы и потеряны навсегда целые собрания произведений искусства. В последующий советский период частное собирательство было под негласным запретом. «С тех пор настоящее собирательство было уничтожено, а на редких советских коллекционеров власть смотрела как на преступников, по недосмотру гуляющих на свободе»¹. Иначе говоря, в советской России были созданы все условия для искоренения этого явления. Но коллекционирование – это страсть, которую ничем не возможно пресечь.

Вопреки неодобрению со стороны государства, коллекционирование продолжало существовать и в новых жестких условиях. Наш рассказ о случае, который рельефно обрисовывает всю сложность взаимоотношений власти и частного собирательства в советский период.

Актриса Екатерина Яковлевна Мазурова (1900-1990 гг.) является одним из немногих коллекционеров и меценатов советского времени. Ее деятельность на этом поприще насчитывает более полувека. Собранная Мазуровой коллекция содержала произведения русского и зарубежного искусства (живописи, графики, мелкой пластики, декоративно-прикладного искусства, фарфора), охватывая временной период XVIII-XX вв. Долгое время все собрание хранилось в московской квартире, и известно о нем было только небольшому кругу друзей.

Как и всякий коллекционер, Е. Мазурова желала сделать свое собрание доступным обозрению, и мысль о передаче его в какой-нибудь музей не раз посещала ее. Однако она весьма критично относилась к предложениям столичных музеев принять ее дар, так как считала, что там собрание будет обречено «...пылиться в запасниках и фондах ... как никому не нужный хлам»².

Судьба мазуровской коллекции определится почти случайно. В 1968 г. в ее родном городе Шуе открывается краеведческий музей. Создание местных краеведческих музеев в 1960-е гг. было тенденцией времени. Почти всегда такие музеи создавались по одной схеме: экспозиция музея вмещает в себя все то позитивное, что так или иначе связано с историей данной местности. Этой же схеме был подчинен и Шуйский краеведческий музей. Его экспозиция начиналась с предметов, найденных при археологических раскопках на территории городского кремля, и заканчивалась разделом, посвященным

ее купила в антикварном магазине под названием «Жанровая сцена. Мираж»⁸; «... это не Мария, а какая-то мученица первых веков христианства»⁹.

Запрет был категоричным, и никакие объяснения Мазуровой не смогли переубедить атеистически бдительных партийных работников. Пришлось искать компромисс, который виделся в замене картины другой¹⁰. По разрешению городского отдела культуры картина была возвращена дарителю, которая продала ее в одном из антикварных магазинов Москвы. По словам актрисы, Горского купили в тот же день¹¹. Вместо «Видения» в Шуйском музее появился «Женский портрет», работы художника И. С. Галкина. В одном из писем в музей Мазурова высказала свою досаду о случившемся: «История с Горским давно прошла..., а мне до сих пор больно, что картину пришлось продать в частные руки и что ваш музей не оценил ее как подобает»¹². Горькое для мецената происшествие оставило свой след и на картине Галкина, где с оборота рукой Мазуровой была сделана размашистая надпись: «Замена Горского».

Но история обменом не закончилась, а лишь приобрела ироничный оттенок. Подаренный Мазуровой «Женский портрет» оказался достойной заменой. Автор картины – Илья Саввич Галкин (1860-1911) – художник не менее известный, чем Горский. Он был вольнослушатель Академии художеств с 1883 по 1892 г. В 1887 г. получил две малые поощрительные медали. 1892 г. – окончил научный курс в звании неклассного художника. В 1893 году получил звание классного художника 2 степени. Член Товарищества передвижных художественных выставок. Современники высоко ценили его мастерство портретиста. Известно, что своим творчеством он даже в какой-то мере соперничал с И. Е. Репиным¹³.

Поскольку Галкин был модным живописцем в «высшем свете»¹⁴, то некоторые модели его портретов вполне могли бы быть вычислены из круга заказчиков. Как-то раз, одним из посетителей музея¹⁵ было высказано предположение, что на портрете изображена Генриэтта Леопольдовна Гиршман, одна из дочерей крупного московского зерноторговца Леопольда Леона. Жена московского предпринимателя и коллекционера В. О. Гиршмана. Версия была обоснована словами самой Гиршман, что художник Галкин «исполнил портреты матери и всех детей Леон»¹⁶. О предположении обрадованные сотрудники музея сразу же сообщили Мазуровой. Судя по письмам, актриса осталась равнодушной к сообщению. «А мое мнение таково, - пишет она, - картина хорошая, работа отличная, посетитель получит удовольствие от картины, а кто там сидит? Гиршман или другая дама – суть не важно»¹⁷. Все же одно из писем коллекционера содержит рассуждение на эту тему: «... ваше мнение относительно мадам Гиршман весьма вероятно, ибо тип говорит о еврейском происхождении»¹⁸. В том же письме актриса сообщает о своей безуспешной попытке «справиться» о том, кто изображен на портрете в антикварном магазине, где он был приобретен. Начавшиеся поиски так и не были

завершены. Возможно, причиной стало прохладное отношение самого дарителя.

Но за равнодушием Мазуровой нам видится теперь нечто иное. Меценат боялась повторения истории, произошедшей с картиной Горского, которое стало бы неизбежно, если бы вдруг обнаружилось, что религиозную картину она обменяла на портрет эмигрантки и «представительницы буржуазной среды». Скорей всего, за этим безразличием скрывалась попытка охладить до поры исследовательский азарт музейных работников. Высказанное предположение и ныне продолжает существовать на уровне легенды.

Как видим, несмотря ни на что, происшествие, случившееся с меценатом, имело довольно благополучное разрешение. Но подвести итог всей истории хотелось бы словами известного критика В. Стасова, сказанными еще в конце XIX века о П. М. Третьякове: «Очень часто у нас не обращают никакого внимания, или по крайней мере самое ничтожное, самое малое на события внутренней нашей жизни самые крупные, на дела в высокой степени исторические и со смыслом истинно национальным. Так было всегда и с Третьяковской галереей, которой значения почти вовсе у нас не сознавали»¹⁹.

¹ Банников А. П. Словарь российских коллекционеров 1700-1918 гг. // Дворянский вестник № 8-9 (63-64), 1999. – С. 5.

² ШИХММ, ф. 18, оп. 1, 1978-1980 (?), ед.хр. 2691/117. Письмо Мазуровой Е. Я. Комаровой Г. Н., л. 1.

³ ШИХММ, ф. 18, оп. 1, 1980., ед.хр. 2691/208. Письмо Мазуровой Е. Я. Комаровой Г. Н., л. 2.

⁴ ШИХММ, ф. 18, оп. 1, 1971., ед.хр. 2691/112. Письмо Мазуровой Е. Я. Ковалеву М. А., л. 1об, 2.

⁵ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств 1764-1914. Сост. С. Н. Кондаков. Т. II. – С. 52.

⁶ Из личной беседы автора с бывшим директором ШКМ Пивовой Т. В. и зрителем Комаровой Г. Н.

⁷ В то время за идеологической направленностью экспозиции следил худсовет, в котором состояли не только краеведы, музейные работники, но и члены «идеологического кабинета ГК КПСС».

⁸ ШИХММ, ф. 18, оп. 1, 1976., ед.хр. 2691/199. Письмо Мазуровой Е. Я. Комаровой Г. Н., л. 1.

⁹ ШИХММ, ф. 18, оп. 1, 1976., ед.хр. 2691/175. Письмо Мазуровой Е. Я. Дирекции Шуйского краеведческого музея, л. 1об.

¹⁰ Картина Горского уже была вписана в Книгу поступлений музея и числилась на учете, поэтому о простом ее возврате дарителю не могло быть и речи.

¹¹ ШИХММ, ф. 18, оп. 1, 1977., ед.хр. 2691/183.

¹² ШИХММ, ф. 18, оп. 1, 1977., ед.хр. 2691/179. Письмо Мазуровой Е. Я. Комаровой Г. Н., л. 1.

¹³ О взаимоотношениях названных художников можно судить по эпизоду, описанному в книге К. Чуковского «Илья Репин». – М., 1990. – С. 49.

¹⁴ Известно, что в числе портретировавшихся у художника были члены царской семьи.

¹⁵ Татьяна Сергеевна Степанова – искусствовед, шуянка, преподаватель ДХШ г. Шуи.

¹⁶ Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. – Л., 1971. – Т. 1. – С. 326.

¹⁷ ШИХММ, ф. 18, оп. 1, 1980., ед.хр. 2691/180. Письмо Мазуровой Е. Я. Комаровой Г. Н., л. 2.

¹⁸ ШИХММ, ф. 18, оп. 1, 1979., ед.хр. 2691/161. Письмо Мазуровой Е. Я. Комаровой Г. Н., л. 3.

¹⁹ Стасов В. В. П. М. Третьяков и его картинная галерея. В сб.: Статьи и заметки, не вошедшие в собрание сочинений. Т. 2.: М., Искусство, 1954. – С. 376.

СОДЕРЖАНИЕ

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

▪ Макарьянц Б. Л.	Особенности иконографии Шуйской-Смоленской иконы Божией Матери	3
▪ Федотов Н. Б.	Почитание Шуйской-Смоленской иконы Богоматери в селе Павлово Горбатовского уезда и рукопись XVIII в.	23
▪ Добычина Т. А.	Первые иконы новомучеников Шуйских	27
▪ Возилев В. В.	«...Даде им градь Шую» (о достоверности сообщения В. Н. Татищева)	31
▪ Ставровский Е. С.	Генеалогические казусы	38
▪ Балдин К. Е., Кузнецова О. А.	Провинциальный купеческий некрополь	41
▪ Красницкая Т. А.	Училищный быт 100 лет назад	48
▪ Кузнецова О. А.	Нравы провинциальных купеческих семей XIX – начала XX в	52
▪ Шептуховская Н. С.	Шуйский альбом постдекабристской поры	56
▪ Касатых Е. А.	Ценности торгового мира Владимирской губ. нач. XX века в зеркале вывесок и объявлений	60
▪ Черемушкин И. Ю.	Шуйский мецанин Иван Кокурин – неудачный воздыхатель Марии Крестовниковой (Из дневника Марии Гарелиной)	63
▪ Иванов Ю. А.	Шуйские желтобилетницы	67
▪ Розанова Л. А.	Учитель и ученый – В. А. Водарский	70
▪ Семененко А. М.	И. И. Власов. Краткая история жизни и деятельности	93
▪ Монякова О. А.	Шуйское и Ковровское земство: аспекты взаимоотношений	97
▪ Новичкова Н. Ю.	Пить или не пить в праздники: конфликт на выборах в Шуйскую городскую думу в 1910 г.	99
▪ Кохова Л. А.	Повседневная жизнь Иваново-Вознесенска в годы 1-й мировой войны	102
▪ Кокурин А. К.	К вопросу о возникновении и развитии шуйской пожарной охраны	106
▪ Бурцев Л. А.	Наркомвоенмор: М. В. Фрунзе и Шуй в 20-е гг.	112
▪ Ильин Ю. А.	Теневые стороны повседневного быта и досуга населения Шуйского уезда в годы НЭПа	115
▪ Батырева Л. П.	Диалектные названия женских головных уборов: этнолингвистический аспект	118

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

▪ Коваль С. П.	О финансировании проведения судебной реформы 1864 г. во Владимирской и Ярославской губерниях.	125
▪ Кузнецова О. А.	Письма, дневники, деловая переписка конца XIX века в провинциальном контексте	128
▪ Дубровский П. С.	«Коптель» и «золото из навоза»: иконописные технологии XIX века	133
▪ Газева И. А.	Как раскольников в православие обращали... (Православные братства Владимирской епархии и старообрядцы во 2-й половине XIX века)	139
▪ Иванова А. Ю.	За собаку как за два пуда: комфорт «поволжски» в начале XX века	144
▪ Балдин К. Е.	Детские игры и первые игротехники в Иваново-Вознесенске в начале XX века	148
▪ Липатова О. В.	Провинциальный анекдот как источник изучения отечественной истории	153
▪ Тюкова А. В.	Партийная жизнь Владимирской губернии в начальный период революции 1917 года	159
▪ Зудина И. Н.	Ковровский тюремный замок: страницы истории	163
▪ Кабанов А. Е.	Страсти о мельнице: как поссорились Александр Васильевич с Федором Михайловичем. (Вичужские старообрядцы-странники в начале XX века)	167
▪ Дубровский П. С.	Как немцы из Пестяков русскую армию согрели	174
▪ Зудина И. Н.	Школа и школьное управление в Ковровском уезде в первые годы Советской власти	179
▪ Мотыгина И. Н.	Как в вузы поступали: Иваново 1930-е гг.	189
▪ Переверзев О. К.	А. А. Глазунов	192
▪ Батырева Л. П.	О гардеробе местных модниц. Казак	199

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

▪ Гулидов А. Ю.	Бойцы вспоминают минувшие дни: о воспоминаниях шуйн-фронтовиков	201
▪ Батырева Л. П., Кузнецова М. Н., Устинова В. В.	Письма с фронта	207
▪ Гладкова В. А.	Письмо с фронта из 1945 года	212
▪ Шилов Л. Н.	Шуйские улицы: история переименований	213
▪ Муратова Г. П.	«За то, что ты поэт большой и чистый» (из письма Д. Семеновскому)	221
▪ Короткова Н. Н.	А. А. Невский. Из прошлых лет (страницы воспоминаний)	227
▪ Чирочкина А. Н.	Деревенский досуг	235
▪ Добычина Т. А.	Отвернутый дар	238

НАШ АНОНС

Уважаемые коллеги!

Шуйский историко-художественный и мемориальный музей и Шуйский государственный педагогический университет приглашают Вас принять участие в Чтениях по региональной казуальной истории «Уездная старина».

Мы ждем от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Шуйского района Ивановской области в период с конца XVIII в. до 20-х гг. XX в. Нас интересуют сообщения о любопытных фактах, случаях, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), биографические материалы о забытых незаурядных людях.

Нам интересны аналогичные материалы об уездной жизни во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях в указанный период.

Ждем от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке.

- Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. V. – Шуя, 2005. – 244 с.
-
-
-
-

Технические редакторы: Е. В. Ставровская, Е. Ю. Фаркова

ЛР № 020079 от 19.02.1998 г.

Подписано к печати 15.11.2005.

Формат 60 x 84 1/16. Печ.л. 13,7. Усл.печ.л. 9,9. Тираж 200.

Отпечатано в ЧП «Полиграфия-Центр»
155900 г. Шуя ул. Свердлова д. 5, тел. (09351) 3-23-54.